

Олег ДИВОВ

К-10

К-10

Олег ДИВОВ

ОЛЕГ
ДИВОВ

Олег ДИВОВ

К-10

МОСКВА

2005

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Д 44

Оформление художника *А. Саукова*

Дивов О. И.
Д 44 К-10: Фантастические произведения. — М.:
Изд-во Эксмо, 2005. — 416 с.

ISBN 5-699-09795-3

Здесь прячется большая кошка! Очень большая. Гражданская версия боевой модели. А еще под этой обложкой живут веселые ассенизаторы и интеллигентные взломщики, русские народные паранонки и обычные космические инженеры — герои повестей и рассказов, вошедших в этот сборник.

Чем заняться кошке на войне? Как правильно использовать пропыру? Зачем кувалда в космосе? Почему афроамериканцы уважают Зяму Мертворожденного? Дивов умеет рассмешить, но иногда он так ставит вопросы, что уже не до шуток. Возможно, «К-10» именно та книга, которая объяснит вам, почему этот автор за последние годы собрал полную коллекцию профессиональных наград.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-09795-3

© Дивов О. И., 2005
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2005

K-10

К-10

Рыжики оказались порченые. Все. Надо было, конечно, сразу насторожиться. Ох, неспроста у «десятки» вылез дефект по дизайну и неправильно прирос корректировочный чип. Но Павлов тогда лишь хмыкнул: десять процентов брака для опытной серии не трагедия, а достижение. Да и чип криво встал из-за внешнего сбоя, потому что в последний момент систему повело и режим упал. В удачной серии заключительный образец непременно выходит косой. Примета.

И вот. И здрасте, пожалуйста.

Завлаб Павлов вывел данные тестов на бумагу, уложил в красную папку с тисненой надписью «На доклад» и пошел к директору сдаваться.

Шефу, разумеется, уже накапали — мол, сколько возилась «тема К-10» с непрофилем, а тот возьми и сыпанись на выходных тестах. При таком раскладе надо вовремя падать на спину и задира́ть лапы кверху. Не ждать, пока вызовут, а самому предстать — вот он я, тупой-бездарный, жрите. Рвите когтями и поглощайте кусок за куском, довольно урча, хвостом подергивая от возбуждения, облизывая усы...

Год работы — коту ректально.

А еще фонды. А еще моральный ущерб: и репутация целой лаборатории подмокла, и личное самолюбие пострадало у всех по отдельности вплоть до последнего лаборанта — старались ведь, переживали.

А если до военных информация дойдет, тут вообще начнется... Самая эротичная часть балета. Приедут грузные дяди на черных длинных машинах, снимут огромные фуражки, почешут единственную свою извилину, четко отпечатавшуюся на лбу, и спросят: это как понимать, товарищи? Что за мину замедленного действия вы подсунули войскам? Как нам теперь к боевым изделиям относиться, коли у вас в гражданской серии такой опасный брак вылез? А вдруг эти, с позволения сказать, изделия в самый ответственный момент по швам затрещат? Мы вроде бы оружие для русского солдата заказывали, а вы ему — чего?!. Свинью?!

Ну, допустим, на свинью оно совсем не похоже.

Павлов решил идти через территорию. Так получалось дольше.

Четверть века назад, когда будущий завлаб угодил в НИИПБ, территория выглядела скромно: чахлые кустики, мелкие деревца. Зато сам Павлов был высок, широкоплеч, пышноволос и жизнерадостен. Территория с тех пор облагородилась, превратилась в ухоженный парк, особенно приятный сейчас, золотой осенью. А вот Павлов, напротив, с годами поплохел, стал грузным шкафообразным дядькой при намечающейся лысине и невесторженном — вне зависимости от времени года — образе мыслей.

Павлов шел, вдыхая полной грудью вкусный загородный воздух, и думал, какие это на самом деле глупости — старый, толстый, лысеющий, занудливый... Просто он так по-дурацки себя воспринимает. Особенно если встанет не с той ноги. Или когда чего-нибудь заболит в организме прямо с раннего утра. И сразу отражение в зеркале наводит тоску, одышка при ходьбе по лестницам

приводит в ужас, а малейший сбой в программе вызывает желание топтать ногами и орать на подчиненных... Ой, зря.

На самом-то деле он еще хоть куда мужчина. И голова получше, чем у некоторых. Вообще, обрить ее надо будет, эту голову. Раз уж лысеет — не начесывать три волосины поперек и тем более не наращивать заново лохмы, а собраться с духом — и под ноль. Соответственно возрасту и статусу. А что, мощная получится внешность. При такой-то солидной туше...

Павлову еще долго предстояло идти, и он массу глубоких мыслей успел бы отшлифовать до состояния концепций — лишь бы не думать о провале с рыжиками и предстоящем унижении, — но тут ему на умную и пока не обритую голову нагадили.

Капитально.

Кто другой на месте Павлова, да в его обстоятельствах, выдал бы полноценную истерику, с порсячьим визгом и пусканием слюней. Но Павлов был — мужик. И биотехнолог с громадным стажем. Поэтому он секунду-другую постоял, осознавая произошедшее, затем громко выругался, погрозил небу кулачищем, повернулся кругом и зашагал обратно.

Ворона — здоровенная, сволочь, — ехидно каркая, улетела к административному корпусу. Где-то у нее там было гнездо.

Поймать бы заразу да поставить над ней серию опытов! Или просто раскрасить под попугая — и отпустить. Хотя это уже жестоко...

В отдалении чуть покачнулись кусты, потом еще раз, подальше — словно вслед за вороной бросился скрытный, но крупноватый для местного ландшафта зверь. Павлов шевеления растительности не заметил. Ему было не до того.

«Нет худа без добра, лишний раз приму душ, — успокаивал себя завлаб. — И в виварий загляну, хотел ведь, а зачем, позабыл — может, вспомню...»

Если бы на Павлова нынче не ворона, а какая-нибудь лошадь с крыльями нагадила, он бы и этому обрадовался. Бессознательно, конечно. Несоосознанно. До того ему не хотелось к директору идти.

Хотя от лошади, да когда она высоко летит, наверное, сотрясение мозга схлопотать можно.

* * *

В виварии оказалось непривычно тихо. Павлов, настроенный после мытья благодушно-расслабленно, ощутил неприятный укол в груди.

— Почем местечко у вас на кладбище? — спросил он дежурного лаборанта, стараясь не выказывать беспокойства и выдерживать давно натренированный для общения с подчиненными брюзгливо-ироничный тон. — Что происходит? Спят усталые игрушки?

— Нас посетил уважаемый коллега Шаронов. Вон стоит, «двойку» гипнотизирует. Я пытался его задержать, но вы же понимаете...

— А-а... — Павлову сразу полегчало. — Ладно, ты не виноват.

— Как они вчера котов душили, душили... — пробормотал лаборант. — Душили, душили...

Павлов в ответ только хмыкнул.

Завлаб Шаронов, орденоносец и лауреат, без пяти минут член-корреспондент, стоял перед второй клеткой, придирчиво изучая рыжика Бориса. Борис, в свою очередь, хмуро глядел на Шаронова.

Чувствовалось: дай этой парочке сойтись во чистом поле, они подерутся.

И не факт, что Шаронов не перегрызет «двойке» горло. При всей разнице в ловкости и физической мощи. Даже с учетом того, что «двойка» — гражданский вариант боевой модели.

Борис был самый яркий из рыжиков, почти оранжевый, в едва заметную желтоватую полоску. С очень приятной интеллигентной мордой.

Восемьдесят пять сантиметров в холке.

Чудный декоративный котик. Ну, здоровый вымахал, да.

А Шаронов насквозь пропах собачьей болью и кровью. У него и физиономия-то стала бульдожья от многолетних кинологических трудов. И фразы он не произносил — вылаивал.

— Что за дизайн задних лап? — спросил Шаронов вместо приветствия. — Зачем столько шерсти вокруг голени? Как от мамонта подставки. Жуть.

При виде Павлова «двойка» слегка оживилась и подошла к решетке ближе. Завлаб Борису приветственно махнул.

— И в целом у него корма слишком тяжелая, — заявил Шаронов. — Брак?

— Здравствуй, вообще-то, уважаемый коллега. Как жизнь собачья?

— Привет, привет. Жизнь, уважаемый коллега, полосатая. По четным продольно, по нечетным поперечно. Спасибо, что спросил. Давай не увиливай, а обоснуй свои лапы. Толстые.

— Ты чего явился? Издеваться надо мной пришел?

Шаронов одарил Павлова насмешливым взглядом.

— Слышал, у вас серия идет на мясо. Ну, я и...

Пока не... Ладно, колись, на сколько процентов эта штука — «Клинок»?

— Физически на все сто. С телом мы не работали. Только слегка вправили мозги и сменили окрас. Так что конечности, столь возбуждающие тебя, — родные, от базы.

— И чего там прячется? В шерсти.

— Этот красавец уже нагулял восемьдесят кило, а если раскачать мышцы по-боевому, имеет право до девяноста. Представляешь, какая нужна серьезная конструкция, чтобы удержать его, когда он висит головой вниз?

— Зачем висит? Где?!

— Да где угодно. На дереве, на столбе... Где можно зацепиться когтями задних лап. А передними врага за глотку — хватать! Или по голове — бац! Ну и вообще, так спускаться удобнее.

— О-па... — восхитился Шаронов. — А я и не знал. То есть не интересовался. Тогда да. В целом одобряю. На уровне идеи. Но это ты не сам придумал. Есть такой у кого-то из виверровых. Прибамбас.

— Угадал. Мы подсмотрели сустав у гинеты, стопа выворачивается на сто восемьдесят градусов. Только гинета-то — крохотулька, а тут целый кошачий Терминатор. Сочленения выглядят мощно, но страшновато. Вот я и решил прикрыть их шерстью. Эти перья — для отвода глаз.

— Разумно. И все равно — не дизайн, — ввернул Шаронов.

— Я не могу переделать лапы, — сказал Павлов твердо. — Это же вмешательство в платформу. Сам понимать должен, такие серьезные изменения в опорно-двигательном сразу потянут за собой психику. А мы и без того умучились ее балансировать. Сбалансировали, ага... Нет, лапы — не буду. Ничего уже не буду...

— Тоже правильно, уважаемый коллега. Все равно кирдык.

— Это кто говорит? Шеф? Поэтому ты здесь? Явился, так сказать, донести точку зрения? Сердечно благодарен! А то непонятно, что кирдык! Вот ведь угораздило! У них там, наверху, семь пятниц на неделе. Сначала требовали, чтобы к осени кровь из носу была гражданская версия «Клинка», а теперь им как бы и не надо. Передумали. Но я-то серию — что? Запорол! Слил! Хочешь сказать, меня погладят по головке? Как же! Не в той системе трудимся... Спасибо, уважаемый коллега, что прибыл вестником грядущих наслаждений!

— Не рычи, — попросил Шаронов. — Я от себя лично. Мне и вправду интересно, чего ты тут. Нам вообще надо как-то... Плотнее. Ведь по работе, считай, почти год уже не виделись. Нет, я следил, конечно, за твоими делами. Так что осведомлен. В общих чертах... А меня, гляжу, подзабыли в «кошкином доме»! Какие у твоих подчиненных были рожи! Когда я зашел!

— Гордись, — посоветовал Павлов.

— И буду! — сказал Шаронов с чувством. — Кошатники, блин. Думаешь, не знаю, что меня твоя мелюзга Шариковым зовет? Юмористы! Ну какой я Шариков?! А?

«Вот заело беднягу», — подумал Павлов. В отличие от многих коллег он к Шаронову относился ровно. Может, потому что тот был ему совершенный антипод: энергичный пробивной дядька с установкой все делать по максимуму. Такой подход к работе сказывался на результатах — не раз и не два шароновская лаборатория плодила совершенно жутких выродков, от которых шарахались даже самые отчаянные проводники. Тем не менее, когда пошло в серию изделие «Капка» для охраны

спецобъектов, Шаронов отхватил Госпремию. Крошечная зверушка, собранная на платформе фокстерьера, гарантированно с одного укуса гробила вражеского диверсанта. А потом из института случилась утечка. И когда за рубежом оказались данные по «Капкану», на вооружение натовского спецназа тут же поступили кевларовые гильфики.

У Павлова тогда слетела с разработки очень интересная разведывательная модель. Вероятный противник, убоявшись русского военного зверья, начал отгонять от своих баз все, что размерами превышало клопа. И милые кошечки безобидной внешности — каждая по цене вертолета — стали нерентабельны. Павлов с горя чуть не запил.

Шаронов, напротив, даже глазом не моргнул. И выложил на бочку документацию по проекту «Рубанок» — до того зубастому, что его у завлаба отняли и страшным образом засекретили. А действующую модель изделия усыпили от греха подалее. Слишком она лихо рубала направо и налево. Самого же Шаронова представили к ордену и попытались сделать замдиректора. Шаронов заявил, что должность сучья, а у него на подходе уникальный охранно-заградительный комплекс «Тиски» — готовьте еще Госпремию, ребята. Поговаривали, что вояки тогда заметно сбледнули с лица. Им и «Рубанка» хватило по самое не могу. Плохо он выглядел.

Именно Шаронов подбросил коллеге Павлову дельную мысль завязать с кисками и заняться кошками. «Бросай свою мелочовку, — сказал он. — А то ведь помрешь в неизвестности. Нужно учитывать конъюнктуру. Сейчас подходящее время спроектировать бойца. Универсального солдата. Вырасти здоровенную тварь. Закамуфлируй. Оснасти разными прибамбасами. И главное —

научи ее человека слушаться. Конечно, если это в принципе возможно. И будет тебе госзаказище. И цацки всякие, прямо как у меня.

Потому что кошка твоя окажется в бою круче, а по жизни удобнее собаки.

Это даже военные сразу поймут».

«А как же ты?» — пробормотал ошалевший от напора Павлов.

«А я честный, — заявил Шаронов, надуваясь от гордости. — Есть во мне такая фигня. До чего додумался, то и говорю. Вот, докладываю: по моим прикидкам боец переднего края, рядовой солдат, из кошки выйдет лучше, чем из собаки. Гибче. Чисто принципиально. Твоя задача это реализовать на натуре, хе-хе... Поэтому не щелкай челюстью — считай проект и заявку подавай. А если ты про творческое самолюбие, так я окончательно на защитно-караульные изделия свернул. У меня скоро «Тиски» в серию пойдут. Они тигра задавят. Амурского с трудом, бенгальского с гарантией. Но ты-то будешь работать против кого? Против че-ло-ве-ка. Значит, справятся твои... Пуфики с лапками».

Много позже, сдавая опытную партию «Клинок», Павлов вспомнил тот разговор и понял, что годами отгонял от себя мысль — а ведь придумал-то все Шаронов! Одна брошенная вскользь фраза «оснасти всякими прибамбасами» задала изделиям столько важнейших тактических характеристик... И сустав тот самый подсмотрели, конечно, у гинеты — но кто сказал, что вообще надо искать, смотреть, выдумывать? Без такого направления конструкторской мысли полосатики выросли бы просто большими сильными кошками. И пресловутые «Тиски» давили бы их как котят. Давили и ели.

Полосатики в серию пошли. Их уже опытный завод наклепал почти тысячу.

А рыжикам — опять Шаронов угадал — кирдык!

— Ты не Шариков, — сказал Павлов. — Утешься. Ты хороший.

— Да. Есть во мне такая фигня, — согласился Шаронов, снова рассматривая Бориса. Тот с демонстративным — чересчур — безразличием мыл себе за ушами. — У-у, пуфик с лапками... Спустить бы на тебя моего бабайчика... Посмотреть.

У Шаронова дома жил молодой туркменский алабай. Звали его в рифму — Бабаем. Шаронов уверял, что туркмен на самом деле не пес, а тот самый Ёкарный Бабай, только пока еще в начальной фазе развития — вы погодите, он вас научит родину любить. На прошлой неделе Бабай приступил. Чуть не загрыз соседского немца, который его маленького несколько раз бил. Припомнив детские обиды, здорово отдубасил матерого зверя и погнал. Овчар на ходу обкакался, и это его спасло — от двух-трех кусков дерьма Бабай увернулся, но потом схлопотал увесистый шмат прямо в нос, сбился с курса, врезался в хозяйский «Мерседес» и помял крыло. Страховщикам Шаронов честно доложил: машину ударила собака. Те не поверили.

— Рыжик драку выиграет, — сказал Павлов. — Когда его собьют и перевернут, он спокойно даст себя подмять и распорет нападающему брюхо. Теми самыми толстыми задними лапами. Типичный кошачий прием, только мы довели его до совершенства.

— Типичный? Кошачий? — переспросил Шаронов.

Павлову стало неловко.

— Ну да, я помню, это ведь ты идею подбиро-

сил. Слушай, придумай теперь чего-нибудь, а? Я тебе... Эх, была не была! — Павлов оглянулся на дежурного лаборанта, ухватил Шаронова поперек туловища и поволок вдоль ряда клеток, от входа подальше.

Рыжики провожали завлаба и его гостя равнодушными взглядами. Они уже освоились с присутствием чужака и теперь вели себя вполне естественно. Кто-то вылизывался, кто-то нагуливал перед обедом аппетит, снуя по клетке туда-сюда. Виварий наполнился шорохами и легким топотом.

— Я дам тебе целый диск материалов по рыжикам! — громко шептал Павлов. — Они провалили тест на эмоциональный ответ, понимаешь? А у меня, кажется, окончательно замылился глаз. И я не вижу, где ошибка. Мы пытались решить проблему мозговым штурмом — завязли. Слишком глубоко в теме. Может, ты, как человек со стороны, — а? Свежим взглядом?

Шаронов хищно оскалился.

— Эмоциональный ответ? Это смотря какой у тебя... Эмоциональный вопрос! Ты хотел научить рыжих преданно смотреть на человека? Ловить каждый жест? Показывать, как они хозяина обожают? Но... Опять ты херней маешься! Некоторых хлебом не корми, дай изуродовать животное.

Ведь кошка задает совершенно особый тип общения! Да, на любителя. Но зачем ее, бедную, портить? Особачивать...

— Посмотришь техзадание, увидишь, чего от меня требуют. Родишь наводку на решение — бутылку поставлю вкусную, — пообещал Павлов. — «Курвуазье». Все равно я его не люблю. Ну! Ты же голова!

— Да я про кошек знаю только как их жрать! Если на серьезном-то уровне.

— И нормально!

— Чего нормально? Я же предвзятый! Забыл? Говорил сто раз — у тебя сам подход неправильный! Ты всю нагрузку даешь на чип. Возишься с ним, будто он голову заменить может. Так он и заменяет ее в итоге! Вот и получаются... Биороботы. Пуфики с лапками!

— И пожалуйста! Вдруг прошла системная ошибка, которой я не заметил. Потому что тоже — предвзятый. Ну поразмысли, чего тебе стоит?

— М-да-а... — Шаронов неприятно скривился, изображая лицом сочувствие. — Я, конечно, не против... В принципе, можно и ребят моих... Но... Ведь рыжая серия уже по-любому мясо! Шеф от нее отказался. Она, говорят, вообще была непрофильная. Спецзаказ какой-то.

— И про это ты знаешь... В институте хоть что-то проходит мимо тебя?

— То, что меня не интересует. Так я спрашиваю — зачем возиться с порченной серией, которую тебе не дадут перезапустить? А?.. Смысл?..

— А вдруг дадут? Если будет решение, наметится выход, я же стану биться. Просить, доказывать...

— Ты когда в последний раз бился, уважаемый коллега? — фыркнул Шаронов. — В конвульсиях ты бился! Когда твоих разведчиков прикрыли. Я же помню. Нажрался и вопил, как мир несправедлив. А потом на бюрократию пошел в атаку клином. То есть свиньей. Унитаз расколотил, сукин кот. Не помнишь?

— Знаешь что... — начал было Павлов и осекся. Они уже подошли к дальней стене вивария. И остановились напротив десятой клетки. Пустой.

Ну, не совсем пустой. Кормушка там, напри-

мер, была. И вообще, когда в клетке живут, это заметно. Хотя она и чисто прибрана, все равно — чувствуется.

Дверь клетки оказалась самую малость приоткрыта.

— Прости, но ты никогда не умел возражать начальству, — брюзжал Шаронов, накручивая себе цену. — От этого все твои беды. Вот, «кошкин дом» опять поймали. Выбрали, потому что здесь рулит Павлов, весь из себя правильный, надежный, к экспериментам не склонный. И поймали! Грубо и неконструктивно...

Павлов глядел вверх, под потолок. Там было широкое окно. По последнему осеннему теплу — распахнутое настежь. Забранное снаружи решеткой из арматурного прутка.

— Чего ты добиваешься? — Павлов развернулся к Шаронову всем корпусом, стараясь заслонить от случайного взгляда десятую клетку. — Развел тут, понимаешь, шоковую терапию. Да, я иногда веду себя как рохля. Да, я использую в работе проверенные, но, возможно, шаблонныеходы. Ну? Съел, уважаемый коллега? Мало тебе коньяка? Тогда по старой дружбе выручи. А не хочешь помочь — до свидания.

— Когти втяни, уважаемый коллега, — посоветовал Шаронов нарочито спокойно, Павлову в унисон. — И хвостом не бей. Этому разговору — который мы сейчас — уже сколько? Десятый год, я так думаю. И толку? Ты меня не слушал никогда и теперь слушать не будешь. Хотя напрасно. Ведь ты опять в своем любимом тупике. Где толкутся все биотехи скопом. Направление у вас такое. Называется загнивающий классицизм.

— Ну и пошел тогда, — сказал Павлов. — Авангардист, понимаешь, биомех продвинутый. Двигай из нашего уютного тупичка.

— Легко! — безмятежно согласился Шаронов, поворачиваясь к коллеге спиной и бодро направляясь к выходу.

— Скажу охране, чтобы тебя больше не пускали, — пообещал Павлов.

— Сам не приду! — бросил Шаронов через плечо. — Что я забыл на производстве роботов? К тому же в твоём цеху дышать нечем. Даже возле пустой клетки! И при раскрытых окнах!

Инстинктивно Павлов схватился за сердце. Оно вроде не разрывалось ещё, хотя и билось куда быстрее обычного.

— Гы-ы-ы! — ненатурально рассмеялся он. — На что ты намекаешь? Чего подумал, чучело? Да у меня последняя клетка резервная!

— Как скажете, уважаемый коллега! — отозвался Шаронов издали. — Честно говоря, мне пофиг. Я волком бы выгрыз бюрократизм! Гррррр!

Услышав профессиональный шароновский рык, некоторые рыжики заметно встрепенулись, а Борис даже подался к решетке.

— Эмоциональный! — провозгласил Шаронов. — Ответ!

Павлов, тяжело волоча обе ноги, шел вдоль клеток к выходу. Шаронов весело бросил дежурному: «Почему у котов скрипят шестеренки, а яйца не блестят?! Непорядок!» — и исчез за дверью. Лаборант настороженно таращился на приближающегося завлаба. Он понимал — случилось нечто из ряда вон. Только пока не мог сообразить: что именно, насколько оно вон и сильно ли за это врежут.

* * *

— Ты когда обход делал? — сквозь зубы процедил Павлов.

— По графику, час назад, — осторожно сказал

лаборант. — Вот, сейчас опять пойду. И все было нормально, я же следил...

— Стремянку из подсобки, быстро! — скомандовал Павлов, буквально выпихнул дежурного из-за стола, упал в кресло и схватился за телефон. И сразу положил трубку.

На подоконнике были следы когтей. Вероятно, «десятка» подтянулась и головой отжала нижний край решетки. Там сверху петли, внизу замок.

Крепеж от старости разболтался, штыри могли выскочить. Другого варианта побега Павлов не видел.

Значит, около часа «десятка» ходит, где вздувается, гуляет сама по себе. А она барышня весьма инициативная. Трехцветка, брак внутри бракованной серии. Но именно с ней постоянно возился сам Павлов. Разговаривал, играл. Просто так, для удовольствия. Нравилась она ему — прямо домой бы забрал. «Десятая», Катька, была единственной из рыжиков, кто выдавал нормальный комплекс оживания на хозяина. С ней возникала иллюзия полноценного общения. Увы, это ничего не значило — некондиция, она и есть некондиция. Тем более, Павлов целенаправленно выжимал из «десятки» эмоции, всячески ее поощрял их проявлять.

Допоощрялся.

Чудесный был котенок, такой игривый и любопытный! Впрочем, рыжики все до единого котятками оказались недурны и этим ввели Павлова в заблуждение. Увы, когда серию форсированно догнали до состояния взрослых — кошки медленно потухли. Задуманные домашними, стали как боевые, но заторможенные. Разрешите представить — изделие «Клинок», ухудшенная версия. Убитая, трам-тарарам. Глаза бы не смотрели.

Только Катька со своим неправильным дизайном и криво сидящим чипом выросла похожей на живое существо. И вот — проявила живость!

Попробует уйти за периметр? Наверняка.

Поймать бы ту паскудную ворону, тоже шибко живую, и заставить «десятку» сожрать ее. Чтобы неделю потом тошнило! Хотя это жестоко...

Павлов снова взял трубку и покрутил ее в руках. Шаронов не стуканет, порода не та. Но вот кто из своих донесет? С кем идти на поиски? Кто вообще справится — начнем с этого. Разглядеть трехцветную кошку, пусть и размером с сенбернара, в осеннем лесу — немногим легче, чем черную в темной комнате. Прятаться и красться она, зараза, умеет лучше некуда, это у нее в крови.

Или честно поступить по инструкции? Вызвать охрану и попросить, чтобы по громкой связи передали на территорию код блокировки? И опять-таки выходить искать, пока Катька, дура, не слыхала, обездвиженная. Позор на весь институт. Да, но если кошка догадается махнуть через периметр с высокого дерева... И пойдет гулять по городу... О-о, это будет уже настоящая слава! Прямо-таки бессмертная.

Шаронов со своими знаменитыми «Тисками» отдохнет. Еще обзавидуется.

Конечно, из НИИПБ и раньше бежало зверье, какое половчее. Однажды шимпанзе удрал, долго его с осины снимали. Он кору уписывал за обе щеки и на попытки заманить спелыми бананами только ухмылялся. Зевак собралось видимо-невидимо. С детьми и собаками. Интересно же — реальное «изделие» на дереве сидит. Институт без малого градообразующее предприятие, дураков нету, каждая вторая бабулька знает, когда над ее домом пролетает американский спутник-шпион и куда именно оптикой целится — а почему толь-

ко каждая вторая? — извините, у некоторых склероз!..

Вот только у шимпа на наглой морде не написано, до чего он секретный.

Увы, «десятка» была совсем не шимпанзе. Длинношерстная, очень красивая, будто художник для поздравительной открытки рисовал. Вся рыжая с черными перьями, а грудка белая, и носочки, и еще кисточка на хвосте, и промоина на мордочке. Ну игрушка, прямо бери — и в рекламе снимай.

Кошечка, чтоб ее!.. Катька удрала до того не вовремя, что у Павлова от обиды сработало нечто вроде запредельного торможения. Он сидел с трубкой в кулаке, стремительно глупея, понимая это, злясь на себя и мечтая то ли провалиться сквозь землю, то ли впасть в анабиоз. Его угоразило очень, очень, очень полюбить рыжиков — как ни одну свою разработку. И когда в серии вскрылся дефект «по психике», Павлова вдруг заклинило. Он сначала отказался признать, что есть проблема, затем долго пытался ее обойти, решить малой кровью, а потом настало время показывать результат. И жизнь дала огромную трещину...

Лаборант принес складную лестницу и теперь стоял над душой, всячески демонстрируя покорность судьбе. Завлаб терзался сомнениями.

Минуты убегали, с ними убегала Катька.

«Сейчас позвонят и спросят: Павлов, вы совсем уже нюх потеряли? Чего это ваша тварь экспериментальная висит на периметре, током долбанутая? Ну-ка, пожалуйста в административный на выволочку!»

Не позвонят, он трубку снял.

А они через город или на мобильный. «Старшему темы «К-10» просьба немедленно зайти к начальнику первого отдела». Один черт.

— «Десятка», иметь ее конем... — негромко сказал Павлов с невероятной тоской в голосе. — Ушла в самоволку.

Лаборант шумно сглотнул.

— Я... Посмотрю?.. — с трудом выдавил он.

— Посмотри уж, любезный, — согласился Павлов. — Давай, иди. Работай пока. Я тебя потом на котлеты пушу.

Лаборант испарился. Павлов сидел, перебирая в уме имена тех, кому рискнет довериться. Набиралось прилично, и хоть это радовало. Вообще, лаборатории в НИИПБ были ого-го какие, «тема К-10» занимала целый корпус, народу здесь трудилось немерено. Возможно, на фоне коллеги Шаронова — с его стенобитной уверенностью в себе и перманентно эрегированным лидерством — завлаб Павлов выглядел несерьезно. Но командовать он тоже умел и, между прочим, задрать проштрафившегося человечка до состояния котлеты — мог. Иначе не дорос бы до начальника в ранге полковника.

И биться за свое дело он все еще был в состоянии.

Но только не теперь. Совершив над собой колоссальное усилие, Павлов решил звонить в охрану. Иначе нельзя. Да и глупо. Двадцать идиотов, бегающих с выпученными глазами по территории, незамеченными не останутся. Их увидят, и начнется... С людей еще спросят за то, что не стукнули на завлаба, — обязаны ведь. Нет, Павлов лучше сдастся. Ну, ушел опытный экземпляр погулять. Оказался, паразит, умнее, чем от него ожидали. Виноватых двое, собственно завлаб и дежурный — а вот, кстати...

— Не знаю, как она шеколду научилась сдвигать, — протараторил запыхавшийся лаборант, — но она сама, это точно, вы посмотрите, там цара-

пины от когтей! А решетка оконная снизу болтается, крепеж из стены вырван! Ну дает, зараза! Ай да Катька!

— Замки, что ли, на клетки ставить? — задумался вслух Павлов. Он держал палец занесенным над кнопкой вызова охраны, а глядел в сторону окна, и глаза его мечтательно туманились.

— Да, придется замки, — согласился лаборант, следя за пальцем. — Она, выходит, подглядывала и училась. Слушайте, это ведь очень значимый момент, правда? Это же надежда определенная, а?

— Угу, — буркнул Павлов, медленно отводя палец от кнопки и утыкая его лаборанту в грудь. — Теперь молчать. И стоять, не шевелясь.

Да, ему не послышалось, решетка снова звякнула, на этот раз громче. Кто-то там, за стеной, пробовал ее отодвинуть и влезть в окно.

Павлов представил, до какой степени Катьке неудобно, и пожалел ее. «Десятка» сейчас выполняла поистине акробатический номер, удерживаясь на стене, для лазания не приспособленной. Одна радость, что корпусу не успели сделать «косметику», и раствор между кирпичами заметно выщерблен.

— Я знал, что она вернется, — прошептал дежурный. — По вас соскучится, и...

— Тихо! Стой, гляди на меня.

— Помочь бы ей...

— Как? Высунуться и тащить за шкурку? Пусть сама. Главное, не отпугнуть. Пусть запомнит, что возвращаться — правильно.

— Главное, это точно она, а не зам по режиму или еще кто...

Решетка погромыхивала. Рыжики в клетках преспокойно занимались своими делами. Луч-

ший знак того, что действительно не зам по режиму в окно с проверкой ломится.

Наконец о подоконник шваркнули когти. Решетка громыхнула всерьез, заглушив Катькино приземление. Павлов начал медленно-медленно поворачивать голову и косить глазом. Он не слышал шагов, но чувствовал, что «десятка» не идет в клетку. У нее было какое-то дело посерьезнее. И тут совсем рядом возникло басовитое довольное урчание.

Дежурный тихонько охнул.

В двух шагах от Павлова сидела и умывалась огромная длинношерстная трехцветная кошка редкостной красоты.

Перед ней на полу валялась какая-то мятая куча, в реальность которой завлаб не сразу поверил.

Дохлая ворона.

Здоровенная, сволочь.

* * *

Вообще-то в НИИПБ порядки были строгие. Когда-то. Лет пятнадцать назад даже неуправляемый Шаронов просто так к уважаемому коллеге Павлову на огонек не заглянул бы. В те благословенные времена друг к другу лазали через окна второго этажа, прямо в кабинеты. Периодически зам по режиму изымал у молодых и спортивных кандидатов наук то веревку, то репшнур.

Потом кандидаты стали докторами, заматерели, расплылись и ослабели. Лазать по стенам они уже не могли, зато научились охранников улеживать и подкупать.

Потом случилась та самая утечка. Бессмысленная и беспощадная. Ибо ее кагэбэшники засекли. Так бы работать и работать, пребывая в

добросовестном заблуждении: мол, потенциальная вражина ничего не знает. А тут — конец всему. Зама по науке забрали на Лубянку и вроде бы расстреляли путем инфаркта, зама по режиму посадили, директора выгнали на пенсию, темы заморозили. Институт впал в кому.

Доктора опухли от водки и поскучнели. Любезничать с вохрой не хватало здоровья, поэтому охрану тупо запугали. Уж появилось чем. С раскрытого противником изделия — хоть такой шерсти клочок. Престарелый завлаб Голованов по кличке Мать Твою Йети зимой разгуливал по территории с целым выводком снежных человечков и плевать хотел на всякие там спутники-шпионы. Не исключено, что спутники плевали на него в ответ — просто, наверное, не долетало.

Хуже нет, когда и враги тебя игнорируют, и родина в упор не видит.

За НИИПБ закрепилось новое прозвище — НИИ По Барабану.

Потом власть в стране опять переменилась. Слегка, но все-таки. И тогда озверевший от безделья Шаронов сорвался с цепи. Человек с замашками «через два рукопожатия выходим к президенту», он взял и ломанулся на самый верх. Бряцая наградами. Формально он жаловался на то, что предыдущая власть — дура дурой, естественно, — отняла у него, лауреата и орденоносца, проект «Рубанок». И требовал справедливого возмездия. А если честно — лелеял надежду сообщить кому следует, что есть на свете такой «НИИ Прикладных Биотехнологий». Известный еще как НПО «Самшит» (эх, узнать бы, кто это название с потолка срисовал, и поставить над вредителем серию опытов!). Вот он, посмотрите, очень полезный институт! Загибается, но не сдается.

Со стороны это может показаться неправдоподобным, но в действительности на многострадальных просторах нашей бескрайней родины и не такие объекты пропадали к чертовой матери.

Начальство обнаглевшему ученому не мешало. Оно его, скорее, молча благословило.

И Шаронов таки справился. Не через два рукопожатия и не к самому президенту, но на влиятельное лицо в его администрации — вышел.

Какое лицо выслушало жалобщика, ознакомилось с видеозаписью действующей модели «Рубанка» и с лица своего влиятельного прямо-таки спало. И чуть ли не за руку отвело Шаронова в самый высокий кабинет.

С перепугу, вероятно. Из чувства самосохранения.

Президент о каком-то там НИИ По Барабану и его сногшибательных изделиях слухом не слыхивал. Верховного главнокомандующего обрадовали коротким емким докладом с показом видеодокументов. После чего Верховный одной конечностью затребовал все данные по НИИПБ, другой позвонил министру обороны, третьей — директору ФСБ, а четвертой распорядился представить Шаронова к очередной награде. От изумления, наверное. Тут нужно, в общем, учесть, что «Рубанок» действительно очень плохо выглядел. Даже на видео. Даже модель.

Президент до того был, похоже, взволнован открывшимися перспективами, что даже проявил интерес к формальной стороне дела — слабым голосом заметил: какие у вас названия интересные! А почему, например, эта тема зовется «Кино», а вот та «К-10»?

Что характерно, встречаться с Шароновым взглядом Президент избегал. Так, зыркнет коротко и глаза спрячет. Будто не верит — это ж надо,

какие люди в русской оборонной науке водятся! С ног до головы в медалях, лауреатских значках, но почему-то без ошейника и намордника.

Шаронов объяснил, что первый отдел НИ-ИПБ еле дышит, там кого не посадили, тот до сих пор под следствием, поэтому названия внутренние, рабочие. «Кино» — мое хозяйство, а «К-10» — это, наверное, кошки Павлова. Десятый корпус». — «Ах, институт еще и кошек делает... Очень перспективно. А почему ваша тема — «Кино»?» — «Цоя люблю! — схамил Шаронов. — Он же про нашу шарашку песню написал, ну, где алюминиевые огурцы на брезентовом поле и все такое».

Тут его и попросили на выход быстренько. Но главное было сделано.

Шаронов, вернувшись, нашел Павлова по внутренней и сказал: «Ставь бутылку. Я тебя отрекламировал дальше некуда». — «Где?» — «В Кремле, где! Кстати, сознавайся, почему тему назвал «К-10»?». Павлов чуть не лишился дара речи. В профессиональной сфере он быстро соображал и реагировал, а вот по жизни — увы. Ошарашить его было легко. «Ну, я... По созвучию. Это похоже на «киттен». — «Ах, да ты у нас пижон, оказывается! Романтик! Киттен, значит. Пусси-кэт, хе-хе... Правда, ты это не сам выдумал, а слизал с американского «К-9». — «Ты. Где. Был?» — спросил Павлов. — «Пиво пил!!! Тащи пузырь, все расскажу».

Через месяц основные темы запустили по новой. Административному корпусу сделали косметiku, дорожки в парке выложили плиткой. Забор еще покрасили. Жизнь не то что забила ключом, но проявила хоть какую-то тенденцию. И даже первый отдел, заново полностью укомплектованный, вздумал показать зубы и научить распоясавшихся ученых режиму — но после того, как в сек-

ретную комнату подбросили десяток крыс, запросил мировую.

Вообще, ученому, намеренному достичь в науке высот, с «органами» лучше не ссориться. Однако в НИИПБ каждый биотех, защитивший хотя бы кандидатскую, воображал о себе, что он талантливый и уж ему-то гайки не закрутят. А еще сказывалась застарелая неприязнь к уродам, присвоившим НПО название «Самшит», из-за которого поднаторевшие в английском коллеги ласково прозвали местных «говнюки». Ну, и...

Крысы были самые обычные, так называемые черные норвежские. Просто голодные. Их слегка усыпили и вечером сдали в нормальном секретном чемодане, под роспись, чин чинарем, как рабочий материал. И кто сдавал, до завтрашнего обеда в местную командировку — брык! Ночью крысы очнулись, съели в качестве аперитива свой чемодан и пошли знакомиться с документацией. Скандал вышел душевный, не скандал, прелесть. А секретка вся погрызенная, и от пола до потолка в ошметках. Любо-дорого смотреть: кишки разные, сердца, желудки, мозги, печенки, шерсть...

Новенький, гладкий и холеный, зам по режиму сунулся было — а там кр-р-ровищ-щ-ща!!! — и сразу на бюллетень.

Главное, эти квазичекисты быстро смекнули, что дело нечисто, ума хватило. Вычислили, кто мог напакостить. Только вот хозяин крыс тютю, а подчиненные его поголовно в отказ идут. Секретчики тогда взмолились: ребята, ну давайте похорошему, сделайте с крыснями своими что-нибудь, специалисты хреновы, мы же вас, вредителей, на кол посадим, закопая, расстреляем, уволим всех до единого к такой-то матери по графе «профнепригодность»! Думаете, не получится у нас?!

В ответ — тишина. Просто-таки ни малейшего всплеска командного духа. Скорее уж циничная демонстрация полного безразличия к насущным проблемам вспомогательных служб.

А вот не надо быть с людьми излишне суровыми. Добрее надо. Тогда и улыбаться вам начнут, и с режимом шалить перестанут, и крыс за пять минут выведут научно апробированным эффективным методом.

Значит, эти страдальцы в ужасе мечутся, секретку у них тем временем жрут напропалую, и тут кто-то вспоминает: да ведь кошки есть в институте, кошки, целая тема! Бегут к Павлову, чуть ли не в ноги кланяются. Павлов честно объясняет — мои изделия почти все с купированным охотничьим инстинктом. Ну, есть для дальней разведки. Эти, конечно, обучены самостоятельно прокормиться, но каждый образец по цене приблизительно как пароход. И если крысы его слопают, я вам не завидую. Дуйте вон к завлабу Шаронову, у него там найдется... Живодеров на любой вкус и живоглотов немерено. Может, одолжит некрупный экземпляр. Только вы хорошо просите. Господин Шаронов, знаете ли, к Президенту дверь ногой открывает.

А сам, едва секретчики убежали, телефон хватить и Шаронову: ну, уважаемый коллега, ни в чем себе не отказывай. А тот взял под мышку прототип изделия «Капкан», престарелую такую флегматичную душегубину, абсолютно седую вдоль хребта, и пошел самолично наводить порядок. Вежливо спросил разрешения приступить, запустил это чудо природы и биоинжиниринга в секретное окошечко и время засек.

Рядом уже околачивается который сдавал крыс — вызвали, привезли. Весь из себя оскорбленная невинность и бедная овечка. С ним и ди-

ректор новый пришел. Жесткого характера мужчина, только-только впервые овладевший собственным институтом и намеревающийся всех тут построить. А у директора — знать надо такие вещи — пунктик. Он как-то сболтнул, мол, идти по жизни с грифом «top-secret» на лбу совершенно умаялся, просто деваться уже некуда, слишком высоко забрался, а ведь есть такое мнение, что работа в закрытых учреждениях стопроцентную «нобелевку» ему обломала.

За секретной дверью — смертоубийство. Там мочат зверски, аж уши закладывает. Который сдавал крыс делает похоронное выражение лица и говорит: ну-с, товарищи хорошие, пишите объяснительные. И готовьтесь возмещать убытки в шестикратном размере. «Товарищи» ему: да вы, сударь, чистый диверсант! Ужо мы тебя! Тот: а кто на меня стучалку написал, мол, я не все сдаю? Ну, я и сдал вам. На ответственное хранение. Под роспись. И чего, как самочувствие? Жалобы и предложения есть? Угробили мне ценнейшие образцы, так лучше прикиньтесь шлангами. Пока я сам на вас не стукнул куда повыше.

В это время мочилов за дверью обрывается резко, будто его выключили. И только чавканье довольное слышно. Шаронов глядит на секундомер. Директор: сколько? Шаронов: десять секунд с мелочью. Директор: ничего выдающегося, так и бультерьер может. Шаронов: да, но мой-то красавец натуральный старпер и почти нормальная собака, прототип «Капкана» в третьем колене, ему уже двенадцатый год! И учили его работать по людям, между прочим!

Зам по режиму слабым голосом спрашивает: что, уже можно? Шаронов ему — да, пожалуйста. Ну, тот дверь приоткрыл опасливо. Выходит наружу дедушка «Капкана», задумчиво жуя. Совер-

шенно мерзавски окровавленный с носа до кормы. Шаронов ему шелкнул, тот к ноге прибрался, и ушли они к себе отмываться. Шаронов еще спросил на прощание — мне хотя бы спасибо кто-нибудь скажет? Но тут из секретки послышался вой — какой, бывает, издает теряющий рассудок человек, — и стало не до благодарностей.

Зато слух об укрощении строптивых облетел НИИПБ буквально за день, и с тех пор зажили разные службы института душа в душу.

И вообще как-то все наладилось и успокоилось. И работа шла очень успешно по всем темам. Пока Шаронов не довыпендривался с «Тисками». Но это оказался единичный случай, хоть и наделавший много шума. А потом завлаб Павлов, триумфально сдав госкомиссии своих полосатиков, вдруг получил заказ на гражданскую версию изделия «Клинок»...

Надо было, конечно, сразу насторожиться. Но Павлов как прочел задание да вообразил, насколько потрясная выйдет из полосатика домашняя кошка — настоящая дорогая игрушка для взрослых, — с ним временное помрачение рассудка от восторга случилось. У него еще свой кот умер от старости незадолго до.

Легко представить, каким мечтаниям завлаб предавался и до чего ему стало грустно, когда все пошло наперекосяк.

* * *

Ближе к вечеру позвонил директор.

— Как развиваются события на вверенном вам направлении? — спросил он холодно.

— Жертв и разрушений нет, — сказал Павлов. — Я собирался лично доложить по некоторым позициям, но, кажется, сегодня не успеваю.

— Доложить — это хорошо. А что ваши образцы? Э-э... Не шалят?

Павлову уже хватило мощных эмоций для одного дня, поэтому он счел за лучшее промолчать.

— Ладно, — сказал директор, секунду-другую послушав шумное сопение в трубке. — Вы это... Так зайдите, без доклада. Есть дело.

Павлов в ответ утвердительно вздохнул.

— И не пытайтесь меня разжалобить, — утешил его директор. — У всех работы много. Все еле дышат. Давайте, шевелите ложноножками.

Павлов собрался с духом — и зашевелил, чем приказано. Очень хотелось завершить дневную прогулку через территорию, зачищенную Катькой от супостата, но директор такой проволоочки не понял бы.

Сама Катька, обожравшаяся сметаны из личного завлабовского фонда, дрыхла в клетке, запертой на амбарный замок. Ворону утилизировали, оконную решетку закрепили. Поди теперь докажи что-нибудь. Если, конечно, трехцветка не угодила под одну из камер слежения. Хотя с какой стати. На территории камер нет, большая слишком, ее только ночью тепловизором сканируют...

Директор оказался привычно сух и невозмутим. Расположившись за журнальным столиком в углу кабинета, он наливал коньяк генералу Бондарчуку, толстому и краснолицему министерскому куратору НИИПБ.

— Павлов, дорогуша! А вот с нами давай! — обрадовался Бондарчук.

— Действительно, — согласился директор, пододвигая завлабу рюмку. — Садитесь, Павлов. Выпьем за успех нашего общего далеко не безнадежного дела.

Французских коньяков Павлов не любил —

сразу вспоминалась студенческая общага, в любое время года, дня и ночи пахнувшая свежерасдавленным клопом. Но отказывать старшим по должности и званию было как-то неудобно.

Генерал свою рюмку осушил залпом, директор просмаковал, Павлов слегка пригубил.

— Так что было дальше, — сказал директор, обращаясь к генералу. — Она запрыгивает на пожарную лестницу, за каких-то несколько секунд поднимается на четыре этажа и просачивается в чердачное окно. При ее габаритах это совсем не просто, настоящая акробатика. На чердаке начинается тарарам, а через минуту кошка выбирается наружу с вороной в зубах!..

«Какой я идиот! — с горечью подумал Павлов. — Надеялся скрыть Катькин побег от своих. А тут дай бог отмазаться от министерства! Если шеф рассказывает о Катьке генералу, значит, у того есть информаторы здесь. И нужно действовать на опережение, красиво подать некрасивую историю, чтобы наверху не думали, будто у нас бардак. А вот фигушки, просто такой гениальный зверь появился. Чуть не надорвались, выращивая. Ой, как стыдно...»

— ...Спускается вниз чуть медленнее, — продолжал директор, — но тоже в достойном темпе, и уходит обратно. Прямиком к себе в корпус. По кирпичной стене — вы только представьте — лезет к решетке, поддевает ее сначала носом, у нее не выходит, тогда она использует переднюю лапу, решетку отжимает, ныряет внутрь — и конец спектаклю. Неплохо?

Бондарчук посмотрел на завлаба и выпятил челюсть.

— Есть пистолет? — спросил Павлов генерала. — Мне на минутку, застрелиться.

— Перестаньте, — распорядился директор.

Почти скомандовал. В институте такую его манеру знали и не удивлялись. Просить, уговаривать, реагировать на шутки и вообще располагать к себе этот шеф не умел. Или не считал нужным.

— Ты молодец. — Бондарчук от души хлопнул Павлова по плечу. — Не стоишь на месте, развиваешься. Новая модель нам пригодится.

Павлов хотел было сообщить, какая она новая, эта модель, но поймал острый взгляд директора и только кивнул. Захотелось выпить, пусть даже французского. Завлаб опрокинул в рот остатки коньяка.

— Ну, это не новое изделие, а просто версия «Клинка», — сказал директор. — Мы пробуем сейчас разные варианты, какие-то более раскрепощенные, какие-то менее. Трудно найти грань, за которой заканчивается разумная инициатива бойца и начинается опасная самодеятельность.

— Да уж! — подтвердил Бондарчук и слегка поежился.

— Эксцессов больше не будет, — произнес директор негромко, но чертовски убедительно. Павлов давно заметил за шефом такое умение — брать не голосом, а интонацией. «Далеко пойдет», — в который раз подумал завлаб и мысленно пожелал директору пойти как можно дальше, а главное, поскорее.

— Верю, — согласился генерал и поглядел на бутылку. — Ладно, давайте выпьем за предстоящий бенефис. Между прочим, дорогуша, твой. — Он ткнул пальцем в сторону завлаба.

— А чего я-то? — привычно набычился Павлов.

— Вы еще скажите «чуть что, сразу я», — предложил директор, разливая по новой.

— Кстати, да, — поддержал его Бондарчук. — Тебя, дорогуша, когда в последний раз дергали?

Ты предварительной комиссии сдавал полосатых — вот. Поэтому... Будь!.. Значит, порядок такой. Послезавтра в восемь ноль по Москве я тебя забираю прямо из дома. Едем на полигон. И там представляем изделие министру. Официальное представление, ясно? Будешь, дорогуша, толкать речь от института.

Павлов обескураженно посмотрел на директора. Тот едва заметно поджимал губы.

— Мне не по чину. У вас же заместители...

— Представлять «Клинок» поедет тот, кто его делал, — сказал директор. — Это приказ. У секретаря ознакомитесь и распишетесь.

Павлов устался в рюмку. Официальное представление новой модели оружия министру обороны — церемония формальная. Она лишь означает, что успешно закончены испытания в войсках, отчеты у министра на столе и положительное решение по оружию принято. Тем не менее соберется вся верхушка, заслушает разработчика и испытателей, посмотрит, как изделие действует на полигоне... Выскажет одобрение. Ну, и банкет. Может, вся возня исключительно для банкета затевается. На таких банкетах проводят очень серьезные переговоры и решают очень большие вопросы.

А еще участие в представлении — статусная, знаковая вещь. Раз директор не едет, значит, никак не может. Это же трагедия для подрядчика — не засветить лишний раз фамилию и лицо! И то, что шеф посылает отдуваться завлаба...

— Ну, это хотя бы по-честному! — ляпнул вслух Павлов.

И, услышав свой голос, едва не выпал из кресла.

— Именно так, — подтвердил директор, чуть щуря глаза. Не понять было, то ли он злится, то

ли новым взглядом оценивает своего подчиненного. — Именно.

Павлов что-то неразборчиво буркнул и залился краской. Бондарчук давился беззвучным смехом.

— Тема ваша, ну и держайте. Потом, извините за прямоту, у вас на лице написано, что врать не умеете. Министр таких людей ценит. Вы произведете впечатление, институт заработает дополнительные очки.

«Да, полюбить тебя нереально, — подумал Павлов, — но уважать есть за что».

— И выступать на публике ты силен, — вставил Бондарчук. — Шевельни головным мозгом, придумай эффектный ход. Как в прошлый раз. Чтoб офигели все.

— Это был опасный трюк, — сказал директор. — Они ведь могли действительно офигеть...

Павлов улыбнулся. Когда министерская комиссия приехала решать вопрос, готов ли «Клинок» к испытаниям в войсках, завлаб вперед себя запустил четырех полосатиков. Генералы начали хвататься за отсутствующие пистолеты. А кошки выходили на середину комнаты и садились рядочком. И весь доклад просидели, не шелохнувшись. А потом встали и ушли, тоже первыми. Фокус простой — из-за двери помощник команды подавал. Для человека в комнате щелчки были на грани слышимости. И казалось, огромные коты повинуются не то телепатическому приказу, не то магии. Генералы долго отдувались, но качество работы оценили выше некуда.

Наверное, устраивать такое всего через год после конфуза с шароновскими «Тисками» — чтоб их разорвало! — было рискованно. Министерство откровенно побаивалось изделий НИИПБ, среди приемщиков имелись люди в возрасте, и шоу

могло кончиться сердечным приступом. Но Павлов хотел доказать любой ценой — его продукция не дурит, она безопасна для нашего воина, будь тот хоть трижды генерал. А рисковать, когда приперло, — это завлаб тоже умел.

Он здорово тогда институт поддержал.

И вот, кажется, настало время снова рискнуть. Не ради фирмы, не ради себя. Для рыжиков. Решение пришло в голову мгновенно, словно Павлов давно к нему готовился и только ждал подходящего момента.

— ...Но победителей не судят, — говорил тем временем директор. — Поэтому, уважаемый коллега, примите это как знак признания заслуг. От института и меня лично. Уверен, что у нас не возникнет разногласий и в дальнейшем. Будем работать, добиваться новых успехов. А если что-то сорвется — не станем без нужды переживать. И вообще, стоило бы нам серьезно поговорить о ваших перспективах. Есть мнение, что вы давно переросли рамки одной-единственной темы...

«Покупаешь меня, да? — догадался Павлов. — Пусть. Так даже лучше. Ты рыжиков уже похоронил, а вот я их возьму и реанимирую!»

— Ага, пошли разговоры не для посторонних, — сказал Бондарчук. — Давайте, чтобы вы не объяснялись намеками, я еще рюмочку приму и к себе поеду.

— К сожалению, мне тоже пора, — директор взялся за бутылку.

— План доклада представить? — деловито спросил Павлов.

— Незачем. Меня все равно завтра-послезавтра на службе не будет. И потом, что вы можете сказать про базовый «Клинок», чего я не знаю?

«Это ты подметил верно. Про базовый — ничего».

— Справитесь. — В голосе директора тонкой льдинкой звякнула непонятная Павлову боль.

— Он справится! — заверил Бондарчук, поднимая рюмку.

В коридоре Павлов ухватил генерала за рукав.

— В чем дело? — спросил он заговорщическим шепотом.

— У него мама умерла, послезавтра хоронить, — объяснил Бондарчук. — Какое уж тут представление. А кремень мужик, да?

— Ох... А то не могу понять — что за интрига. Тогда да. Жаль беднягу. — Павлов даже вздохнул. Искренне.

Примерно секунду завлаб от всей души и без каких-либо обиняков жалел директора, а потом рванул к цели.

— Ты правда хочешь на представлении эффектный фокус?

— Кроме шуток, — кивнул генерал. — Скучища ведь смертная эти доклады. Пережиток советских времен. Пока не начнется полигонная фаза, все сидят, носами клюют с умным видом или о своем шепчутся. Это и для изделия плохо. Мало ли, что по нему уже решение есть. Товар нужно так подавать, чтобы в душу запал. Чтобы в память врезалось — ух, какое изделие! Поэтому думай. Материал твой фактурный, сам себя покажет. Но сколько он простоит на вооружении — вот цена вопроса! А будем мы потом толкать «Клинки» за рубеж? Ты прикинь, израильтяне за такое оружие, которое само араба чует, и араба с динамитом отдельно, последнюю рубаху снимут!

— Динамит не гарантирую, — быстро сказал Павлов. — Только араба.

— Да черт с ним. Я для примера. А сколько Америка отвалит за возможность мексиканскую границу закрыть? То-то, дорогуша. Но чтобы мы

смогли все эти шикарные возможности реализовать, там, — Бондарчук ткнул в потолок толстым волосатым пальцем, — о «Клинке» должны помнить. Долго помнить, с большим удовольствием и гордостью за отчизну. Значит, нужно полосатиков красиво показать.

— Так есть идея! — сообщил Павлов, всячески демонстрируя лицом озарение мыслью. — Только потребуется твоя помощь.

— Догадываюсь. Чего задумал? Учти, испытатели на полигон целое отделение «Клинков» выведут.

— А я — только одну кошку! Всего лишь одну. Но не такую, что будут показывать испытатели. Совсем другую.

— Вроде той, которая сегодня погулять ушла?

— Зачем вроде? Ее, родимую.

Они уже спустились вниз и стояли у проходной корпуса. Генерал сдвинул фуражку на затылок и поскреб обнажившуюся извилину.

— А смысл?

— Она невероятно красивая, — сказал Павлов. — Пушистая. Мягкая. Приятная на ощупь. Ласковая. Умница. И при этом — боец. Полосатики, согласишься, хороши, но выглядят как-то блекло из-за камуфляжа. А я приведу рекламный продукт чистой воды! И будет внедрение образа марки, как это маркетологи называют.

— Я сам по жизни немного рекламщик, если ты позабыл, — заметил Бондарчук, на глазах скучнея. — Чего только кому не впарил. Идея, дорогуша, продуктивная. Но боязно мне выпускать на представление экспериментальный образец. Он не задавит министра, как ту ворону, твой рекламный продукт, а? То-то будет образ марки! Ваш людоед Шариков от зависти лопнет.

— Во-первых, образец предсерийный, он уже

прошел все тесты... — соврал Павлов. Впервые, наверное, за несколько лет соврал.

— Только я об этом образце сегодня впервые услышал! Не люблю сюрпризы, даже приятные. Не положено так, ребята. Могли бы держать меня в курсе. Точнее, обязаны были. Совсем распустились, скоро у вас какой-нибудь Змей Горыныч улетит, а я ни сном ни духом! На что это будет похоже?

— Извини, но такие претензии — к директору, пожалуйста... Значит, а во-вторых, я дам тебе пульт управления, положишь в карман и будешь держать палец на кнопке. Хотя нет... Лучше я просто дам тебе слово. Вообще, пошли сейчас ко мне в «К-10», посмотришь Катьку, все сомнения отпадут.

— Катьку? — Генерал одним движением руки заставил раствориться в воздухе охранников, кажется, надеявшихся проверить у него документы, и сам открыл Павлову дверь на улицу. — Ну, если Катьку...

— Она десятая в серии, поэтому имя на букву «К». Такая Катька... Натуральная. Вот увидишь.

К ступеням административного бесшумно скользнула длинная черная «Волга».

— С твоей стороны понадобится сущая ерунда, — говорил Павлов. — Завтра тебе позвонят из нашей секретки и спросят, выписывать ли Павлову однодневный пропуск на образец... А ты их перебежешь и скажешь — ну да, образец ка десять эр десять, все согласовано. Запомнишь?

— Директор в отъезде, беспокоить его по мелочам нетактично, заместители не в курсе, но есть Бондарчук, который может распорядиться, а потом будет во всем виноват! — заключил генерал. — Ну и пройдоха ты, Павлов! Чего тебе надо на самом деле, а, дорогуша?

— Образец ка десять эр десять, — повторил завлаб. — Запомни.

— Если она сожрет министра, тебя прямо на месте пристрелят, — сухо и очень серьезно пообещал генерал, садясь в машину.

— А если кого помельче? — спросил Павлов.

— Ты залезай! — раздалось из «Волги». — Знаю я ваших дряней, они всегда первым делом старшего начальника жрут!

* * *

— Сдается мне, — сказал Павлов, — ты замышляешь что-то разумное, доброе, вечное.

— Угадал, — кивнул Шаронов. — Есть во мне такая фигня. Как увижу я кота — ну душить его, скота! Как замечу кошку, так обижу крошку...

Снова он сам явился, без приглашения. Опять стоял у второй клетки и наблюдал за Борисом. Рыжик надоедливому гостя игнорировал, но Павлов заметил, что дается коту это упражнение не без труда. Шаронов каким-то образом «раскачивал» заторможенную психику кота.

Конечно, максимум, чего Шаронов мог добиться, — срыва в легкую агрессию. Павлов не стал говорить этого вслух, ему было интересно наблюдать за коллегой. Два завлаба представляли расходящиеся ветви одной научной школы. Павлов как был по образованию, так и остался чистой воды биотех, Шаронов же тяготел к направлению, на Западе называемому «бай-мек». В принципе это расхождение было обусловлено спецификой изделий, но с каждым годом трещина углублялась, все больше напоминая пропасть. Вместе с ней росло взаимное недоверие, и, дай завлабам спокойно поработать еще лет десять, они, может, разругались бы. Павлов со своей ко-

локольни не раз предупреждал Шаронова, что тот допрыгается. Шаронов постоянно твердил Павлову, что тот все портит. И действительно, «тему К-10» преследовали неудачи. Зато когда Шаронов с «Тисками» вправду допрыгнулся, Павлов работу бросил и побежал его держать — так страшно было за человека.

А все равно, корректировочные чипы в изделиях обеих лабораторий стояли одинаковые.

— Есть мнение, уважаемый коллега, — сказал Шаронов, — что ты в полете.

— Не вполне тебя понял, уважаемый коллега.

— Системная ошибка, — Шаронов ткнул пальцем в Бориса, — там. В самом основании. Не заработал я бутылку. Могу объяснить, где прокол. Выход предложить — нет. То есть я догадываюсь, как построить изделие, отвечающее заданию. Но это тебя не выручит. Ты ведь не можешь начинать заново с нуля. И потом, в моих подходах слишком много от бай-мек. А некоторым эти принципы чужды. К несчастью.

— Я ведь не дал тебе материалы по рыжикам.

— А я так... Людишек поспрошал, файлы посмотрел. Ну, и... Рассказывать?

— Обойдусь, — сказал Павлов. — Попробую выбить хоть полгода времени и сам все сделаю.

— Думаешь на представлении обаять министра?

— Есть хоть что-то, чего ты не знаешь? — спросил Павлов неприязненно. — Ах да, это то, что тебя не интересует...

— Да ладно, не язви. Некоторые вещи мне недоступны. Предвидения, например. Вот, допустим, вчера. Уходя из вивария, я твердо знал — у Павлова сбежал образец. Но не знал, вернется ли он. Поспорил с Головановым на столтник, что с концами. А дедуля выиграл, мать его йети.

— Он же на пенсии! Откуда...

— Вернули. Консультантом в обезьянник. Представляешь, чем это грозит человечеству?! — Шаронов аж облизнулся от предвкушения. — Вообще-то я выяснил, чем. Но не могу раньше времени болтать. Извини.

— Обезьяны — попса, — бросил Павлов. — Дешевые трюки для впечатлительных начальников. На войне обезьяна бесполезна, а как разведчик и диверсант не стоит затраченных денег. Там, где они водятся, нет ничего стоящего. Там, где есть стоящее, обезьяна привлекает слишком много внимания.

— Значит, надо сделать обезьяну привычной. Чтоб была повсюду. И не тапочки подавала, а водила машину и смешивала коктейли. Понимаете меня, уважаемый коллега?

— О, ужас... — пробормотал Павлов. — О, ужас. Скажите, уважаемый коллега, это шизофрения или наши взялись серьезно?

— Учти, опасный разговор. На статью потянет.

— Ой, да ладно тебе. Все равно ничего не получится.

— Отчего же? Сначала как пробный шар красивые большие кошечки, потом умные обезьянки... Ага?

Павлов вытаращился на Шаронова так, что тот подался назад.

— Слышь, ты, чудо, — сказал Шаронов. — Ты хоть пытался узнать, зачем тебе заказали гражданку? Или по-прежнему лишних вопросов не задаешь? Всегда готов и все такое?

— В задании указано — домашнее животное декоративного профиля со вспомогательной охранно-сопроводительной функцией. И... И что?

— Да расслабься, я так, подумал вслух. Игры

разума. Никто не в курсе, для чего твои рыжики. То есть кое-кто знает, но молчит. Хотя, согласись, обезьяны — это симптоматично... Первый звоночек.

Завлабы немного помолчали. Павлов вспомнил, что, по слухам, в ветхозаветные советские времена какие-то шарлатаны предлагали атаковать противника с помощью дрессированных ядовитых змей. А еще говорили, в некой сверхсекретной лаборатории настоящие, без дураков, матерые лжеученые — некуда печать ставить — растили то ли боевого таракана, то ли дистанционно управляемую саранчу.

— Ладно. — Павлов вздохнул. — Мне надо готовиться к представлению. Так уж и быть, рассказывай страшную правду о рыжиках, уважаемый коллега. Добивай бездарного.

— Все просто. Странно, почему ты сам не допер. Наверное, действительно глаз замылился. На рыжих кисках можешь ставить крест. Жалко, да. Мне и то жалко. Но эту серию не переделать. Ты им выхолостил эмоциональную сферу, ясно? В погоне за управляемостью. Вот и вся твоя проблема. Ничего уже не получится. Между прочим, они трахаются?

— Это как? — изумился Павлов. — Зачем? Им нельзя.

— Можно. Они же не боевые.

— Ты представь, такая зверюга — и в охоте. Ей придется лопатой в пасть закидывать контрасекс. Или она станет неуправляема. Да и голосок — ой-ей-ей.

— Голос оставили, чтобы мурлыкала? А она, скотина, не мурлычет, — заключил Шаронов. — И ласкаться не идет. Гладить хоть дает себя?

— Еще бы она не давала! — Павлов обиженно хмыкнул. И несколько раз шелкнул языком. Бо-

рис тут же встал, подошел к решетке вплотную и прижался к ней боком.

— На, — предложил Павлов. — Гладь — не хочу. Большой, теплый, приятный на ощупь, шерсть лезет очень слабо. Обгладься.

Шаронов осторожно потрогал Бориса. Тот на собачника покосился, но прикосновение стерпел. Шаронов начал гладить. До того профессионально, что Павлов в очередной раз устыдился. Естественно, он был весьма любознателен, но вот интересоваться, как именно оглаживают собак и насколько это отличается от поглаживания кошек...

«Искусственно выведенных собак-убийц, монстров, чьи тела едва напоминают исходник, а собачьи повадки доведены почти до абсурда, — поправил себя Павлов. — И увеличенных кошек с измененным и жестко контролируемым поведением, но тем не менее по-прежнему обычных кошек.

Разница. Принципиальная. Да, я понимаю, что мне хочет объяснить Шарик. Он это талдычит лет двадцать, с тех пор, как возомнил себя демиургом, бросил перекраивать живое и принялся заново создавать его. Из простого биотеха переквалифицировался в собачьего бога. И я по-прежнему не могу с ним согласиться... Но как же ловко он Борьку гладит, зараза!»

Шаронов прикасался к Борису словно к нервничавшей лошади. Успокаивал, настраивал на дружелюбный лад, снимал неловкость. Рыжикам намеренно «посадили» обоняние — чтобы не воровали из холодильников колбасу, — но хватало и человеческого нюха понять, насколько Шаронов по запаху пес и до чего этот пес кровожаден. Борис наверняка переживал не лучший момент в своей жизни, у него сейчас личная оценка

ситуации чересчур расходилась с приказом хозяина. Да еще Шаронов успел над котом вволю покуражиться, молчаливо подзуживая и вызывая на бой.

Павлову захотелось даже прихвастнуть — мол, смотри, как я научил их слушаться человека! Но он вовремя сообразил, что Шаронов в ответ скажет «и это ты не сам придумал». И добавит: мол, привито кошкам абсолютное послушание не тем концом не через то место. И будет, в общем, не совсем не прав.

«И как я его терплю? — мысленно вздохнул Павлов. — Столько лет бок о бок, всегда он в полном шоколаде, а у меня сплошь неудачи. Хотя шоколад тоже бывает горький. До трагедии с «Тисками» Шарик почти не седой был, зато после — за неделю выцвел. А я ведь предупреждал. Доказывал, что у собаки, как ее ни перекраивай, есть предел внутренней свободы, шагнув за который она превращается в тупую косилку-мочилку. Рубанком становится. Только Шарик меня не слушал. Привык, что наоборот — я ему в рот гляжу».

— М-да... — Шаронов обернулся, но продолжал машинально почесывать Бориса за ухом. Вот уж это с рыжиками получилось лучше некуда — они вызвали устойчивое и все нарастающее желание трогать их руками.

Щупать, гладить, трепать и дружелюбно волтузить.

— Что и требовалось доказать. Это не кошка. Это мебель!

— Пуфик с лапками, — подсказал Павлов.

— А дать ему пендаля? — вдруг окрылился идеей Шаронов.

— Получишь сдачи, ты же не член семьи. Для начала без когтей и слегка. Если не угомонишься,

будет крепче. И дальше по нарастающей. Убить он не должен, но, если угроза окажется серьезной, особенно угроза хозяину, — может. Еще мы оставили взрывную реакцию на оружие. Когда ствол глядит в твою сторону, ружика нужно придержать, чтобы не бросился.

Шаронов отошел назад и окинул взглядом ряд клеток.

— А цвет — правильный, — сказал он. — Такую экзотику должно быть видно издали. Во избежание массовых инфарктов.

— И как я умудрился запороть серию... — вздохнул Павлов.

— Может, тебя смежники подвели? — осторожно предположил Шаронов. — Вдруг чипы дефектные? Ты хоть проверял?

— А то нет! Слушай, мне не нужны оправдания, я хочу понять — где именно напортачила «К-10»? Ты красиво сказанул насчет эмоциональной сферы, только мимо цели. Она не выхолощена. Там все на месте, просто введена, как обычно, система команд и блоков. Которая не влияет на способность животного испытывать эмоции. Но что-то заедает. Ты Борьку раззадорил? С трудом. А без вмешательства извне он будет ровный, как мой письменный стол. Никакой инициативы. Сколько с ним ни целуйся, сам пообщаться не подойдет. В чем загвоздка?

— Просто ты опять сделал из кошки робота! — заявил Шаронов. — Задавил в ней все дрянные черты характера. И она перестала быть кошкой. Пока ты растил маленьких разведчиков, это было не критично. Теперь у тебя крупный и сильный воин. Но кто он? Разве это кот? Разве он — личность? Да это...

— Пуфик с лапками.

— Именно. Нормальный кот всегда по натуре

сволочь. И не надо делать сердитые глаза. Кот позволяет любить себя, не больше. Выдерживает дистанцию. Даже если на самом деле обожает хозяина. Признает только равноправное партнерство. И всегда готов сесть человеку на шею...

— У тебя дикарские представления о кошках, — вставил Павлов. — Сплошные штампы и стереотипы.

— Да ну? Почему же тогда вот это, — Шаронов обвел виварий широким жестом, — получилось вот такое? Ты сделал их хорошими и послушными. Слишком хорошими и чересчур послушными. И что, разве они — кошки? Да они — никто. Ты открыл неизвестный ранее вид. Пуфик с лапками! В войсках на твои изделия не нарадуются...

— Правда? — оживился Павлов. — Я владею только общей информацией, мол, все хорошо, штатно, без сбоев.

— Правда, правда, я точно знаю. Но в том и фокус, что боевая-то твоя версия, она же тварь! Когда не работает, конечно. В свободное время у нее эмоции наружу торчат, даже, говорят, черный юмор проявляется. Ей мозги вправлять иногда нужно — то ремнем, то табуреткой... Любят ее испытатели. Понимаешь, любят!

— Какой ты у нас... Информированный.

— Я через две недели у зама по производству дела принимаю. — Шаронов сделал движение губами, будто хотел сплунуть. — Не мытьем, так катаньем сняли меня с реального живого дела. Ладно, им же хуже. Буду тогда в директора лезть. Жалко для меня темы — заберу весь институт.

— Ну, поздравляю... Товарищ начальник.

— Я тебе помогать буду, — со свойственной ему прямоотой и непосредственностью пообещал Шаронов.

Павлов в ответ благодарно улыбнулся и опасно поежился.

— А сейчас, уважаемый коллега, слушай полезный совет. Успокойся, водки тяпни и сдавай рыжих на мясо. Пока совсем не расклеился. Пока еще можешь. Я же вижу.

— Я, собственно, вчера за этим и шел, — признался Павлов. — К директору. Но не успел. И...

— Ну, топай послезавтра, — перебил Шаронов. — Да не впадай в отчаяние. Думаешь, один ты такой невезучий? У меня знаешь сколько аналогичных пролетов было?

— На моей памяти штуки три... — Павлову очень хотелось объяснить, насколько все переменялось за последние сутки, но его уже не слушали.

— Не поверишь — восемь! — гордо сообщил Шаронов. — Я слил восемь больших проектов. Один другого интереснее. Из-за некоторых до сих пор ночами просыпаюсь. Вскликаю, бегу к компьютеру. И смотрю, и пересчитываю до утра. И ничего не понимаю. Такое впечатление... Ты никому, понял? Я закономерность учуял. Чем изящнее решение, тем меньше шансов, что оно на натуре заработает. Будто природа сопротивляется. Вот почему у меня, например, «Рубанок» такой красавец вышел? Да он психопат! Когда выходит на режим, у него срывает механизм торможения. Зверь конкретно идет вразнос. Его даже кодом блокировки не всегда остановишь. Висишь на заборе и щелкаешь как дурак. А он бежит и рубает, сука. Пока от усталости не свалится. Думаешь, я такого результата хотел?! Но я посмотрел и решил: природа нас перехитрила, а мы ее — проигнорируем! Раньше на охрану участка нужно было пять рыл с автоматами? Теперь довольно одной сумасшедшей псины. И в чем проблема?

Стоит псина ерунду, жрет чуть ли не помои. Смотрится внушительно, живет долго. А главное, пока враг на объект не полез, собачка — умная, пушистая и ласковая.

— Только страшная до усеру, — ввернул Павлов.

— Так и было задумано. Это собака для волевого и сильного хозяина. Способная перехватить и убить волевого и сильного врага. Что ты хочешь, она без брони держит пять-шесть пуль из пистолета. А уж в броне...

— Хочешь правду и ничего кроме правды? «Рубанок» твой ненаглядный — просто сухопутная акула, извини, пожалуйста. Рыба волосатая. Скажи честно — зачем ты ее спроектировал? И чего ты с ней так носишься до сих пор?

— Тебе рыжики зачем понадобились? — вопросом ответил на вопрос Шаронов. — Геморроя не хватало на толстую задницу?

— Хотел выпендриться, — признался Павлов. — Сделать, как никто на свете.

— А я что, хуже тебя? Думаешь, ты один такой... пижон? Я тоже. Сделал. Как никто. Эксперты из министерства натурально задрожали, когда им модель вывели. Бондарчук сказал, «обкатка танками», которую он солдатом проходил, — фигня и детский сад по сравнению. Ощущения, сказал, будто стакан адреналину тяпнул. Вот как можем! Если хотим.

— Ну, и что же мне теперь?.. — спросил уныло Павлов.

— Больше не выпендриваться, — посоветовал Шаронов. — Слушай, не убивайся так. Подумаешь, слил проект. Со всеми бывает. Я же говорю — восемь раз у меня! Худший показатель в отрасли! Рекорд! И ничего, работаю, на членкора нацелился!

— Я просто очень хотел, чтобы получилось... — Павлов оглянулся на Бориса. — Ну скажи — красиво!

— Вот только лапы задние ампутировать...

— ...А какой уют такой котяра должен создавать в доме!

— Если мебель цела останется...

— ...А дети, они же просто в восторге будут!

— Когда от нервной икоты отойдут...

— Да пошел ты! Далеко и надолго! — то ли прорычал, то ли прохрипел, наливаясь кровью, Павлов. — К тискам, капканам и рубанкам! К пассатижам своим!

— Пошутить уже нельзя, — миролюбиво сказал Шаронов и действительно — пошел.

— И сам ты пуфик с лапками! — крикнул Павлов ему вслед. — Шариков! Полиграф Полиграфыч!

— Абырвалг! — отозвался через плечо Шаронов.

Дежурный, видимо, перетрусив, вооружился шваброй, залез в клетку к «единичке» и теперь делал вид, будто там прибирает. Шаронов, проходя мимо, издал негромкий противный вой, от которого мелко затряслись оба — и дежурный, и кот.

— Нет, вы только поглядите, и это — без пяти минут член-корреспондент! — возмутился Павлов. — Иметь его конем!

За решеткой бухнуло — с наслаждением повалился на пол изначально эмоционально выхолащенный, а теперь еще и нервно истощенный рыжик Борис.

* * *

Утро выдалось неожиданно холодным, и Павлов отметил про себя — хорошо, если к обеду не очень разогреет. Как любые крупные животные,

полосатики умели беречь энергию, что делало их, на взгляд дилетанта, слегка заторможенными. Прохлада заставит «Клинки» шевелиться, а значит, выглядеть моторнее, активнее. Лишний плюс.

— Чудесный домик, — сказал Бондарчук, оглядываясь из отъезжающей машины на павловский коттедж. — Ты уже выкупил его?

— В том году. Участок маленький.

— Зато поселок что надо. Тишь да гладь, кругом свои.

— Угу, только дочка сбежала в Москву из этой тиши.

— Вернется, — обнадежил генерал.

— Когда помру, — уверенно сказал Павлов.

— Внуков на лето будет привозить. Что я, не знаю? Сам дед.

— Она их возит на море. А мне раз в полгода дает посмотреть. Говорит, не умею правильно обращаться.

— Да что же ты с ними вытворяешь, дорогуша?

— Играю... Разговариваю. Объясняю, как устроен мир, учу вести себя хорошо. В общем, воспитываю. Что еще можно делать с детьми?

— Сразу убивать! Детей нужно сразу убивать, ибо что еще с ними можно делать?

Павлов недоверчиво покосился на генерала.

— Это цитата, — объяснил Бондарчук. — Господи, до чего же вы, ученые, дремучие! Не в первый раз замечаю.

— Зато генералы пошли очень культурные! — надулся Павлов. Он пытался вспомнить, кого ему процитировали, и никак не мог. — Готов поспорить, ты читал художественную литературу, когда был юным лейтенантом, чистым и наивным. Что отложилось в памяти, тем и размахиваешь до сих пор.

— У лейтенантов нет времени на книжки. Я начал всерьез читать капитаном. Если честно, от безделья. В Гвинее-Бисау случались очень скучные дни. Ну, и... Правда, выбор был специфический. Когда ты взрослый и прагматичный рашен милитэри спешизелист, а на улице плюс сорок, а под ногами ядовитые змеи, а в желудке пол-литра джина для отпугивания малярии... Короче, нелегко в таких обстоятельствах умиляться каким-то розовым соплям. Хотелось суровой мужской прозы с легким налетом романтизма. Джек Лондон, помню, хорошо вписывался. Особенно северный цикл. По контрасту, наверное!

— Так это из Лондона — про убивать детей? Вот не подумал бы...

— Нет, — покачал головой Бондарчук. — Это, конечно же, не Лондон. Это такой Даниил Ювачев. Расслабься, дорогуша, ты не знаешь.

— Куда уж нам! — фыркнул Павлов. — Простым русским биотехам...

— А-а, по-твоему, мне в таких материях тоже нельзя разбираться? — усмехнулся Бондарчук. — Не положено? Что за штампы у тебя в голове! Совершенно дикарские представления о генералитете. А я, между прочим, и на фортепьянах могу. Ну, чуточку. Не очень громко. Слушай, Павлов, дорогуша, меня тут осенило, ты пашешь на оборонку лет двадцать, а?

— Скоро тридцать.

— И что ты знаешь о нынешней армии, прохвессор?

— Что она профессиональная и гораздо лучше прежней, — буркнул Павлов. Его армейский опыт был стандартным: пара коротких тренингов и один месячный полевой сбор давным-давно. Разобрать автомат завлаб, наверное, смог бы и сейчас, а вот собрать обратно — вряд ли.

— Хороший ответ, — похвалил Бондарчук. — В духе официальной пропаганды. А военная доктрина наша — как она, на твой взгляд?

— Ничего себе, — осторожно сказал Павлов. — Нормально.

— М-да... Сколько мы общаемся, всегда я тебя расспрашивал про твою работу. А надо было рассказывать про свою. Дорогой ты мой товарищ Павлов! Да будет тебе известно, что именно новая российская военная доктрина сделала НИИПБ столь нужным и полезным. Ваши с людоедом Шариковым разработки придадут армии некоторые свойства, которых ей недостает. Критически недостает, я бы сказал. Ты это... Гордишься?

— Скорее боюсь, — честно признался Павлов. — Как вы своими новыми свойствами размахнетесь, да как врежете...

— Ерунда! — отмахнулся Бондарчук. — У нас и в мыслях нет врезать. Размахнуться можем. Острастки ради. Минуточку... Эй, дорогуша! Ты поворот не пропустил?

— Там копают, товарищ генерал, — отозвался водитель. — Мы дальше.

— Там расширяют стоянку у аквапарка, — сказал Павлов.

— А аэропорта у вас, случаем, нет?

— Зачем аэропорт? — удивился Павлов. — До Москвы час экспрессом.

— Аквапарк! — Бондарчук раздраженно фыркнул и сразу оказался похож на настоящего генерала. — Дорогуша, ты хоть помнишь времена, когда аквапарков не было? И экспрессов не было. И ничего вообще не было! В мой родной городишко по выходным приезжала на базар машина с колбасой! А в продуктовых лежали макароны, селедка и маргарин!

— Ты будто из какого-то голодающего Поволжья...

— Я из России, — веско сказал Бондарчук. — Тебе, москвичу, не понять. И вообще, не перебивай, а впитывай. Мы нынче живем вроде бы богато, с прежним не сравнить. Аквапарки вон повсюду. Работяга год отпахал — везет семью на курорт. Прямо Советский Союз, только всего больше и ширьше. Чем достигнуто это изобилие, а, дорогуша? Отказом от позиций, которые занимал СССР! Но сейчас родина потихоньку возвращает себе прежнее влияние. Однако же на одной экономике в сверхдержавы не выйти...

— Это что, политинформация? Или инструктаж?

— Именно. Не смейся, я не шучу. Есть мнение, что некоторые не понимают, какую задачу взвалили на свои плечи. Жирком заплывшие.

— Я делаю зарядку. У меня есть двухпудовая гиря, — сообщил Павлов. Чистейшую правду сказал. Зарядку он делал. И гиря у него была. Одно другому никак не мешало.

— Гиря — дело хорошее... Кому сказано — не перебивай!

— Виноват, товарищ генерал-майор. Больше не повторится.

— То-то. О чем я? А! Так вот, стране нужна военная сила. И как ни странно — живая сила, понимаешь? Ядерным щитом не закроешься от локальной угрозы. Танки и самолеты не берут города. Пехотинец, друг мой, вот кто по-прежнему задает тон. Но пехотинца-то серьезного у нас до сих пор и не было. А нам же надо регулярно доказывать, что мы крутые! Полегоньку, местами, но реально подвоевывать. И кем это делать?

— Ничего себе! А ваши спецназы? Береты всякие?

— Путаешь, дорогуша. Спецпура, она для узких задач. А биться с противником лицом к лицу должен нормальный солдат. Только он у нас — кто? Здоровый лоб на приличной зарплате. Средний возраст рядового уже под двадцать пять. Обучен хорошо, но воюет с оглядкой... И тут на сцену выходит некий институт! И вручает пехотинцу то, чего ему не хватало! Помощника и друга, который расширяет возможности бойца и создает ощущение защищенности. У всех, кто поработал с твоими полосатиками, резко подскочила самооценка. Три контрольные группы было, и в каждой теперь совсем другие солдаты! Мы боялись, что обнаглеют и начнут лезть на рожон, — как бы не так. Просто они стали иными. Кого угодно покромсают в мелкий винегрет. Вот что вы делаете, дорогой товарищ Павлов, с вашим душегубом Шариковым. Поставляете в войска зверей, а те изменяют людей. Мы, конечно, ждали похожего эффекта — зачем, собственно, все и было затеяно. Ведь самое лучшее оружие ничего не стоит, если не модифицирует поведение бойца. Вам это удалось. В перспективе мы имеем совершенно новую армию!.. Э! Ты чего смурной?

— Как только полосатики ушли в опытно-промышленное, мне обрубили информацию, — произнес уныло Павлов. — Я сейчас впервые от тебя слышу о контрольных группах, об эффекте влияния кошек на людей...

— Порядок такой, дорогуша, — вздохнул Бондарчук. — Вы занимаетесь оружием, мы занимаемся людьми.

— Я многого не прошу — но разве нельзя оставить мне контакт хотя бы с испытателями? А то два раза поговорили, и конец.

— Испытатели — наши. А институт как бы не совсем наш. А ты ведь погоны не надел, — веско

заметил Бондарчук. — Хотя предлагали. Вот и остался ни рыба ни мясо — ученый. И вообще, случись на испытаниях чего серьезное, тебя бы мигом подняли по тревоге. Из постельки выдернули и потащили за ушко разбираться. Куда-нибудь на танкодром, ночью, под дождь. В грязь, слизь и кровавые ошметки. Так что живи и радуйся.

— Живу и радуюсь! Благодарные ребята товарищи военные. Я им такую кошку сделал, которая лицо армии переменит, а они... Ладно, не надуйся. Шучу.

Машина беспрепятственно миновала проходную НИИПБ (генерал на мгновение опустил стекло, грозно зыркнул, ворота раскрылись, охрана высыпала из будки, выстроилась во фронт и дружно взяла под козырек), прокатилась по территории и зарулила за десятый корпус, в институтском просторечии называемый «кошкин дом».

Павлов открыл было дверцу, но Бондарчук поймал его за руку.

— Ты вот что, дорогуша, — сказал он. — Катяка твоя, конечно, девица ласковая и предсерийный образец, и все такое... Но поскольку со мной ее согласовать никто не удосужился — это мы еще разберемся, почему...

— С директором разберетесь, — уточнил Павлов.

— Да уж не с тобой, дорогуша! В общем, раз на представлении я за вашу фирму отвечаю, дистанционный пульт ты мне все-таки принеси!

Павлов осторожно высвободил рукав из крепкого генеральского захвата.

— У тебя не было кликера — тогда? — спросил он мягко. — Ах, конечно, вам стали давать их только после...

Бондарчук неопределенно шмыгнул носом.

— То есть?.. Ты не успел?!

Генерал что-то нажал у себя на дверной ручке, и из перегородки, отделяющей пассажирский салон от водительского отсека, с мягким жужжанием поднялась глухая черная штора.

— Видишь ли, я будто предчувствовал беду и попросил дистанционку в карман. Уговорил Шарикова — мол, не чужой же я вам человек. Да, представителям заказчика было не положено...

— Очень прошу, ты пойми наших правильно, — перебил генерала Павлов. — Это чтобы вы с перепугу не сорвали показ. Были ведь случаи.

— Спасибо, знаю. Участвовал.

— Да, только ты не представляешь, до чего издеваю плохо, когда его принудительно блокируют. Это сильнейший удар по центральной нервной. Животное потом долго восстанавливается, и ему очень больно. Мы их жалеем. Стараемся не мучить попусту.

— Естественно, вы их жалеете! На людей вам плевать, а вот зверушки...

— Людей бабы нарожают.

Бондарчук так вытаращил глаза, будто впервые Павлова увидел — хищного, зубастого, когтистого, заросшего шерстью.

— ...а сколько труда вложено в наших зверушек, ты можешь судить хотя бы по объемам финансирования. А сколько здоровья и любви — это деньгами не измеришь. Ясно? Благодарю за внимание! Извини, я, кажется, немного устал, вот и сорвался. Теперь рассказывай, что случилось на показе «Тисков».

Генерал опустил взгляд, секунду подумал и буркнул:

— Это ты меня прости. Как-то я с тобой, дорогуша, неуважительно.

Теперь заметно удивился Павлов. С первого дня знакомства Бондарчук обращался к завлабу в

нахрапистой манере отца-командира, вечно читал мораль и всячески демонстрировал свое превосходство. То, что генерал умеет извиняться, Павлову и в голову не приходило.

— Все хорошо, старина. Честное слово. Забудем.

В знак примирения завлаб осторожно похлопал Бондарчука по плечу.

— Вот и ладушки. Что же я хотел про этот показ... Ага! Ну, Шариков тогда покочевряжился, конечно, но запасной пульт мне сунул. И понимаешь, когда все случилось, я вроде бы на кнопку давил. Конечно, шелчков не расслышал — ведь крик стоял ужасный. До сих пор мне временами кажется, будто я включил блокировку за секунду до. И есть подозрение, что пульт не сработал. Всего лишь подозрение. Я слишком поздно очухался, чтобы посмотреть... Скажи, дорогуша, как ты думаешь, хватило бы наглости у вашего живодера Шарикова вытащить из пульта батарею? Дабы тупица-генерал чего не напортил? И не сделал больно милым собачкам?

— Сомневаюсь, — честно сказал Павлов. — Вынимать из кликеров питание — не наш стиль. И ей-богу, когда я сдавал «Клинок» предварительной комиссии, батарея в твоём пульте была.

— Да я ничего такого...

— Тебе... здорово досталось за «Тиски»?

— Думаешь, где моя вторая звезда?

— А она разве была? — изумился Павлов.

— Образно говоря, она уже пикировала мне на плечо. Теперь не факт, что звездопад случится вообще.

— И как ты с нами после всего этого... работаешь?

— В запас не уволили, вот и работаю! Служу. Ну, если тебя личное интересует, дорогуша, — так

люблю я вас, засранцев. Кажется. Да и в министерстве нет другого спеца, чтобы институтские его почти за своего держали. Вы же терпите меня отчего-то? Ну, вот. Ладно, беги, а то из графика выйдемся.

— Я быстро, — сказал Павлов. — И... Я дам тебе поддержать исправный пульт.

* * *

Катка будто ждала его — тут же подскочила к решетке и принялась, урча, тереться о прутья.

— Все бы так... — пробормотал завлаб, оглядывая ряд клеток, в которых предавались вялотекущей жизнедеятельности остальные рыжики. Переваривали завтрак. Павлову вдруг захотелось взять да прощелкать команду общей тревоги, чтобы все проснулись и встали на уши, но он желание поборол. Ничего бы ему этим доказать не удалось — ни себе, ни рыжикам, ни тем более дирекции института.

Много лет назад Павлов выработал золотую для «оборонщика» привычку не задавать лишних вопросов. Неспроста — у отдельных излишне любопытных коллег прямо на его глазах свернулась карьера. Теперь завлаб на себя злился. Мог ведь, получив техзадание на гражданскую версию «Клин-ка», потребовать разъяснений. — с чьей санкции, кто будет отвечать в случае неудачи... Но не стал. Он был и оставался удобный для начальства, исполнительный, лояльный, верный, не хватающий с неба звезд, но зато надежный Павлов.

Сейчас он просто ненавидел себя таким.

— Катерина! Выходи, красавица, — сказал он кошке, открывая дверь. — У тебя сегодня очень большой день. Может, самый большой в твоей жизни. Второй день рождения. Ощущаешь?

Катька умела покидать клетку по-всякому. То выдвигалась царственной походкой, высоко задрав роскошный хвост. То радостно кидалась тереться и обниматься. Сейчас же она просто вышла, приветственно толкнула Павлова плечом в бедро и деловито засуетилась вокруг — завлаб надел чистый халат, и его нужно было немедленно обработать подщечными железами, понасажать меток.

Павлов прошел к выходу и остановился у стола дежурного. Катька на лаборанта даже не посмотрела — знала, кто тут главный и кто у главного в любимчиках.

— Фиксируй время и номер пропуска. Выпиши мне дневной рацион на ка десять эр десять. И еще дистанционку. Две штуки.

Дежурный бросил на начальника удивленный взгляд, но повиновался молча — открыл ящик и выложил на стол два пульта управления, похожих на крохотные мобильные телефоны.

В «кошкином доме» все уже наверняка знали, что завлаб увозит «десятку» в качестве наглядного образца для официального представления. Но на вопрос, нужно ли для этого целых два электронных кликера, ответ был бы однозначный — зачем? Павлов любое свое детище, и в любом его, детища, состоянии, мог заставить повиноваться взглядом. То есть это выглядело бы именно так.

— И отвертку, — распорядился Павлов.

Дежурный удивился еще больше. Его прямо расперло от любопытства во все стороны, как глубоководную рыбу на поверхности. Отвертка, конечно, нашлась — пока ты не научился виртуозно отшелкивать языком полный набор команд, в виварий тебя дежурить без отвертки не пустят. А когда научишься — все равно. Не положено. В хозяйстве Павлова была предусмотрена любая мелочь,

даже прикушенный язык и севшая батарейка в «дистанционке»... И сегодня «кошкин дом», оставшись без заведующего, будет работать штатно, ведь неотложные вопросы закрыты еще вчера, проведен обход лаборатории с детальным осмотром и раздачей указаний, а заместитель надлежащим образом проинструктирован и исправно бдит.

Почему у него при таком образцовом порядке далеко не всегда что-то путное выходит, а гораздо чаще не выходит ни черта, завлаб и сам не понимал.

Павлов достал пачку жевательной резинки, оторвал кусок фольги, вскрыл один из пультов, фольгу вставил между батареей и контактами, пульт собрал и разложил «дистанционки» по разным карманам.

— Вынимать из кликеров питание — не наш стиль, — сообщил он лаборанту. — А зачем обессточивать, это ты потом спроси у опытных старших товарищей. Которые хоть раз ходили с заказчиками на показы. Или просто в Декларацию прав животных загляни. Там черным по белому написано, когда можно кошек мучить, а когда нет.

Дежурный обалдел целиком и полностью. Настолько, что забыл спросить пропуск на «десятку» — пришлось завлабу самому об этом вспомнить и ткнуть бумажку несчастному под нос, чтобы тот записал номер в журнал.

— Расчетное время прибытия... — прочел лаборант из журнала.

Павлов оглянулся на Катьку. Та сидела рядышком, пребывая, судя по умильному выражению морды, в абсолютном довольстве. Завлаб понял: сегодня он с кошкой просто так не расстанется. Уж раз подфартило — напользуется всласть.

Да и кто его знает, как все обернется — может, им общаться ровным счетом день осталось.

— Пиши двадцать один, — сказал завлаб.

Вышли они из корпуса стильно: впереди Павлов, за ним, почтительно выдерживая дистанцию, красавица «десятка» с объемистым пакетом в зубах — дневной рацион, набор гребней, мусс для укладки, парадный ошейник.

Внешняя охрана «кошкиного дома», ни разу еще не видевшая трехцветки, принялась сверкать глазами, охать, ахать и постанывать. Наблюдая реакцию матерых вооруженных дядек, Павлов в который раз убедился — он сделал вещь. Настоящую, без дураков. Может, этим и надо было с самого начала заниматься? Растить животных, несущих радость людям? Да, но кто бы ему дал поработать столь потрясающее изделие, не будь оно изначально боевым...

— Это для самых примерных мальчиков, — величественно процедил завлаб, предъявляя охране Каткин пропуск. — Чтобы получить такую игрушку, придется вести себя на пять с двумя плюсами.

— Кого я должен застрелить? — с готовностью отчеканил старший поста, шелкая каблуками.

«А ведь рыжики, в принципе, отличный коммерческий продукт. Взять, что ли, Шарика за холку, раз он теперь зам по производству, сесть вдвоем, составить калькуляцию, и с ней — к директору? Мол, дайте год времени и денег на запуск новой серии — я вас озолочу? И мне плевать, зачем вы заказывали гражданскую версию, а потом обрадовались, когда я ее слил. Я все равно сделаю рыжиков, и вы еще поблагодарите меня. А?»

— Камуфляж-то африканский! — заметил один из бойцов. — Для саванны в самый раз.

— Ярковат, — усомнился старший и вопросительно глянул на завлаба.

«Ох, не сумею, — думал Павлов. — Не мое это. И вообще... Поговорю с министром, все и образуется. Только Бондарчук разозлится, что прыгнул через его голову. А как я ему объясню ситуацию за полчаса?»

Да генерал просто не выпустит Катьку из машины! Экспериментальным образцам НИИПБ путь на волю заказан. Тут вам не автоматы-пистолеты, у нас и готовая-то продукция иногда завтракает товарищами старшими офицерами... Ладно, потом вручу Бондарчуку бутылку, которую сэкономил на Шарике».

— Это декамуфляж, — симпровизировал Павлов. — Полицейский вариант. Честные граждане видят издали и радуются, а негодяи в страхе бегут.

— Я очень радуюсь, — заверил старший. — Просто душа поет.

Павлов хотел было приказать Катьке на прощанье раскланяться, но сообразил, что шоу повторится один к одному через несколько минут на выездном КПП, и передумал. Вскрылась негативная сторона обладания красивой и редкой вещью — повышенное внимание окружающих.

Водитель, увидев Катьку, чуть-чуть приопустил стекло и неожиданно севшим голосом прохрипел в образовавшуюся щелочку:

— Умоляю, не пускайте это на сиденье!

— Да оно и не поместится. Сядет в ногах. Не беспокойтесь, когти втянуты. А шерсть я соберу.

Водитель укоризненно покачал головой. Наверное, не поверил.

Бондарчук, похоже, успел отдышаться и прийти в себя — встретил он завлаба обычным своим начальственно-покровительственным взглядом и

вопрос задал в излюбленном ключе да соответствующим тоном.

— Слушай, дорогуша! — первым делом выпалил генерал, когда Павлов открыл дверцу. — Еще с того раза хочу спросить — не слишком ли яркий окрас для Африки? И вообще, почему именно такой? Это могут принять за намек. Или ты ее нарочно расписал под золотую осень?

Павлов, рассмеявшись, пропустил Катьку в салон, и та сама, без приказа, устроилась у перегородки. Там были места для откидных сидений, как раз улечься рыжику.

Пришлось опять нести ахинею про декамуфляж. Впрочем, идею Павлов счел разумной, запомнил и отложил на потом. Ее просто нужно было грамотно обосновать.

— Широко мыслишь, дорогуша, — оценил Бондарчук. — Далеко глядишь. Полицейский вариант, м-да... Если министр об окраске спросит, ты что-нибудь поумнее соври, ладно?

— Хорошо, я скажу, что это гражданка, — предложил Павлов.

— Какая?! Вообще дурак? Не смей и думать! Изделие только с испытаний пришло, а они, видите ли, уже гражданскую версию готовят... Знаешь, дорогуша, меня терзают сомнения. Может, пока не поздно, вернуть твою зверушку обратно в клетку, а?

— Она тебе не нравится? — удивился Павлов. Ему даже не пришлось играть, он изобразил на лице недоумение вполне искренне.

Генерал посмотрел на Катьку и впал в глубокую задумчивость. Завлаб подался вперед и начальственно постучал по черной шторе.

Машина поехала. Катька хотела глядеть в окно, но сдерживалась, а генерал, судя по выраже-

нию лица, боролся с желанием задушить кошку в объятиях. «Волга» затормозила у будки КПП.

Бондарчук достал удостоверение. Въехать на территорию института было довольно просто, выехать без приключений — нереально. Даже Шаронов бросал машину на внешней стоянке. Однажды его угораздило охранникам нахамить, а те в ответ повысили бдительность, развинтили ему полмашины и ножовкой распилили насос на предмет изыскания в цилиндре краденых секретов. Шаронов убежал жаловаться, а когда вернулся с замом по режиму, КПП был весь в пене — огнетушитель попробовали распилить тоже. Поскольку обошлось без жертв, зам по режиму засчитал ничью и предложил конфликтующим мировую («Согласитесь, доктор, что все хороши — и они кретины, и вы, простите, идиот...»), а Шаронов с тех пор «Мерседес» оставлял за воротами и до «псарни» шел пешком.

Конечно, министерскую «Волгу» на КПП потрошить не осмелились, только заглянули в багажник и салон. Катька и тут произвела сильное впечатление, но Бондарчук ревниво взрыкнул на любопытствующих и посоветовал им нести службу. Ворота открылись. Павлов достал из кармана «дистанционку».

— Значит, так. Это стандартный кликер для полосатика, ты его знаешь, но я все равно обязан тебя проинструктировать. Гляди. Настоящая важная кнопка — красная, остальное все блеф. На кнопке предохранитель от случайного нажатия. Сдвигается так. Теперь задвигается. Держи. Нажми вот эту желтенькую с ухом, подай команду «внимание на меня». Катерина тебя помнит, но ей не вредно будет.

Бондарчук осторожно придавил желтую кнопку с пиктограммой «ухо».

Пульт издал короткий шелчок, не очень приятный для слуха, совершенно искусственный, вымученный, будто кто-то очень постарался изобразить на синтезаторе звук абсолютно неземной природы.

Катька с непередаваемой кошачьей грацией — стремительно, но в то же время плавно — обернулась к генералу.

— И? — спросил Бондарчук таким же подсевшим, как недавно у водителя, голосом. Только генерал — видно было — не с перепугу осип.

— И! — передразнил завлаб, вынимая у него из руки пульт. — Чеши за ушами, пока разрешаю!

Уговаривать генерала не пришлось.

— Как же она тащится, зараза... — приговаривал Бондарчук. — Как вкусно у нее это получается!

Павлов не стал объяснять, что от его собственных прикосновений Катька просто впадает в нирвану. Оказался занят — под шумок менял пульты. Институтские всегда так делали на показах, надеясь защитить своих подопечных от зряшной блокировки. Начали, не сговариваясь, после того, как один высокий чин, развлекаясь, несколько раз кряду нажал ту самую «настоящую важную кнопку», и пару изделий просто не удалось вывести из ступора. А уж сегодня дотошный завлаб хотел исключить любую случайность, даже самую нелепую. И каким бы милым и интеллектуальным ни старался выглядеть генерал-майор Бондарчук, его не «держали почти за своего» в НИИПБ, что бы куратор себе ни воображал на этот счет.

С этим парадоксом частенько сталкиваются люди, отдавшие жизнь «оборонке», как в погонах, так и без. Гражданский с военным могут вместе срубить дерево, разрушить дом и отвратитель-

но воспитать сыновей, но все равно каждая сторона подсознательно считает другую чуточку недоделанной, а потому требующей присмотра и не заслуживающей полного доверия.

— Павлов, а Павлов, — позвал Бондарчук. — Хочу, дай!

— На, — завлаб протянул генералу неисправный кликер.

— Ты не понял, дорогуша. Хочу такую кошку. Серьезно.

«Отлично, — улыбнулся про себя Павлов. — Теперь провернуть тот же фокус с министром, и дело в шляпе».

— Придется очень хорошо себя вести!

— Допустим, на смертоубийство я не пойду, — ответил Бондарчук в тон завлабу, — но украть чего-нибудь согласен! Чур, совсекретные документы и ядерные боеприпасы не заказывать.

— Пролоббирую гражданку, — мигом среагировал Павлов. — Получишь такую же Катюшку бесплатно, в подарок от института. Сам ее настрою, оттестирую, дам личную гарантию. Ну правда, замолви там словечко. Кто твой прямой начальник — зам по вооружению? Мы и его с Катериной познакомим, сегодня же...

— Слушай, что ты прицепился к этой гражданской версии? Зачем она тебе? Откуда такие странные фантазии, а, дорогуша? — с подозрением спросил Бондарчук. — Чует мое сердце, чего-то я не знаю. Угадал?

— Да тут у нас в крысятнике случилось ЧП, — попробовал отшутиться Павлов. — Сбежал прототип. Весит пять кило, зубы что бетонные гвозди, и программа у него, как на грех, не боевая, а рабочая, самца-осеменителя. Теперь населению понадобятся очень большие кошки!

Завлаб щелкнул языком — ничуть не хуже

«дистанционки» — и поманил Катьку к себе. Усадил, сказал: «Гляди в окно, привыкай», достал из пакета гребни и баллон с муссом. И принялся готовить кошку к представлению.

— Когда тебя уволят, сможешь устроиться кошачьим парикмахером, — буркнул генерал, наблюдая за быстро снующими руками, под которыми Катька на глазах преображалась из просто красивой большой кошки в выставочный экземпляр. — А теперь, дорогуша, сдавайся. Это что?

— Ка десять эр десять, — сказал Павлов, обирая со щетки счесанную шерсть. — Экспериментальный образец на платформе изделия «Клинок». Прошел все необходимые тесты, чтобы считаться предсерийным. Описание: кот домашний акселерированный модифицированный с обрезанной задачей. Относительно базового «Клинка» несколько суше конституция. Поднята верхняя граница возбуждения, расширены допуски на принятие решений, но общая автономность, напротив, ограничена путем включения дополнительных механизмов эмоциональной зависимости от проводника. Сужена полоса пропускания внешней информации — поставлены фильтры на обоняние и слух. Доложил старший конструктор доктор Павлов!

Образец ка десять эр десять, тихо урча, смотрел в окно, иногда чуть поворачивая голову и поводя ушами. Похоже, он был счастлив.

— Кошка городского боя? — предположил Бондарчук.

— Да черт ее знает, что она такое! — выпалил завлаб от всей души. Он до того заврался за последние дни, что становился противен себе. Павлов с раннего детства предпочитал говорить только правду. Или уж молчать.

— Ты описал именно городскую кошку, доро-

гуша. Полицейскую. Дело хорошее, но мы такого не заказывали. А кто тогда?

— Да никто...

— Павлов! В глаза смотреть! Вы чего, биотехи фиговы и биомехи хреновы, налево работаете?!

— Сдурел?! Как мы сможем что-то сделать в обход министерства?! Это чисто организационно не-воз-мож-но! Директор ведь объяснил тебе — мы экспериментируем! Творим, выдумываем, пробуем. Вот, что выросло, то выросло — Катька. Пожалуйста, не умножай сущностей без необходимости! — попросил Павлов. — Дорогуша!

— Что, опять слова-паразиты?.. — Бондарчук заметно смутился. — Значит, нервничаю. Понимаешь... Это я чтобы не материться. Начинал-то строевым, школа суровая. Виноват.

— Однако... Сочувствую!

— Мне иначе придется следить за речью, а когда постоянно себя подслушиваешь, голова потом болит, — виновато признался генерал. — У меня уже в министерстве прозвище Дорогуша...

— ...и не только в министерстве!

— Догадываюсь. Но согласись, это лучше, чем если бы я через два слова на третье вставлял «бля» и «нах»!

— А хочется? — доверительным тоном спросил завлаб.

— Не подъелдыкивай, интеллигент такой-сякой! Чистый двоечник, родной литературы не знает совершенно, а туда же! Культуре меня учить! Да я... Да ты... Послужил бы, как некоторые, десять лет в самых холодных краях и столько же в самых жарких странах!.. Вообще хорошо устроились такие, как вы с Шариковым, — присосались к Министерству обороны, а службы и не нюхали. Нет, ты же понимаешь, я ученых глубоко уважаю...

— Вот если будет сбой, посмотрим, чего стоит твое глубокое уважение.

— А он будет? — вкрадчиво поинтересовался генерал.

— Теперь об этом лучше спрашивать главного технолога завода. Хотя принципиально в «Клинке» сбойть нечему. Обычный кот, только с обремененной задачей и немного подправленный физически. Просто и надежно. Как по учебнику. «К-10» иначе не делает, я же биотех классической школы.

— А почему тогда у Шарикова сбойт? Потому что он — биомех?

— Его фамилия Шаронов.

— Никогда бы не подумал.

— Пить надо меньше.

— Спасибо. Учту на будущее. К чему это ты?

— У Шаронова засбоило, потому что вашего главного инспектора всю ночь поили, дабы был поговорчивее. И с утра крепко похмелили, — объяснил Павлов. — По большому счету Шаронов ни в чем не виноват. Другой разговор, что «Тиски» — это тихий ужас. Но если вникнуть в их функции, окажется, что псы тоже не виноваты. У пьяного меняется водный баланс в организме, и он перестает человеком пахнуть. Выглядит как человек — если выглядит, конечно, — а пахнет неправильно. Теперь представь: раз обычная собака может цапнуть собственного пьяного хозяина, чего было ждать от «Тисков», когда к ним сунулся с нежными объятиями какой-то человекоподобный объект? Съедобный... А комплекс, с вечера не кормленный, только что отработал сложнейшую программу и теперь ждет не дождется поощрения...

— М-да, пах инспектор совершенно неправильно, — кивнул Бондарчук. — Главное, я не смог вмешаться, когда его вечером на шашлыки

увозили. Он же сам меня в министерство усла. Приезжаю утром, и...

— Ну и не казись, — посоветовал Павлов.

— Да я не казюсь. Просто знаешь, дорогуша, я когда служил рашен милитэри специалистом в Гвинее-Бисау, мы на большую рыбу в море ходили. И однажды нам показали, как акулы друг дружку жрут, это у местных шоу для приезжих. Так я тебе скажу. Акула даже на фоне «Рубанка» бледно выглядит. А против «Тисков» она вообще херня на постном масле. Я потом целый год собак боялся. Пуделя увижу и столбенею весь. Думаю — а не потрудился ли над ним твой приятель? Ка-ак он сейчас жвалы свои разинет... Тиски, блин... Инспектор, конечно, тоже хорош гусь, целоваться к собачкам полез. Шариков чего-то вякнул, типа «стой, дурак», а они уже бац — и стиснули. В момент. Тьфу! Не поверишь, я блевал. Да-с. А ведь если трезво подойти... — Бондарчук не весело хохотнул. — Не случись того конфуза, имели бы мы сейчас роскошную экономию на охране складов и баз. Хотя... Ну его к черту. Больно страшно. Когда две огромные псины, да еще разных пород, работают вместе и совершенно автономно, без намека на проводника — это, согласись, перебор. Как вы так исхитрились-то?

— А я знаю? Шарик очень талантливый. Но его постоянно заносит.

— Извини, дорогуша, только не производит он впечатления одаренного ученого. Самовлюбленный нахал и грубиян.

— Талантливые все с закидонами. Это еще хорошо, что он большого роста. Уродился бы маленький, с ним бы сладу не было вообще... Послушай, так я не понял, министерство планирует всучить каждому солдату по «Клинку»? Чисто со-

ветский перегиб, ребята. Головокружение от успехов. Ой, не советую.

— Каждому не дадут. Для поднятия боевого духа одного кота на пехотное отделение уже довольно. Хотя чем больше, тем лучше. И конечно, спецподразделения тоже будут. Все уже посчитано, у министра на столе проект лежит. Хорошую зверюгу ты вырастил, Павлов. Только кормежка дорогая.

— Будете кормить дрянью, снизится гарантийный срок.

— Ну, это лучше обсуждать с главтехом завода, верно? Как ты посоветовал.

Павлов вздохнул. Ничего уже от него не зависело. Когда обсчитывали рацион, оказалось, что корм даже при промышленных объемах выйдет дороже, чем хотелось бы военным. От «Клинка» требовали уникальных боевых свойств, лаборатория их обеспечила, но закон сохранения энергии в отдельно взятом животном никто не отменял. Полосатики любили качественное горючее. Если бы Павлов знал, как запихать в кота многотопливный дизель, — ей-ей, сделал бы не раздумывая. Всем стало бы легче, главное — «Клинкам».

Конечно, эта проблема будет решена. Завлаб представил, какими помоями начнут потчевать несчастных полосатиков, когда тех станет по-настоящему много, и поежился. А потом начнутся жалобы, мол, кошки бегают медленно, прыгают невысоко и в ночном дозоре оглушительно пукают, демаскируя своих. И понеслась... Сначала возьмут за хобот заводских биотехов, те переведут стрелку на «К-10», лаборатория справедливо обвинит производителя корма, но, пока удастся это доказать, нервы истреплются немерено. Павлов уже будет на пенсии, заслуженный и почтенный, отплывет от поклепов и наветов. А полосати-

кам-то давиться всякими отходами, мучаясь изжогой и отрыжкой, — за что?

«На пенсии, на пенсии...»

— Зачем Голованова в обезьянник вернули? — спросил Павлов жестко.

Бондарчук оторопел.

— Его ведь с тобой согласовывали, — напирал завлаб. — Чего опять затеяли, поджигатели войны? Давай, откровенность за откровенность. Дорогуша.

— Уфф... — Генерал заметно расслабился. — Я грешным делом подумал, у тебя к нему личные претензии. Да фигня, чистая благотворительность. Голованов внучку замуж выдает, хочет ей иномарку подарить, вот его и пристроили консультантом, чтобы имел право ссуду взять. За былые заслуги. Кому он сейчас нужен, мать его йети?

— Ну-ну... — буркнул Павлов. — У деда, знаешь ли, такие связи наверху... По старым дрожжам. Он, если очень захочет, собственный институт выбьет.

— Чего ж не выбил? Дорогуша, ты из своего любимого НИИ По Барабану совсем не видишь перемен. За забором новая страна, и порядки в ней тоже новые. Последние два президента крепко поработали над этим. В России больше не занимаются ерундой. Здесь можно реализовать самый дерзкий проект, но придется грамотно обосновать его. Что может предложить армии Голованов? Очередную северную гориллу? Арктического шимпанзе? Партизанского бабуина? Гамадрила-подрывника?..

Павлов неопределенно шевельнул бровью. Возвращение Голованова на государственную службу, по общему мнению, ничего хорошего предвещать не могло. В невозбужденном состоянии Голованов был славный дядька. Но по крити-

ческим дням превращался в такого очевидного и гиперактивного психа, что становилось просто неловко. В моменты помутнения рассудка дедушка осеняли великие идеи, он с ними прорывался к министерскому начальству и задавал обезьяннику бешеное ускорение, которого хватало потом на годы. Фактически Голованов лабораторию сгубил, но та все жила, как бы сама по себе, эдаким королевством в королевстве. Директор к старику не заходил, старался не привлекать к совещаниям, а на вопрос, чем вообще занимается трехнутое подразделение и не пора ли дать Голованову пинка под зад, ответил просто: считайте эту тему закрытой. Не в смысле прекратившей существование, а для вас закрытой... Обезьянник исправно получал деньги, чего-то алхимичил, иногда даже выводил на полигон каких-то ужасных питекантропов и кому-то что-то докладывал наверх, через голову директора. Или делал вид, что докладывал... Избавиться от неуправляемого завлаба — мать его йети — удалось относительно недавно, в период реорганизации НИИПБ. Сделал это новый шеф, заработав репутацию человека со связями круче головановских.

Потом выяснилось, что сворачивать работы по теме никто не собирается.

Парадоксально, но рейтинг шефа еще подскочил.

— А ведь не доверяешь ты нам, Павлов! — совершил открытие генерал, внимательно наблюдавший за душевными терзаниями завлаба. — Это как же, дорогуша?

— Тебе никогда не кажется, — медленно и негромко произнес завлаб, — что все устроено... неправильно? В системе? Вроде бы и порядок, и контроль, и условия обсчитаны по уму. Но...

Вдруг приходит ощущение, будто не те люди занимаются не тем и делают это не так?

Бондарчук раздраженно засопел.

— Дай-ка мне твой доклад почитать, — сказал он.

— На. — Павлов вытащил из-за пазухи мятую пачку листов. — Вообще забирай, я доложу по памяти. Так получится убедительнее.

— Смотря для кого, — буркнул генерал, цепляя на нос очки в дорогой золотой оправе. — Некоторые как увидят человека, способного выступать без бумажки, тут же делают стойку на чужака. До сих пор у нас таких полно...

Павлов протянул руку и погладил могучий Катькин загривок. Кошка повернула голову и улыбнулась.

Сразу показалось легче и приятнее жить.

* * *

Машину удалось подогнать вплотную к павильону, где проходила «теоретическая» часть представления. «Делаем цыганочку с выходом, — распорядился Бондарчук. — Отсиживаешься до упора, потом я тебе звоню на мобилу, вы с Катериной заходите и рвете с места в карьер. Теперь по докладу. Текст хороший, но я бы советовал полицейские возможности «Клинка» не выпячивать и насчет работы на границе тоже... Не слишком. Объяснять, почему, я надеюсь, тебе не надо?» — «Потому что это изделие министерства, и вы сами разберетесь, с кем делиться, а кому хрен в зубы». — «Ориентируешься правильно. Ну, ни пуха».

Павлов чуть ли не с наслаждением послал генерала к черту, покопался в регулировках сиденья, откинул спинку, вытянул ноги и закрыл гла-

за. Он почему-то страшно устал за эту поездку. А ему ведь еще выступать.

Катка тут же почувствовала его состояние — бросила глазеть в окно, деликатно потопталась рядом, ища, как бы ловчее пристроиться, влезла на сиденье, осторожно уложила тяжелую голову Павлову на грудь и принялась тихо урчать. Павлов благодарно приобнял кошку и подумал — вот бы сейчас заснуть к чертовой матери. И проснуться сотрудником нормальной фирмы, выращивающей нормальных кошек. Отчего-то эта глупая несбыточная мечта накрепко засела в голове. Десятки лет даже и не мелькала, но в последние месяцы вдруг начала оформляться, потом зудеть, а теперь — чуть ли не мучить.

Завлаб приоткрыл один глаз. За тонированным стеклом мельтешили военные. «И вот так всю жизнь. Почему я раньше не замечал этого? Бегают вокруг, суетятся... Думают, что решают важнейшие проблемы мироустройства. А сами — то на снежного человека фонды выделяют, то в боевого клопа инвестируют. Шарлатанам верят, а иногда даже используют их, чтобы украсть деньги. И какое место в этой системе занимаю я? Чего добился? Сколько моих разработок оказалось не к месту, не ко времени, осталось в бумаге, не продвинулось дальше опытных серий? Шарик гордится, что больше всех лажался и пролетал. Так он и делал зато! Ну, зачастую ерунду всякую, монстров, и вообще, его любимая биомеханика — модное поветрие, тупиковая ветвь, скоро изживет себя. Но мне-то даже пролетать толком не случилось! То сам тормозил работу, одолеваемый сомнениями, а то сверху грубо обламывали. И на что же я тогда жизнь потратил? Вбухал ее целиком в изделие «Клинок»? Получается, да. Только отчего мне всего милее именно рыжики порче-

ные, а не великолепные полосатики? И здесь все наперекосяк!»

Павлов крепче прижал к себе кошку.

— Песня ты моя лебединая, — сказал он ей. — Не отдам никому.

Зазвонил мобильный. Катька прынула ушами, отлипла от Павлова и уселась на полу в стандартной позе ожидания приказа. То ли у трехцветки имелся дар краткосрочного предвидения, то ли просто кошка была еще сообразительнее, чем казалась.

— Поставили стол, должен выдержать, — сказал из трубки Бондарчук. — Выдвигайся, через три минуты я хочу тебя видеть в проходе. Тогда сразу объявлю, и ты вступаешь. Пошло время.

Павлов окинул Катьку придиричивым взглядом, нашел ее вид более чем выставочным, достал из кармана маленький баллончик и, выщелкав языком неведомую домашним животным команду «Спокойно!», пустил кошке струю вдоль хребта. В машине запахло типично женским, сладким и будоражащим воображение.

Катька то ли хрюкнула, то ли хмыкнула, то ли подавила желание чихнуть. А может, желание крепко выругаться.

— Ты — девочка, тебе должно нравиться, — непререкаемым тоном заявил Павлов. — Тем более, это не покупное, а эксклюзив от «К-10», специально для рыжиков химичили, дамы наши пропахли насквозь... Терпи. Надо. Пур этр белль иль фо суффрир¹. Вот. Кажется, так... На фортепьянах он играет, видите ли! Какого-то Даниила цитирует. Пижон. А по-французски слабо вам, товарищ

¹ Pour etre belle ill faut souffrir (фр.) — Красота требует жертв. В прямом переводе — «Чтобы стать красивой, надо терпеть». (Здесь и далее примеч. авт.)

генерал?! Черт его знает, наверное, не слабо... Ладно, Катерина, наш выход.

Он спрятал баллон, несколько раз глубоко вдохнул, пробормотал «С Богом!» и потянул дверную ручку.

Вокруг павильона был чистый сухой асфальт, это радовало. Не хватало еще представлять министру изделие с мокрыми лапами.

Спецназовцы, караулившие павильон, на Катю так вытаращились, будто это была не кошка — ну, здоровая, да, — а какая-нибудь сексуальная бомба. Павлов скосил глаза на свое «изделие» и слегка ошалел. Катка шла, как модель на подиуме — ножка за ножку и хвост трубой.

Нет, после фокуса с вороной завлаб от «десятки» готов был ждать чего угодно. Только не настолько. Это уж выглядело слишком по-человечески. «Завтра же голову ей под сканер. Глядеть, что там происходит с чипом, не образовалось ли новых связей... Если оно у Катки будет, это завтра».

— А теперь от научно-исследовательского института прикладного биоконструирования... — объявил впереди Бондарчук.

Так они и вступили в павильон, именно что вступили. Павлов тихонько отщелкнул «продолжать движение», выпустил Катку вперед и перенес внимание на ряды.

— ...выступит главный конструктор изделия «Клинок», доктор биотехники, заведующий лабораторией...

В павильон набилось очень много людей в погонах, завлаб с кошкой шли по узкому проходу между рядов кресел, и Павлов видел — Катка будто волну за собой тянет. Военные, как по команде, поворачивали головы и заметно глохли: Бондарчук вещал в пустоту. «Никто мою фами-

лию не запомнит, потому что просто не услышит, — подумал Павлов. — Да к черту. Главное, вся эта братия уже видела полосатиков. Но вот им рыжик — и оцените результат!»

Впереди полстены занимал широкоформатный плазменный монитор, висел стенд с какой-то схемой — это хозяйство Павлова не интересовало, ему нужен был правильный демонстрационный стол. И Бондарчук достал-таки то, что надо. Стол невысокий, длинный, прочный на вид, метрах в двух от первого ряда, так, чтобы до министра самую малость доносился вкусный запах кошачьего одеколona.

Катька шествовала, ряды тихо бурлили. Пару раз до Павлова долетели слова «африканский камуфляж», и завлабу стоило определенного труда не соорудить недовольную мину.

— Вам слово! — произнес знакомый голос. Павлов уже думать забыл про Бондарчука, а тот усаживался в первом ряду, неподалеку от министра, и украдкой прятал руку в карман. Сам министр смотрел на Катьку, лицо его было непроницаемо и этим выделялось среди множества радостно-удивленных.

«Актерствует, — решил Павлов. — Старшим начальникам положено выглядеть суровыми, вот и... Не буду напрягаться. Работаем». Он щелкнул «внимание на меня» и тут же, не поднимая руки, одной кистью отсигналил направление.

Катька шагнула на импровизированный пьедестал неподражаемым царственным движением. Стол выдержал. Кошка на секунду приняла выставочную стойку — павильон огласил сдавленный многоголосый стон — и уселась, развернувшись к публике носом. Села точь-в-точь как научил вчера Павлов, обвив длиннющим хвостом лапы, отчего толстоватые подставки (ну, прав

был Шаронов, всегда он прав) скрылись из вида. А хвосты у «Клинков» были заметно длиннее, чем у простых кошек. Не от хорошей жизни, конечно, — попробуй закрути такую плюшку, когда она атакует, а жертва зайцем прыгает в сторону... Тигр или лев может просвистеть мимо, его проблемы. Для армейского кота второй заход на цель непозволительная роскошь.

Убьют.

— Товарищи, — сказал Павлов просто, — наша фирма представляет изделие «Клинок».

* * *

— Разработка уникальная, аналогов не имеет. За рубежом организмы этого класса обобщенно называют «бай-мек», хотя какая-либо механика в них отсутствует напрочь... — Павлов криво улыбнулся и заработал несколько понимающих кивков в ответ. — Просто термин удобный, вот и прижился. Сразу оговорюсь — российская наука под «бай-мек» понимает узкое и, так сказать, авангардное направление в биоконструировании. «Клинки» никоим образом не баймекс, они не продукт глубоких направленных мутаций, а построены, что называется, по классике. И мы используем совершенно конкретное определение этой схемы: биоробот. Наши изделия — генетически улучшенные животные с кремниевым чипом, модифицирующим поведение. Что дает на выходе надежность — раз, управляемость — два, и никаких, товарищи, фокусов!..

Павлов слегка улыбнулся: судя по реакции публики, его намек поняли. Он и не думал топить Шаронова — впрочем, с этой задачей не справился бы, пожалуй, даже ракетный крейсер, — просто завлаб вел себя естественно и говорил правду.

После всех обманов это было весьма приятно. И вообще, грешно биотеху не пнуть биомеха хотя бы походя. Слишком они, наглые, откровенно в лидеры рвутся. Того и гляди, все финансирование на себя оттянут. А толку с них реального — что, охрана складов и один похмельный генерал, заживо съеденный?

— Итак, «Клинок». — Павлов коротко глянул на Катку, та застыла в абсолютной неподвижности и вроде бы дремала. — Рост в холке до восьмидесяти сантиметров, вес до килограмма и двух десятых на сантиметр роста. Крейсерская скорость по тяжело пересеченной местности не ниже двадцати километров в час, на относительно ровных поверхностях тридцать. Скорость атаки около шестидесяти, на коротких отрезках семьдесят, при взрывном реагировании — до ста. Правда, разогнанный до сотни «Клинок» не сможет уклониться от выстрела, направленного по оси атаки, но вы попробуйте в него попасть. И вообще — успеете сделать хоть что-нибудь, когда он выпрыгнет...

Опять кивки. Только министр по-прежнему Катку рассматривал, правда, уже не с каменным лицом. Он то морщился, то жевал губу. Павлову это очень не понравилось — что-то здесь было не так, — но завлаб приказал себе переключиться и говорить дальше.

— Для нейтрализации противника изделие применяет несколько схем, варьируемых по обстановке. «Клинок» может нанести единичный смертельный удар в наименее защищенный участок тела. А может — шокирующий удар по голове или в пах с последующим испариванием горла. Если горло закрыто воротником бронежилета, изделие либо просунет коготь под воротник и разорвет глотку, либо обхватит голову передними

лапами и попробует отвернуть ее... Да-да, именно отвернуть, это так выглядит. В самом трудном случае у противника будут вскрыты две-три доступные артерии. Человек просто с оружием, но без брони не представляет для «Клинка» проблемы, он будет уничтожен за доли секунды.... — Павлов выдержал многозначительную паузу и добавил: — Разумеется, если не дана установка на задержание живьем. Правда, есть особый случай — при взрывном реагировании «Клинок» наверняка убьет свою цель. Взрыв активности происходит, когда изделие защищает хозяина, не подозревающего об опасности, или не успевающего что-то предпринять, или лишенного такой возможности. Допустим, рядом со мной «Клинок»... — Павлов шагнул к Катьке и положил ей руку на плечо. Кошка не шевельнулась, продолжая глядеть перед собой.

— ...а некто подходит сзади и пытается ударить меня по голове. Или выхватывает пистолет. «Клинок» гарантированно оторвет нападающему руку по самое плечо. Не думаю, что после такого враг опасен, хотя вам, конечно, виднее...

В более свободной обстановке Павлов сорвал бы этой репликой короткие деловитые аплодисменты. В павильоне собралась публика, хорошо знающая, что бывает, когда тебе чего-нибудь оторвут.

— Основная функция «Клинка» — минимизация человеческих потерь с нашей стороны. Изделие разработано для того, чтобы его хозяин, проводник, управляющий модуль — называйте как хотите — не лез без особой нужды под вражеский огонь. В то же время «Клинок» гораздо больше, чем защитник и средство поддержки. Уникальные свойства изделия позволяют ему выполнять задачи, для человека трудновыполнимые или не-

выполнимые в принципе. «Клинок» можно пускать без сопровождения на диверсионные операции, в разведку и дозор, а что особенно ценно — на свободное патрулирование. Дайте изделию команду прикрыть некий участок, и оно будет на нем работать, пока не отзовете или пока его не застрелят, что проблематично... Наконец, пока на участке не кончится пища. Изделие через сутки переходит в режим самообеспечения и поедает в своей зоне ответственности все — кроме людей и других изделий нашей фирмы. То есть можно его кормить и мертвыми «Клинками», и человеческой, но вам придется разделать тушу и давать изделию куски мяса. Такая вот страховка — понятно, зачем...

Да, товарищи военные понимали, зачем. Людоед всегда людоед, даже если он бьется за правое дело. Нормальная реакция человека на людоеда — поскорее его грохнуть.

— Автономно «Клинок» в самых тяжелых условиях продержится год без изменений по психике. Вы ушли, через двенадцать месяцев вернулись, а изделие встречает хозяина довольным мурлыканьем. Год мы строго гарантируем. И в любом случае будет работать код блокировки. На эту команду пожизненная гарантия, даже если изделие отстрелят уши. Если оно вообще оглохнет, ну... При малейших сомнениях в лояльности изделия — пристрелите его, и дело с концом! Дайте очередь в затылок. Впрочем... — Павлов огладил Катьку, — это крайность. Чтобы «Клинок» начал давать сбои, нужно редкое сочетание повреждений, вряд ли совместимое с жизнью. Мы считаем, что, пока изделие дышит, оно будет вас слушаться. Слепое, глухое — унюхает хозяина. Это характерная черта отечественного биоробота — полная безопасность для пользователя...

В рядах призадумались. Наверняка — вспоминная недоброе. Едва заметно покачал головой Бондарчук. Завлаб про себя помянул грубым словом Шаронова, «Тиски», биомеханику — и резко переменял тему.

— «Клинок» незаменим, когда нужно снять часового или взять «языка». Конечно, изделие выделяет тепло и может быть таким образом локализовано, но его бесшумность и высокая скорость минимизируют проблемы, стоящие в аналогичном случае перед диверсантом-человеком. Противник заметит изделие, но не успеет ничего предпринять. Также «Клинок» превосходно действует из засады. Причем особая конструкция опорно-двигательного аппарата позволяет изделию занимать позиции, из которых противник нападения не ждет. Как я догадываюсь, полигонная фаза представления включает упражнения, которые могут выглядеть цирковыми. Но... Вам ведь не покажут лазание по кирпичной стене?

Повисла короткая пауза. Бондарчук открыл было рот, и тут из второго ряда сказали:

— В программе отсутствует.

— Правильно! — улыбнулся Павлов. — Но если будет очень надо, «Клинок» и это сможет. Лишь бы зазоры между кирпичами позволяли воткнуть коготь. Хотя рекомендовать такие фокусы, как штатный режим, мы не станем. Я, собственно, к тому, что, когда вы увидите вис на задних лапах головой вниз с работой передними лапами по противнику, не считайте это клоунадой. Штатная возможность, заданная изначально. Еще один немаловажный момент... — Павлов шелкнул, Катька молниеносно перетекла из сидячего положения в лежачее, подобралась и свернулась в тугой клубок.

Это был эффектный трюк, многие из зрителей

сначала непроизвольно дернулись — еще бы, кошка только что сидела полным чучелом, — а потом рты приоткрыли от удивления. Катьки стало неожиданно мало. Чересчур.

— Самая компактная боевая машина в истории! — провозгласил завлаб. — Причем «Клинку» в этой позе удобно, он именно так на морозе спит. Ну-ка...

Еще щелчок, Катька вернулась в сидячую позицию и снова замерла.

— Изделие очень устойчиво к болевому воздействию. Устойчивость к проникающим ранениям — по психике отличная, по физиологии хорошая. На внутренних испытаниях образцы прошли обстрел из автоматического оружия стандартных калибров России и НАТО. Можем утверждать: три-четыре попадания с двухсот метров изделие держит без снижения боевых качеств в первые несколько минут. Дальше, если не оказать «Клинку» помощь, все зависит от скорости кровопотери. Тем не менее изделие продолжит работать, пока не упадет. Согласитесь, в условиях боя это решающий фактор. Нацеленность на выполнение задачи вопреки обстоятельствам — принципиальное отличие биоробота от пресловутого биомеха. Злые языки поговаривают, что русские просто не умеют делать баймекс. Вам такое мнение наверняка известно. Ну, во-первых, наша фирма — умеет. Есть целое направление... — Тут Павлов осекся, он ведь чуть не ляпнул «занимающееся собаками». — Во-вторых, мы, выполняя заказ министерства, планировали на выходе модель с психологической надежностью, доведенной до абсолюта. Может быть, увидите сегодня, как единственный «Клинок» замучает танк... Да?

— В программе есть, — подтвердили из второго ряда.

— ...под артиллерийским огнем. Хотя это лучше смотреть на видео.

— На видео и будет. Здесь покажем.

— Почему? — ожил министр. — Извините, что перебиваю.

Он говорил таким же льдыстым голосом, как директор института. И одной лишь интонацией сумел выразить неудовольствие тем, что кто-то там сзади твякает, подыгрывая докладчику.

— Прекрасно, — быстро сказал Павлов, — я хотел услышать этот вопрос. Может, командир группы испытателей ответит на него уверенней?

Из второго ряда махнули рукой. Да, это главный испытатель подавал комментарии, Павлов с ним был шапочно знаком.

— В общем, задача «Клинка», простите за выражение, затрахать экипаж до такой степени, чтобы он полез из танка в надежде поразить изделие огнем ручного оружия. Разыграть это как спектакль — выйдет неестественно. Но есть запись первого контакта танка с «Клинком». Очень впечатляющая. Несчастные танкисты. Там работает одна кошка, и то от нее спасу нет. Если их будет хотя бы две, танк гарантированно слепнет. Побить ему оптику «Клинка» не в состоянии, но заслонить собой — легко. А вокруг снаряды рвутся, и грохот, сами знаете какой, и танк скачет будто в трансмиссию укушенный...

Публика дружно хохотнула.

— Таковы возможности отечественного биоробота разработки НИИПБ. А вот известные нам зарубежные баймекс, — мстительно сообщил Павлов, — были сплошь нестабильны. Я не раскрою великой тайны, если скажу, что франко-британские работы по военным биомехам оказались свернуты после одного занятного казуса. Там у них очень внушительный опытный экземп-

ляр, будучи обстрелянным на показе высокой комиссии, испугался, навалил кучу и удрал с поля. В него даже ни разу не попали. Сами понимаете, разработчик не станет прилюдно вести огонь по изделию, в котором не уверен — а биомех выдал критический сбой. Если кому-то нужен такой боец, можем подсказать адрес конструкторского бюро...

В первом ряду ухмыльнулся замминистра по вооружению — уж он-то завлаба понял лучше некуда, во всех смыслах.

— Задачи «Клинка» чисто оружейные — устранивать противника незаметным заходом с флангов и тыла, если надо, атаковать в лоб, а при необходимости закрыть хозяина собой. «Клинок» одновременно и меч, и щит. Такое изделие должно быть умным, но не может быть излишне эмоциональным. Хотя в гамме «Клинков» есть линия, по живости характера превосходящая базовую модель. Это женские особи. Физически самки «Клинка» немного компактнее, легче и гибче. Мы считаем это достоинством. Укомплектуйте подразделение разнополыми «Клинками» — уже через месяц для скрытого наблюдения, действий в ограниченном пространстве, сопровождения целей будут использоваться только самки. Естественный выбор. Если «Клинки» мужского пола сбалансированы хорошо, то самки — отлично. Они уравновешенны, терпеливы и благоразумны. Насколько самец хорош в силовом перехвате и атаке из засады, настолько же самка — в длительном выслеживании и скрытом проникновении. В самках мы сохранили намного больше черт, свойственных исходному материалу. Смею вас заверить, когда придет нужда послать кого-нибудь с депешей через линию фронта, вы оцените наше решение по достоинству. Этот демонстрационный об-

разец, — Павлов сделал широкий жест в сторону Катьки, — как раз самка. Катенька, поприветствуй товарищей...

Катька встала, грациозно махнула хвостом и опять села. Павлов мог бы запросто построить команды «стоять» и «сидеть» в свою речь, но решил не пижонить и втихаря из кармана пощелкал кликером.

— Обратите внимание на декамуфляжную окраску. Это не Африка, как некоторые могли решить, а показ наших возможностей по комбинированию цветов, — выдал порцию отсебятины Павлов. — Изделие «Клинок» готово к производству в трех вариантах под разные климатические зоны. Меняется цвет покровов и режим терморегуляции. Любой окрас имеет легкий мимикридный эффект, базовая модель создавалась для работы в поле, но и для городского боя ее камуфляж достаточен. Поскольку когти у изделия втяжные, перемещение по твердым покрытиям бесшумно. «Клинок» не боится высоты, исключительно хорошо лазает, в окно второго этажа запрыгивает практически с места. Еще важный момент — нами разработан и испытан с отличным результатом комплект легкой противопульной брони, совершенно не влияющей на подвижность. На защитной маске есть крепеж под микрофоны и видеоаппаратуру, по желанию заказчика возможна установка штыков, электрошокера и тому подобного оборудования. Теоретически хоть пулемет, хоть гранатомет, даже мину — хотя последнее нерентабельно, но если нужно взорвать крупного военачальника или труднодоступный объект... От себя замечу, что штатных зубов и когтей изделию вполне хватает для решения самого широкого спектра задач. И наконец...

Катька ожила, мягко перетекла со стола на

пол и двинулась вдоль первого ряда, вплотную к сидящим — неподражаемой модельной походкой, а что за кренделя она выделявала хвостом!.. Заметно напрягся Бондарчук. И тут Павлову стало неуютно — министр. «Он ее что, боится?!» — с легким ужасом подумал завлаб.

— Как легко заметить, — сказал Павлов, одновременно подзывая кошку к себе, — перед вами экземпляр в расцвете сил, на пике формы. Реально Катерине чуть больше полугода. Однако это полноценное взрослое существо, физически и ментально. В таком — рабочем — состоянии оно будет оставаться не меньше девяти лет, если использовать корм рекомендованной нами рецептуры. У «Клинка» очень большой запас по выносливости, он умеет экономно расходовать себя, его можно брать в глубокие рейды, причем свой рацион изделие может нести само. Более того, это отменный ездовой кот! «Клинка» охотно тянут волокуши и тележки. Конечно, умнее запустить изделие в передовой дозор, а тяжести доверить людям — устанут, зато живее будут, — но если понадобится... Только ящик снарядов на спину не грузите, больше двадцати килограммов ни-ни. А волоком «Клинок» до сотни потянет. Это еще, кстати, о доставке раненых с поля боя... Благодарю за внимание, товарищи, готов отвечать на вопросы.

— Слабое место — спина? — тут же спросил министр. Тон его Павлову не понравился. Могушественный вельможа будто искал, к чему придраться.

— У слона гораздо слабее, — парировал завлаб. — «Клинок» выдержит четверть своего веса, а на слона не садится больше двух человек — иначе треснет пополам. Но слонами воевали еще когда, и успешно. Кстати! Интересно, а почему до сих

пор нет заказа на боевых мамонтов? Мы вообще родина слонов, или где?

Заржали все, кроме министра и заместителя по вооружению — первый сохранил пренебрежительное спокойствие, второй отчего-то надулся, а Бондарчук, смеясь, украдкой показал завлабу кулак.

— Хотя ну его, мамонта, я сейчас представил, сколько он гадит...

Теперь засмеялся даже «оружейник».

— Давайте лучше о «Клинках»!

— Как с ними общаться неспециалисту? — Это Бондарчук вступил с домашней заготовкой. — Вот солдату выдали «Клинок» — и?..

— «Клинок» понимает оговоренный в заказе министерства набор команд. Их примерное звучание уже зашито в чип. Изделию остается уяснить, что голоса людей различны, и сопоставить с командами голос своего проводника. На это уходит день, не больше. Однако такую коммуникацию мы рассматриваем как вспомогательную. Приятно говорить с животным по-человечески, но боевой язык должен быть краток и прорываться сквозь шумы. Поэтому, — завлаб достал из кармана «дистанционку», — к изделию придается электронный кликер, вот такой пульт управления. В идеале проводник должен знать команды наизусть и воспроизводить их без пульта. Ничего трудного, музыкальный слух приветствуется, но не требуется...

Павлов уселся на стол, чтобы тот паче чаяния из-под Катки не вылетел прямо министру в лоб, демонстративно поднял «дистанционку» и зажал пальцем сразу пару кнопок.

— Команда «укрытие сзади». Фирменный прием, нормальная кошка ничего подобного не мо-

жет. Обратное сальто еще сделает, а вот так — никогда.

Кликер хрустнул. Стол издал короткий скрип. Катька непостижимым образом кувыркнулась через голову назад и распласталась по полу.

— Ух ты! — восхитился кто-то в задних рядах.

— Отбой тревоги, — произнес завлаб с нарочитой, почти клоунской ленцой в голосе.

Катька встала и снова запрыгнула на стол. Завлаб незаметно выдохнул. Для чистоты доклада требовалось хоть одно распоряжение дать голосом. Но как раз с этим у трехцветки были проблемы...

Она умела игнорировать голосовые приказы! Или выполнять их издевательски медленно. Или требовать подтверждения. Как обычная кошка, обладающая свободой воли.

В глубине души завлаб подозревал, что Катька и с кликером может побороться. Тесты этого не подтверждали, но вот если будет мощный стресс... Рыжик, способный, проявив редкую изобретательность, уйти в самоволку, а потом отчебучить нечто совсем особенное с вороной — от такого изделия стоило ждать чего угодно.

Как сейчас, например, — изделие сообразило, что это его шоу, и работало безукоризненно. Кажется, даже получало массу удовольствия.

— Вы слышали — интонация не важна, главное, чтобы текст совпал с программой. Это на случай, если у проводника нарушена дикция. Я могу и с закушенной губой, и нос зажав, и как угодно, все равно Катерина поймет, что ей говорят...

— Ко мне! — выпалил министр. Пролаял.

Некоторые военные рефлекторно дернулись. Павлов, тот вообще от неожиданности чуть со стола не упал.

Катка покосилась на министра и презрительно фыркнула.

В гражданской компании это вызвало бы обвал, взрыв хохота. Но сейчас павильон будто обледенел.

— Она же не знает, что вы тут главный, — сказал Павлов очень мягко. — Команда была принята, но отвергнута. Это вопрос безопасности — пока жив проводник, «Клинок» слушается только его. При работе в группе изделие постепенно осознает ее внутреннюю иерархию. И где-то через полгода старший группы сможет управлять всеми приданными «Клинками». Но только в отсутствие их проводников. И... «Клинки» будут тосковать. Они роботы, но живые.

— Извините, — холодно сказал министр. — У вас, похоже, все мелочи просчитаны.

— Мы обязаны, — скромно отозвался завлаб.

— А если проводник мертв?

— При отсутствии четко поставленной задачи изделие будет охранять тело. Около суток. Потом начнет искать своих поблизости, наконец, попробует вернуться в точку базирования. Если «Клинок» уже, так сказать, в подразделении социализирован, он сразу по прибытии найдет старшего начальника или разводящего и переподчинится ему. Пока не получит нового проводника. Конечно, изделие переживет серьезную травму, но работать нормально сможет... Увести осиротевший «Клинок» с переднего края в безопасное место сможет любой наш военный, обладающий кликером или знающий боевой язык.

— Что значит — наш военный? — переспросил министр подозрительно.

— У «Клинка» хорошее зрение и нюх.

— И?..

Павлов на миг задумался, подыскивая слова.

Умение полосатиков отличать своих от чужих его самого поражало.

— Наши пахнут и выглядят по-нашему, — объяснил Павлов, как ему показалось, исчерпывающе.

От него по-прежнему чего-то ждали.

— У «Клинка» высокая избирательность. В комплексе она выше человеческой. Если популярно — русского с белым американцем или еврея с арабом «Клинок» даже в полной темноте не спутает. Хотя нации близкие. Но и нюх, повторюсь, хороший.

— Знаем мы, какой у ваших изделий нюх, — сказал министр в сторону.

— Еще вопросы? — спросил Павлов елейно. Его так и подмывало рявкнуть: «Вы кошек не трогайте, все претензии к теме «Кино», пожалуйста!» Он уже жалел, что попал на представление. Все пошло криво. Здесь действовали механизмы, о которых завлаб не знал ничего. Своим подчеркнуто холодным отношением к «Клинку» министр наверняка кому-то что-то показывал — только вот что и кому... У них тут были свои разборки, Павлова не касающиеся, но полосатикам и в особенности рыжикам это могло принести вред.

Бондарчук сидел, закатив глаза, и легонько покачивал головой из стороны в сторону. То ли за своих извинялся, то ли завлаба осуждал — непонятно.

— Еврея, значит, с арабом не спутает... — пробормотал «оружейник». — Полезное свойство. На натуре проверяли?

— Компьютерное моделирование показало...

— Ах, компьютерное...

Павлов закусил губу. Описать бы случай с вороной! С чердака потом целую стаю выселили, а трехцветка добыла именно ту. Это с посаженным

нюхом! Но вскроется сопутствующее Катькиному подвигу разгильдяйство и утопит НИИПБ глубже некуда.

— Давайте закругляться, — предложил министр. — Благодарю вас, товарищ... э-э...

— Доктор Павлов! — подсказал Бондарчук.

— Павлов, да. Вы свободны, до свидания. Что у нас теперь, доклад испытателей? Хорошо, перерыв.

— Товарищи офицеры!..

— Вольно, вольно. Перекур.

Военные организованной толпой повалили на выход.

— Мышка бежала, хвостиком махнула... — пробормотал завлаб. — Снесла дедушке яичко. Напрочь.

Катька, будто демонстрируя отношение к происходящему, неприлично раскорячилась на столе и начала вылизывать под хвостом.

* * *

— Бери мою тачку и сваливай в темпе! — прошипел Бондарчук.

Выражение лица у него было, с каким на фортепьяно не играют и о литературе не беседуют. А вот в жарких странах геноцид учинять — с такими налитыми кровью глазами, пожалуй, самое оно. Павлов даже поежился.

— А полигон, банкет?.. — без особой надежды спросил завлаб.

— С тобой попрощались, идиот! Ох, Павлов, дорогуша, ну ты и выступил! Не понял еще? Министр что-то знает про твой образец, мать его за ногу! Я тебя, паразита, даже спрашивать не буду, кто она на самом деле, эта Катька!

— Гражданка, — признался Павлов и виновато шмыгнул носом.

— А-а... О-о... Убил. Без ножа зарезал. Су-у-ка... Расстрелять! Почему гражданка? Откуда? Самопал?!

— Да какой самопал, я что, в арбузной лавке работаю?! Был приказ. Лично директора. Кто ему — не в курсе.

— Зато он, — Бондарчук ткнул пальцем в сторону дверей, — очень даже в курсе, дорогуша. Павлов! Свинья неблагодарная! За что?!

— Директор сворачивает работы по гражданской. А модель удачная, ты сам видел. Я надеялся договориться...

Тут Бондарчук завлаба перебил и в нескольких энергичных фразах объяснил ему, кто он такой и с кем ему о чем положено договариваться.

— В общем, — заключил генерал, — через минуту духа вашего педерастического здесь нету! Ая, может, послужу еще... Хотя сомнительно. Ой, Павлов! Убийца... Хуже Шарикова. За что же вы так генералов не любите?!

— Извини, — завлаб покаянно вздохнул. — Мне не повезло.

— Подставляла ты бессовестный! — горько сказал Бондарчук и удалился шаркающей походкой ознакомленного со смертным приговором.

Павлов спихнул Катюку со стола. Когда вешишь сто двадцать килограммов при росте два метра, чужие габариты почти не волнуют.

Скорее уж они волновали костлявого невысокого министра — это завлабу только что пришло в голову. Может, товарищ военачальник, помимо всяких потаенных мотивов, элементарно не любил крупных животных.

Или крупных биотехов.

— Пошли, кошка драная! — рывкнул Пав-

лов. — И не верти задницей. Довертелась. Лярва рыжая. Иметь тебя конем!

Это уж звучало совсем несправедливо, но завлаб сейчас плохо соображал. Ему хотелось рвать и метать. Первым он разорвал бы и разметал себя лично. Было невыносимо стыдно. Перед всеми, начиная с Бондарчука и заканчивая шефом. Еще было заранее обидно: ведь Павлов уже сам искажился с головы до ног, а дрючить его тем не менее вздрючат. С темы снимут влегкую. За самоуправство и не так прикладывают. Из института попросят вряд ли, но длительный неоплачиваемый отпуск для начала обеспечен. А там как повезет, могут и отстранить от практической работы. Откомандируют лекции читать в альма-матер — родной Ибиотех. Тоже, блин, душевное название...

Катька смотрела на Павлова недоуменно. Думала, наверное, что день выдался на редкость яркий и вообще жизнь удалась. И причин внезапного озверения хозяина понять не могла.

— Пойдем же, — сказал Павлов уже мягче, хватая кошку двумя пальцами за кольцо на ошейнике. Сильно нагибаться для этого не пришлось.

Сразу за дверью павильона их обступили и просто так уйти не дали.

Посыпались вопросы. То, что у товарищей офицеров руки буквально чешутся Катьку погладить, было написано на лицах. И в теоретическом плане интересовал всех именно «демонстрационный образец».

Они, как недавно Бондарчук, «хотели такую кошку». Могли бы и не говорить, но кое-кто признался. Командир испытателей, ни больше ни меньше. Страшноватый на вид майор, весь в шрамах, эдакая военная реинкарнация доктора Шаронова, способная одним небрежным ударом рубить немецкую овчарку, а двумя — кавказскую.

Катька майором заинтересовалась — еще бы, он за последний год пропах «Клинками» до спинного мозга. Павлов вздохнул и сказал: «Нате, целуйтесь, вам разрешаю». Майор, не заставляя себя ждать, ловким шелчком отстрелил сигарету в урну и полез к трехцветке мурлыкать. Натурально — он ей что-то по-кошачьи пел, а сам так и сиял, восхищенно теребя пышную рыжую гриву. Катька откровенно нежилась. Павлов даже укол ревности ощутил. И зависти — он кошкам только шелкать умел да команды подавать. Ну, еще всякие проявления нежности, без которых доверия не завоеуешь. Вроде бы искренние проявления. Вроде бы.

Оказывается, Павлов всю жизнь удивительно потребительски относился к кошкам, даже к тем, что в доме жили, — это ему вдруг мгновенным прозрением стало ясно до боли. Ну, у человека вроде как положено быть коту. Для компании, для удовольствия, для развлечения, от мышей, наконец, — вот, и...

Полюбил он впервые по-настоящему только образец ка десять эр десять. Полюбил очень.

Пигмалион хренов.

— Дайте, пожалуйста, сигарету, — попросил завлаб сдавленным голосом. Курить он бросил десять лет назад. Дым обжег горло, вызвал мучительный кашель, но голову немного «повело» и стало полегче.

Издали на столпившихся вокруг Катьки офицеров бросал неприязненные взгляды министр. Он беседовал с «оружейником», неподалеку курсировал, страдая, Бондарчук.

Вслед за майором к Катьке начали тянуть руки и остальные.

— Слушайте, нам пора! — взмолился Пав-

лов. — Выступят полосатые, успеете с ними потом наиграться.

— Полосатики очень хорошие, — сказал майор, с трудом отрываясь от Катьки. — Но эта — особенная. И когда мы будем работать с такими?

— Уже никогда, — отрезал Павлов, глубоко затянулся и кашлянул. Все равно хорошо было покурить. Он бы сейчас еще и выпил.

— А-а... Как же? — Майор выглядел неприятно удивленным.

— Эта серия пойдет на мясо, — громко произнес завлаб с вымученной жестокостью в голосе. — Может, уже завтра. Я привел Катерину исключительно для красоты показа. Ну и выпендриться. Чтобы видели, как мы умеем. В обозримом будущем ничего похожего не обещаю.

Майор снова закурил. Лицо его посуровело. Вокруг стало неожиданно тихо — Павлова слышали все. И Бондарчук обернулся. И зам по вооружению. А министр и так уже в их сторону глядел.

— В армии не принято спрашивать «почему»...

— И я не имею права вам ответить.

— Естественно. В общем... Чтоб вы знали — мы ведь почти не знакомы, до прошлого года я работал только по собакам, — сказал майор. — И когда пришли «Клиники», был настроен скептически. Теперь я их горячий поклонник. И ваш. И ее. Что же... Очень жаль. Прощай, Катя.

— Прощайте, — за двоих ответил Павлов и, поманив трехцветку за собой, под многоголосое «до свидания» пошел к машине.

Когда «Волга» тронулась, завлаб оглядел ручку двери, отыскал нужную кнопку и опустил шторку над перегородкой.

— У вас закурить не будет? — спросил он водителя.

— А как же! Держите.

— Спасибо. Помните, где меня подбирали? Туда и поедем. Кошку я сам отвезу ближе к вечеру. Мне еще... Надо поработать с ней.

Катька, с интересом наблюдавшая, как хозяин закуривает, принялась к табачному дыму, чихнула, мотнула головой и обескураженно витарасилась.

* * *

— Ну, заходи, — сказал Павлов. — Я тут живу.

Катька шагнула через порог, секунду-другую задержалась в прихожей и уверенно двинулась на кухню — туда, где пахло едой.

Проголодалась киска. Павлов воровато оглянулся и захлопнул дверь.

Он достал пару мисок, налил кошке воды, насыпал корма. Себе плеснул немного виски. Катька сначала отвлекалась — разумеется, все ее интересовало — жуя, ворочала туда-сюда головой, стреляла глазами, но голод взял свое. Павлов уселся и, прихлебывая, смотрел, как она ест.

Насытившись, кошка подошла к завлабу, благодарно потыкалась мордой и приступила к детальному исследованию кухни. Быстро все изучила, встала в дверях, обернулась, спрашивая разрешения продолжать. Ей бы сейчас полагалось вздремнуть, но инстинкты «Клинка» мешали. Пусть база кажется безопасной на первый взгляд, а хозяин подчеркнуто спокоен, все равно — прежде чем устраиваться на отдых, нужно осмотреться. Место незнакомое, мало ли что тут.

Павлов вспомнил, где жена держит сигареты, достал пачку из шкафчика, взял пепельницу, сунул бутылку под мышку и сказал:

— Ты не стесняйся. Гуляй. Свободна. Потом

заходи в гостиную. Эх, надо бы, конечно, затопить камин, чтобы все честь по чести, но обойдемся. Потом, у меня нет кресла-качалки и теплого пледа. И я не курю трубок. Черт побери, я вообще не курю...

Большую часть тирады он произнес в одиночестве — кошка исчезла за порогом, едва услышав, что свободна.

Павлов устроился на диване, налил себе еще, закурил и стал ждать.

Нормальное животное первым делом пошло бы именно в гостиную, где было особенно много интересных вещей и запахов, но Катька сразу утопала на второй этаж. Оценить, какой обзор местности сверху. Ну, пусть в окна поглядит... Павлов не боялся, что кошка набедокурит — у «Клинка» воспитание. На базе он просто обследует интерьер и ничего не трогает без спроса. Когда приживется, тогда уж начнет пошаливать. Скорее всего. Кот все-таки.

Негромко загудело. Потом взвыло. Бухнуло. Треснуло.

— Эй, ты! — заорал Павлов, вскакивая. — Боевая машина, иметь тебя конем! Что за бардак?!

Ему даже в голову не пришло отщелкать команду. Он уже воспринимал Катьку будто домашнее животное. Излишне расслабился, наверное.

Наверху убивали.

Павлов стремглав взлетел по лестнице и остановился, тяжело дыша. Катька примерилась и коротким четким ударом нейтрализовала врага.

Пылесос вякнул и отдал концы.

— Фу! — запоздало выдохнул Павлов.

Кошка, громко фыркая, обнюхала разломанный вдребезги пластиковый корпус, с победным видом подскочила к хозяину, ткнула его носом в

бедро и уселась рядом, готовая защитить от кого ни попадя.

— С новосельем! — процедил завлаб. — Шас как дам по ушам! И по наглой рыжей морде!

Пылесос был полный автомат, для чистки ковровых покрытий, и Катька, видно, знакомясь с ним, ткнула кнопку. Широкую, удобную, легко прожимающуюся. Дабы человек не перетрудился, включая.

— Ты, главное, Катерина, не стесняйся! — посоветовал Павлов. — У меня техники сколько угодно. Стиралки, посудомойки, телевизоры... Захочешь еще повоевать — только свистни. Зар-раза!

Кошка озадаченно посмотрела на останки пылесоса.

— Пойдем-ка отсюда, красавица, — сказал Павлов, отдуваясь. — Ничего, я не сержусь на тебя. Сам виноват.

Спускаясь по лестнице, завлаб вспоминал, сколько в доме автоматики и не включится ли внезапно еще чего. Он-то привык. А кошка?

В углу гостиной стоял еще один такой же пылесос, Катька его заметила моментально. Выдала напряженную стойку, оглянулась на Павлова и начала опасливо к машине подкрадываться. Не по-боевому, а любопытно.

— Соображай, — поощрил ее Павлов. — На черта тогда у некоторых компьютер в башке? Пусть и с отвалившимися проводами...

Катька пылесос обнюхала, потрогала мягкой лапой тут и там. Естественно, зацепила кнопку и резко отпрянула назад — хорошо, Павлов успел откатить журнальный столик, а то бы кошка его развалила своей монументальной задницей. Пылесос, издавая тихое гудение, поехал вдоль стены. Катька, шипя, кралась следом на полусогнутых.

Павлов допил свою порцию виски и ушел на кухню. Разбавить водой, а то в стакане бац — и пусто, так перебрать недолго, ему же сегодня еще машину вести.

За руль не хотелось совершенно. Хотелось остаться дома. Жить. И пусть Катька создает уют. И заполняет пустоту, возникшую после отъезда дочери. Чтобы заткнуть такую дырищу, нужна по-настоящему большая кошка.

Когда Павлов вернулся, позвякивая ледяными кубиками в стакане, выглядел он куда довольнее прежнего — отвык пить виски с водой и напробоовался, пока смешивал. Катька сидела посреди комнаты, присматривая за катающимся туда-сюда пылесосом. На завлаба кошка едва покосилась.

— Красивые все дурочки, — сообщил Павлов. — Вот увидишь, когда моя с работы придет, вы сразу подружитесь. Родственные души.

Он достал мобильник и, поковырявшись в меню, дал пылесосу отбой. Тот убрался в угол и затих.

Катька секунду помедлила, затем встала, сунулась к пылесосу и... Не наобум, а прицельно нажала кнопку! И в полном восторге уселась наблюдать за работой бытовой техники.

Пришлось отрубить аппарату питание. Кошка еще потеребила кнопку, разочаровалась, примерилась было дать непослушному пылесосу тумака, но — Павлов не успел крикнуть «Фу!» — сама передумала.

— Не все красивые дурочки, — подытожил завлаб. — Иди сюда, будем смотреть кино.

Телевидение Катьку заворожило. Сначала она, конечно, ткнула лапой монитор, озадачилась, попробовала заглянуть за висящую на стене панель, озадачилась еще больше, но дальше по

логической цепочке — в комнату за стеной — не пошла, а начала просто смотреть! Павлов глядел, как она прядает ушами, садится то поближе к изображению, то подальше от него, и размышлял. У трехцветки все получалось слишком легко. Пылесос освоила за пять минут. К телевизору кошки привыкают дольше, а эта сразу, кажется, уяснила, что он просто картинка. Зрение у «Клинков» типично кошачье. Мозг, в общем, тоже. Если не считать объем. Но у тигра, допустим, мозги не меньше. А потянет он те же задачи, что базовый «Клинок»? Тигр — с чипом, с программой, заботливо выращенный человеком, грамотно замотивированный на боевую работу?..

После минутного раздумья Павлов пришел к выводу: тигр не потянет. Более того, завалит все тесты, после чего у него разовьется зверский комплекс неполноценности, бедолага впадет в депрессию и сдохнет.

Приняв еще полстакана, завлаб почувствовал, что мог бы доказать эту теорию на полном серьезе.

Почему-то тигра было не жаль. А жалко было рыжиков.

Катка улеглась у хозяина в ногах — все еще с оглядкой на телевизор, но уже задремывая. Павлов легонько погладил кошку и оставил в покое.

«Что же ты все-таки за зверь, а, образец ка десять эр десять?»

Кошек не дрессируют в общепринятом смысле. С ними играют, провоцируют совершать некие действия, а потом стараются материал закрепить. И кошка не выполняет много разных элементов. Даже собачий «общий курс дрессировки» уже перебор для кота. Может, кот и в состоянии. Но просто не будет, и конец. Пока ты его не убедишь, что без наработанной команды «рядом» и хорошего навыка апортировки жизнь кошачья

пройдет зря. А убедить — как? Да проще сразу разрезаться.

Никто не делает больше, чем ему надо для пропитания и удовлетворения эмоциональной сферы. Ни на коготь. И не понимает больше, чем имеет смысл понимать — для тех же надобностей.

Очень по-человечески, не правда ли?

Получается, у Катьки запрос по эмоциям намного выше, чем у собратьев, и кошачьих вообще. Ей, чтобы быть счастливой, требуется масса впечатлений, а главное — переработанного опыта. Она хочет решать задачи, усложняющиеся с каждым днем. Навыки «Клинка» в чем-то помогают ей, но в чем-то и мешают. Хотя... «Даже неси Катька сознание обычной кошки, пылесосу все равно пришел бы конец, — подумал завлаб. — Хватит жалеть технику. Уже тью-тью, проехали. Дано: нашей «десятке» для полного счастья надо быть сообразительной. Вопрос: чем это спровоцировано?»

В последний раз голову Катьке сканировали полтора месяца назад. Чип сидел криво, некоторые связи не просматривались, какие-то установились нечетко. В том числе и выход на центр послушания, между прочим. Могло там еще что-то прирасти или отвалиться? Допустим. «Решено — завтра же голову под сканер! Но даст ли новая информация наводку, как решать задачу с рыжиками?»

Запищал мобильный. Катька на секунду полуснулась, но только чтобы улечься поудобнее.

— Уважаемый коллега! Ты где? И увидим ли мы тебя сегодня?

— Я дома. На фирму заеду часам к девяти, буквально на пару минут.

— Нет, это несерьезно. — Шаронов, судя по

всему, огорчился. — А знаешь... Я сейчас к тебе подскочу!

— Только без собаки! — выпалил Павлов.

— Какой собаки? Откуда у меня на работе собака?

— Да, я не подумал. Ну, заезжай. А вообще — зачем? Что-то случилось?

— Груб и негостеприимен, — заключил Шаронов. — Замкнут, подавлен. Нетрезв? Да и пес с тобой. А я тут выяснил кое-что насчет твоей последней работенки. Интересный оказался заказец. Чисто западня на слонопотама. В смысле — влететь мог только крупный, сильный и глупый зверь. Вроде некоторых.

— Приезжай немедленно! — сказал Павлов, усилием воли отдергивая руку, тянущуюся к бутылке.

* * *

С улицы в прихожую Павлов зашел первым. Катки не было видно. Завлаб отщелкал «ко мне», из-за косяка высунулась настороженная морда.

— Я так и думал! — воскликнул Шаронов, протискиваясь мимо Павлова и снимая плащ. — Котами меня еще не травили. Но надо ведь когда-то начинать!

— Засаду устроила, — констатировал Павлов без особого сожаления. — На всякий случай. Освоилась, значит. Признала дом своим.

— Привет, мясо! — бросил Шаронов кошке. — А ты хорошо смотришься в интерьере! Прав был твой папочка — создаешь уют.

— Мясо? — Павлов это слово расслышал, но хотелось переспросить. В институте так называли кандидатов на переработку. Не мясо, конечно, из них выходило — кормовая мука. Хотя, если ве-

рить слухам, однажды Шаронов какого-то своего мутанта списал целиком, а сдал покусочно и с солидным недовесом.

— Самое что ни на есть, — сказал Шаронов. — Красивое такое рыжее мясо. А я предупреждал.

— Слушай... Это правда, что ты один свой образец съел?

Шаронов типично собачьим манером повернул в сторону коллеги один глаз, а за глазом уже — голову.

— Не уходи от темы, — буркнул он. — Ну, съел. Частично. И не в одиночку, а рабочую группу привлек. Давно это было. Я разозлился тогда очень, когда вояки модель забраковали. И устроил первобытный отходняк по ушедшему другу. Угостил и прижизненных врагов покойного. Некий полковник Бондарчук потом блевал целый час. Когда его просветили, кем именно водочку закусывал.

Катька вышла из гостиной, осторожно Шаронова обнюхала и села рядом с Павловым — на предмет, если гость попробует хозяина загрызть. Не нужно было заканчивать биотех, чтобы понять ее мотивы, тут и ребенок бы догадался. Шаронов кошачий демарш проигнорировал.

— Съедобно было?

— Да как сказать. Нормальная собачатина. Психологически жрать невозможно, а физиологически очень даже. Это был такой «Молот», ты вряд ли слышал. Прекрасный зверь. И он теперь во мне. — Шаронов похлопал себя между животом и сердцем. — Сколько лет прошло, а я, наоборот, все лучше его чувствую. Когда нужно по жизни озвереть, просто выпускаю дух умершего на волю.

— Ты это серьезно?.. — Павлов даже назад по-

дался, чем Катьку насторожил и заставил подобраться чуть ли не в боевую позицию.

— Бухой! Протрезвейте чуточку, а?

— Да я ничего вроде бы.

— Тогда пойдем. — Шаронов повернулся и ушел в гостиную, оставив Павлова с Катькой подурачки таращиться и напрягаться.

Зазвенело в баре стекло, подъехало к столу поближе кресло.

— О-о, да ты опять закурил, уважаемый коллега! — раздалось из комнаты. — Хреново тебе, значит!

— Вот такие у нас друзья, — сказал Павлов кошке. — Ладно, ты со мной или как?

Шаронов разглядывал тот самый «Курвуазье».

— Ты же за рулем, — сказал Павлов.

— Мне начальник ГАИ разрешил. Мы теперь друзья до гроба, я его суку крыть буду.

— Крыть? В каком смысле? Чем?

— Матом! Естественно, Бабаем. Щенки от лауреата Государственной премии, члена-корреспондента, секретного ученого и прочая... Я не много на себя взял? — Гость выразительно помахал бутылкой.

Павлов только рукой махнул. Коньяк он хотел отдать генералу, но после сегодняшнего представления это вряд ли имело смысл.

— О, сколько нам открытий... — проворковал Шаронов и вытащил пробку. — Чудных! Открыли. Налили. М-м... Будь здоров. М-м... Да. Все-таки это не для русского человека. Короче, уважаемый коллега. Ты свою красавицу что, на представление возил? Хотел министра впечатлить? И пока он будет от восторга чумной, выбить решение вести работы по гражданке дальше?

— Уже началось... — Павлов закрыл лицо руками.

— Ничего еще не началось. Во всяком случае Бондарчук шефу не звонил точно. Может, его уже расстреляли? — предположил Шаронов, весело скалясь. — И что там случилось, на представлении?

— Министр не впечатлился. Скорее наоборот.

— Еще бы. Да его буквально изнасиловали этими твоими рыжиками!

Павлов откинулся на спинку дивана. Ему опять захотелось уснуть и проснуться другим человеком. Свободным. Независимым. Счастливым.

— Откуда информация? Хотя да, прости, не имеет значения...

— Данные надежные. Гражданку твою заказал большой человек из администрации Президента. Достаточно большой, чтобы заставить кого угодно дать стране хоть угля, хоть птичьего молока... А знаешь, для чего заказывал? Не падай на пол — в подарок!

Павлов бросил взгляд на Катю — та полулежала неподалеку и слушала. Так внимательно, будто понимала.

— Была идея осчастливить твоими кисками то ли президентов союзных государств, то ли еще кого близкого по уровню, — продолжал Шаронов. — Деталей не знаю. Может, арабским эмирам в личную охрану. Или какому-нибудь туркменбаши для оживления интерьеров дворца. Министр, понятное дело, возражал, но на него крепко наступили, как они это умеют. И шефу нашему тоже... Отдавили самолюбие. И все замкнулось на некоего завлаба. Есть у нас один, вроде динозавра, туша большая, мозги крохотные. А динозавр вместо того, чтобы отказаться делать непрофиль, с головой окунулся в работу! Тебе шеф не намекал, мол, трудно будет, сложно, вряд ли получит-

ся и вообще за каким дьяволом «теме К-10» брать на себя гражданку?

Павлов мотнул головой.

— Должен был! — настаивал Шаронов.

— Там ведь нечего выдумывать, — сказал Павлов уныло. Он уже знал следующую фразу коллеги. — Возьми исходник, чуть распусти в одном месте, немного зажди в другом. Перекрась. И готово. Это понятно любому идиоту. Даже из администрации Президента. Вывод был бы: не смогли, значит, не хотим. Вот почему на меня и не давили. Наверное. Мне так кажется.

— Выдумывать нечего, а ты тем не менее заказ слил! — выдал ожидаемую реакцию Шаронов. — Одаренно.

— Перестарался. А может, судьба.

— Я от тебя помру однажды. Судьба... Дальше слушай. Пару месяцев назад случилась большая стирка наверху. Кое-кого спустили с небес на землю. Понял? Сам вычисли, кто заказывал музыку, то есть рожки...

— А..: Понимаешь, я не интересуюсь политической... — сказал Павлов виновато.

— Так она заинтересовалась тобой!!! — заорал Шаронов. Задремавшая было Катька вскочила на ноги. — Чисто по классике! Ты идиот! Заказ сам собой испарился! Министр счастлив! Шеф в восторге! А ты! Вместо того, чтобы держать нос по ветру! Чуть подтекст! И радоваться! И делать вид, что самый умный! И стричь купоны! Полез к министру с трехцветной кошкой наперевес! Как он только в обморок не грохнулся от унижения...

— Фу! — Павлов условной отмашкой усилил серьезность приказа. Катька уже прицеливалась вывалить гостя из кресла на пол. Для начала.

Поведение, «Клинку» не подобающее, даже распушенной гражданской версии. Но то ж Катька.

Шаронов обернулся к кошке и с редкостно человеческой для себя интонацией произнес, глядя ей прямо в глаза:

— Ты очень красивая. И умная. И похоже, немножко стерва. Люблю таких. Завтра тебя убьют. Это будет неправильно.

Катька попятилась, и вновь у Павлова возникло ощущение, будто она понимает больше, чем положено кошке. Даже «Клинку». Даже гражданской версии.

— Хорошие девочки попадают на небо, — сказал Шаронов и налил себе еще. — Зато плохих девочек пускают куда угодно. Прощай, Катя.

У Павлова защемило сердце — такое же «прощай» он слышал на полигоне. Завлаб подозвал кошку, усадил рядом и обнял за шею.

— А я и вправду мог настричь купонов, — признался он. — Мне шеф почти открытым текстом выдал — мол, надо забыть рыжиков и готовиться к повышению.

— Но ты, дубина, их полюбил и решил любой ценой выпустить в народ... Уффф, сколько ни пью французский, ни черта его не понимаю. Вероятно, культурки не хватает. А попроще нет отравы? Для выходцев из низов?

— Сам поищи в баре... Ты прав, я рыжиков полюбил. А сегодня я еще понял, что они должны быть. Просто быть, понимаешь? Жить на свете. Продаваться в зоомагазинах. Катька так нравится людям! Нужно продолжать исследования и развивать именно эту линию. Говорю тебе — судьба.

— Судьба вам завтра явится, — издали пообещал Шаронов, перебирая бутылки. — Одному с косой, другому с приказом по институту. Кому покажется больнее, не берусь предположить.

— Думаешь, это конец?

— Не то слово. Карьеристы жестоки. И непо-

виновение воспринимают как личную обиду. У нас и шеф и министр именно такие. А ты им сегодня в рожи плюнул. Едва зажившую болячку разбередил. Готовься к худшему. Предупреждаю сразу: я тебе помогать буду. Попробую зайти с торца — по линии Академии наук.

— Лучше по линии начальника ГАИ.

— Ух! — Шаронов едва не подпрыгнул. — Ну, Павлов! Можешь ведь! Можешь соображать, когда хочешь! Это мы тоже задействуем.

— Оставь. Лучше поработай оппонентом. У меня тут возникла идея по рыжикам, которая вроде бы объясняет некоторые Катькины способности.

— Оппонентом? А мы не подеремся? — спросил Шаронов.

Когда пришла с работы жена Павлова, в гостиной плавали сизые табачные облака и громко ругались биотех с биомехом. На углу стола, потеснив бутылки и стаканы, приткнулся ноутбук, повсюду валялись мятые листы исписанной бумаги. «Десятка» пряталась на кухне.

— О-о... — протянула жена, обозревая разгром.

— У-у... — только и сказала она секундой позже, когда к ней подбежала здороваться Катька, донельзя обрадованная появлением в доме хоть одного нормального человека.

— Ты не беспокойся! — крикнул из гостиной Шаронов. — Я их на фирму сам отвезу! Мне начальник ГАИ разрешил!

* * *

Телефон закрытой связи в кабинете директора НИИПБ разразился трелью в девять утра. Звонил генерал Бондарчук.

— Ваш Павлов дурак! — выпалил он без предисловий.

— Тоже мне открытие. Космического масштаба.

— Но я о другом...

— То, что Павлов дурак, — перебил генерала директор, — знает на фирме каждая собака. Он глуп по-человечески и слаб как ученый. За всю карьеру ничего путного, кроме «Клинка», не родил. А продвигался из-за того, что грамотный биотех и надежный исполнитель. Должен был дойти до замзава и остановиться. Не знаю, как он получил тему, это было до меня. Тем не менее...

— Вам министр звонил? — вклинился Бондарчук. — Ах, еще нет... В общем, слушайте. Я прошу от себя лично. Не наказывайте Павлова насмерть. Впаяйте от души, чтобы, скотина, запомнил, но не чересчур.

— А есть за что? — насторожился директор.

— Сейчас будет! — И генерал выдал длиннющий монолог. По завершении которого на другом конце провода обнаружилась тишина безвоздушного пространства.

— Ау! — позвал Бондарчук.

— Это подло, — выдавил через силу директор. — Воспользоваться моими обстоятельствами...

— Так я и говорю — дурак! Что с такого возьмешь? Он был уверен, что поступает разумно! Он же бредит своими рыжиками! А я, к сожалению, не знал подоплеки... Как вы умудрились оставить меня в неведении, дорогуша?! Да плевать, что вам приказывал министр напрямую, — а личные отношения уже ни хрена не стоят? Я ваш куратор, мать-перемать, или хрен кошачий?! Я мог бы на хрен не допустить! А оказался хреновым соучастником! В общем, Павлов хренов по большому

счета ни в чем не виноват! Хотя он тоже козел и чмо!!!

— Это подло... — повторил директор мимо трубки.

Шаронов появился через полчаса, когда директор успел напереживаться всласть, мысленно казнить Павлова через кастрацию, немного успокоиться и понять, что самый очевидный выход из положения не всегда лучший.

Отмороженный биомех и новоиспеченный заместитель повел себя довольно странно — через секретаршу испросил разрешения зайти.

— У вас что-то случилось? — встревожился директор, втайне надеясь, что для одного дня происшествий хватит — ему предстояло еще пережить звонок министра.

Шаронов сунул в кабинет сначала голову, спросил: «Разрешите?» — и мягко, без обычного хлопка, прикрыл за собой дверь. Директору стало неуютно и душно.

— Я по личному вопросу, — сказал Шаронов почти вкрадчиво. — Видите ли... Наш коллега Павлов, как бы помягче выразиться, не слишком умен. Попросту говоря, дурак. Он даже в кошках, с которыми тридцать лет проработал, ничего не понимает. Вообще. Парадоксально — именно поэтому у него так здорово получился «Клинок»! Выдающееся изделие, которое нужно без ложной скромности выдвигать от института на Государственную премию, и премию — брать! Так вот, Павлов...

— Что. Он. Еще. Натворил? — отдельно произнес директор.

Шаронов смешно выпучил глаза. Таким растерянным его не видели, наверное, даже близкие родственники. Впрочем, он сориентировался за

долю секунды и уже снова рот открыл — но директор успел перехватить инициативу.

— Стоп!

— Вам плохо? — обрадовался Шаронов. — Я прикажу врача!

— Стоять! — прохрипел директор, одной рукой держась за сердце, а другой безуспешно пытаясь налить себе воды. Шаронов поспешил на выручку, пока весь стол не промок.

Через минуту шефу полегчало, вплоть до способности выражать мысли членораздельно, даже фразами.

— Вы-то откуда знаете? — спросил он. — Ой, ладно, еще соврете, не хочу. И какие предложения?

— За самоуправство Павлова с темы снять. Госпремию — я не шучу — забрать на институт. А наш простодушный коллега пусть колуается со своей гражданской версией. В перспективе гражданка нас озолотит. Могу расписать обоснование. Рано или поздно боевые «Клинки» превратятся из уникальной разработки в нормальное оружие. Начнутся продажи. Готов поспорить, министерство само задумается, как снять с «Клинков» побольше денег. А мы уже тут как тут!

— Гражданской версии «Клинка» не существует в природе, — сказал директор твердо. — И никогда не существовало.

— Но ей придется быть! По логике вещей. Так и пусть ее делает человек, стопроцентно управляемый. Который без вашего разрешения лишний раз не вздохнет. Денег понадобится минимум, оборудование уже стоит, точнее, простаивает... А так-то у нас много чего на фирме нету, признаю. Дедушки Голованова, мать его йети, — например. И прямоходящих шимпанзе. В строгих деловых костюмах.

— Это обман восприятия или на меня кто-то давит? — спросил директор, нехорошо шурясь.

— Это предчувствие удушения жабой. Когда институту позарез нужен будет гражданский «Клинок», а разработчик уже с горя сопьется. Между прочим, научный руководитель Павлова, ныне старейший член академии...

— Все-таки на меня давят, — решил директор.

Шаронов сунул руки в карманы — директор не предложил ему сесть — и насупился.

— Как скажете, — процедил он, глядя в сторону. — Разрешите идти?

— Говорят, вы решаете любые проблемы, — тоже в сторону и тоже негромко сказал директор.

— В пределах возможного, — туманно ответил Шаронов.

— Нет контактов в местном ГАИ? Ведь должны быть.

— Можно выйти на них через начальника УВД. Или городской отдел ФСБ. А что?

— Мне пришлось ехать сюда на такси, я чуть не опоздал! — раздраженно сообщил директор. Видно было, что он не привык докладывать подчиненным о своих проблемах. — Эти наглецы задержали моего водителя. Видите ли, трубочка позеленела.

— Издержки демократии. — Шаронов скорчил жуткую рожу, долженствующую означать то ли сочувствие, то ли понимание. — Если тормознули вашу машину, которую весь город знает... Опять месячник борьбы за трезвость. Ерунда, отпустят.

— Они странно вели себя, — сказал директор.

— Вы их просто вблизи давно не видели. Гаишник — особый подвид милиционера. Он предпочитает не сразу нападать, а сначала дезориен-

тировать жертву. И уж потом набрасывается. Так разрешите идти?

— А если у водителя права отнимут?

— Ну, если... Извините, у меня сейчас выезд на завод. Ничего на словах передать не нужно?

— Передайте доктору Шаронову, — процедил директор, — чтобы он не задавался вопросами, лежащими вне сферы его служебных обязанностей. И сугубо для информации. Приказ на разработку непрофильного «Клинка» поступил по каналам высшей секретности. Так же и был отозван. Значит, гражданской версии институт не делал никогда. И пока я здесь директор, больше мы с непрофилем не связываемся. Он подрывает репутацию института. Последнее можете не только Шаронову передать, а рассказать всем, кому сочтете нужным. А с дураками, орудующими в наших стенах, разберемся согласно трудовому кодексу. Ясно?

— Я Шаронову скажу, — кивнул Шаронов. — И всем, кому сочту нужным, — тоже.

— Замечательно. И соблаговолите закончить дела на заводе к обеду. Вы назначены главой ликвидационной комиссии по подтеме «К-10Р».

— Так ее же не было!

— Вашей комиссии тоже не будет. Когда закончит работу. Ничего, это быстро. Сегодня образцы спишете и утилизируете, завтра раскидаете материальную базу. Послезавтра там должно быть чисто. Мы и так непростительно затянули с ликвидацией... А сколько ресурсов было оттянуто туда с главного направления! Павлов довел ситуацию до полного абсурда — по его прихоти весь десятый корпус уткнулся в частную проблему, да еще непрофильную.

— И они были счастливы! — вырвалось у Шаронова.

— Что? — Директор и вправду мог не расслышать зама, он вещал с горних высей, а не произносил всю эту ахинею.

— Я приеду вовремя, — пообещал Шаронов и вышел не спросясь.

Шеф у себя нажал кнопку селектора.

— Павлова ко мне! Немедленно.

В это время завлаб — пока еще завлаб Павлов, руководитель «темы К-10», шел вдоль шеренги клеток. Рыжики недавно позавтракали. Амба, самый могучий, действительно похожий на тигра. Борис, сильный, но добрый. Васька, простецкая морда. Григорий, демоническая личность. Данила, нарочито заторможенный, а на самом деле тот еще боец. Енот с забавными полосатыми щечками. Жмурик, совсем не похожий на мертвеца, просто заметно прищуренный. Зинаида, типичная бой-баба. Иван, надежный рабочий кот.

Любой, кто не общался плотно с серией «К-10Р», сказал бы, что кошки внешне как шнурки, а уж разглядеть в этой штамповке девять разных личностей, вычленить индивидуальные черты характера...

Девять рыжиков. И особняком «десятка». Трехцветка. Катька. Ее из общего ряда выделил бы тоже любой.

А все равно — мясо.

Катька ждала Павлова, лапы высовывала из клетки, дергала замок, а когда хозяин подошел и заговорил с ней, и протянул руку, и погладил... Этот чистый восторг можно было сравнить только с жуткой тоской, появившейся на рыжей морде, когда хозяин попрощался и скрылся из вида. Катька немного побросалась на решетку, а потом стала нервно кружиться по клетке и бить хвостом. Ей было чертовски плохо без Павлова.

Еще бы — этой модификации изделия «Кли-

нок» включили дополнительные механизмы эмоциональной зависимости от проводника. Только в полную силу они заработали почему-то именно у «десятки»...

Лаборант был тот самый, который Катьку прошляпил.

— Ну? — спросил Павлов. — Готов пострадать за идею? Повторяю, мне светит увольнение, прикрыть тебя не смогу.

— О чем разговор. Я же ее вот этими руками выкармливал!

— Разве ты? Извини, запамятовал.

— Это нормально. Мы-то работали сменами, а вы по двое суток не спали. Где уж тут запомнить, кто с кем возится. В общем, не беспокойтесь, я все для себя решил. Окно уже готово. Замок испортить — минутное дело. Вырвалась, скажу. Что мне, за хвост ее хватать? Я блокировку — Катерина ноль реакции, образец-то бракованный, кто его знает, чего он раньше принимал команду, а теперь дал отказ... Потому и не списали до сих пор — исследовать.

— Охрана?

— Телефон с утра плохо контактит, мастер уже вызван, обещали к обеду. Придется мне бежать до нашего внешнего поста. Честно говоря, фора крошечная. Может, ногу подвернуть, а?

— Слишком много совпадений. Оставим так. Ну, с богом. — Павлов неловко перекрестился.

— Забор на периметре серьезный, — вздохнул лаборант. — Я так навскидку прикинул, в целом шансов у нее один из десяти...

«Забор... А за забором сориентироваться да выйти из города незамеченной? — подумал Павлов. — Запомнила ли она дорогу? Хотя чего там запоминать, дуй прямо, не ошибешься, и Шаронов нарочно ехал очень медленно. Только вот что

потом? Авантюра. На самом деле один шанс из ста. Но я уродом буду, если не попробую дать Катке этот шанс».

— ...но попробовать надо. Не идти же бойцовому коту тупо на заклятие, как овечке какой-нибудь?

— Верно мыслишь, — согласился Павлов. — Меня сейчас, наверное, вызовут, ты подожди минут десять и приступай.

Тут-то его и вызвали.

* * *

Временно отстраненный завлаб Павлов, кутаясь в старую пуховку, сидел на крыльце своего коттеджа. Было холодно. Очень холодно внутри. Павлов немного выпил, это не помогло.

Пронзительно яркий, режущий глаза осенний день наконец-то перешел в вечер, будто для контраста тусклый и бесцветный.

Павлову уже звонили все, кто был обязан это сделать по долгу службы. И еще Бондарчук.

— Ты, дорогуша, зачем мне дал неисправный пульт?! — рывкнул генерал. — Боялся, не вовремя вмешаюсь — да, козлина недоверчивая?!

— А тебе не все равно теперь? — меланхолично отозвался Павлов.

Некоторое время генерал его материл, потом разразился жалобами, потом долго молчал и наконец спросил:

— Ну, и как дела?

— Жду больших неприятностей, — честно сказал Павлов. — Средней тяжести уже позади. Ты это... Прости меня, если можешь.

— На дураков не обижаются. И вообще, что за настроения? Будто умирающий. Глядишь, еще поработаем!

Павлову такое навязчивое дружелюбие и могучий оптимизм встали поперек горла, и он поспешил свернуть разговор. Генерал, похоже, легко отделался. А у завлаба основные неприятности точно были впереди.

Бондарчук звонил около двенадцати. На тот час Катьку уже искали по всему городу. Искали с одной целью — убить. Признали опасной. То, что у коттеджа Павлова не было засады, объяснялось просто — институтский зам по режиму в суматохе позабыл разузнать, где кошка болталась вчера после обеда. А наряд с КПП, похоже, не рискнул доложить, что хотя уехал образец чин чинарем в генеральской «Волге», зато вернулся с серьезнейшим нарушением, на частном автомобиле в компании двоих пьяных ученых. Включилась круговая порука — охранникам невыгодно было признаваться в собственном недоносительстве, да и Павлов им тогда литр водки дал, чтобы не скучали ночью.

Павлов удрал с работы, симулировав недомогание. Ему стало плохо в кабинете директора. На нервной почве, наверное. Директор отпустил его мигом. Будто об этом и мечтал — убрать негодяя с глаз долой.

Тем более в «кошкином доме» был такой ажур, что сдать подтему «К-10Р» ликвидаторам запросто мог и заместитель.

Павлов сел у себя на крылечке и стал ждать. То ли Катьку, то ли большие неприятности, то ли все сразу.

Дождался он к обеду. Это получилось чертовски несправедливо и очень больно, но так, наверное, и должно было выйти. Для полноты картины. Павлов как раз думал, не разогреть ли себе пожевать, и тут услышал выстрелы.

Стреляли недалеко, на окраине коттеджного поселка, в лесочке, отделяющем зону частных до-

мов от городской черты. Били очередями сразу несколько автоматов.

В грузного и одышливого завлаба словно вселился бес. Павлов рванул на задворки, махом одолел соседский забор, пробежал через участок, взял еще препятствие, и так несколько раз. Кое-что он поломал и обрушил, напугал до смерти одну домохозяйку, счастливо разминулся с обалдевшим от его наглости ротвейлером... И вдруг оказался нос к носу с бывшим завлабом, а ныне консультантом обезьянника, матерым шизофреником и отпетым лжеученым.

Павлов знать не знал, что дедушка здесь живет. Голованов стоял, опираясь на массивную трость, посреди участка и глядел в ту сторону, где как раз перестали стрелять. Точнее, уже поворачивался к непрошеному гостю.

Павлов ему несколько штaketин из забора вынес — спасибо, весь не повалил.

— Ы... Ы... Ы... — попытался он сказать «извините» и почувствовал, до чего запыхался — сейчас упадет.

— Твое изделие грохнуло? — спросил Голованов.

— Ы-ы... — кивнул Павлов.

— Кошку?! Сволочи. Так чего стоишь! Беги, парень!

И он побежал.

Милиционеры имели вид бледный, испуганный и даже к изрешеченному зверю боялись подойти. Каких ужасов им про Катьку наговорили, можно было только догадываться. Павлов распишал вооруженных мужчин, упал на колени, протянул руки к Катьке и чуть не свалился замертво. Ему реально стало плохо.

А Катька... Это оказалась уже не она. Просто останки трехцветного рыжика. Окровавленная

туша, изорванная пулями. Ничего похожего на любимую кошку Павлова.

Катки больше не было на этой земле.

Павлов заплакал. Его с трудом оттащили, надавали пощечин, бросили в грязь, он смутно слышал фразу: «Приезжайте скорее, у нас тут какой-то псих в истерике бьется». Хватило сил произнести: «Я из института». Институт в окрестностях был понятно какой, отношение к Павлову сразу переменялось, а тут и старший товарищ подоспел.

— Не боевая, — определил Голованов, едва взглянув на Катку. — Что ж вы, щенята? Игрушку расстреляли. Большую красивую игрушку.

— А мы знали? Приказано было сразу на поражение... А она как выскочит! Здоровая, прямо тигр!

— Дурачье нестроевое, ограниченно годное! — рывкнул Голованов. — «Выскочит!» «Тигр!» Боевая так бы не подставилась! Или положила бы вас тут одной левой... Стыдно, молодые люди. Кого убили? А? Позорище. Эй, Павлов! Кончай реветь, пошли. Домой тебя отведу.

Он действительно увел грязного, оборванного и заплаканного Павлова домой. И сказал на прощание: «Гадость какая случилась. Но знаешь, пойми старика правильно — у меня спокойно на душе. Вы делаете игрушки! Наконец-то! В мое время это было просто невозможно. А мы так мечтали!.. Кажется, мир поуменел. Ты первый, и с тобой поэтому расправились, но следом пойдут другие. Дай-то бог...» Пенсионер здорово помог ему. Когда явились с допросом, Павлов уже более-менее очухался, переделся в чистое, включил инстинкт самосохранения и нормально выстроил линию защиты. На месте происшествия его бы мигом раскололи.

Конечно, через день-два все поймут все. Но не смогут доказать, что Павлов организовал кражу секретного изделия. Тем более изделия, которого по отчетности не существовало вообще. Какой тогда смысл в дознании? Пройдет совсем немного времени, и о рыжиках сочтут за лучшее забыть. И о Павлове тоже.

Его оставили в покое на сегодня. А он сидел на крыльце, смотрел, как прячется солнце, курил. И все чего-то ждал. Скучал по жене. Прикидывал, не позвонить ли дочери — просто спросить, как дела. И не думал, старался не думать, заставлял себя не думать об одном, самом важном.

Никогда ему больше не удастся завести кошку. Он просто не сможет.

Тихо шелестя, к калитке подъехал «Мерседес». На заднем сиденье машины расселся некто огромный, и Павлов не сразу понял, что это алабай Бабай.

— Добрый вечер, уважаемый коллега, — непривычно тихо поздоровался Шаронов.

— Привет. Чего пса не выпускаешь?

— Участок твой жалко.

— А машину?

— За машину убью, и он это знает. Ну, где все случилось?

— Там, — Павлов мотнул головой в сторону лесополосы. — Она почти дошла. Нарвалась на патруль.

— Еще вопрос, кто на кого нарвался...

У Павлова отвисла челюсть. Он был сегодня настолько не в себе, что идея, очевидная для Шаронова, его не посетила даже как версия. Рыжикам ведь оставили функцию взрывного реагирования на глядящий в их сторону оружейный ствол!

— Не-ет... — протянул он. — Не может быть. Это же Катька. Она вчера много раз ходила мимо

вооруженных людей. Я даже не думал ее придер-
живать. Кстати... О боже! Действительно не думал.
Хотя обязан был!!! Но ведь мне не угрожали...

— Ты выдумал себе милую домашнюю кошеч-
ку, — сказал Шаронов жестко. — Но была ли она
такая на самом деле? А может, с тобой рядом пре-
ображалась. От любви. Заметьте, уважаемый кол-
лега, я не шучу. Известны прецеденты. Далеко
ходить не надо. Допустим, «Рубанок». Со мной и
без меня — два разных изделия. Или вон сидит в
машине живой пример. Белый и пушистый ёкар-
ный бабайчик. Миляга-симпатия.

— Это ты нарочно, да? Психотерапия? Для об-
легчения разлуки? Мол, дерьмо была кошка, не о
чем жалеть?

— Ничего подобного. Смотри — она сидела в
лесу и выжидала. Кто-то ткнул стволом в ее сто-
рону. Она решила, что раскрыта, и атаковала.

— В ее сторону. Не в мою же!

— Дубина! Она же шла к тебе! Думала о тебе.
Ей помешали. Сработал перенос. Для полусво-
бодного мозга, как у нее, это реально.

Павлов долго молчал. Пока не вспомнил сло-
ва Голованова.

— Она бы их одной левой положила! — заявил
он уверенно.

— Тоже вариант. Постой, чего-то я сказанул
только что — прямо из ряда вон...

— Наверное, как обычно — нечто гениальное.
Иди, а, со своими откровениями? Далеко и на-
долго.

— Ну-ну. Сколько волка ни корми, у слона
все равно яйца больше.

— То есть?

— Не помню случая, чтобы мне удалось тебя в
чем-то убедить. Ты никогда меня не слушал. Воз-
можно, от этого все твои проблемы.

— Если б я тебя слушал, не было бы Катьки.

Шаронов покрутил носом, вознамерился отпустить колкость, передумал и сел рядом, бормоча: «Что же я такое сказал, что же такое, очень умную вещь сказал...»

— А знаешь, ведь действительно у нее перенос сработал! — выпалил он вдруг. — Ничего себе! Ассоциативное мышление второго порядка... Откуда оно у серии «К-10Р»? Ты же обычного робота делал!

— Какая разница... Теперь.

— А такая разница, что если был перенос, то очень интересная вытанцовывается штука! Надо, конечно, на местности посмотреть — как менты стояли, откуда кошка вышла, но принципиально я и так вижу: оно самое! Пе-ре-но-сик!

— По хрену, — буркнул Павлов. — Мне уже по хрену. И Катьке тоже.

— Ну погоди ты, дурила. Пойми, я ляпнул первое, что в голову пришло, а сейчас думаю — вдруг у Катерины с ее перекошенным чипом и вправду образовался полусвободный мозг? Над которым все бьются-бьются? Это же революция. Соединение несовместимого — свобода воли, как у баймекс, и управляемость биоробота...

Павлов спрятал лицо в ладонях.

— Отстань, — попросил он сдавленно.

— Ты чего, не понимаешь? Та-ак, первым делом нужно патрульных допросить — была атака или нет. Это я организую, расколются, голубчики... Черт, не вовремя тебя списали! Нам бы сейчас в темпе запустить новую серию и мучить ее, мучить...

Павлов тихо застонал.

— Слушай, если ты на командной должности соскучился по настоящей работе, так делай что хочешь, кого угодно замучай, но я-то тут при

чем?! — донеслось из-за сомкнутых пальцев. — Оставьте же меня наконец в покое, сволочи!

— Не оставим, не надейся. Ой, бли-ин!..

— Что еще такое?

— Надо взять несколько рыжих для контроля. Всех не получится, но парочку я точно могу спрятать. — Шаронов вытащил телефон. — Кого брать?

— Никого! — отрезал Павлов, тяжело поднялся на ноги и повернулся к двери. Лицо у бывшего завлаба оказалось красное и злое.

Шаронов пружинисто вскочил, заступая ему дорогу в дом.

— Им жить осталось — минуты, — сказал он. — А они еще ой как пригодятся. Решай, старина. И не вздумай себя хоронить. Из-под статьи ты вывернулся, остальное мелочи. За тебя есть кому заступиться, а министры и директора не вечные. И гражданская версия «Клинка» скоро понадобится. Спорим, ты вернешься в институт через полгода? Ну, через год.

— Не вернусь, — отрезал Павлов, легко отодвигая Шаронова в сторону.

— Еще как вернешься, уважаемый коллега. Сделаем!

— Ты не понял. Я. Сам. Не вернусь. Никогда. Пусти.

— Разве ты не хочешь вырастить новую Катку? — почти взмолился Шаронов. — Понимаю, второй такой не получится, но что-то близкое по духу... Извини за патетику, это же дело твоей жизни, долг! А я тебе помогать буду!

— Господи, какой же ты дурак! — воскликнул Павлов и так пихнул коллегу, что тот едва не упал с крыльца.

Оглушительно хлопнула дверь.

Увидев, как приложили его хозяина, запертый в «Мерседесе» Бабай разразился лаем и моментально заплевал оконное стекло до совершенного помутнения. Шаронов псу успокаивающе махнул, потом выругался и зашагал к машине, на ходу тыча пальцем в кнопки телефона.

— Кто говорит? — крикнул он в трубку, едва на том конце ответили. — А я доктор Шаронов! Заместитель директора! Приказ: мясо — стоп!.. Нет, молодой человек, это именно моя компетенция... Слышь, ты, мутант, посмотри, чья подпись у тебя на протоколе!.. А-а, то-то... А мне насрать, что погрузили! Обратно вываливай! Э! Погоди! Уже, что ли?! Усыпили?.. Ах ты, блин горелый! Вот неудачно как... Чего? Кто еще живой?.. Да крикни там, чтобы остановились, мать-перемать! Суки, кошек убивают! Что за день такой сегодня?! Всех уволю! Ну?... Первый и второй... Отлично! Значит, обоих — на псарню. Вас будут ждать, я распорядюсь... Ты чего, сдурел? На пса-ар-ню!.. Да в шестой корпус, м-м-мать!!! С тыла заезжай, ясно? К пожарному выходу. И спокойно. Без паники. К тебе выйдет мой заместитель, ну, то есть и.о. завлаба, ну, то есть... Ой, какая разница, кто выйдет! Главное, он начальник и все тебе объяснит. А завтра я с тобой поговорю лично. Понял?.. Ерунда, недовеса не будет, получишь свои несчастные сто шестьдесят пять кило. В аккуратных пакетиках. Не бойсь. Поработаешь с мое и не такое еще увидишь. Действуй.

Он выпустил из машины Бабая — пес радостно затанцевал вокруг — и переключил телефон.

— Привет. Слушай и не задавай вопросов. У нас окно рядом с пожарным выходом по-прежнему открывается?.. Хорошо. Сейчас туда на тру-

повозке подвезут двух кошек Павлова... Нет, представь себе, живых... Ну да, это те самые, рыжие... Угу, красивые. Два кобеля... А вот отбил!.. Я же говорю, вопросы потом. Значит, лично приемишь — и в старый виварий их. Парню с труповозки бросишь взамен trebuхи фасованной полтора центнера. И сделаешь внушение, чтобы не нервничал из-за ерунды. Я его завтра сам обработаю, но ты превентивно капни на мозги... Ага. Потом звякни в «кошкин дом», найди павловского зама — только по мобиле, номер в общем институтском списке должен быть. Этот зам что надо мужик, чуть не загрыз меня сегодня, когда я с ликвидаторами пришел... Обрисуй ему ситуацию. Скажи, мол, сам обалдел. Я понимаю, что ты и вправду обалдел. Значит, пусть они нам как-нибудь скрытно перекинут рационы хотя бы на неделю и лаборанта откомандируют, которого рыжие помнят... Ну ладно, ладно, диктуй мне его мобильный... Угу... Ага. Главное — прими сейчас кошек и устрой. А дальше разберемся... Не скажу, не поверишь! Если я не ошибся, это сенсация... Вот не скажу! Завтра, все завтра. Удачи.

Пока хозяин разговаривал, Бабай успел обследовать близлежащие заборные столбы и понаставить меток.

— Давай на место, — скомандовал Шаронов, набирая очередной номер. — Здравствуйте, это вас доктор Шаронов беспокоит... А вы не вздыхайте так, лучше послушайте. Нужна ваша помощь. Мне удалось вывести из-под списания двух кошек Павлова. Образцы ка десять эр один и эр два. Если честно, я просто украл их!..

...Едва Павлов отгородился от мира дверью, из глаз у него потекли слезы. Не раздеваясь, тихонько всхлипывая, он поднялся на второй этаж, вошел в спальню и бухнулся поперек кровати.

Подтянул к себе подушку, уткнулся носом и тут уже зарыдал в полную силу. Стонал, ругался, бил ногами, месил тяжелыми кулачищами постель.

В голове было совершенно пусто. Пусто до ужаса, до полного смятения. Раньше Павлов всегда о чем-нибудь думал. Постоянно. Искал решения задач, делал предварительные расчеты, ставил мысленные эксперименты.

Теперь думать было не о чем. Все рухнуло. Вместе с рыжиками канул в небытие смысл жизни. Внутреннее зрение, всегда такое яркое и красочное, показывало лишь черный квадрат потухшего экрана. Павлов ослеп умом.

Чернота вокруг стояла такая, что он испугался. Открыл глаза. Увидел мутную картинку. Его дом, его спальня... Нет, уже не его. Отсюда хотелось немедленно уехать. Исчезнуть. Удрать. Далеко-далеко.

Хорошо, можно сменить адрес. Но куда деваться от собственной профессии? Ей отдано столько лет, что она полностью срослась с человеком. Это будет все равно как убегать от себя: безнадежно и невыполнимо.

Он был и останется биотехом. Значит, обречен помнить свой провал до конца дней. Безработный, всеми позабытый — классический пример ученого-неудачника, — он-то ничего не сможет из памяти стереть.

Страшная участь.

Ах, если бы хоть малую толику уверенности в том, что стоял на верном пути! Пусть рыжиков не поняли, не приняли, но задумал-то он их хорошо и сделал правильно! Увы, даже этой соломинки у утопающего Павлова не было. Скорее всего, он с рыжиками именно провалился. Серия оказалась тупиковой, а яркие перспективы существовали только в воображении завлаба.

Никаких больше кошек. Плевать, что не дадут. Он сам не позволит себе.

Он упустил все шансы и испортил все, к чему прикасался.

Таким беспомощным и никчемным Павлов не чувствовал себя никогда. А еще он впервые ощутил, как подкатывает к сердцу острое желание немедленно все прекратить, закончить, спрятаться от раздирающей душу муки то ли в безумие, то ли напрямую в смерть. «Все кончено. Нет больше смысла трепыхаться, потому что окончательно кончено все».

Одно дело прийти не к месту и не ко времени. Можно вообразить себя героем, непризнанным гением и под такой маской доживать свой век. Без особой радости, но хотя бы с чувством исполненного долга.

Совсем другое — в пятьдесят лет осознать, что ты бездарь, да еще вдобавок хронически невезучая.

Эта мысль просто обожгла, и Павлов опять разрыдался.

А потом он устал страдать. И заснул.

Приснилось ему нечто странное. Он будто бы сидел в автомобиле незнакомой модели, битком набитом электронной аппаратурой. Машина ехала по чужому городу, явно не русскому, за окном проплывали странные шевелящиеся витрины — будто живые — и удивительные транспортные средства. А еще там ходили люди, как раз вполне реальные, хотя на некоторых одежда была тоже... Не совсем привычная. Провожая глазами одну расфуфыренную модницу, Павлов вывернул шею и почувствовал: за спиной кто-то есть. Кто-то, увидеть кого очень важно.

Он обернулся через левое плечо, безразлично мазнул взглядом по человеку за рулем (тот был в

полицейской форме — ну естественно, они же патрулируют свой квартал) и посмотрел назад. И обомлел.

Заднего дивана в машине не было, а между передними местами и зарешеченным отсеком для задержанных располагался толстый упругий матрас. На нем, глядя в окно, восседала огромная трехцветная кошка.

— Катя? — позвал осторожно Павлов.

Кошка повернула к нему голову и улыбнулась.

Павлов заплакал снова. Во сне он, молодой и полный сил, разговаривал со своей полицейской кошкой, а наяву слезы капали на мокрую подушку из-под подрагивающих сомкнутых век смертельно усталого пожилого мужчины...

— ...да там в виварии решетка на окне болтается! — говорил в это время Шаронов. — Ну люди добрые, почему я — я! — такие вещи знаю, а вы нет? Бардак! Отожмите решетку и кидайте мешки в окно! Мои ребята примут. Все, до завтра. Спасибо за содействие. Потом сочтемся. Павлов вам от «нобелевки» чуток откатит, хе-хе... Уффф! — Он спрятал телефон, прикурил сигарету, с наслаждением затянулся и пошел обратно к крыльцу. Бабай из машины недовольно гавкнул вслед.

Дверь оказалась заперта изнутри — то ли сама захлопнулась, то ли Павлов не желал посетителей.

Шаронов несколько раз нажал кнопку звонка. Постучал. Рукой, потом ногой. Безрезультатно позвонил на домашний, потом на мобильный телефон Павлова. Сошел с крыльца, прогулялся туда-сюда в раздумье.

На заднем дворе раздались тяжелые удары. Шаронов обогнул дом и увидел, как из забора с треском вылетает доска.

За ней еще одна.

Шаронов тихонько ойкнул и огляделся было в поисках чего-нибудь потяжелей да поухватистей, но тут в образовавшийся пролом шагнул человек.

— Здра-асте... — протянул Шаронов.

— Привет, мальчик! — провозгласил консультант институтского обезьянника.

Был он на этот раз без трости, зато с топором. Возбужденный, растрепанный, жизнерадостный.

— Ты не обращай внимания! — бросил Голованов небрежно, оглядываясь на дыру в заборе. — Это у нас с парнем как бы личные счеты. Должок. Он мне, я ему. А где сам-то?

— У вас точно все в порядке? — спросил Шаронов, косясь на топор.

— Будет еще лучше. Так где этот обалдуй?

— В доме заперся. То ли горькую пьет, то ли слезами заливается. Повесился вряд ли, чересчур нормален.

— Как думаешь, надолго ему поплохело?

— Ну... Прямо сказать боюсь. Очень надолго. Если не навсегда. Он вообще невезучий, а тут карта вроде бы пошла — и такое фиаско. Я, конечно, помогать ему буду. Может, оклемается. А может, и нет. Бедняга так измучен, что с него станется вообще удрать в деревню и там сгинуть. Жена справится вряд ли, а я уж точно не удержу. Давайте готовиться к худшему.

— М-да... — Голованов испытующе глядел на Шаронова. Тот не выдержал первым.

— Если я все посчитал как надо, значит, у одной из кошек Павлова был полусвободный мозг. Что скажете?

— У Катерины? Которую убили? Видишь ли, мальчик... — Голованов отвел глаза в сторону и зачем-то поглядел на свой топор. — Я, в общем, пришел к тем же выводам и, пожалуй, куда рань-

ше, чем ты. Она с самого начала странно вела себя для обычного робота. Чересчур. Данные по этому образцу где сейчас?

— У нас есть все, что нужно. Даже пара живых контрольных из рыжей серии. Понимания только не хватает. Но это временно.

— Ты прикарманил двух рыжих? Молодчина.

— Прикарманил... Спер в припадке жадности. Клептомания по интересам. А сейчас думаю: что толку? Сколько удастся прятать их? Как с ними работать в такой дурацкой обстановке? Ну, допустим, я сумею вывезти рыжих с территории — но это же государственное преступление!

— Если все получится, как я спланировал, они выйдут с территории своим ходом. Задрав хвосты.

Шаронов сначала издал нечто вроде озадаченного собачьего ворчания, потом немного помолчал, склонив голову набок, и наконец предложил:

— А пойдемте-ка на крылечке покурим.

Голованов кивнул и легко, как молодой, зашагал рядом с Шароновым, которому едва не годился в отцы. Окажись рядом сторонний наблюдатель, он бы подумал — что за сильнейшее напряжение скопилось в этой паре? Того и гляди полетят искры. Чего-то они оба недоговаривают...

На крыльце Голованов молча выкурил сигарету, держа топор на коленях. Выбросил окуроч в клумбу и сказал:

— В общем, я предварительно договорился. Нужен только красиво прописанный концепт и готовый план работ. И дело в шляпе. Института не дадут, конечно. Даже такой лаборатории, как здесь, не будет. Их просто нет на гражданке — таких. Но условия нормальные гарантированы. Ду-

маю, половину «кошкиного дома» удастся пере-
манить запросто. А больше и не надо.

— Их сейчас начнут трясти, сами побегут. Жалко ребят, им предстоит та-акое крушение иллюзий... На гражданке биотехов как собак нерезанных. Модная была профессия, а теперь кризис перепроизводства специалистов.

— Значит, сможем отобрать лучших. Главное, есть сильная поддержка. Стоит только свистнуть — кошек Павлова у военных заберут и отдадут тому, кто в состоянии довести их до ума. Представь себе, запись вчерашнего представления уже гуляет по столичным кабинетам. Наверное, какой-нибудь военный корреспондент решил подзаработать. Я готовился долго объяснять, показывать твои ролики, а мне говорят: ах, это рыжие «Клинки»? Да что ж вы раньше не сказали, какие они обалденные! Есть мнение, что это очень, очень перспективный товар! Буквально золотая жила! Давайте скорее приезжайте вместе с разработчиком и пусть сам называет сумму!.. Такая вот полезная штука промшпионаж. Что скажешь, мальчик, — готов к авантюре? В институте тебя обложили со всех сторон, и это на годы вперед. Может, ну его?

— Месяц назад вы мне не верили, говорили — Павлов серию запарол, — напомнил Шаронов, бросая свой окурок в ту же клумбу.

— Зато на днях я в точности предсказал, как поведет себя трехцветка. Очень жаль, что она погибла. Игрушечка. Ничего, дизайн обеспечим не хуже. А серию в целом Павлов действительно запарол, причем бездарно, и попробуй докажи мне обратное. Мужик он, я слышал, хороший, только вот дурак.

— Он просто невезучий, — сказал Шаронов укоризненно.

— По результатам это примерно одно и то же.

— Фу, как сурово. Впрочем, будем справедливы: так или иначе, Павлов на самом деле загубил серию! Катька у него получилась случайно. И поставить такую случайность на поток... Это будет стоить нервов и денег. Слушайте, намекните хотя бы, кто готов вкладываться в проект.

— Намекаю — транснациональная корпорация со штабом в Москве. А кто еще может скрутить наших военных в бараний рог?

— Для такого монстра кошки Павлова отнюдь не золотая жила. Хотя да, понимаю. Имидж! А вы отдаете себе отчет, что их будут называть «Павлов'с кэт»? Неважно, сможет автор участвовать или придется без него.

— Я думаю, — сказал Голованов, — что их сначала назовут «рашен кэт», а позже само придет другое слово и останется. Как бы ты ни старался увековечить имя друга. Если честно, меня торговая марка не волнует. Я просто хочу под занавес карьеры поколдовать над красивой игрушкой. Для себя. Хотя бы в роли организатора работ. Вообще, после обезьянника кошки воспринимаются так... Легко. Действительно игрушки. Когда с приматами возишься, постоянно ощущаешь затылком холодный прищур Господа. По молодости это забавляло, теперь совсем наоборот. Да и заказывали мне вечно разные пакости. Устал. Сейчас вот опять...

— Не говорите. Знать не желаю лишних военных тайн. Цыц!

— Кто тебе поверит — я же прибабахнутый! Заслуженный маньяк русской биотехники. Видишь, с топором в гости хожу.

— Лучше Павлову в дверь обухом стукните. И вообще, мне про вашего Бэрримора уже наболтали. На фиг он нужен? Пятая колонна? Ни один

серьезный человек не возьмет в дом такую прислугу. Конструкции вероятного противника.

— Глупый ты, мальчик, — улыбнулся Голованов. — По обезьяннику результаты давно никого не интересуют, главное — процесс. И сопровождающие его финансовые потоки. Думаешь, чего я так легко эту шарагу бросаю? Потому что отпускают меня наконец-то. Заслужил покой. Выслужил. Эх, доктор Шаронов... Такой большой, все знаешь, все можешь, а элементарного умения договариваться с материально заинтересованными лицами не выработал. Вот и спихнули тебя в администраторы.

— Договариваться будете вы, — парировал Шаронов. — Я вкалывать намерен. Мое дело сейчас — кошки Павлова. А потом, если все нормально пойдет — тьфу-тьфу-тьфу, — опять собаки. У меня тоже в загашнике... Перспективный товар.

— Один укус, и башки нету?

— Не-е, этот ласковый... — произнес Шаронов, мечтательно жмурясь.

— В общем, решился? Давай! Уговор наш в силе: я — общее руководство, ты — непосредственное. Мне без тебя не потянуть, и годы не те, и среди молодежи... э-э... репутация неважная. Сам подумай, как я их перекупать буду, если они меня боятся?!

— Я поразмыслю еще. — Шаронов снова закурил. Помолчал и сообщил:

— Кошек очень жалко. Когда вырастают такие здоровые, они становятся почти как собаки. Это ведь Павлов не сам их придумал. Знаете, кто ему идею подбросил?.. То-то и оно... Я думал, смогу безучастно смотреть, как рыжую подтему ликвидируют. Оказалось — нет. Так измучился, будто собственные изделия на мясо сдал... Нет,

рыхжих нельзя бросать, их дожимать надо. Конечно, биотехника для меня пройденный этап, скучно будет и муторно по павловским лекалам кроить, от одного названия «кот с обрезанной задачей» уже тоска берет. Но если мы на этом пути докопаемся до полусвободного мозга... Готов временно поступиться некоторыми принципами. Лишь бы вышло! Эй, вы чего так смотрите, я пока не решил...

Голованов вздохнул и, не оборачиваясь, треснул обухом топора по двери.

— Павлов! Выходи, подлый трус! Дело есть на сто миллионов долларов!

— Врете, — сказал Шаронов. — Двадцать, ну двадцать пять. Больше не дадут. И столько-то не надо.

— Кто врёт? Я рекламирую наш проект. Понимать надо разницу. Павлов! Выходи!

Павлов не отзывался. Он наверху спал, уже без слез. И без сновидений.

Будто мертвый.

Смеркалось, но биотех и биомех все сидели на крыльце.

Из-за забора угрюмыми медвежьими глазками на них глядел Ёкарный Бабай.

Эпилог

Грабитель нырнул в дверь заброшенного склада. Патрульная машина, скрежеща тормозами, притерлась к стене.

— Еще чуть-чуть, и ободрали бы краску из-за этого гада! — возмутился Дарре, старший экипажа, заглядывая в щель между стеной и бортом автомобиля. — Поймаем, надаю по роже. Скажу, что так и было.

Его оператор Рено взялся за микрофон.

— Полиция!!! Выходите с поднятыми руками!!!

От рева динамиков задребезжали стекла в редких окошках под крышей склада.

Дарре медленно отвел машину назад, метров на двадцать. Теперь патрульные видели стену от угла до угла и легко могли контролировать все двери.

— Ты уверен, что там сзади по-прежнему заколочено? — спросил Рено.

— На этом складе буквально вчера зажали такого же кретина. Я почему нашего клиента и гнал именно сюда.

— Ну-ну... — Рено щелкнул клавишей. — Эй, ты, кретин!!! Сдавайся по-хорошему!!! Ты в западне!!! Там выхода нет!!!

Кретин сдаваться по-хорошему не захотел. Скорее всего, он сейчас метался вдоль задней стены. Или уже понял, что влип, и теперь искал укромное местечко в надежде спрятаться. Наверняка склад был захламлен дальше некуда.

— Как думаешь, есть у него пушка?

— Нет, — убежденно сказал Дарре. — Но действовать будем по инструкции. Это приказ.

Он подумал и добавил, совершенно непоследовательно:

— Парень черный, а у черного всегда может быть оружие. Чем меньше черному нужна пушка, тем вероятнее, что он ее таскает. Например, чтобы отбиться от другого черного, у которого тоже есть пушка. Такая вот у них кретинская социальная психология.

— Дерьмо, — меланхолично резюмировал Рено, сунул микрофон старшему и полез из машины.

— Эй, кретин!!! — позвал Дарре. — Последнее тебе предупреждение!!! Либо ты сам выходишь, либо за тобой пойдет кадис!!! Понял?!

Снова задребезжали стекла.

Рено открыл заднюю дверцу и звонко щелкнул языком.

На что бы он ни рассчитывал, от этого щелчка совершенно ничего не изменилось в расплавленном июльским солнцем пригороде Марселя.

— Дерьмо! — сказал Рено, на этот раз уже с выражением, вытащил из кармана небольшой брелок и нажал кнопку.

Брелок тоже щелкнул. С тем же результатом.

— Дерьмо! — заорал Рено и потряс брелоком, выдав целую серию щелчков.

Из двери на асфальт плавно вышагнул — будто перетек — и тут же уселся, обвив хвостом задние лапы, крупный ярко-оранжевый кадис¹. Изрядно потрепанные кончики ушей полицейского кота застыли на уровне пояса Рено. А тот был весьма немаленького роста.

Помимо драных ушей, еще кадис носил шрам на переносице, несколько серьезных отметин по бокам, левое бедро у него оказалось слегка вывернуто и с заметной проплешиной.

— Очень жарко, — сообщил Дарре. — Электроника перегрета. Вот и заедает.

— Где? В пульте или в этой толстой рыжей скотине?

— Везде. Сейчас подключишься, тебя наверняка заклинит тоже.

Рено вознамерился было что-то сказать, но потом только рукой махнул.

— Эй, кретин!!! У тебя десять секунд на размышление, потом кадис стартует!!!

— А если там все-таки есть выход? — спросил Рено, вытаскивая из машины комплект брони. —

¹ Ka-dix (фр.) — ка-десять. Произносится с ударением на «и».

И мы тут как два последних идиота... На адовой жарище...

— Ты одевай киску, — посоветовал Дарре. — Есть выход, нет выхода — какая разница? Выход — понятие сугубо философское. Умозрительное. Его может не существовать в принципе. Зато инструкция — вот что точно есть. По ней и будем действовать.

— Дерьмо... — буркнул Рено. Хлопнул кота по плечу, тот нехотя встал. Рено набросил на спину животного бронепопону и затянул подпругу.

— Старый верный боевой конь, — сказал Рено почти ласково, украшая кота бронемаской. Отошел на шаг, оценивающе пригляделся. — Мой бог, ну и страшилище!

Кадис опять уселся. У него были мутные глаза существа, которому все на свете давно осточертело. Сейчас, заключенные в прорези маски, глаза эти казались абсолютно искусственными.

Рено вернулся на переднее сиденье, достал из «бардачка» громадные черные очки с рождками антенн по бокам и легкие открытые наушники, оснастил этой гарнитурой свою физиономию и стал выглядеть немногим лучше, чем кадис. На правую руку он натянул перчатку «летучей мыши» и слегка пошевелил двумя пальцами.

Кадис вскочил, прыгнул вперед и довольно резво пробежался туда-сюда перед машиной.

— Интересно, — пробормотал Рено, — нам дадут когда-нибудь русскую кошку? Или мы так и уйдем на пенсию с этим дерьмовым роботом в обнимку?

— Кадис столько не протянет, — уклончиво ответил Дарре. — И потом, ты же его любишь, разве нет?

— Конечно, люблю, — согласился Рено. — Сколько мы всего пережили вместе! Но после не-

го я хочу русскую кошку. Устал. С таким ограниченным набором команд слишком многое приходится делать самому. Что за несправедливость, почему у русских получаются нормальные кошки, а наши...

— Русские ленивые. В основе всех гениальных изобретений лежит человеческая лень. Это, друг мой, диалектика.

— Если они такие ленивые, пусть лицензию нам продадут, чтобы самим кошек не выращивать.

— Так они еще и жадные в придачу!

— Какой ужасный народ! — Рено от души расхохотался. — Ну, пошутили, и хватит. Разрешите приступить, шеф?

— Разрешаю.

— Принято, начали. Только, пожалуйста, не глазей в монитор, а? Следи за дверями. А то будет как в прошлый раз. Лучше вообще из машины выйди. Прости, конечно, что я тебе замечания делаю...

— Эй, придурок!!! Кадис стартовал!!! Тебе конец!!!

— И ничего не конец... — буркнул Рено. — Мы его без единой царапинки возьмем, мягкими лапами.

Кадис быстрым шагом подошел к двери склада и просочился внутрь.

Дарре подтянул к себе монитор на гибком кронштейне и заинтересованно уткнулся носом в картинку. Изображение летело в глаза и было немножко смазанным — кадис двигался очень быстро, камера тянула на пределе возможностей.

— Ну и свалка там, — буркнул Дарре.

— Я о чем тебя просил?

— Все, все, полюбопытствовать уже нельзя...

Дарре взял короткий автомат из бокса между

сиденьями, выбрался наружу, под палящее солнце, и присел за открытой дверью машины, выставив ствол в окно.

Рено едва заметно поворачивал голову из стороны в сторону и изредка шевелил пальцами.

— Действительно свалка. И, похоже, много лишних запахов. Кадис ведет себя так, будто у него забит нос. Он ничего не учует в этой мусорной куче. А звуков никаких, видно, наша добыча затаилась. Объясни, каким образом ребята вытаскивали отсюда вчерашнего клиента?

— Мне не хотелось тебя огорчать. У них кадис тоже не сработал. Тогда они пошли внутрь и начали стрелять очередями во все стороны. Тот крестин сам приполз к ним на четвереньках.

— Шутишь?

— Отнюдь. Но ты попробуй, а?

— Хорошо, я даю команду на поиск по секторам.

Прошло несколько минут. Дарре на солнце вспотел, Рено в машине тоже.

— Ищи, мой хороший, — приговаривал он. — Ищи, мой славный. А посмотри-ка вверх. Так, дальше. Правильно идешь, хорошо идешь. А еще посмотри наверх. Милый рыжий котик... Куда пошел, глупенький... А здесь ты прошел недавно, дурачок... А сюда ты зачем полез, засранец?!

— Старенький уже, — проворковал Дарре. — Изношенный.

За стеной раздался грохот, и нешуточный. Там что-то хорошо упало. Точнее, посыпалось.

— Да он всегда такой был! От рождения! Тупой робот! А ну полный назад, зараза!

Дарре покосился на монитор. Кадис, похоже, обрушил на себя грудку упаковочных ящиков и теперь пытался из-под нее выбраться.

— Тихо! — вдруг крикнул Рено. — Стоп! Да стоп же!

Он резко взмахнул «управляющей» рукой и сам застыл.

— Э-э... Влипли? — осторожно спросил Дарре.

— Чтоб я сдох. Застряли.

— Никогда такого раньше не было.

Рено очень медленно повел головой вправо, потом влево.

— Знаешь, а ведь наш кадис действительно состарился, — произнес он с горечью. — Медленно соображает, потерял резкость и заметно ослаб. Как жаль. Просто слов нет, как жаль. Он ведь хороший кот. Ладно, я сейчас возьму его на полное ручное управление. Попробуем...

Еще несколько минут Рено ерзал на сиденье, раздраженно бурча, а потом внезапно дернул очки и длинно выругался.

— Совсем плохо? — Дарре распрямился и сделал несколько шагов по направлению к складу.

— Стой!

— Почему?

— Кадис слышит посторонние звуки. Клиент где-то там.

— Тем более я пойду, надо же вытащить нашего кота! А вдруг этот кретин ему что-нибудь делает?

— Не сможет. Кадис в громадном завале. Там ящиков было до потолка. Вот же угораздило! Погоди, сейчас я отдышусь немного, и пойдем вместе...

— Эй, вы! — донеслось со склада едва слышно. — Я держу на мушке одну рыжую киску! Теперь убирайтесь отсюда! Заезжайте за угол и стойте там десять... нет, пятнадцать минут! Тогда ни одно животное не пострадает, и вам не придется выплачивать его стоимость!

Рено вылетел из машины как ужаленный. С автоматом в руке.

— Не надо мерить такие вещи деньгами... — прошипел он.

Дарре, напротив, припал к монитору.

— Спокойно, это блеф. Кадис действительно в завале. Кретин до него не доберется. Даже не увидит, где он.

Бух! Приглушенно хлопнул выстрел. Рено передернулся всем телом, словно целились в него.

— Блеф, — повторил Дарре, уже не так уверенно.

— Повторя-а-аю! У меня заложник! Убирайтесь отсюда, и я его не трону!..

Бух!

— Ты со мной или как? — спросил Рено.

Дарре не успел ответить. Из-за угла выкатилась еще одна патрульная машина. Сидящий за рулем, похоже, сразу понял, что у склада творится неладное, — автомобиль рванул вперед и через какие-то секунды оказался рядом.

— О-па! — воскликнул Дарре. — А это не наши. Это из центра экипаж.

— Здравствуйте! — раздалось из машины.

— А чего это вы тут делаете? — спросил Рено с неожиданно ревливой интонацией.

— Со смены ехали. Подслушали случайно по радио, что вы на задержание пошли, ну и решили свернуть посмотреть. Мало ли... Вы извините, мы в ваши дела не лезем. Просто тоска смертная, город будто вымер. Жарко, прямо как у этого... Кафки?.. Забыл. А вам, похоже, нужна подмога. Угадал?

— Ну, в общем, да.

Бух! И вопль: «Немедленно убирайтесь отсюда! Даю минуту на размышление!»

— Боже, что это? — ошарашенно поинтересо-

вались из машины. — Какой ненормальный там развлекается по такой-то жарнице?

— Да вот, забрался один друг и не выходит...

— Какая неприятность...

— Ладно, коллеги, не время шутить, — сказал Дарре. — Выручайте. Мы в жопе. У нас на складе кадис застрял.

Из машины синхронно выпрыгнули двое патрульных.

— Как застрял?! — воскликнул старший — тот, что был за рулем.

Оператор уже открывал заднюю дверцу.

— Свалил на себя огромную грудку ящиков и не смог выбраться. Он старенький у нас, ветеран. Клиент до него не доберется, но стреляет в опасной близости. Вдруг?..

— Катрин!

На улицу прыгнула огромная, почти как кадис, трехцветная кошка удивительной красоты. Не нужно было заглядывать под хвост, дабы удостовериться — именно кошка. У нее на морде было написано, что она барышня и прекрасно знает себе цену.

Рено закатил глаза и застонал.

— Вот так дизайн, — только и сказал Дарре. — Вот так да. Ну, эти русские...

Экипаж из центра работал стремительно, в четыре руки. Чтобы упаковать кошку в бронекomплект, им понадобилось секунд десять.

— И броня у них гораздо лучше, — заметил Дарре.

— Не травми душу, — попросил Рено.

Кошка, едва ее одели, сама, без команды, покрутилась на месте, коротко пробежалась и лихо скакнула на два метра вверх (Рено схватился за сердце). После чего подошла к оператору и застыла.

— Катрин, дорогая! — оператор присел на корточки и заглянул кошке в глаза. — Слушай задачу. В здании вооруженный преступник. Задержать. Доставить. В здании полицейский кот. Найти, оказать помощь. Действуй. Удачи тебе.

Кошка сорвалась с места, как гоночный болид, только хвост мелькнул в дверном проеме, и вот ее уже нет.

Бух!

— Спокойно, не попадет.

— А вы что, совсем не следите за ней?

— Почему? Следим, конечно. Только сейчас, наверное, не успеем даже начать. Потом в записи посмотрим.

Бух!

И дикий вопль.

— Получил, кретин, по морде... — протянул Дарре удовлетворенно. — Ну что, пойдём?

Оператор сел в машину и посмотрел на монитор.

— Да погодите вы. Не все задачи выполнены. Сейчас она доделает.

Загрохотало.

— Что за чертовщина? — удивился Дарре.

— Я догадываюсь, — сказал Рено. — Мне прямо страшно, но я догадываюсь. То есть очень хочется, чтобы так было.

Оператор посмотрел на коллегу и хитро прищурился.

— Потерпи, увидишь, — пообещал он.

Грохот усилился, потом снова заорал грабитель.

— Тяжело переучиваться на русскую кошку? — спросил Рено. — У тебя ведь был до нее катис?

— Да, конечно. Знаешь, вообще учебный курс

не сложный. Но придется менять себя, свое отношение.

— Я понимаю, что разница между нашей и их моделью большая...

— Главная проблема будет не в кошке. В тебе. Самое трудное — поверить в то, что новая кошка совершенно живая. Понимаешь, вообще. Более того, она равноправный партнер. Кстати, полная эффективность достигается тогда, когда до кошки доходит, что ты ее не просто любишь, а еще уважаешь, считаешь не глупее себя. Идеально, если она будет жить в доме — как вот моя Катрин. Ой, а детишки от нее без ума! И она с ними ласкова. Что интересно, самая первая русская кошка была именно такая по расцветке. И не боевая, а домашняя — конструктор сделал ее в частном порядке, для себя. Видел бы он, что теперь вытворяют его киски... М-да, знаешь, труднее всего было поверить!

Тут дверь склада распахнулась настезь, и через нее вылетел грабитель. Буквально.

— Фашисты! — проорал он в полете и рухнул на асфальт.

Следом вышла трехцветка, в зубах она несла револьвер.

А за русской кошкой топал кадис, целый и невредимый.

— Ты сказал — трудно поверить?.. — переспросил Рено.

2002, 2003.

Послесловие к 1-й части

«Дивов написал про кошек, а вышло про собак. Впрочем, даже если бы он писал про тараканов, у него все равно получилось бы про собак» (И.А. Алимов, литератор).

Повесть «К-10» в принципе «заказуха», она делалась для моего друга Андрея Синицына, критика и литературного агента, специально под задуманный им тематический сборник «кошачьей фантастики». Я поначалу сомневался и отвечал уклончиво, мол, про кошек знаю, только как их собаки едят. А потом неожиданно для себя взял и чего-то накропал. Доброе такое, жизнеутверждающее. Под ласковым названием «Прощай, Катя!».

Рукопись страшно обругали все кому не лень.

А я уже привык к тексту и сдюкойно его шлифовал, пока не вышел более-менее пристойный короткий вариант, известный сейчас как «К-10»; он и ушел к Синицыну (что интересно, эту версию до сегодняшнего дня оплевали только читатели мужского пола, женщинам и примкнувшему к ним Алимову она скорее нравится). Но повестушка вдруг начала дергать автора и требовать, чтобы ее снова переписали. Я повозился еще — и вот. То, что опубликовано здесь, — «К-10» — окончательная авторская редакция повести. Она почти на четверть длиннее, и у нее альтернативная концовка, на мой взгляд, более убедительная, чем в ранних версиях.

Искать в тексте какие-то намеки бессмысленно: «НИИ По Барабану» автор выдумал, у героев нет реальных прототипов. Даже сбежавший из института секретный шимпанзе на самом деле был, кажется, резусом (не успел толком разглядеть его двадцать лет назад).

И хотя с самого начала подразумевалось, что повесть назовется «К-10», а героиня — Катькой, я только к середине работы удосужился посчитать на пальцах и выяснить, что буква К в алфавите десятая, если «ё» отбросить.

Да, еще один момент. Есть мнение, будто Дивов почти эксперт по собакам и вообще на них помешан (ну, логично — что еще думать об авторе, который первый свой роман посвятил любимой псине). Миф. В действительности я ежегодно минимум дважды отвергаю предложения купить по сходной цене щенка бернской овчарки и столько же раз — принять в дар щенка «кавказки».

Хотя, конечно, собаки мне ближе и дороже, чем кошки.

Кошки слишком похожи на людей.

ЭПОХА
ВЕЛИКИХ
СОБЛАЗНОВ

Параноик Никанор

Он приходит ко мне на почту строго раз в полгода. Всегда с одной и той же репликой.

— Ну что, — говорит, — сетевик...

«Сетевик» он произносит с таким выражением лица, будто я минимум зоофил. Хотя мне по долгу службы положено, между прочим. Не зоофилить, понятное дело. Просто слегка онлайн. У отделения связи неограниченный доступ. А то чего я, спрашивается, забыл в родном селе, чтобы из города — да обратно?

— Ну что, сетевик... Подпиши-ка ты меня на какое-нибудь махрово-реакционное издание!

Только не подумайте, будто Ник шутит. Вовсе нет, он просто ставит задачу.

В последний раз я его обидел.

— Слыхал, — говорю, — про такой очень популярный Интернет-журнал: «Русский Долдон»?

Ник без лишних слов — за костыль. Сам шутить не умеет и чужих шуток отродясь не понимал. Я ему:

— А ну, отставить порчу материальных ценностей имущества! Некоторым инвалидам такие развлечения не по карману.

Тут он малость поостыл. Действительно ведь инвалид, и пенсия крошечная. Стоит, костыль задравши, пошатывается — тяжело ему после второй контузии равновесие держать, — а на глазах почти что слезы. Мне даже стыдно немножко стало, я сразу в монитор уткнулся, дабы чувств своих

не выказывать. А то подумает еще, мол, я его жалею, мол, все забыл.

— Что же ты, — бормочет, — Леха, так со мной?.. Знаешь же, мне нервничать вредно.

— Жить вообще, — отвечаю, — вредно. Особенно таким, как я, в одном селе с такими, как ты.

Поговорили, называется, родственнички.

* * *

Ник, мой дядя, материн двоюродный брат. Мне почти тридцатник, ему полста, а впечатление такое, будто я старше его вдвое. То есть физически мы оба не в лучшей форме, но я сейчас про голову. С этим предметом у Ника давно проблемы. Сколько его помню: а это примерно столько же, сколько я помню себя. Уверен, все из-за имени. Вот я, например, просто Леха и живу себе, никого не трогаю. Нет в моем скромном типично русском имени скрытого замаха на рубль. Амбиций бессмысленных нет, ясно? А этот — Никанор. Вы только послушайте, как звучит: Ни-кан-нор-р... Тут вам и «никогда», и отдельно «ка» такое звенящее, и еще под конец рычание, причем тоже какое-то отрицательное, что ли. Не имя, а посыл всех окружающих далеко и надолго. Думаете, легко с таким имечком вырасти нормальным человеком? Это я не Ника оправдываю, а вам намекаю. Чтобы вы трижды подумали до того, как обозвать сына каким-нибудь Павсикакием.

У нас в Красной Сыти народ все больше по железу. Трактора, комбайны, сеялки-веялки разные, пилорама еще. Ну, и развлечения традиционные — винище, телевизор, на танцах подраться, рыбки поудить, зверя или птицу добыть. В общем, нормальная спокойная жизнь для таких, кто не Ермолай Солженицын, а просто Леха. С трех

сторон от села — поля бескрайние и озера бездонные, с четвертой лес глухой. От себя добавлю: настолько дикий, что в нем однажды городской охотинспектор заплутал. В лесу два очага цивилизации — крошечная деревня Большие Пырки и очень секретная военная база.

Пырки эти такая глухомань, что туда даже электричество пришло только при развитом социализме и за большую взятку в райком партии — а магазина как не было, так и нет. Охотхозяйство: лесники там и прочие егеря. Есть пара симпатичных девчонок. В целом население грубое, нетактичное, кормится лесом, все сплошь потомственные охотники-промысловики, жмоты и кулачье. Раньше ходили к нам на танцы, а теперь мы с ними в состоянии «холодной войны». Был один неприятный эпизод, после которого мы их деревню называем исключительно «Большие Дырки», а они нас — «Красная Сыпь». Что не совсем честно: наши-то хотя бы вылечились.

А военная база действительно очень секретная, мы про нее почти ничего не знаем. Да ее и не разглядишь толком. Вырезан кусок леса, и на его место встроена ракетная «точка». Из-за забора казармы виднеются, а между ними, говорят, площадка, на которой только пара домиков и несколько люков. Под самым большим люком — шахта с ракетой «Кипарис-М», нацеленной, по словам того же Ника, прямехонько на нью-йоркский Киберсити. Правда, согласно международным протоколам все русские суперракеты чуть ли не себе под хвост целятся, но Ник говорит — у президентов на столе один протокол, а тут, в лесу, совсем другой.

Чтобы юсеры много о себе не воображали.

Я так полагаю, девчонки из Пырок-Дырок сразу к нам на танцы прямиком от ракетчиков

притащили. Видно, налажены там у них... тесные контакты третьего вида, хе-хе. В лесу-то откуда такой инфекции взяться? Во всяком случае, Ник уверял, что на его памяти ничего подобного не было. Он сам изначально пыркинский, Ник-то. Его оттуда невежливо попросили, когда из армии вернулся. Мама говорит, он был до этого нормальный. А в армии приучился читать слишком умные книги и домой пришел с ног до головы в идеях. Ну, и давай их пропагандировать. Соседи сначала слушали и дивились, а потом говорят: вали-ка ты, мил друг, от греха подальше в Красную Сыть. Мол, оттуда до города меньше сотни верст, и там, наверное, ко всякому привыкли.

А вот не ко всякому. Я хотя и просто Леха, но человек местами просвещенный. То есть знаю, допустим, что слово «*жидомасон*» пишется слитно. Но когда Ник задвигает про каких-то прото-славян и гиперборейцев, от которых пошла наша великая нация, мне становится кисло. Видите ли, сердце каждого русского должно переполняться гордостью при мысли о том, что это именно мы сокрушили Трою, растоптали богомерзкий Рим и поставили на уши Британские острова. М-да, суровая такая национальная специальность — всех крушить, топтать и ставить раком. Могуч славянин, глубокие следы в истории оставляет. Прямо как Годзилла. Вообще-то, конечно, здорово, что викинги тоже были русские. Я даже не против, чтобы атланты были русские. Я вообще ничего не против, только не надо со всем этим ко мне лезть. А Ника хлебом не корми, дай пристать к человеку насчет исторической роли нашего, видите ли, богоизбранного народа.

До меня одно не доходит. Пусть мы все из себя русские. То есть викинги, атланты и такое прочее. Это что, дает нам право со своим уставом переть-

ся в любые монастыри? Ладно, юсеры ко всем цепляются, потому что напечатали слишком много денег и возомнили о себе. А мы? Потому что знаем, как надо правильно жить? Или потому что тоже возомнили о себе — будто непобедимые? По мне, все разговоры о нашем праве влиять на судьбы мира — такая же муть, как Великая Юсеровская Мечта. И тот, кто считает русских выше других, сам уподобляется юсеру.

Ник в ответ на такие речи плюется. По нему выходит, что есть разница между нацией, которая избрана, дабы вести за собой народы, и нацией, которая жадно разевает хлебало на мировое господство. Поэтому наша задача — всемерно противостоять врагам, и так уже скупившим пол-России. Ибо юсеры в отличие от русских давно поняли, кто именно предназначен в лидеры планеты велением свыше, а кто нет, и теперь работают на опережение.

В общем, по Нику получается, что кругом одни враги. Можете себе представить, как он с таким отношением к жизни устраивался в Красной Сыти. Он ведь хотя и деревенский, а даже машину водить толком не научился. Устроился было на пилораму, моментально что-то там сломал, да еще и со всеми переругался. С ружьишком в лес — всегда пожалуйста, сеть в озеро закинуть — для него тоже милое дело, а пахать-сеять — фиг. У всех огороды, у Ника заросли сорняков. Зато язык без костей. Родственники его сначала подкармливали, так он и их задолбал своими проповедями.

Ему бы тогда жениться, глядишь, все бы и наладилось. Девицы на Ника поначалу смотрели с интересом, парень-то он был видный. Идет по селу: волосы светлые назад зачесаны, глаза слегка навывкате, плечи развернуты, ноги расставлены,

будто между ними что-то мешается, — не мужик, загляденье. Они все такие, эти лесовики пыркинские. Косая сажень в плечах и накачанная простата размером с кулак. Богатыри, короче. Только в отличие от Ника трепаться не любят и фантастики отродясь не читали. А этот по любому поводу шпарит цитатами из писателя Добрынина. Для сельской местности явный перебор. И вскорости барышни от нашего героя начали шараться.

Поболтался Ник в Красной Сыти с годик, видит: никому он здесь не нужен. Кинул в рюкзак пару любимых романов Добрынина и избранные номера журнала «Солдат удачи», да так и уехал. Оказалось — на какую-то войну. Потому что еще через год он вернулся. Все такой же нищий, слегка контуженный и окончательно сбрендивший. С наколкой «Русский Добровольческий Легион» на плече и пулевым шрамом на заднице. Красиво трепал языком про ковровые бомбардировки, снайперские поединки и ночные рейды в тыл врага. Вот, мол, где сейчас передний край противостояния русских и юсеров — в горячих точках планеты. И вот куда любой нормальный русский должен стремиться. Чтобы все знали: мы не сдаемся! Мы гордо несем гиперборейские знамена, и все такое. Тут ему кто-то и ляпнул: ты, Ник, это своему Добрынину расскажи, пусть он про тебя роман напишет.

Что бы вы думали — Ник с полуоборота завелся и в Москву.

Больной-больной, а пробивной оказался. И пролез к Добрынину.

Почтенный старец, послушав Ника пару минут, весьма оживился. По такому случаю даже с кровати встал. Нашарил костыль и ка-ак погонит

гостя! Буквально с лестницы спустил. А потом и говорит:

— Меня иногда неправильно понимают, но я все свои книги от чистого сердца написал. Я хотел русским показать, какова их миссия. Только, блин, не до такой же степени! Ведь это чудовище — даже не пародия на моих героев, а просто издевательство. Ишь ты, выискался, понимаешь, Конан-варвар, вождь казаков...

После чего впал в депрессию, насилу откачали.

Я маленький был и не помню. Но говорят, в какой-то момент Ник до того раздухарился, что стал ведущей местной достопримечательностью. К нему даже из города журналист приезжал. Зашел в избу, а там целая стена в книжных полках. По правую руку сочинения писателя-фантаста и историка Добрынина, по левую — произведения философа и писателя-фантаста Курочкина. Посередине Ник сидит, приветливо улыбается, самогонку разливает, а за спиной у него андреевский флаг красуется да любимый карабин висит на гвозде.

Журналист после сказал:

— У нас в провинции чудаков хватает, я-то уж их повидал всяких, и за что они меня только не агитировали... Но чтобы за первобытно-общинный строй — это, ребята, перебор!

* * *

А потом смешное кончилось, и началось...
Всякое.

Весной Ник, как обычно, в город смотался на рынке книжками по дешевке закупиться, привез целый рюкзак. Очень довольный приехал — я, говорит, в центральный книжный магазин зашел и

там случайно с идейными противниками схлестнулся. Ну, и толкнул речугу в защиту славянской фантастики. Да так, знаете ли, складно вышло — прямо жалею, что диктофона нет. Записал бы.

Буквально через пару дней является в Красную Сыть местный фээсбэшник Бруховец. Девяносто два километра по жутким нашим лесным колеям на машине отмахал — сам не поленился и тачку не пожалел.

— Слышь, — говорит, — Чеботаревич! А ведь ты у меня до...

В смысле, «доболтаешься».

— Ты мне, — говорит, — кончай пропаганду русофашизма, антиамериканизма и мировой революции! Тоже, понимаешь, выискался... Осколок каменного века! Боевой мамонт Варшавского Договора! Я тебе, зараза, хвост на хобот намотаю! В Сибирь загоню вечную мерзлоту бивнями распахивать!

Ну, про Сибирь он, допустим, вхолостую стрельнул. Наших Сибирью не запугаешь — и свой климат не подарок, а дороги так вообще.

Ник ему в ответ, спокойно и рассудительно:

— Понятное дело, русского в России испокон веку чморили. Вам прямо так начальство и приказывает: мол, дави русских, Бруховец, затыкай им рты, не стесняйся? Мол, такая у нас государственная политика. А мы тебе за эту грязную работу долларами заплатим. Настоящими юсерскими, прямиком из Федерального резерва... Ага?

Бруховец весь позеленел, не хуже доллара, и вон из избы. К председателю зашел, стакан хлопнул, успокоился слегка и сказал:

— Увижу в городе этого... сектанта — посажу! Так и знайте!

Председатель:

— Вот ты мне объясни — почему ваша мафия

городская снижает закупочные цены на лес, а электричество нам продает все дороже?

Бруховец (пока еще мирно):

— А у тебя прямо под носом реальный под-
рывной элемент жирует!

Председатель (наливая по второй):

— Не так давно вся Красная Сыть в едином порыве солидарно голосовала за кандидата в президенты — выходца из ФСБ. Опять. Прямо скажем, надоело уже. А результат? С какой стати газовые баллоны привозят раз в полгода? Чего мост на тридцатой версте, который еще при Брежневеве завалился, так и не отремонтирован? Что вообще за бардак в государстве творится? Куда смотрят органы своими органами? И ты лично в их лице?

Бруховец (внушительно):

— Знаешь, дорогой... Ты сначала приструни вашего левого экстремиста, ага? Вырастил, понимаешь, гнойного прыща на лице общественности!

Председатель (наливая по третьей):

— А вот я вспомнил! Ну-ка, ты мне доложи, куда пропал наш народный депутат? Что вы с ним у себя в городе сделали? Небось круглые сутки в ванне лежит и из горла пьет, а у него тут, между прочим, дети рождаются...

Бруховец (подозрительно):

— Ты шантажируешь меня, что ли?!

Председатель (с тупым упорством):

— А милиция в этой стране жива еще? На той неделе трактор с комбайном столкнулись, задавили промеж себя двух курей и годовалого свина. Нужно же составить акт, нарисовать схему дорожно-транспортного происшествия, замеры необходимые произвести! Был вызван сотрудник — и где он?... А кстати, на почту к нам протянут выделенный Интернет в обозримом будущем или я

так и сдохну с этим жутким телефонным коннектом?!

Бруховец (отодвигая стакан):

— Ну, до свидания!

Председатель (вслед):

— А почему резервной связи нету? Где положенная нам рация? Кто ее прикарманил? И если, допустим, стихийное бедствие — мне чего, до газопровода топать полсотни верст и по трубе с гордом перестукиваться?!

Насчет стихийного бедствия — это он как в воду глядел. А может, накаркал.

* * *

Сначала месяц шли дожди. Посевная — та просто к черту отправилась, в полях грязи чуть не по колено, а дороги развезло ну совсем нечеловечески. Робинзоним, как на необитаемом острове. Курева ноль, выпивки нет, готовимся к переходу на натуральное хозяйство — в смысле, мох и самогон. Мылим в город панические депеши, телефонограммы шлем. Власти отвечают: а мы что можем сделать, если даже «Уралы» в колее тонут? У вас там все здоровы? Медицинской помощи не надо? Вот и сидите по домам, телевизор смотрите. Нет, ну, если через недельку не подсохнет, мы, конечно, попробуем до вас добраться на какой-нибудь военной технике. Но, честно говоря, вы тыщу лет в своем медвежьем углу без помощи извне нормально существовали, так что и теперь, наверное, не вымрете. И вообще, спасение утопающих — сами знаете, чьих рук дело.

Председатель созывает общее собрание и говорит: конечно, водка в жизни не главное. Но есть еще такие приметы цивилизации, как туалетная бумага, стиральный порошок, семечки жарен-

ные фасованные, пиво бутылочное, а также картриджи к принтеру и листы форматов А3-А4 для распечатки периодических изданий подписчикам. Без этих ерундовых, в общем-то, вещей русское село моментально обрушивается на свое привычное историческое место — в задницу! — и теряет всякую привлекательность для рядового пользователя. Он — то есть пользователь, чтоб его так и эдак, — испытывает нехватку элементарных удобств. И тут же в непутевой его голове возникает желание удрать из деревни в город, дабы там, подобно нашему пропавшему без вести народному депутату, нырнуть в пучину развращающего комфорта. Но, во-первых, лежа в ванне, пить из горла — чистой воды освинение и деградация. А во-вторых, если все трудоспособное население из Красной Сыти удерет — кто работать будет? Нет, уважаемые, это не государственный подход. Россия и так чуть пупок не надорвала, догоняя Португалию по уровню валового продукта на душу населения. И мы не позволим ни природным катаклизмам, ни городским бюрократам тормозить наше развитие. Тем более Португалия, чтоб ей повылазило, тоже не стояла на месте все эти годы. А посему — готовим спасательную экспедицию! Приказываю впрячь в одну телегу два гусеничных трактора и таким образом группе добровольцев из лиц малопьющих и ответственных проследовать на городскую оптовую базу для закупки алкогольных напитков, курева и далее по списку!

Ясен перец, Ник в добровольцы первым звелся, и, понятное дело, председатель тут же на него наложил вето. Сначала путем голосовой коммуникации, а потом вообще невербально. Руками. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, какая это была ошибка. Лучше бы Ник тогда сгинул

вместе с доблестной нашей экспедицией — то есть отсидел пятнадцать суток за антиобщественное поведение в общественных местах. Здоровее бы остались мы оба, и дядя, и племянничек. Но экспедиция ушла без Ника, в пути совершенно озверела — а вы попробуйте целый день на гусеничнике по грязище! — отчего, прибыв к месту назначения, мгновенно ужралась до кроманьонского состояния и зачинала русскую народную забаву «погнали наши городских в сторону деревни». А Ник дома остался. Разобиженный, что не дали инициативу проявить.

Тут я еще сунулся — не понял тонкости момента. Подвалил со словарем иностранных слов.

— Слышь, — говорю, — дядя. Здесь про тебя статья. Вот, гляди: «Характеризуется подозрительностью и хорошо обоснованной системой сверхценных идей... Эта система была бы совершенно логична, если бы исходные патологические идеи были правильны...»

— Чего-чего? Какие-какие идеи?

— Да ты послушай! «Одержимый индивид навсегда посвящает себя агрессивности, борьбе с воображаемыми врагами и демонстрации подчеркнуто мужского поведения, граничащего с героизмом. Цикл никогда не приходит к концу: как только побежден один враг, появляется другой, еще более опасный».

Ник даже отвернулся. Он так делает, когда хочет дать человеку конкретно по голове, но сдерживается. Отвернулся, значит, и говорит тихонько в сторону:

— Там, случайно, в этой статье про толкование истоков паранойи по Фройдю не написано? О фиксации на педерастической стадии развития?

Он всегда так произносит — не Фрейд, а

Фرويد. Даже Фрёйд. Потому что принципиальный очень.

Мне прямо стыдно как-то стало и неловко.

— Не-а, про это нет.

— Значит, словарь хреновый. Популярный. Знание, разжеванное в жиденькую кашку для широких масс. А разжеванное знание, оно, Леха, хуже, чем никакого. Оно не учит думать. Ты получаешь догмы в готовом виде, забиваешь себе тыкву жесткими схемами и по этим схемам пытаешься жить. А потом удивляешься — отчего у меня ничего не выходит толком? Почему моя великая родина, задрав штаны, бежит за какой-то драной Португалией? Тебе ответить, племяш, в чем загвоздка?

— Ну?

— Да в том, что над этим вопросом предметно работают минимум лет пятьсот. А некоторые специалисты уверяют, что всю тысячу, и я думаю, это тоже смахивает на правду.

— Э-э... Над каким вопросом?

— Чтобы у тебя, Леха, и у твоей великой родины ни черта не получалось до конца. А если и получалось, так очень быстро разваливалось. Понял?

— Понял, — говорю, а сам бочком-бочком и на выход. Пошутить хотел, называется.

— Выпороть бы тебя как следует для вразумления, — Ник меня добрым словом провожает, — да уж больно ты здоровый, люди не поймут. А по морде дать — так не чужой вроде... И вообще, почтальон — лицо неприкосновенное. До некоторой степени. Пока не задолбает!

Мне тогда двадцать три года было — служил в родном селе на почте и радовался, что есть Интернет и молодых в армию больше не забирают. Весь мир на мониторе, друзья-приятели в разных

странах, работа ответственная, кругом свои — что еще надо человеку? Типа лишь бы не было войны. А радости-то сколько, простой человеческой радости — настроячишь на принтере журналов и газет, сброшюруешь, сумку тяжеленную на плечо закинешь — и идешь по Красной Сыти, а тебя уже и в том доме ждут, и в этом, и каждый встречный почтальону улыбается, и ты всей душой ощущаешь, до чего же нужным делом занят — прямо здесь, прямо сейчас. А письма?! Которые иногда на почту из города привозят — настоящие, в конвертах? Не какие-то мыльные, которые у нас по старинке открытками зовут, будь они хоть на семь листов... Да нормальное письмо по адресу доставить — это ж целая история. Почтальона чуть ли не языческим ритуалом встречают. Прямо магия вуду. Трезвым не уйти.

Хорошая штука Интернет все-таки. Не будь его, я бы наверняка после училища в городе застрял — и потерял себя. Об одном жалею: не попробовал, каково оно — в ванне лежать и из горла пить.

Ну, так вот. Дожди перешли в гнусно-моросящую фазу; спасательная экспедиция, пыхтя и тахтя, скрылась в направлении города; утопающее село, прихлебывая самогонку, расселось перед телевизорами; Ник ввиду отсутствия телевизора налег на суровый коктейль из самогона с Добрыниным и Курочкиным; я на почте углубился в бета-тестинг седьмых «Героев». День проходит, другой, и вдруг у меня лампочка под потолком — бздынь! — гаснет. И главный компьютер включает себе питание от бэкапа. И в телефоне ватная тишина.

Я за дверь. На улице дождик противный еле капает и мат зверский стоит. Ник еще стоит. С трудом. За забор держится и, снисходительно

квивая, наблюдает, как народ от дома к дому мечется.

— Доигрались, — Ник говорит. — Доцеловались с юсерами.

— Ты чего? — я ему. — Столбы небось подмыло, и все дела. Тоже юсеры виноваты?

— Газеты читать надо, племяш, — отвечает. — Только не как вы это обычно делаете, через пятую точку, а головой, аналитически. Все к тому и шло. Вот завтра — услышишь — «Геркулесы» за облаками полетят. Стадами. Табунами. Про...ли Россию дерьмократы. Ну, да ладно. Видать, судьба. В партизаны-то со мной уйдешь, Леха?

— Сам, — говорю, — уйди. Баиньки уйди. Параноик!

Ник по привычке в сторону глянул — я, умный, назад отшатнулся, тут он и засветил кулачищем в то место, где только что был мой лоб. А поскольку для замаха ему пришлось отпустить забор, то Ник уже в процессе удара начал падать. Я сразу ушел, не стал глядеть, как он в лужу опрокинется, только плюх за спиной и услышал.

Дядя, чтоб его. Родственник. Помереть со стыда.

А назавтра, прямо с раннего утра, загудела по всему небу тяжелая авиация.

* * *

Я просыпаюсь, в залу выхожу, а там за столом папаня глазом в прицел уперся. Из ствола прибор для «холодной пристрелки» оптики торчит. И не знал, что есть у него. Всегда он прицел нормально пристреливает. А теперь — патроны экономит?

— Ты зачем это? — спрашиваю. А сам уже догадываюсь, зачем.

— Да так, — говорит, — просто.

Ну, думаю, не завидую я юсерам. Ой, зальется слезами чья-то мама.

Пока что, правда, только наша мама на кухне плачет. Сдержанно и с достоинством. Одной рукой плачет, а другой завтрак стряпает.

И до того естественно, прямо нормально мне все это подумалось — аж оторопь взяла. Как будто я с раннего детства готовился к тому, что у России есть враги и рано или поздно тот из них, кто сильнее, возьмется нас завоевать.

Понятно кто.

Вышел на кухню, маму приобнял. Она стряпню бросила, хватъ меня и так сжала, кости хрустнули.

— Мам, — успокаиваю, — не напрягайся. Это какая-то глупость. Дурацкое стечение обстоятельств. Сегодня наши пройдут по линии, упавший столб найдут, провода срastят, и мы все узнаем. Эти самолеты, которые гудят, наверняка учения или что-то вроде.

Сам говорю, а не верю.

— Господи, — мама шепчет, — как же хорошо, Лешенька, что ты такой взрослый. Они ведь дети малые, что отец твой, что Никанор. Да и все остальные...

И я понимаю: она тоже не верит. Для нее самое важное, чтобы я вел себя, как большой рассудительный мужчина и без лишнего повода не лез на рожон.

А я и не собираюсь. И папаня, кстати, не собирается. Он за пушку схватился, потому что струхнул. Ему так спокойнее. Мужик со снайперкой — пусть и не боевой, а промысловой — уже полтора мужика.

— Ладно, мам, я выскочу на пару минут, узнаю, как и что.

По относительно сухой обочине бредет председатель.

- Когда поедem? — спрашиваю.
- Куда?
- Ну... Обрыв искать.
- На чем?!

Глаза у председателя белые, то ли от налитости, то ли по причине глубокого осатанения. Тут я вспоминаю: оба наших исправных гусеничника еще третьего дня ушли в город и бесследно в том направлении сгинули вместе с отважным экипажем. Так... Что мы сегодня имеем на ходу? Насколько мне известно, один-единственный трехосный «Урал». Правда, у него под капотом дизель от комбайна. Но «Урал» замучаешься переставлять на «сельхозрезину». Есть такие громадные широченные колеса. Они ему лезут еле-еле. А на штатных баллонах он по нынешней распутице далеко не уйдет, сядет.

Все-таки и правда хорошая вещь Интернет — мелькает в голове. И как здорово, что он теперь повсюду. Ибо в противном случае покинул бы я родину навеки. Не нравятся мне наши дороги. К дуракам притерпелся, а вот к дорогам... Как поглядишь на весенне-летне-осеннюю распутицу — и сразу неудержимо рвет в город.

— Значит, нужно идти пешком. Вы дайте команду электрикам. И я с ними.

— Леша, — говорит председатель, крепко хватая меня за грудки и слегка встряхивая, — дорогой ты мой почтмейстер! Очнись! Сейчас, когда вся Красная Сыть в едином порыве... О чем это я? Да! Ты что, вообще дурак?! Все село готовится к войне с Соединенными Штатами. Все сидят в стельку трезвые и чистят оружие. Формально, как гендиректор акционерного общества «Красная Сыть», я могу им что-то приказать. Но чисто по-

человечески — а, Леша? Не время сейчас приказывать. Пусть остынут слегка. Глядишь, и сами одумаются.

И ведь не скажешь ничего. Прав на сто процентов. Что называется — мудрый политический деятель.

Возвращаюсь домой и на пару с отцом разьедаю громадную вкусную яичницу с помидорами. Впервые в жизни замечаю, как мало по сравнению с нами, мужиками, ест мама. Что-то со мной происходит. Кажется, все чувства обострены до предела.

Может, и вправду война?

— Ладно, — вздыхаю, — пойду на службу. Не поработаю, хоть покараулю. Слышь, папаня, а ты меня лучину щепать научишь?

— Ага... И лыко драть. Зачем тебе лучина? Свечей целый ящик. И керосину две канистры. Эй, мамуля, помнишь, как мы с тобой при лампетрехлинейке... А?

Мама улыбается.

— Чего, — спрашиваю, — тоже обрыв случился?

— Не-а. Молодые были, романтики захотелось. Самую малость сеновал не зажгли. Брыкалась очень, понимаешь.

— Тыфу на тебя! — Мама почти смеется, и мне становится легче.

Когда она плакала, я сам едва не разрыдался.

— Нигде больше, — говорит отец удивительно серьезно. — Я ведь объехал всю страну, ты в курсе. Но я вернулся. Нигде больше сено так охренительно не пахнет. И вообще ничего так не пахнет, как у нас. Знаешь, сына, я бы хотел, чтоб ты тоже поездил по миру. Чтобы вернуться. Эх, теперь уж не судьба...

— Только вот этого не надо. Без паники. Все

скоро выяснится. Если председатель людей не найдет, я один по линии пойду обрыв искать. Сегодня же. И чем раньше, тем лучше.

— Как же ты, Леша... — Мама прямо на глазах в лице меняется. — А если...

— Да не ударит меня током, не бойся.

— Каким током?! Да ведь... Ты что, не понимаешь? Не пушу!

— Спокойно. — Отец в стол глядит, а сам чего-то соображает. — Только спокойно. Почему бы ему и не сходить, а? Связь восстанавливать надо по-любому. И если город на этот счет не чешется, значит, Лешкина очередь чесаться. Разрешаю. Я сказал. Пожевать ему собери. А ты, — это мне уже, — сделай вот как. Просто для страховки, на всякий случай, хорошо? Значит, во-первых, оденься по-человечески, чтоб за версту было видно: гражданское лицо. Во-вторых, паспорт возьми и удостоверение заведующего отделением связи. А вот ружье... Не бери. Понял?

Я сию, впитываю папашину мудрость и тихо злюсь. Хоть отец у меня и чудо, но, увы, на нем такая же печать «холодной войны», как и на всем его поколении. Более того, они и детей воспитали себе подобными. Вот я, вроде бы гомо сапиенс, а вынужден прилагать определенные усилия, отгоняя от себя мыслишку: до ракетной базы километров сорок, после бомбежки поднялись бы хоть какие, а дымы, и, поскольку их нет, значит, ракетчиков накрыли десантом. Тьфу!

Тут в дверь — бумс!

— Заходи, Никанор! — мама через плечо кричит. И тихонько: — Именно тебя нам и не хватало для полного счастья...

— Как знать? — отец бормочет. — Как знать?

Появляется Ник — трезвый, умытый, в чистеньком камуфляже. Вот что отец имел в виду,

когда советовал одеться по-граждански — у нас же все село в военном ходит. Дешево и практично. Вещички прочные, и грязь почти не видна. Чем реже стираешь, тем маскировочнее рисунок. Ник вчера когда в лужу падал, я еще подумал: он же такой напрочь закамуфлированный, что, если там, в этой жиже, заснет, — не найдут. Пока сапогом не наступят.

И ведь прав отец, хоть ты тресни. Наткнутся юсеры посреди леса на мужика в русской военной форме и при карабине «Сайга», остро напоминающем «АК», — с ходу грохнут. Превентивно, не вдаваясь в подробности. Хотя это еще вопрос, кто первым кого увидит. Я, конечно, против старших дилетант, но все равно — местный. А уж Ник или папуля, да любой их ровесник... Такого Зверобоя со Следопытом на берегах Онтарио изобразить могут — Фенимор Купер обрыдался бы.

— Радио слушали? — Ник с порога спрашивает.

— Батареек нет.

— И не слушайте. На всех частотах глушилка шурует. Я не шучу. Настоящая глушилка, не хуже советской. Вж-ж-ж-ж, бж-ж-ж-ж... А может, и она самая. Их же не демонтировали ни фига. Захвати и врубай. Что делать собираетесь?

— Леха телефон чинить пойдет, — отец говорит. — Может быть.

— Хорошая мысль. Ты это... Ксиву не забудь. И ежели чего, сразу руки в гору и кричи — постмэн! У юсеров к почтальонам отношение трепетное. Носом в землю, конечно, уложат, но точно не застрелят. Ну... Тогда счастливо.

— Сам-то чего надумал? — спрашивает отец, вроде легко, а с ощутимым подтекстом.

— Да ничего, — Ник отвечает небрежно так. И мне подмигивает незаметно. — Уж больно

обстановка неконкретная. Оно ведь как может обернуться — мы тут, понимаешь, с ума сходим, а это просто учения. Помнишь небось, помнишь, какой всегда на учениях бардак. Мимо нашей площадки однажды танковая дивизия шла, так сто метров бетонного забора будто корова языком... Ну и чего им стоило пару столбов уронить? Да они такой ерунды и не заметили.

— Нас бы загодя предупредили, — отец возражает. — И потом, учения просто на местности не проводятся. Только на полигонах. И где они тут?

— Могут захват базы отрабатывать. Да мало ли... А нас предупреждать — ты подумай, ну кому мы нужны?!

Мне становится неинтересно, я встаю, говорю, что прошвырнусь до почты, и выхожу за дверь. Почти моментально вслед за мной на крыльце оказывается Ник.

— Уфф, — отдувается. — А я ведь к тебе. Зайдешь на минутку, а?

Про вчерашнее он, похоже, забыл. Или вспоминать не хочет. Ну, тогда зайду. Почта как раз в ту сторону.

На улице грязь подсыхать вроде думает, но сомневается пока. А вот дождик больше не моросит — так, пылью оседает. Неужто кончается светопреставление? Кое-как пошкандыбали по обочине, иногда за заборы хватаясь для устойчивости. Местами штакетник уже обломан.

— Дураки Россию губят, а дороги спасают, — Ник под нос себе ворчит. — Русский патриот, скажи автобану «нет»! Ибо только грязь родная непролазная за тебя в лихую годину заступится. И утопнут в ней враги со всеми ихними «Леопардами» и «Абрамсами»...

— ...и «Меркавами», — поддакиваю. — Ты это серьезно про грязь или дурака валяешь?

— Я-то валяю, — отвечает Ник загадочно. — А вот они, похоже, нет.

— Кто — они?

— Сейчас услышишь. Если успеем.

Пришли наконец-то. На чердак влезли — Ник сказал, «там прием лучше». О-па! Стоит посреди разнообразного хлама здоровенный всеволновый приемник «Ленинград», такой позднего советского производства монстр. Запитан от двенадцативольтового аккумулятора. А под самой застрехой Ник проводов навертел, вроде там у него антенна.

Поймал мой взгляд заинтересованный, усмехнулся.

— Активная, — говорит. — Вон блокочек маленький, видишь? Нормально пашет. В полевых условиях и не такое сооружать приходилось, чуть ли не из консервных банок. Ладно, тут главное — вот что.

Смотрю — подсоединена небольшая коробочка к приемнику. Лампочки, кнопки...

— Декодер натовский. Конечно, боевые приказы он не возьмет, мне это не по зубам, но общую служебную трансляцию я, кажется, расколл. Внимание, Леха, включаю.

Ник врубает приемник, жмет кнопки на своей коробочке, и тут у меня челюсть отваливается напрочь. Потому что либо это галлюцинация, либо я собственными ушами слышу голос, вещающий на типично юсерском английском:

— ...и на этом мы завершаем передачу. Воскресную проповедь для личного состава, выполняющего боевую задачу, прочел наш полковой ребе Менахем Гибель!

И тишина. И мертвые с косами стоят. Точнее, некоторые еле живые на полу сидят. То есть на потолке. Тут же чердак.

— Чего он говорил-то, Леха? — Ник допытывается. — Ты расслышал? Можешь перевести? Я же в этой каше ни хрена не разбираю. Скажи хотя бы, кто они!

— Кто, кто... Юнайтед Стэйтс оф Эмерика. Зуб даю. Это у них проповедь закончилась. Для выполняющих боевую задачу — во как... А чего ты про глушилки-то нес?

Ник отстегивает декодер от приемника, и чердак заполняется громким жужжанием и скрежежом. «Понял? — спрашивает. — Они давно научились эти проблемы обходить». Понял я.

— Ну что, племяш, а то в разведку сбегает?

Я сижу на полу-потолке, тупой, как ступа. Плохо мне. Поджилки трясутся. Мир будто на голову встал. То есть это представление мое о нем взяли и кувыркнули. Или все-таки галлюцинация? Угу, тотальная.

А может, я на самом деле сплю и у меня кошмар такой?

Хочется полбанки откупорить, в теплую ванну залезть, из горла — хлопок!

Или в теплую постель, и одеялом — с головой. Шекли еще советовал, а он глюконавт со стажем был, знал, о чем пишет.

Нас оккупировали. Мама, роди меня обратно. Что же теперь будет?!

Да, в общем, и ежику понятно — что. Новый порядок. Аусвайс-контроль. Полицаи. Немецкие овчарки. Череп на рукаве.

Одна радость, что меня вряд ли угонят арбайтером на бескрайние поля Оклахомщины. У них там своих лузеров и реднеков девать некуда, зачем им еще раздолбаи славянские до кучи... Это же всему миру известно, общим местом стало и банальностью — от нас хорошего не жди. Спрашивается: на фиг таких завоевывать?

— Слушай, Ник, да бред же, бред! Вдруг какая-нибудь совместная операция? Может, шаттл в неполюженном месте сел? В наш лес навернулся, а? Или натовская инспекция приперлась смотреть, как мы ракеты на орала перековываем?

— Стоп! — У Ника аж уши зашевелились. Ага, тарыхтит в отдалении. Похоже, вертушка. Или, что гораздо хуже, чоппер. Не тот чоппер, который рокерский байк, а который юсерский вертолет.

Ник в два прыжка вниз слетел, еще в два обратно вернулся, уже с биноклем, и к чердачному окошку нырнул. Однако в хорошей форме дядя.

— Та-ак, вот он, красавец... Не узнаю. На «Апач» вроде смахивает. Мимо чешет, не к нам. Глянешь?

Ну, глянул. Летит по-над лесом винтокрылый аппарат, явно нерусский. Гляжу и с некоторым удивлением ошущаю — поджилки не трясутся больше. Примирился я, видимо, с новой картиной мира. В полосочку и со звездочками.

— Зачем я тебе в разведке, Ник?

Легко так спросилось.

— Если «языка» возьмем — переведешь.

Совсем просто он ответил. Как так и надо. Мне почему-то на ум песенная фраза пришла — «партизанский молдаванский собираем мы отряд». А еще: «...и ходят оккупанты в мой зоомагазин».

— На самом деле все не так страшно, — Ник говорит. — Нам ведь нужно просто разобраться, что происходит, верно? Сам представь, какой может выйти конфуз, если у них и вправду шаттл в лес упал — а мы тут уже томагавки выкапываем и танцы военные пляшем. Не надо бардака. Сходим, приблизимся осторожно, поглядим... Короче, Леха, я тебя за околицей ждать буду. Двинем сначала вдоль дороги, будто и вправду обрыв

ишем, я инструмент монтерский возьму для правдоподобия. Удостоверение не забудь. Чуть что, кричи — постмэн! — и стой как вкопанный. А дальше моя забота.

— А если председатель все-таки электриков на линию выгонит?

— Хотелось бы. Они ребята не промах, один спецназовец, другой погранец. Вот увидишь, я их мигом сагитирую.

Электриков председатель на линию не выгнал. Это они его выгнали. Они с утра в мастерских железом гремели, чего-то там мудрили с кузнцом за компанию и начальство попросили: на фиг пошел и, что видел, забудь. А он и вправду ничего такого не видел. Труба, сказал, с ручкой.

Мне-то, сказал, по фигу подробности, и так чую: инструмент подсудный — сто пудов, а если стрельнет, так наверняка расстрельный. Но поскольку вся Красная Сыть в едином порыве... Я дальше слушать его демагогию не стал — успеют еще уши завянуть, когда он при новом порядке старостой устроится. Пошел в дорогу собираться. Иду, как говорят юсеры, «с опущенным хвостом», но в кусты не сворачиваю. Будто на подвиг топаю. Вроде и не хочется, а надо.

Потому что нет другого выхода, правда ведь? Надо же, блин, разобраться. А я в селе единственный, кто нормально понимает инглиш.

Некому больше с Ником пойти. Блин.

По дороге пацаненка соседского из лужи вытащил, где он в морское сражение играл.

— Военную тайну хранить умеешь? — спрашиваю. — Значит, иди под мое окно, я тебе оттуда ружье спущу, и ты его тихонечко огородами — за околицу. Там дядя Никанор будет, ему отдашь. И чтобы никто не видел, ясно? И пока я не вернусь — молчок!

Пацаненок весь напыжился и вдруг честь мне отдал. На полном серьезе — руку к кепке. Я от изумления чуть сам в лужу не свалился, как давеча Ник.

Вернулся домой, собрал вещички. Маму заплаканную попытался убедить, что буду паинькой, — без толку. Отец зашел, обнял — ну, говорит, сына, с богом и не подставляйся, ладно? А сам, ушлый, пока меня к сердцу прижимал, ногу чуток отставил и тапочкой под кроватью шаркнул как бы невзначай. Проверил. У всех нормальных людей ружье на гвозде висит, а у меня в чехле на полу валяется. Слушай, говорю, компас одолжи. Папаня — к себе, а я под кровать — нырь, «Сайгу» хвать — и за окошко ее. Хитрый, когда надо. Весь в отца.

У нас в лес глубже километра народ без пушки не ходит. Даже по ягоды-грибы. Исторически так сложилось. Мы бы и рады не таскать на себе лишнего железа, да фауна мешает. И чего бы умного папаня ни советовал, а я беру ствол. Медведь не юсер, к почтальонам без пиетета.

Выхожу за околицу, головой верчу, Никанора не видать. Замаскировался, коммандо несчастный. Для разминки, наверное. Я туда-сюда, вдруг с того места, где только что прошел, из чахленьких насквозь просматриваемых кустиков, в спину голос:

— Ты чего так вырядился, племяш?

Джинсы на мне и телогрейка.

— Военная хитрость, — говорю. — Пушку мою принесли тебе?

Достал из рюкзака камуфляж, переоделся, карабин снарядил. Готов сложить башку непутевую за Отчизну.

Ну, и пошли мы. Сначала в самом деле вдоль дороги, я по краешку, Ник поглубже лесом. Ни-

чего так шагается, бодренько — с учетом погодных условий, разумеется. Километре на пятом, под столбом с единственной сохранившейся табличкой «НЕ В...ЗАЙ У...ЁТ» перекурили чуток, портянками в воздухе помахали и дальше рванули. Чувствую, втянулся. Таким ходом — в Больших Пырьках засветло будем. Как и задумано.

Иду, на столбы поглядываю. Ох, криво стоят, вполне могли где-то сами повалиться, без помощи вероятного противника. Ладно, нам уже не до столбов, через пару километров в самую чащобу сворачивать.

Вышли на Пырки в сумерках. Вроде бы и колея туда — не дорогой же ее называть — вполне проходима оказалась, да мы подустали слегка. Первое, что увидели на краю деревни, — милицейского «козла». Переглянулись недоуменно. Как он сюда попал — вертолетом, что ли?

В Больших Пырьках, ясное дело, тоже электричества нет. Кое-где окна тускло светятся, керосинки там жгут. Подходим к самому здоровому дому, и тут, будто нас встречать специально, дед Ероха — на крыльцо.

— Ага, — Нику говорит. — Явился, мать твою, не запылелся. То-то давеча снилось, будто стоит у моего смертного одра Никанор и горько рыдает. Переживает, сволочь, что не успел единоутробного дядю живым застать. Года два собирался, гнида паразитская, в гости зайти, готовился, а не успел.

Дед Ероха у нас из старших последний остался. Про вещий сон врет, конечно. Просто характер едкий, как электролит. И рад дедуля увидеть племянника, да еще со внучатым племянником за компанию, зуб даю.

— И тебе, внучок, тем же концом по тому же месту стариковское наше спасибо за внимание.

— Слышь, дядя Ерофей, завязывай с нотациями, лады? — Ник заявляет. — Потом как-нибудь выскажешься о наболевшем. Не время сейчас, Родина в опасности.

— Ты, племянничек, не бзди! Я хоть и старый хрен, а от тебя, армагеддона ходячего, как-нибудь Родину обороню! Какую теперь катастрофу замыслил, сознавайся? И Леху-то зачем в свои авантюры втрапливаешь?

Ник вздохнул только, рюкзак наземь опустил и на крыльцо присел.

— Чего тут менты делают? — спрашивает.

— Чего, чего... В бане пьяные лежат. Это участковые.

— Да я машину узнал. И давно они так?

— Давно — не то слово. Уже с неделю. В самые дожди к нам завернули на стакан-другой, а выбраться не могут, так дорогу развезло. Говорят, в Красную Сыть ехали. Какое-то транспортное происшествие оформлять. Чего ты там учудил-то снова?

— Да ничего, вот те крест. Значит, вы ментов несчастных целую неделю поите?

— Да как же не поить-то, Никанорушка! А ты бы хотел, чтоб они трезвые по селу лазали, высматривали, что тут у нас и почему? Нет уж. Пусть лучше они из Пырок цирроз печени увезут, чем хоть один протокол!

— Промышляете, выходит, по-старому, господа браконьеры...

— Жить-то надо.

— И то правда. Слу-ушай, а что ж вы лесом ментов не провели? На Красную Сыть «козел» вряд ли проедет, а к военным — легко. Куковали бы они на базе, все самогонки расход меньше.

Я прямо-таки ушами захлопал. Ничего себе новости! «Козел», значит, проедет... Ох, недаром

слухи ходили, что у военных с Пырками какие-то свои коммерческие дела. Ну правильно, господа офицеры — тоже люди, вкусно покушать любят. Да и самогон пыркинский ух какой. Опять-таки, шубу жене построить из натурального меха... Тот местные такие зажиточные, частенько в городе деньгами сорят. А Красной Сыти со всего этого великолепия — одни побочные эффекты. Отвратительная красная сыпь, в частности. С мучительным зудом. Поня-атненько.

Дед Ероха тем временем рядом с Ником присел, из кармана «Парламент» извлек, «Зиппой» клацнул звонко. Нас сигаретами угостил. И говорит:

— Да не родился еще такой человек... чтобы я ментам вот полстолько лишнего показал. У меня к НКВД счета аж довоенные. И потом, не хотят они на базу сами. Боятся. Потому и надираются с утра. Ко мне уже подкатывали насчет гражданских шмоток.

— Все-таки, значит, война, а, дядя Ерофей?

Помню, как сейчас, — не понравилась мне интонация Ника. Он прямо-таки с надеждой в голосе деда Ероху спрашивал. Как бы «неужто дождались?».

— Не знаю, — дед головой помотал. — Электричества нету, телефон молчит. Поверху то самолеты, то вертолеты. Но ты понимаешь, Никанорушка, есть мнение, будто началась эта катавасия из-за того, что в лесу село. Ну, приземлилось. Дальше, за базой, километров, я так прикидываю, на десять к северу. Сам не видел, молодые сказали — летела какая-то хреновина с резким снижением. Шварк по небу, и в лес. Вроде без взрыва. Я одного понять не могу — если не война, зачем радио отрубать? Или это летающая тарелка какая-нибудь и она волну глушит?

— Летающих тарелок не бывает, — Ник отрезал.

— Это ты не женат еще, вот и не сталкивался, — дед парировал. — Все бывает. Половники, ухваты... Я однажды с летающим утюгом едва разминулся. Низко летел — должно быть, к дурной погоде...

— ...в любом случае, надо разбираться, — Ник ввернул. — Значит, вот как сделаем, дядя Ерофей. До рассвета нас приюти, а там мы «козла» ментовского позаимствуем временно — ты ж нам своего не дашь, верно? — и прямо к базе. Далее по обстановке.

— Убьешь машину-то. Они протрезвеют — голову отвернут.

— Ничего с ней не сделается. Леха поведет, я за штурмана буду. Целы останемся — назад пригоним. Менты и не заметят, они ж ее во-он где бросили. Керосинить им еще дней пять, и то если дождь перестанет. Мы дорогу хорошо разглядели сегодня. Там гусеницы нужны. А колеса — даже не представляю. Бэтээру, например, тухло придется.

— Может, обождать? — Дед сомневается. — Ну, не понимаем мы, что творится, — да и хрен бы с ним. На Руси испокон веку девять из десяти всю жизнь так проживают, ни черта о ней, о жизни, не понявши, — и ничего, из гробов назад не лезут с жалобами. Не рыпайся, Никанорушка! Рано или поздно все доведут в части, нас касающейся. Обязаны же.

— Тебе доведут... Новые власти. Ты им еще на Библии присягать будешь. Мол, вступая в дружную многонациональную семью великих Соединенных Штатов... Тьфу!

Дед в ответ только фыркнул — как бы «ага, прямо сейчас, с радостным повизгиванием». По-

советовал, когда патроны кончатся, не геройствовать и сдаваться в плен. А лучше — вообще ружья у него оставить. На ответственное хранение. «Ты во Вьетнаме в разведку тоже с голыми руками ходил?» — Ник поинтересовался. «Да не ходил я там в разведку, с чего ты взял? Я снайперов ихних на-таскивал, это совсем другая специфика...»

Ну и родственнички у меня. Прямо не знаешь, то ли от гордости надуться, то ли с горя разрыдаться.

Дед Ероха нас еще затемно растолкал. Позавтракали наспех, как раз чуток подрассвело, и за-дамы — к машине. Мимо бани шли, оттуда храп молодецкий на два голоса. Я в окошко заглянул осторожно — точно, они, родимые, наши участковые, братья-близнецы Шербак и Жуков. И чего им в Красной Сыти понадобилось? Они же к нам по полгода не навещаются. Не иначе, фээсбэшник Бруховец именно про это их начальству и стукнул.

Дед тонкого стального троса принес, мы протянули два конца от кенгурятника на «козлиной» морде к углам крыши — чтобы ветки по лобовому стеклу не били. Я передний мост подключил — на старых «УАЗах» (а откуда тут новые, спрашивается) вручную муфты в колесах повернуть надо — и за баранку. Помню, вел себя как сомнамбула. Автоматически, без малейших сомнений. Попал под влияние старших. Надо ехать в разведку — поеду. Надо будет «языка» допросить — сделаю. Уж больно они уверенно себя вели, что мой дядя, что его дядя. Собранные, деловитые, целеустремленные. Воины, едрентыть.

Часа три катились лесными тропками. Явно не только пешеходными — как раз в ширину «козла» и с заметной колеей. Ник и вправду обязанности штурмана исполнял — жалуюсь на за-

бывчивость, то и дело сверялся с какой-то схемкой, по компасу ее ориентировал и показывал обманные места, где просека вроде прямо идет, а на самом деле в болото заманивает. Много их оказалось, таких обманок, ох много.

— Чудной все-таки мужик, — говорю, — дед Ероха. Машину свою пожалел, а карту секретную, на которой, может, все благосостояние его держится, — пожалуйста.

— Так он знает, что я карту проглочу в случае чего. А дорожка эта, она, Леха, ого! Когда я родился, ей уже лет двадцать было. Великий браконьерский путь. Сколько по нему пушнины утекло в невообразимые места, подумать страшно. Ракетчики ее целыми грузовиками вывозили — и на самолеты. И сейчас возят. Но ты учти — никому! Уж лучше юсерам про нее расскажи, чем нашим.

— Да мне, — говорю, — без интереса. Вы ж меня в долю не возьмете.

— А я и сам не в доле. Я, Леха, местный диссидент.

— Ты всеобщий диссидент. Всеобъемлющий.

— Должен же кто-то людям правду в глаза... Тормози, приехали. Еще чуток, и нас засечь могут.

Кое-как запихнули машину в ельничек, ветками прикрыли. Ник на схему глядит.

— Значит, вот в эту сторону — база, а вон в ту — место посадки неопознанного объекта. Разумно было бы сначала подобраться к ракетчикам и предварительно, так сказать, разнюхать обстановку. Принимаю решение: ввиду нехватки времени базу — на фиг. Что мы ее, освободим, что ли, если захвачена противником? Возвращаться будем, тогда, может, заглянем. Идем к объекту. Там наверняка основной гадюшник копошится.

— А мне кажется — там. — Я к базе поворачиваюсь, чтобы слышать лучше. Вертолет у них взлетает. Если по звуку судить, так отечественный. Лишним шумоподавлением не отягощенный. Впрочем, я не специалист.

Ник тоже послушал, хмыкнул недоуменно и говорит:

— Ты лучше маскхалаты доставай.

Халатами своими трофейными Ник гордится, они каким-то образом то ли рассеивают, то ли скрадывают тепловое излучение. Человека в такой одежке только визуально обнаружить можно. Что проблематично ввиду эффекта «плавающего камуфляжа». Все-таки гады юсеры, это ж надо так зажаться, чтобы столь высокотехнологичную одежду сотнями тысяч штамповать. А мы какую-то смешную Португалию едва догоняем по валовому продукту на рыло.

Облачились и пошли, куда Ник сказал.

На противника наткнулись буквально через десять минут. Точнее, я бы наткнулся — Ник заметил. Трое в таких же, как у нас, натовских шмотках тащат на себе объемистые контейнеры. Идут почти в ту же сторону, что мы, пересекают наш курс под углом градусов в двадцать. Без оружия — ну, вообще оборзели. Топают, пыhtят. Один о корень запнулся, чуть не упал и говорит с выражением:

— Ф-ф-фак!

Другой ему по-юсерски:

— Ничего, доктор, уже недалеко.

«Доктор» матерится такими словами, которых я не знаю.

Я Нику едва слышным шепотом на ухо перевожу, чего могу.

Дали троице убраться подальше, чуть-чуть подправили курс, но прямо за юсерами не пошли.

Еще минут через десять Ник забеспокоился, бинокль достал.

— Справа пост, — шепчет. — Почти ничего не вижу... Да оно и к лучшему. Однаколюдно в нашем лесу становится. Что-то они там делают, суетятся. Ладно, идем дальше. По-моему, уже совсем близко.

И еще через пять минут мы в стенку уткнулись. Ник едва успел мне рот зажать, потому что я от неожиданности и страха взвыть собрался в полный голос.

Вроде лес. А поперек — невидимая стена. Не пускает дальше. Отталкивает мягко, но непреклонно.

У Ника лицо вытянулось.

— Это, — бормочет, — что-то новенькое.

Одной рукой стену пробует, другой... Впечатление такое, что правая рука входит глубже. А потом Ник изворачивается боком и заметно продвигается вперед. И застревает.

— Ловко сделано, — говорит. — Ну, Леха, останешься здесь. Ложись, отдыхай. Только веревку из рюкзака вытащи. Да, там еще один халат завался, его тоже давай.

А сам карабин — наземь и халат расстегивает. И начинает доставать из-под халата все, что у него есть в карманах и вообще на теле железного, включая поясной ремень и перочинный ножичек. Складывает кучкой. Часы снимает. И резко — вперед.

Ка-ак он носом в землю спикировал! Чуть из сапог не выскочил.

Я к стене подхожу, руку левую в нее сую осторожно и чувствую — браслет с часами по запястью поехал.

Ник шепотом ругается, не хуже того «доктора», хотя и малость понятнее.

— Что ж за несчастье такое! Мало того, что с голыми руками идти, так еще и босиком!

В сапогах-то гвозди железные.

Ник обувь сбросил, индивидуальный пакет разорвал, обмотал портянки бинтом зеленым, чтобы не сваливались. Вздыхнул тяжело, головой покачал, веревку в карман запихнул, запасной халат — для «языка», чует мое сердце — через плечо. Стоит, озирается.

— Кол бы вытесать, да боязно топором стучать — услышат. Ладно, там найду чего-нибудь... Барахло мое приberi и вон туда, под елочки падай. Да, вот тебе карта. Если до утра не вернусь, иди к машине и езжай к деду Ерохе. Расскажешь все, что видел. Попадешься юсерам... А ты не попадайся! Ну, племяш...

— Ни пуха, — говорю.

Ник с заметным удовольствием к черту меня послал и трусцой за деревьями скрылся. Раз — и нету его. Хорошие у юсеров маскхалаты.

Я вещички собрал, под елки заполз, лежу, стараюсь не думать о стенке. Вообще стараюсь не думать. Потому как ничего не понимаю — ну совсем. Впрочем, если верить деду Ерохе, я не один такой на белом свете. Куда более, чем не один.

Очень хочется последовать совету деда и обождать, пока сверху не спустят информацию в части, нас касающейся. Пусть даже наврут с три короба. Пусть даже это юсеры врать будут. Просто если они насобачились такие стенки на голом месте сооружать... Не фиг об них рогами биться. Разумнее сдать на милость победителя, сэкономить максимум сил, а потом низвести оккупанта путем выгрызания изнутри. У китайцев, говорят, неоднократно получалось. А русские что, хуже китайцев? Да русские хуже всех! Нас приди и завоюй — все равно получишь... Затяжную нервот-

репку, а потом по морде. Хоть у татаромонгол спросите. Час лежу, за Ника переживаю. Два лежу...

— Принимай гостя, Леха. Ствол ему в ухоткни для солидности.

Я от долгожданного шепота аж подскочил.

— Ну, ты даешь...

Он даже почти не запыхался, Ник. Садится, берет у меня сапоги, начинает обуваться.

«Язык» валяется полутрупом, слабо шевелясь. Упакован в маскхалат, руки связаны за спиной, рот грязным носовым платком заткнут и бинтом перехвачен для надежности.

— Леха, сунь ему берданку в рожу. А то он, кажется, не понимает, до чего все серьезно. Два раза сбежать пытался.

Я зверское лицо сделал и в глаз пленному из «Сайги» прицелился. Реальным таким движением, будто Ник мне что-то ужасное про «языка» сказал и решил я, значит, гада порешить.

Проняло беднягу — всхлипнул и шевелиться перестал.

— Как все смешно и глупо, — Ник шепчет, рассовывая по карманам свои причиндалы. — Я-то, дурень наивный, думал, что люди научатся читать мысли на расстоянии и поражать врага усилием воли. К этому, по идее, все должно идти. Духовную сферу развивать надо, она же у человечества в полной заднице! Такой неисчерпаемый резерв и никак не задействован! Я верил, надеялся... Что уже внуки — пусть не мои, но хотя бы твои, Леха, будут в любви объясняться взглядом, лечить болезни наложением рук и понимать друг-ого, как себя. А эти уроды... Фу! Рабы высоких технологий, мать их так. Жалко, не вышло его комбез прихватить, не пролез бы через стенку. Там, по-моему, даже ширинка с микролифтом.

А электроникой напичкан... И что их охранная система? Те же самые тепловизоры и радары, как у нас. Один-единственный русский мужик в юсеровском маскхалате — и никаких проблем...

— Ник, ты о чем?

— Да о том, что тормоз я и бестолочь. Обрадовался, в войнушку решил поиграть. Идем, Леха. Отконвоируем это чудо к машине, тогда и допросим чуток. Потешим самолюбие. А дальше посмотрим, куда его. На базу, наверное. Там уж, наверное, заждались хоть какого-то результата.

— А... А чего же юсеры по лесу бродят? — шепчу я, совершенно обалдев, в уходящую спину: Ник стволом карабина толкает «языка» перед собой. Пленный испуганно озирается, ствол беспокоит его очень.

— Да похоже, наши с юсерами в этом деле заодно. Видать, обе стороны до того в штаны наклали, что решили вместе бояться. Я тебе не сказал, ты уж извини — показалось мне, будто на посту бойцы не с «М-16», а с русскими «абаканами» стоят. Тогда не поверил, теперь — запросто. Международная кооперация. В свете прогрессивных веяний.

— Может, на пост его и отвести? Два шага ведь. А то чего-то мне тоже... Боязно.

— Этим дристунам, — Ник кивнул в сторону поста. — Во!

И оттопырил средний палец.

— Если хотят, пусть отнимут, понял?

— Так что там было-то, за стенкой? — Я хотел сначала ляпнуть «машина времени?», но удержался. Я Нику верил и не верил. Понимал его слова и не понимал. Чувствовал, до какой степени он раздосадован, обманувшись в своих ожиданиях. А еще — я ему был очень благодарен за то,

что Ник вроде бы не расстраивался из-за пропажи с горизонта юсеров-завоевателей.

Знаете, это ведь не большое удовольствие — обозвав родственника и соседа параноиком, вдруг обнаружить, что он действительно псих, да еще и кровожадный.

— Звездолет там был, Леха. Офигенный.

Ник подумал и добавил:

— Жаль, что ты не видел. Словами не опишешь. Хотя... Теперь у нас есть заложник. Если доведем его в целости, конечно. Так что все может быть. Авось нагладишься вдоволь на дивный агрегат.

Еще подумал, вздохнул и сообщил:

— Юсерский...

К машине мы заложника доставили почти без происшествий — только разок пришлось врезать ему прикладом, когда мимо шел вооруженный патруль. Ник с добычей расставаться не желал принципиально, хотелось ему все-таки самую малость в войнушку сыграть, а пленный сообразил, что мы от кого-то таимся, и возжелал этому кому-то сдаться. Ну... Получил. Сам виноват. Мы запихнули страдальца на заднее сиденье «козла», освободили от кляпа и принялись тешить самолюбие.

— Имя! Звание! Должность! — сдержанно рявкнул я.

— Отпустите меня! Пока не поздно! Вас уничтожат! Я ничего не скажу! — взмолился пленник на совершенно испохабленном юсерском наречии — я едва разбирал слова, он сливал концы и начала воедино, как француз, да еще и словно полный рот жвачки набил. Впрочем, он мог быть из какой-нибудь южной провинции.

Ник крепко дал ему в ухо. Даже я услышал звон.

На добавку Ник дал ему в глаз. Смачно. Я на полном серьезе решил, что сейчас увижу, как летят искры.

— Ты это... — пробормотал я в смущении. — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— До свадьбы заживет, — обнадежил Ник. — Калечить не буду. Фанеру бы ему пробить — по-нашему, по-солдатски. А ну...

Свободной рукой он заставил пленного сесть прямо и начал бить его кулаком в грудь. С глубокомысленным, немного отстраненным выражением на лице.

Который уже раз в жизни я возблагодарил небеса за то, что Вооруженные силы РФ теперь полностью контрактные. Не хотел бы я научиться так профессионально «фанеру пробивать».

Пленному хватило пяти-шести ударов.

— Кримсон! Стивен Кримсон, сэр! Сержант! Командир отделения биологической защиты!

— Какой-то дохлый у юсеров сержант пошел, — усомнился Ник.

— Да он вроде начхима, — перевел я.

— Начхимы, они, знаешь, разные бывают. А этот так... Бродил, цветочки нюхал. Ладно, спроси, как их сюда угораздило.

Тут Кримсон, видимо, собрался с духом, потому что заартачился и потребовал объяснений — кто мы да откуда. Ник пробил ему фанеру вторично. Фанера едва не затрещала.

Увы, сержант-биолог почти ничего не знал. У корабля разладились какие-то жизненно важные системы «на выходе из прыжка» — я дословно передаю, — и он принужден был немедленно совершить аварийную посадку. Никогда такого раньше не случалось, судно было чрезвычайно надежным. Летел корабль домой. На Землю.

— А откуда вы шли?

— С Новой Англии.

— Хм... Цель рейса? Задача?

Кримсон задумался. Ник пошарил под сиденьем и извлек ржавые пассатижи.

— Доставка вспомогательной энергетической установки для атмосферного генератора, сэр! Послушайте, друзья, отпустите меня! Мы должны взлететь с минуты на минуту!

— Без тебя не улетят.

— Мы военный транспорт! Не гражданский! Вы понимаете?! Ах, вы же ничего не понимаете... Как... Как это случилось с нами? За что?! Отпустите меня, пожалуйста!

И тут сержант Кримсон расплакался.

— Не переживай. — Ник похлопал сержанта по плечу, тот от ласки вяло увернулся.

— Отпустите меня! Ради всего, что для вас свято! Еще остался шанс... Совсем немного времени...

— Мы думаем, — обнадежил я сержанта.

— Какой сейчас год?.. — прорвалось сквозь рыдания.

— Девятнадцатый.

— О... О-о-ууу...

— Слушай, Ник. Давай закруглять эту трагедию Шекспира. Мы не сможем от парня ничего добиться — я не понимаю толком, какие задавать вопросы. И... Ты погляди, как его ломает. Мне, например, противно и стыдно. А тебе?

— Спроси, какой год у них! И как там Россия, спроси! Это же главное! Это...

И тут у Ника знакомо шевельнулись уши.

— В «собачник» его, живо! И к нашим!

Когда мы запихнули беднягу Кримсона в кормовой отсек «козла», вертолет был уже совсем близко. Тот вертолет. Чоппер.

— Раша! Раша! — успел Ник проорать Кримсону, волоча его к задней двери. — Как там Раша?!

— Фа-ак... Ю-у... Ба-ас-тард... — проныл Кримсон в ответ.

«Козел» натуральным козлом скакнул из ельника — я наступил на педаль от всего сердца.

Вертолет ходил над нами. Деревья мешали ему сесть, но зрение у него было, похоже, орлиное.

— Выпустим! — крикнул я. — Пусть вернется к своим! А то хреново все это кончится!

— Нельзя! Я сам хочу! Но нельзя! Такой подарок Родине! Кто мы будем, если отпустим его?!

— Ник, ты сумасшедший!

— Леха, это долг! Сержант поможет нам изменить мир! В лучшую сторону! Да, он мало знает! Но для нас — много!

Я чуть не врезался в сосну. Просека была настолько узкой, что даже малейший занос погубил бы нас. Больше всего наше передвижение напоминало бобслей. С учетом того, что бобслеисты трассу знают досконально, а я — ни ухом ни рылом. Но мы двигались очень быстро. Отчаянно козля. В эту несгибаемую тачку нужно погрузить где-то полтонны, лишь тогда подвеска сожмется, и «козел» станет комфортен.

Кримсону в «собачнике» весело, наверное, было.

И тут вертолет пальнул.

Машину здорово трянуло, в лесу на мгновение стало очень светло.

Я рискнул оторвать от дороги один глаз и в зеркале обнаружил стену огня.

— Сэйв ми! — заорал сержант.

— Шат ап!

— Сэйв ми, рашенз!

Я опять чуть не влетел в дерево.

— Ты хочешь, чтобы мы — МЫ?! — спасли тебя?!

— Вы убили меня! Убили! Теперь спасите! Умоляю!

— С ума сошел от страха, — заключил Ник.

Вертолет пальнул снова, опять нам под хвост, на этот раз попав заметно ближе.

— Сколько до базы, Ник?!

— Таким ходом еще пару минут! Я уже про-свет вижу! Как тут включить мигалки и сирену?!

— Да хрен его знает!

Ник зашарил по центральной консоли. Машину бросало, тыкать пальцами в кнопки было трудно.

Вертолет болтался где-то сверху, действуя на нервы. Интересно — он ужасно раздражал, но не пугал. В тот момент мне не было страшно вовсе. Я просто выполнял задачу: как можно быстрее доехать до своих и не разбиться. Скорость реальная была километров полста, не больше, но в узкой щели воспринималась на все сто.

— Чего он перед нами не жахнет?! — озадачился Ник.

— Я, кажется, знаю, чего! Урод! Скотина! Во-нючий параноик!

Страшно завывая сиреной и весело мигая лампочками — Ник таки нашарил кнопку, — мы выскочили на расчищенный участок и закозлили по кочковатому полю. В сотне-другой метров впереди из лесу выходила дугой подъездная дорога базы и зеленели железные ворота с красными звездами. Мне даже не надо было к ним сворачивать — значит, разгона хватило бы вполне. Я собирался протаранить ворота и, петляя, укрыться за строениями базы. Пусть вертолет хоть все тут расстреляет, а я от него как заяц — финтами. На базе должны быть средства ПВО. И вообще, здесь

живут военные, это их профессия — убивать и погибать.

Я не хотел ни того ни другого.

Помню, как сейчас, эту картинку — я будто сфотографировал базу. Поднимающийся из-за домов вертолет. Наш, родной, такой хищный, прямо летучий крокодил, машина огневой поддержки. Перекошенные физиономии, прилипшие к окнам в будке КПП. Рядом два «Хаммера» — ага, много тут на них наездишь, по лесу — и застывшие в опупении юсеры числом особей с десятков. Получайте, гости дорогие, русский сувенир...

Ворота были совсем рядом, я крикнул: «Держись!»

И тут вертолет попал нам в корму.

Он именно туда с самого начала целился.

* * *

Щербак и Жуков стоимость павшего смертью храбрых «козла» выплатили в трехкратном размере, после чего их из милиции уволили к чертовой матери за халатность.

Фээсбэшника Бруховца к той же матери уволили за потерю бдительности. Чуть ли не на следующий день близнецы встретили убитого горем чекиста в ресторане, взяли под руки, отвели в сортир и начали топить — сами догадываетесь где. Как я и думал, это Бруховец капнул милицескому начальству, что братцы запустили дела в Красной Сыти, — вот их и понесло исполнять служебные обязанности в неудачный момент. Похлебав водички, Бруховец ожил, вырвался и, в свою очередь, прилично навалял близнецам. Всех троих повязали и упекли на пятнадцать суток.

Не знаю, за что именно, но, говорят, разжаловали и уволили командира ракетчиков.

Цепная реакция и до Красной Сыти докатилась — наши председателя сменили. Хотели еще народного депутата отозвать, да не нашли его. По сей день, наверное, лежит в ванне и из горла пьет. Аж завидно.

Никанор домой вернулся только года через два с лишним. Не думаю, что его столько времени спецслужбы допрашивали. Зато слухом земля полнилась, что папаня мой пообещал ему пулю в лоб. Правда, дед Ероха поправил: лучше в глаз — он же снимет с племянничка шкуру и набьет отличное чучело. По такому случаю тряхнет старинной. Я, честно говоря, призадумался над этим заявлением: что именно дед имел в виду?

Конечно, Ника когда увидели, пальцем не тронули. Ограничились всеобщим игнорированием. На него смотреть-то больно теперь. Меня в основном поломало, а его больше контузило.

Мама постарела заметно. Отец сильно пьет. Отношения у них совершенно расклеились.

Мне осталось две операции, и тогда я буду нормально ходить. Это еще два года на костылях. Оплачивает лечение АО «Красная Сыть», попросту говоря — все село вскладчину. Платит, как я понимаю, охотно.

Благодарная Родина взяла с меня подписку о неразглашении государственной тайны, а взамен дала скромную пенсию по инвалидности.

Наверное, так мне и надо.

Мама вспоминает, что первое время я во сне разговаривал по-английски с каким-то Стивеном. Потом это прошло.

* * *

Значит, при выходе из прыжка у них случилась авария. На самом-то деле, я думаю, отказ систем был только следствием. Что-то произошло со временем и пространством, когда они прыгали, — и корабль пострадал. Так или иначе, но они прилетели домой. Подали сигнал бедствия и пошли на аварийную посадку — уж на кого бог уронит.

Довольно скоро они сообразили, что попали малость не туда домой. Вернее, как раз туда, но не тогда. Мне трудно представить себе их ужас. А может, ужаса особого и не было. Хотя бы потому, что военные, как я теперь понимаю, запрограммированы сначала изо всех сил выкручиваться, использовать малейший шанс любой ценой, а потом уже, когда спасутся, переживать.

Вероятно, они пошли по схеме, определяющей порядок действий при аварии на враждебной территории. Или потенциально враждебной. Постарались по максимуму задействовать преимущество отдаленного глухого района. Закрылись стеной, блокировали передачу любого сигнала электрической природы (дабы аборигены не смогли донести о происшествии), занялись починкой. Чтобы взлететь и, мне так кажется, опять прыгнуть. Назад, к неведомой Новой Англии? Видимо, да. И снова вперед, домой. А что им оставалось? Только попробовать воспроизвести ситуацию.

Конечно, их посадку засекли. И зря они гоняли над лесом свой вертолет. Чего хотели — осмотреться? А почему нет? Они были уверены в своем технологическом преимуществе над нами, дикарями. Им не пришел на ум апокалиптический об-

раз русского мужика в юсерском маскхалате, с веревкой и без сапог.

Но и мы, в ответ, напрягли их, конечно, здорово. Больше, чем следовало бы. Хотя они же не спросили: чего это там у вас летит по небу большое и страшное, в количестве безумном, и садится в городе, до которого рукой подать. Не бомбить ли оно нас собирается? А то мы бы честно ответили — дон'т ворри, гайз, оно вас не бомбить, а изучать намерено. Они привезли в город тучу разного начальства, и специалистов в ассортименте, и военных без числа, включая соотечественников ваших две роты спецназа. При поддержке ребе Менахема Гибеля, чтоб он был здоров.

Еще им не повезло с очагами цивилизации поблизости — очень секретной военной базой и деревенькой Большие Пырки.

И конкретно с Никанором — совсем никому не повезло. Но дядя Ник, он в данном случае проходит, скорее, по графе «стихийные бедствия». И я его, в принципе, даже простил. В том принципе, что не желаю ему немедленной мучительной смерти. Ну его к черту, и бог ему судья.

И всех нас. И всем нам. Когда я вспоминаю, как активно и почти что радостно — в едином порыве, хе-хе — Красная Сыть готовилась воевать... И когда свои эмоции тех дней освежаю в памяти — оторопь берет. И комком подкатывает к горлу страшное предположение. А не мы ли сами притянули себе на голову беду? Целый месяц отрезанное от жизни село набухало, как нарыв, в котором гноилась обида на цивилизованный мир и разные подавленные страхи. И будто нарочно рядышком Ник со своим душевным заболеванием бродит, а параноя — штука вирусная, в свое время один-единственный Сталин ею полстраны

заразил... И, короче, гноилось оно, нарывало, коллективное бессознательное, а потом собралось воедино да ка-ак шарахнуло по небу... А там, километров за полмиллиона и лет через двести-триста, звездолетик пролетал... А?

В точности как Ник мечтал — усилием воли поражать врагов. При отсутствии врага поблизости — достанем хоть из грядущего. Не впервой.

Мне даже не стыдно, если это так и вышло. Только больно. Очень.

А с сержантом Кримсоном, в общем, логично поступили. Единицей пожертвовали во имя будущего целого мира — такого, в каком жили. Значит, оно им нравилось, это будущее и этот мир. Убили парня со смешным, немного детским лицом человека, который всегда хорошо питался и не знал, похоже, ни одного из известных нам страхов, кроме страха гибели. Он и вел себя будто отважный, но очень маленький пацаненок...

Действительно, не оставлять же неотесанным агрессивным дикарям такого гостя из будущего. Который знает мало, но дикарям и того — по уши.

Или не дикарям? Может... Русским?

Впрочем, уж на это мне точно наплевать. Меня волнует совсем другое.

Проклятый чоппер дважды мазал, потому что целился в Кримсона. Только в него. Потом он изящно и без жертв отбил от нашего вертолета, просто двигатель ему попортил слегка и нырнул за стенку — там на миг открылась дыра. А через несколько минут стенка пропала, корабль взлетел, и больше его никто не видел.

Они не смогли защитить своего, не рискнули вступить с нами в прямую драку, чтобы вернуть его, и тогда просто убили. Они сработали чисто — ни один из наших не умер. Чисто и холодно. Такие вот щепетильные ребята. Не то что мы, уроды

безответственные — простой душевный парень Леха и его дядя, тихий параноик Никанор.

Знаете, я хочу верить, что они все погибли при очередном прыжке.

Или сидят где-нибудь на Новой Англии нашего, девятнадцатого, года, на которую еще не ступала нога человека. И горячего для следующего прыжка нету. Значит, сидят они там, за изучением устава и строевой подготовкой коротают дни свои... Кукуют, так сказать. Пусть им воздуха надолго хватит.

Я был бы счастлив знать это наверняка.

2001, 2002.

Эпоха великих соблазнов

Рожнов прижимал Аллена к стене, а Кучкин с наслаждением хлестал американца по физиономии. В отдалении болтался Шульте и что-то нудил про нетоварищеское поведение и утрату командного духа — причем к кому именно это относится, не уточнял. Русские поняли начальника так, как им показалось удобнее: поменялись местами, и теперь уже Рожнов наваял астронавту по первое число...

Увы, первый орбитальный мордобой — событие, безусловно, историческое, сравнимое по значимости, если разобраться, с лунным шагом Армстронга — случился лишь в мечтах летчика-космонавта РКА подполковника Кучкина. Верных полсуток он воображал, что именно и каким образом сделает с насовцем, когда удастся выколоть того из спускаемого. Кучкин не был по натуре злым или жестоким, просто мысли о спра-

ведливом возмездии помогали держаться в тонусе.

Примерно о том же все это время размышлял инженер Рожнов. Правда, он еще прикидывал, как удержать Кучкина, чтобы тот, паче чаяния, Аллена не забил.

Начальник экспедиции посещения «лунной платформы» Шульте не поддавался эмоциям, бессмысленным перед лицом смерти. Он думал только о борьбе за станцию. Когда стало ясно, что Аллен не отделит спускаемый аппарат, Шульте догадался, какая беда приключилась с несчастным астронавтом, пожалел его и забыл. Тут как раз и Кучкин утихомирился — он сначала метался по отсекам, искал биг рашен хаммер, но потом Рожнов что-то рассказал ему, оба вдруг принялись хихикать, просветлели лицами и доложили: командир, распоряжайтесь нами.

Было холодно, сыро и душно. Отвратительное сочетание.

Королевский ЦУП помогал советами. Судя по бодрому и деловому тону, все ответственные лица там просто с ума сходили.

В Хьюстоне, сгорая от стыда, вычитывали по буковке контракт астронавта Аллена. Их главный уже заявил русскому и европейскому коллегам: «Что я могу сказать? Мне нечего сказать. Давайте сначала попробуем спасти нашу станцию. А там посмотрим».

Коллеги решили, что это разумно. Аллен давно мог отделиться и идти на посадку. Но не стал. Он просто сидел в ТМ4, глух и нем, — спрятался как мышь в норке, отгородившись крышкой люка не только от надвигающейся на станцию гибели, но и от всего мира. Когда так поступает бывший военный летчик, значит, плохо с человеком. Ну и пусть сидит пока.

Русских только бесило, что Аллен заперся не где-нибудь, а именно в «Союзе». Ладно бы в «Осу» залез... Бешенство это было по сути абсолютно иррационально, и люди из Королева постарались его в себе подавить.

А вот Кучкин именно о том орал, когда искал по станции биг рашен хаммер, — мол, падла на-совская, ты чей спускач угнал?!

Шульте мог приказать русскому прекратить истерику — и тот, без сомнения, немедленно прекратил бы. Но командир сам на какое-то время потерял ощущение реальности — висел посреди головного модуля, тупо глядя в развернутую инструкцию, не в силах разобрать ни буквы, и пытался вспомнить, где он в последний раз видел кувалду. Очень уж кучкинское озверение было заразительным.

На самом деле продолжалось это состояние вселенской паники от силы несколько минут. Экипаж собрался с духом очень быстро, потому что не имел права тратить время на страх — и по инструкции, и по совести, и чтобы выжить. Нужно было намотать на себя все, что найдется теплого, и хвататься за инструмент.

До визита Железной Девы оставалось восемнадцать с половиной часов.

* * *

Когда система жизнеобеспечения начала рушиться, в головном отсеке работал Чарли Аллен. Не исключено, что более опытный космонавт приближение опасности почувствовал бы спинным мозгом, наострил уши и обнаружил: из привычного звукового фона станции выпало тихое, на пороге слышимости, гудение вентиляторов. Но Аллен был на орбите третьей сутки — в жизни

вообще, — чувствовал себя неважно, двигался опасливо, слышал плохо и соображал туго. Остальные члены экспедиции уже адаптировались настолько, что успешно делали вид, будто их не подташнивает. Аллен знал: через недельку ему положено освоиться с постоянным ощущением желудка под горлом — и старался не переживать.

Невесомость — дело привычки. За всю историю орбитальных полетов не тошнило двоих. Оба были русские, но не какие-то там особенные, а просто отставной боевой водолаз и очкарик-научник, что окончательно сбило с толку медицину.

Аллен как раз думал об этой забавной прихоти судьбы, когда ему стало неудобно дышать. Некоторое время он прикидывал, какой еще внутренний орган мог засбоить, не придется ли снимать кардиограмму, жаловаться Земле, и вообще, не слишком ли много напастей на одного астронавта. Потом заставил себя полегоньку раздышаться и еще пару минут относительно спокойно вставлял штекеры в разъемы. Потом забеспокоился, обернулся и увидел мигающую лампочку.

Воздух в головном сразу показался влажным, мокрым, тяжелым — каким он, собственно, и был.

— Ох, дерьмо! — выпалил Аллен и полез за аварийной инструкцией, благо та была закреплена в пределах досягаемости. «Если красный предупредительный сигнал мигает, сначала прислушайтесь. Слышно ли гудение вентиляторов? Да, нет. Если нет, плотно закройте ладонью решетку воздуховода. Ощущается ли циркуляция воздуха? Да, нет. Если нет...»

— Ох, дерьмо! — повторил Аллен совсем другим голосом.

— Да! — согласился кто-то за спиной.

Аллен резко, по-земному, обернулся и начал взлетать, но Шульте его поймал.

— Извините, — сказал начальник экспедиции, принудительно втыкая астронавта на рабочее место. — Не хотел вас пугать.

— Я ничего не делал! — сообщил Аллен, имея в виду моргающую лампочку и подозрительное состояние атмосферы.

— Вы и не могли, — успокоил Шульте. — Дайте мне инструкцию. Спасибо. Та-ак... Угу. Кажется, это серьезно. А который час? Ага. Плановая связь через... Двадцать три минуты. Ничего, пока сами попробуем.

— Почему не дать сигнал «паника»? — осторожно спросил Аллен.

— Потому что я еще не готов паниковать, — отрезал Шульте. — И не понимаю, о чем спрашивать у Земли. Нужно хотя бы разобраться, что именно у нас сломалось.

— Да все сломалось. Даже аварийный зуммер! Наверняка это компьютер.

— Зуммер молчит, но лампочка мигает... Безумие какое-то. Эй, господа!

— Я здесь, — сказал Рожнов, просовываясь из переходного модуля в головной. — Кто испортил воздух? Ха-ха. Черный юмор.

— Не смешно. — Шульте уже перебрался на командный пост и, припав к монитору, шелкал клавишами. — Как там в инженерном?

— Немного лучше, чем здесь. Менее влажно. Командир, я потрогал руками то, до чего дотянулся. Впечатление такое, будто упали три контура одновременно. Смотрите компьютер. Это он их уронил.

— Компьютер доволен. Говорит, порядок.

— Значит, точно он. Давайте быстро поменять блоки и перезагрузимся. Ну-ка, пустите меня.

— Быстро? — переспросил Шульте с нажимом. — Поглядите, что на приборах.

— М-да... Согласен, опоздали. Чарли, что же вы?..

— Он не виноват, звуковой сигнал не сработал, — вступился за американца командир.

— У-упс... А лампочка мигает? Фантастика. Спонтанное бешенство электропроводки. Не бывает так, понимаете? Все очень плохо, командир. Знаете, я не удивлюсь, если платформа сейчас развалится.

— Она не может развалиться! — сказал Шульте строго. — Модули скреплены механически.

— Это была гипербола. Черный юмор. Ну, какие планы? Допустим, кислород мы подадим вручную. Отсечем головной от других модулей, чтобы не расходовать попусту. Регенерация... Она точно не сломана, там нечему — когда запустим подачу, сама заработает. А вот что с климат-контролем? Без него и воздух не понадобится. Без него платформа гибнет. Черт! Тут хуже, чем на субмарине!

— Лучше, — возразил Шульте. — У нас есть ТМ4. Но платформу жалко. Будем чинить.

— Будем, конечно! Эй, где мой тестер? Нужно сначала померить несколько цепей. А то как оно взорвется... Спокойно, командир, черный юмор. Но вы, серьезно, ничего не трогайте пока. С такими сумасшедшими неисправностями не шутят... Хорошо, только блоки придется менять в любом случае! Представляете, если мы починимся — чего я не могу гарантировать, — а компьютер снова все обрушит? Давайте так: я делаю машину, остальные берут на себя по контуру. Нет, виноват, пусть лучше Чарли займется блоками, а меня поставьте на воздух. Чарли, вы знаете, где запасные части для компьютера?

Появился Кучкин, мокрый и трясущийся.

— Дерьмо, как это моментально! — выпалил он, и все его поняли.

Английский у Кучкина был сугубо прикладной, зато доходчивый. И вправду, атмосфера на станции испортилась поразительно резко.

— Все не работает! Это конец! — сообщил Кучкин, оглядывая коллег и веселея на глазах. — Командир, жду приказаний!

— Несколько часов мы продержимся, — сказал Шульте. — Думаю, не меньше двух. Через двадцать минут будет Земля, они смогут консультировать нас. Давайте займемся диагностикой. Поделим роли. Господин Рожнов смотрит, как у нас с подачей, господин Кучкин разбирается с обогревом, на мне контроль влажности. Каждый идет по цепи и, что видит, тут же комментирует голосом. Есть поломка, нет поломки — говорите вслух. Господин Аллен... Э-э... Не понял. Чарльз! Где вы?

— Здесь он. — Кучкин мотнул головой. — Сзади меня. Думаю, пошел за блоками в инженерный. Они там.

— Я еще не поставил ему задачу!

— Чарли умный.

— Мне не понравилось его лицо. Оно не было умным. Оно было... Незнакомым.

— Остановите это, — попросил Кучкин. — Каждый нервничает. Очень странное положение. Финально нештатное. Так начнем работать?

Они расползлись по стенам и потолку. Минуту-другую в головном слышно было только пыхтение и возгласы: «Я не понимаю!», «Ох, дерьмо!», «Но тут все в норме!», «Ох, дерьмо!», «У нас точно напряжение не падало?», «Что за чертовщина?!», «Я совсем ничего не понимаю!», «Кто-нибудь что-нибудь понимает?».

Потом Шульте спросил:

— Какого черта он делает в спускаемом?

И тут мягко хлопнула крышка люка.

На миг воцарилась тишина.

— Убийца... — негромко констатировал Рожнов.

— Наша ошибка, — сказал Шульте. — Мы его запугали. Он же новичок.

— Может быть, это случайность, — туманно предположил Кучкин.

Еще через секунду все трое хором заорали:

— Ча-ар-ли!!!

И бросились, нещадно толкая друг друга, в переходной.

Им понадобилось совсем немного времени, чтобы уяснить: астронавт НАСА Чарльз Аллен заперся в четырехместном спускаемом аппарате российского производства, на вызовы по интеркому не отвечает, чем занимается — непонятно, и в общем, бог знает, чего теперь от упомянутого астронавта ждать.

Шульте натурально позеленел. Рожнов схватился за голову. А Кучкин деловито спросил:

— Куда подевался биг рашен хаммер?

— Заче-ем? — простонал Рожнов. — Моло-тить по крышке?!

— Да-а!!! — заорал Кучкин. — Именно! Падла! Гнида! Расшибу! Изуродую! Где?!

И улетел в инженерный.

— Похоже, наш коллега слегка потерял голову, — через силу выдавил из себя Шульте. — Рожнов. Помогите. Чарли может отстыковаться быстрее, чем мы думаем. Нужно закрыть внутренний люк.

— Ни черта он не отстыкуется, — сказал Рожнов очень уверенно. — Но люк давайте закроем, да.

— Я тоже знаю, что он не отстыкуется, — последовательно согласился Шульте.

— Почему вы знаете это? — заметно удивился Рожнов. На родном языке он наверняка ляпнул бы: «А вы-то откуда знаете?» — выдавая себя с головой любому мало-мальски сообразительному русскому.

— Понимаю людей. Но... Закрываем?

— Безусловно.

В переходной влетел Кучкин, еще злее, чем был.

— Нарочно спрятал?! — накинулся он на Рожнова. — А что это вы тут делаете?! Зачем?! Пусти! Дай! Убью гада! Сучара насовская, ковбой сраний, ты чей спускач угнал, техасская вонючка?! Наш родной тээм-четвертый! Да за такое полагаются яйца на кардан намотать!..

— «Союз» не «Жигули», кардана нет, — сказал Рожнов спокойно. — И вообще не мешай. Командир! Я взял. Толкаем.

— Свины! — рывкнул Кучкин и опять улетел.

— Да, — вздохнул Шульте, — немного потерял голову...

— Я думал, вы это про Аллена.

— Нет, Чарли потерял голову совсем. Так, закрыли. Теперь подтягиваем.

— Есть. Уфф... Нечем дышать. И давит на уши. Как тяжело.

— Дальше будет еще тяжелее. Как вы считаете, господин Кучкин скоро успокоится? Работать должны все. Или мы погибнем.

— Увидите, через пару минут он будет о'кей. Поразительное невезение! Трое суток до «Осы»! И поразительная неисправность. Вам не кажется, что это саботаж?

— Я не знаю, — сказал Шульте. — Честно. Посмотрим. Давайте пока выживать.

Снова появился Кучкин.

— Нету... — выдохнул он с таким похоронным выражением, будто у него пропал не биг рашен хаммер, а смысл жизни. — И что делать?

— Пустите меня, пожалуйста, — грустно попросил Шульте и просочился в головной.

— Это ж надо так влипнуть! — снова набрал обороты Кучкин. — Это ж надо так влететь! Это же какой-то просто конец! Это же не поверит никто, если рассказать!.. Между прочим, а чего наш дорогой американский гаденыш там вошкается? Почему не отстыковался до сих пор?

— А он не может, — сказал Рожнов, через плечо коллеги наблюдая, как Шульте потерянно висит посреди головного, развернув перед собой инструкцию.

— Чего — не может?

— Да ничего. Тебе будет легче, если я расскажу?

Кучкин захлопал глазами. В других обстоятельствах это выглядело бы комично.

— Мы, вообще-то, как бы помираем, — сказал он. — Времени кот наплакал. Но ты давай, говори. Тем более, я на этой лайбе за пилота. И если ты ее испортил...

— А драться не будешь?

— Совсем дурак?! Ну, докладывай.

— Я сегодня утром это сделал и просто не успел тебе сказать. Тумблер ручного отстрела нужно сначала повернуть на девяносто градусов, иначе он не замыкает.

— Ну-ка, повтори!

Рожнов повторил. Кучкин поскреб в затылке и поглядел на инженера с плохо скрываемым опасением.

— Ты не думай, я там ничего такого! — быстро выпалил Рожнов. — Просто махнул штатный тумблер на секретку. Мне ее ребята дали. Сказа-

ли, на всякий случай. А почему нет? Согласись. Извини, конечно, за самоуправство, но...

— Вот так работаешь с человеком бок о бок долгие-предолгие годы... — протянул Кучкин.

— Нет, ты хочешь, чтобы Чарли взял и удрал?

— Нет, я хочу, чтобы он вместе с нами подох! Да плевать мне на Чарли! Меня некто Рожнов волнует! С его загадочными «ребятами»!

— Давай обойдемся без имен. Но это не ФСБ, а просто хорошие ребята. Которые не очень доверяют американцам. Правильно делают, как мы теперь видим. И вообще, я же у тебя не спрашиваю, кто запихнул кувалду в тээм-четвертый ЗИП... Вы бы еще домкрат положили, хохмачи. Кстати, юмор донельзя типичный, военной авиацией отдает за версту.

— Чем тебе не нравится биг рашен хаммер? — почти обиделся Кучкин.

— И каким местом я бы вправлял ту паскудную трубу в инженерном? Головой об нее биться прикажешь?

— Ты про трубу что, заранее все знал?.. — теперь настала очередь Рожнова оторопеть.

Кучкин рассмеялся. Заржал в полный голос. Рожнов сначала несмело улыбнулся, потом тоже хохотнул.

— Эх, дурачина ты подозрительная, — сказал Кучкин ласково. — Но я тебя прощаю. Даже разрешу поддержать Чарли, когда бить его буду. Чтобы отдачей не сносило. Ну? Полезли бороться за живучесть, пока еще дышится?

— Слушай, ты, кроме шуток, извини меня! — попросил Рожнов.

Шульте в головном что-то с громким хрустом отломал. Кучкин ободряюще хлопнул Рожнова по плечу. Душевно, но легонько.

Чтобы не снесло отдачей.

* * *

Через два часа они едва дышали. Чувствительность перчаток русских скафандров позволяла вдеть нитку в иголку. Но сама перчатка не пролезала, хоть ты тресни, туда, где приходилось орудовать руками.

Поэтому еще часом позже, когда они почти умерли, в скафандр запихнули измученного Рожнова, поминутно терявшего сознание, и продолжили работать вдвоем. Инженер немного отошел и взялся помогать, но толку от него почти не было.

Еще через полчаса, совершенно уже погибая, они все-таки запустили один контур. На платформе в тот момент было плюс три градуса при нечеловеческой влажности, но зато пошел воздух. Оставалось всего ничего — продолжить гонку, починить обогрев и кондишен, пока модули не обледенели изнутри. Рожнова попросили из скафандра обратно и, двигаясь, как сомнамбулы, почти не чувствуя прилива сил, полезли ломать климат-контроль.

Потом стало еще холоднее и влажнее — хотя уж почти некуда, — но как-то веселее, что ли. Живее. Шульте приказал по очереди поесть горячего — это было умно и вовремя. Рожнов, заправившись супчиком, выдвинул теорию, объясняющую, почему упали сразу все три контура. Его догадка оказалась неверна, зато помогла чинить отопление.

Влажность уже регулировали в психологической обстановке, более-менее приближенной к норме. То есть стало очень страшно, у всех тряслись руки, Шульте совершенно окаменел лицом, Кучкин без конца шепотом матерился, Рожнов по поводу и без повода нервно хихикал.

Значит, обошлось.

В начале двенадцатого часа командир доложил Земле, что станция — как новая, местами даже лучше, только почти не осталось запчастей, а еще в ходе ремонта испортили тестер, согнули две отвертки, сломали гаечный ключ и потеряли кувалду... Ну, эту, сами знаете, не совсем кувалду, а на короткой ручке — в общем, биг рашен хаммер из ТМ4. Обидно, полезная вещь, и, главное, совершенно непонятно, куда мы ее могли засунуть...

Внизу, услышав про кувалду, занервничали, но виду не подали. Только из ФСБ товарищ записал себе в блокнотик: «Молот на короткой ручке. Кто использует в МИКе и на стартовой? Проверить наличие. Подозреваемых — в разработку. Комплектность инструмента — на контроль. Составить рапорт о необходимости. Запросить помощь кадрами. Провести совещание. Назначить ответственных. Доклад еженедельно». Подумал и «еженедельно» исправил на «ежедневно сдача всего инструмента под роспись». Почувствовал, что это уже смахивает на идиотизм, и зачеркнул.

Видел бы главный, чего он там кропает, заставил бы, невзирая на чины и подчинение, блокнот съесть. Давясь и тужась, сожрать. А дальше пускай органы сами разбираются, кого умнее назначить верблюдом.

Но главный был занят, он решал сложную задачу — думал, как прошупать Шульте насчет Аллена. То ли из-за помех, то ли наоборот, вопреки им, три оставшихся в наличии члена экспедиции визуально так и просились в дешевый фильм ужасов... Вроде знаешь всех как облупленных. Хорошие люди, отличные работники. Вот только Чарльз Аллен тоже был редкий симпатяга и надежный парень. Всего полсуток назад. Что теперь с ним сделают эти зловещие мертвецы... Если, ко-

нечно, удастся вытащить американца из спускаемого. Но ведь не прописался же он там!

— Самое поразительное, что неисправность не цепная, — говорил Шульте. — То есть мы думаем так. Контроль влажности точно сломался от перегрузки, а обогрев и подача воздуха обрушились спонтанно и почти одновременно. Конечно, в основе электронный сбой — иного быть не может, — но мы его не установили. Вероятно, из-за спешки. Я прошу разрешения сейчас поспать, а потом мы с отдохнувшими головами начнем тестировать снятые блоки и, наверное, разберемся, что это было. Тут и Аллен придет, он нам поможет. Так правильно?..

Земля с облегчением сказала — да, конечно, правильно. Умученная троица расплзлась по спальникам. Дежурить не стали — Рожнов поклялся, что сигнализация теперь будет орать как резаная, или пусть зарежет его.

— И все-таки, где кувалда? — спросил Шульте, зевая.

— Вы будете смеяться, командир, — сказал Рожнов. — Вчера она летала за мной весь день и пыталась стукнуть. Поэтому я закрепил ее в спускаемом.

«Пусть Чарли ею там убьется», — буркнул Кучкин себе под нос.

— Ничего смешного, — возразил Шульте. — Это очень хорошо, и я доволен. Все на месте, мы ничего не потеряли. Значит, на платформе снова порядок. Благодарю. Приятных сновидений.

Начальник экспедиции отключился мгновенно. Русские, напротив, долго ворочались, просили друг у друга транквилизатор, вычисляли, кому ближе до аптечки, спорили, как делить упаковку — по-братски или поровну, — и за этим делом безо всяких таблеток впали-таки в дрему.

Через шесть часов все трое одновременно проснулись и увидели своего американского коллегу. Потом явилась Железная Дева.

* * *

Рожнов на орбите ни разу не чувствовал себя по-настоящему выпавшимся. И снов не видел. А тут ему впервые нечто пригрезилось, только он не успел толком разглядеть, что именно. И открыл глаза ну очень злой на Аллена. Чарли вроде бы не шумел, просто его заждались и сразу почувствовали.

Астронавт выглядел чрезвычайно виновато, что, впрочем, не мешало ему интенсивно жевать. В одной руке он держал тубу с паштетом, в другой — поилку с соком.

— Вот гляжу и поражаюсь — ведь это летчик-истребитель... — лениво протянул Кучкин. — Подумать страшно. Летает и истребляет, летает и истребляет... Фу! Доброе утро, коллега. Мне такие чудеса снились, просто восторг. Просыпаюсь — и вот.

— Доброе утро, — кивнул Рожнов. — Дома хуже бывает: проснулся, в зеркало глянул, а там типичный мудака в типичных обстоятельствах. Тут, на платформе, вставать интереснее — и обстоятельства нештатные, и мудака из НАСА. Ну, каковы наши планы? Я держу, ты колотишь? Только чур не до крови, лови ее потом по отсекам...

— Здравствуйте, — сказал Аллен невнятно. — Я приношу вам свои извинения.

— Нет, ты только представь, как он истребляет! — обратился Кучкин к Рожнову, демонстративно не обращая внимания на астронавта. — Что ни подсунь, истребит! Знаешь, давай и вправду

набьем ему морду! За все сразу! За Фолкленды, за Гренаду, за Балканы, за соколов Хусейна!

— Фолкленды-то при чем? А Хусейн вообще козел. Ну его.

— Тогда за Вьетнам! — предложил Кучкин.

— А вот за Вьетнам я согласен. И за то, что вторым фронтом тянули, и за интервенцию в восемнадцатом году. О-о, ты еще забыл блокаду Кубы. А кто Че Геваре руки оттяпал?!

— И нашу Аляску прикарманил!

— Блин! — заорал вдруг Рожнов. — Они же, гады, Леннона убили!

Аллен сносно понимал по-русски и издевательство терпел стоически — жуя, — но, когда дошло до Леннона, бедняга просто окаменел. Сразу бросилось в глаза, до чего астронавт побледнел и осунулся — страшнее, чем остальные трое.

— Доброе утро, господа, — очень вовремя сказал Шульте.

— Коллеги! — взмолился Аллен. — Я не знаю, что со мной случилось! Все это время я был в депрессии. В настоящей глубокой депрессии. Не хотел двигаться. Не хотел есть и пить. Не хотел жить. Понимаете? Как только закрылся люк, я словно умер. Это было ужасно! Мне стало легче около часа назад. Тогда я немедленно вернулся к вам. Простите.

— «Сорри», «сорри», — передразнил Кучкин.

— Вы недостаточно опытни, господин Аллен, мы должны были учитывать это, — произнес Шульте холодно. — Мы напугали вас и оставили без поддержки в трудную минуту. Мы виноваты. Простите вы нас.

Аллен посмотрел на начальника экспедиции так, будто тот ни за что ни про что опрокинул ему на голову ведро помоев.

— Вот таким он мне офигенно нравится, — заметил Кучкин. — Красавец. Слышите, Чарли? Мне нравятся слезы в ваших глазах. Расскажите нам про депрессию. Я серьезно.

— Это было ужасно. Я внезапно испытал острое желание спрятаться, — пробормотал Аллен. — Впервые в жизни. Спрятаться, закрыться. Было невозможно преодолеть это. А когда спрятался — началась депрессия...

— Вы могли бы залезть в спальный мешок, — предположил Рожнов. — Головой вперед. Мы бы поняли.

Аллен выронил еду и закрыл руками лицо.

— Мы беспокоились за вас, — сказал Рожнов. — Очень. Все это время.

— Да, — поддержал Кучкин. — Мы спрашивали: почему Чарли не улетел? Может, ему очень плохо? Финально плохо?

— Я не мог улететь... — простонал Аллен. — То есть даже не хотел. Мне просто надо было спрятаться. Я закрыл люк, сел в кресло — и исчез. Перестал существовать. Это было ужасно! Сейчас мне кажется, это был сон. Кошмарный сон. Не представляю, как я мог сделать так!

— В следующий раз, — сказал Рожнов, — мы сами засунем вас в мешок. Головой вперед.

— Следующего раза не произойдет! — отрезал Шульте. — У нас нет для этого запасных частей. Мы будем вынуждены оставить платформу. Кстати, «Оса» теперь задержится. Это позволит нам закончить текущие работы без спешки и получить больше времени на личные программы. Хорошо, не правда ли?..

Рожнов подумал, что на станции, которой больше не доверяешь, хорошо только с ума сходять, но промолчал.

Кучкин хотел объяснить, как Аллену повезло,

что биг рашен хаммер оказался заперт в «Союзе», но не вспомнил достаточно убедительных английских слов и тоже промолчал.

Аллен хотел сказать, чтобы на него не обращали внимания, потому что он больше не тот Чарли, с которым все дружили и работали, а какой-то совсем другой Чарли, и бросил товарищей в беде третий Чарли, вообще чужой... В итоге он ничего не сказал, потому что даже мысленно запутался.

А Шульте подумал, что, раз проснулись, надо жить дальше. Жить и работать.

— Итак... Кто первый в туалет? — спросил он.

— Первый — командир! — заявил Кучкин. — Командир всегда первый. Везде. На белом коне.

— И с кувалдой. Признайтесь, господин Кучкин, вы ее украли? Мне только сейчас пришло в голову, что я никогда не видел никакой кувалды в ТМ4. Извините, кажется, я выдал вас, докладывая Земле о потерях инструмента. Клянусь, не хотел.

— Расслабьтесь. Хорошая вещь? Я знаю, почему она вам так нравится.

— Коллеги, если вы намерены поболтать, тогда я пошел, — сообщил Рожнов, выбираясь из спальника.

— Дуй. Пусть идет, да, командир? Так вот, кувалда вам нравится, потому что это ваша мифология. Бог Тор. Я прав? Не смейтесь. Это еще психология. Вы берете кувалду в руки, и... э-э... нечувствительно?.. Нет. В общем, часть вашего сознания понимает: вот именно та штука, которую должен иметь реальный немец. Вы не думаете, что вы могучий Тор, но чувствуете себя богом. И вы счастливы. Знаете, я подарю ее вам. После всего. Если посмотреть научно, это не кувалда, а просто биг рашен хаммер. Но это хаммер, который был в космосе! Три раза.

— Три раза?! — поразился Шульте. Слушая вдохновенный монолог Кучкина, он усмехался, а тут у немца глаза полезли на лоб.

— Ну... Мужик без кувалды не мужик, — скромно заметил Кучкин.

— Я понял, не переводите. А вы пробовали считать, каких денег ваш хаммер стоит теперь, после трех подъемов на орбиту? Он же золотой.

— Хм... Я как-то не думал об этом.

— Три килограмма? Четыре?

— Три. Оптимальная масса для монтажа и демонтажа всяких... устройств, которые тут есть. А вы решили, я могу взять в космос бесполезную вещь?

— О нет, я же видел ее в деле! Но вы посчитайте! Три подъема! Девять килограммов! Почти сто тысяч долларов!

Кучкин глубоко задумался. Шульте с интересом наблюдал, как у русского пилота идет процесс осознания.

На Аллена, скорчившегося в углу, оба старались не смотреть.

Как и Рожнов, они едва-едва свыклись с мыслью, что находятся на станции, которой больше нет доверия. Родная, своими руками собранная, любимая до последней заклепочки «лунная платформа» — третий подъем у Кучкина, по второму у Рожнова и Шульте — попробовала их убить, причем самым коварным и эффективным способом. Для полного счастья не хватало провести тут полгода бок о бок с коллегой, тоже пытавшимся убить их.

Шульте подумал, что, если Аллен не восстановится — или они не смогут нормально работать с ним, — можно будет отправить астронавта домой обратным рейсом «Осы». Никто не осудит. Только переживет ли Чарли такое унижение?

Кучкин умножал разные суммы на девять и жалел, что закончилась эпоха шаттлов. А то кувалда легко набрала бы тысяч под триста. И в шаттле удобнее прятать контрабанду. Впрочем, американские Оу-Эс-Эй¹ по сравнению с четвертыми «Союзами» тоже были просторными и не могли похвастаться низкой стоимостью заброски грузов на орбиту.

Между прочим, Шульте, подобно большинству европейцев, успевших поработать с русскими, называл маленький космический самолетик не «Оу-Эс-Эй», и даже не «ОСА» — он говорил «Веспа». Американцы почему-то считали это прозвище уничижительным, все остальные совсем наоборот.

— Если бы я летал на «Осе»!.. — сказал Кучкин наконец.

— О да! — согласился Шульте. — Кувалда стала бы намного дороже. Но и так неплохо.

— Плохо, — Кучкин удрученно помотал головой. — Как мне подтвердить остальные два раза? Есть свидетели, но они не смогут уверенно сказать, что это именно тот биг рашен хаммер. Я не догадался просить ставить автографы на нем. Я брал инструмент, а не... э-э... артефакт.

— Слушайте, но этот инструмент не положено иметь на платформе. Теперь ваше начальство знает, что он здесь. А если РКА решит потребовать оплаты провоза багажа? — спросил Шульте нетактично.

Кучкин так посмотрел на немца, что тот нырнул в свой мешок по самые глаза.

Рожнов за переборкой расхохотался.

— Извините, — буркнул Шульте, подавляя

¹ OSA (Orbital Space Aircraft) — облегченный аналог шаттла, первые запуски в 2010-х гг.

смех. — Как сказал бы коллега Рожнов — черный юмор...

— Пусть сначала оплатят мне все нештатные ситуации, в которых работал биг рашен хаммер, — сообщил Кучкин хмуро. — В первый раз мы просто забили болт. Но во второй — это было реально круто — чинили телескоп.

— Телескоп?!

Кучкин тяжело вздохнул.

— Надо было просить автографы? — спросил он с интонацией ребенка, поздно осознавшего, что упустил шанс до отвала наесться мороженого.

— Вы смеетесь надо мной! — понял Шульте.

— Конечно. Но клянусь, биг рашен хаммер правда чинил телескоп. Не оптику, вы понимаете! Механику. Наш хаммер, тот, который я подарю вам.

— Простите, я не смогу принять такой подарок. Не имею права. Это больше не кувалда, а именно артефакт. Предмет истории русской космонавтики. Оставьте себе. Потом внуки отдадут в музей. А как понимать — забили болт?

— Не завинчивался. И не отвинчивался. Мы решили обстучать его. И случайно забили. Я ударил с большей силой, чем было нужно.

Шульте начал оглядываться.

— Не ищите. Он снаружи.

— Спокойно. Я командир, — пробормотал Шульте. — Я впереди, на белом коне. С артефактом. Воображаю себя богом Тором. Меня ничем не удивишь... Господин Рожнов, как вы там?

— Милости прошу, свободно. А я готов подавать завтрак. Есть деловое предложение. Земля, наверное, думает, что мы будем спать еще два часа. Может, не надо их разубеждать? Они наверняка имеют десять версий насчет того, что тут случилось. И все версии ложные, но придется ведь

проверять их. Зачем нам лишняя суета? Поедим, достанем запасной тестер, прозвоним сомнительные блоки и устроим мозговой штурм.

— Вы постоянно меня провоцируете на нарушения, господа. Но поскольку система жизнеобеспечения — вашей конструкции, и сам модуль русской сборки...

Шульте осекся.

— Вы знаете нас, — сказал Рожнов, появляясь в поле зрения.

— Мы вместе пили водку, — добавил Кучкин.

— И если мы обнаружим, что был саботаж...

— Командир, они не станут обманывать, — подал голос Аллен.

— Ты вообще молчи, чмо! — неожиданно сорвался Кучкин. — У тебя права голоса больше нету! Вот Юлька прилетит, она настоящий американец, с ней будем разговаривать. А ты — знаешь куда пошел? Туда и пошел. Урод моральный и физический!

— Ты чего?! — удивился Рожнов. — Брось. Пожалей его чуточку, и так лица на человеке нет. Еще от тоски самоубьется, возись потом с трупом. Гы-ы, черный юмор. Хотя я не шучу.

— Легче, коллеги! — Шульте взял приказной тон. — Это не командное поведение.

— Не беспокойтесь, я все равно почти ничего не понял, — сказал Аллен. — Простите, господин Кучкин, что заговорил с вами. Больше не буду. А Джулия вряд ли прилетит теперь. После аварии нам скорее всего пришлют второго инженера... Слушайте, я же извинился! Ну простите меня! Пожалуйста! Я виноват! Я так виноват!

— «Сорри», «сорри»... Они еще вместо Юльки подсунут нам зануду и страшилую какую-нибудь! Ну народ! Ну страна! Командир, мои извинения. Я вспомнил сейчас, зачем искал хаммер. И очень

разозлился. Потому что этот урод Чарли сделал меня таким, таким... уродом! Хотите знать, что я планировал сделать?

— Нет! — отрезал Шульте, вынырнул из мешка и скрылся за переборкой.

— Хочешь знать ты, Чарли?!

— У вас не будет со мной проблем! Я попрошу отвезти меня вниз на Оу-Эс-Эй! — простонал Аллен. — Скажу, что заболел. Я, наверное, и правда болен. Ради всего святого, простите! Я так несчастен! Мне нужен психиатр! Я виноват!

— Еще одно «сорри», и тебе будет нужен патологоанатом!

И тут появилась Железная Дева.

* * *

Шульте сначала обрадовался, что в головном успокоились. Ему было дискомфортно в ситуации, когда такие славные люди ссорятся, а долг командира требует резко одергивать их. Он давно знал русских и американца, они много тренировались вместе, но никогда еще за компанию не летали — судьба разводила. Если ты не «чемодан»-турист, а настоящий работник на зарплате, попадание в космос требует удачи. Например, общий стаж Аллена был ничуть не меньше, чем у остальных членов экспедиции. И полететь он мог раньше всех. Но тогда отлаживали систему «Оса», долго и мучительно, прямо сдувая пылинки — ведь не дай бог навернется, конец пилотируемой космонавтике. И экипажи Чарли дважды снимали с пуска, один раз прямо со «стола», по откровенно ерундовым поводам. Специфика профессии. Многие ждали полета всю жизнь и не дожидались ничего.

«А кое-кто слетал аж на Луну и потом все равно умер глубоко несчастным человеком».

Эта мысль так расстроила немца, что он перестал орудовать зубной щеткой и замер в глубокой задумчивости — пристегнутый к унитазу. Его всегда занимали судьбы участников программы «Аполло». Таинственная гибель, сумасшествие, алкоголизм, уход в тень — Шульте подозревал, что за этим кроется.

Никакой мистики. Просто человеческая трагедия. Одна на всех.

Ну да, они забрались туда, где до них не ступал никто. Сначала было очень здорово. Подвиг, риск, приключение, слава, адреналиновая эйфория. Потом наступило сильнейшее похмелье. То, что иногда называют «Гагарин-синдром». Но так говорят только дураки, подонки или недостаточно компетентные умники. У Гагарина были совсем другие проблемы. Он рвался в новый полет — насладиться сполна тем, что почувствовал едва-едва. Хотел быть не первым, а настоящим космонавтом. А ему не давали.

С «Аполлонами» вышло хуже, они сработали почти вхолостую. Умчались от родного дома невероятно далеко. Но там уже валялась куча нашего железа, по большей части русского.

Ничего интересного они на Луне не увидели. Русские давно все сфотографировали, да еще и с обеих сторон.

Ничего полезного они оттуда не привезли. Русские уже нарыли достаточно для исследований и честно поделились.

Ничего такого особенного своими полетами они не доказали. Только сэкономили русским деньги и, возможно, спасли жизни. Советы ведь тоже собирались штурмовать Луну, какой-то сырой корявой системой на базе «Восхода», Амери-

ке назло, чисто из принципа, — и с заметным облегчением бросили эту рискованную затею.

Одни ходили по лезвию, другие гибли — за чем? Полноценной лунной программы, с дальним прицелом, все равно не было. А словосочетание «гелий-три» что-то говорило только узкой группе специалистов, чьи робкие голоса успешно глушило нефтяное лобби... Вот и получился вместо прорыва пшик, запуск ракеты клубом юных астронавтов. Высота подъема этажей пять-шесть, отстрел спускаемого аппарата, парашютирование экипажа в составе лягушки и таракана. Ракета взлетела, посадка успешная, лягушка прыгает, у таракана обморок, все довольны, можно с чувством глубокого удовлетворения идти пить кока-колу и жевать чипсы.

Ликующие толпы на улицах — о-о, маленький шаг одного человека! О-о, звезды и полосы гордо реют! Возьми любого и спроси — а зачем они там реют и для чего был маленький шаг?! А этот любовью тебе сразу в морду. Потому что знать не знает, для чего и зачем. И ты своим дурацким вопросом сделал ему больно. Зерно сомнения посеял.

Ведь действительно — зачем?

Ни одна зараза не знала.

Если бы кто-то авторитетный сказал тогда: люди, максимум через сто лет мы должны летать на Луну и обратно, как из Москвы в Нью-Йорк! И если бы добавил — не потому что «так надо», а потому что иначе нельзя! Не позже две тысячи семидесятого — а лучше пятидесятого — море Спокойствия должен пахать наш бульдозер. И будет на нем написано «Катерпиллер» или «сделано в СССР», не принципиально.

Все равно в одиночку не потянуть.

«И тогда многие, слетав на Луну, умерли бы счастливыми».

Сам Шульте на межпланетную экспедицию даже в мечтах не замахивался. При удачном стечении обстоятельств ему светила должность сменного начальника космического депо, «лунной платформы» — в широких массах известной как МКС «Свобода», — и не более того. При серьезной удаче он успеет принять и загрузить на «Осу» первый контейнер с Луны. Если все пойдет совсем хорошо, в контейнере окажется не порода, а уже сжиженный гелий-3. Достаточные основания считать, что жизнь удалась.

«Если, конечно, платформа не выкинет еще какой-нибудь фокус».

Сколько влиятельных господ и мощных корпораций на Земле кровно заинтересовано в провале «лунной топливной программы», Шульте старался даже не думать. Хотя его волновали прикладные аспекты проблемы — например, не было ли вправду саботажа и достаточно ли надежны в этом отношении русские члены экспедиции. Все-таки Россия по-прежнему страна очень небогатых людей. И если, допустим, Кучкин — человек безусловно честнейший, то вот его приятели со старта, которые могут бесплатно, за красивые глаза, трижды забросить на орбиту кувалду... С ними Шульте водки не пил и насчет их моральных качеств сомневался.

Немца не так беспокоил личный риск — хотя вчера он перепугался очень, — по сравнению с тем, что платформа может погибнуть. Отголоски былых катастроф еще звенели в ушах, пилотируемая космонавтика висела на волоске, и аварии системы жизнеобеспечения с избытком хватило бы для закрытия программы. Безвозвратного закрытия. Чего стоят объединенные усилия нескольких правительств, если они угрожают интересам тех, кто может правительства менять? И как

легко, как спокойно воспримут крах программы миллиарды землян, которым годами вдалбливают: осваивать космос дешевле и удобнее автоматами.

Лунный город, завод и железную дорогу вы тоже автоматами строить будете?

Шульте понимал: если первые десятки тонн гелия-3 не придут вовремя, значит, не будет смысла расконсервировать экспериментальные установки термоядерного синтеза. И тогда вероятность девяносто процентов, что скоро начнется большая война. Система обкатана — устроить провокацию и сразу бить. На опережение, чтобы успеть первыми.

Вычистить планету для себя... Да, Шульте понимал, насколько все серьезно.

Про это федеральный канцлер очень прозрачно намекнул ему.

«Мы живем в эпоху великих соблазнов, — сказал канцлер. — Надвигается такой страшный энергетический кризис, перед лицом которого можно совершить любое бесчинство — и потомки нас простят. Значит, кризиса быть не должно».

Шульте очень бы смутился, узнай он, в каких именно выражениях примерно то же самое его русским коллегам говорил на инструктаже товарищ из ФСБ.

А пока что он собрался с мыслями, слил воду, подмылся, закрыл унитаз, натянул штаны, смотал с зубной щетки салфетку, запихнул ее в мусорный контейнер, щетку вставил в личный пенал... И снова испугался, почти так же сильно, как вчера. Потому что тишина за переборкой стояла чересчур напряженная.

А когда раздались голоса, стало еще страшнее.

— Голые бабы по небу летят, — сдавленно

произнес Кучкин по-русски. — В баню попал реактивный снаряд...

— Вы тоже ее видите? — громко прошептал Аллен.

— Железная Дева, — сказал Рожнов. — Может, у нас проблемы с наркотиками, а мы и не знали?

Шульте сделал глубокий вдох, потом еще один.

— Приветствую экипаж станции «Свобода»! — провозгласило чистое и удивительно приятное на слух контральто. — Сохраняйте, пожалуйста, спокойствие. Вы вступили в контакт с иным разумом!

Шульте погляделся в крошечное зеркало и подумал, что не мешало бы побриться. Еще чуть-чуть подышал и решительно вытолкнул себя навстречу свежей проблеме.

Посреди головного висела женщина.

* * *

— Железная Дева — это шкаф с гвоздями! — возразил Кучкин. — А тут просто голая баба окраски «металлик». Ну ты, чего застопорила? Батарейки сели?

— По-моему, у нее со связью нелады. Она рябит, видишь?

Женщина была по земным меркам очень даже ничего, хотя смотря на какой вкус — атлетическая фигура, приличный рост, совершенно лысая голова. Все золотистого цвета с металлическим отливом. Шульте пригляделся и отметил странную форму черепа — от висков назад у Девы уходили какие-то ребра, вполне техногенного вида, словно она носила плотно охватывающий голову шлем. Черты лица усредненно-правильные, даже слишком правильные, чтобы быть красивыми.

Глаза как у статуи, будто отлитые вместе с лицом. Но живые — Шульте заметил, что Дева медленно переводит взгляд с Кучкина на Рожнова.

Поза женщины вызывала в памяти дешевый манекен — руки немного в стороны, ноги слегка раздвинуты. Гладкий лобок и груди без сосков.

Шульте подумал, как интересно было бы увидеть Деву по-настоящему обнаженной. Ему такие нравились.

Он тоже знал, что Железная Дева — пыточный шкаф гвоздями внутрь. Но как еще называть визитершу, представить не мог.

— Итак, вы адаптировались и готовы принять знание, — сказала Дева.

Шульте поймал сразу три напряженных взгляда. Похоже, экспедиция проголосовала — ты начальник, тебе и разбираться.

— Мы слушаем, — кивнул Шульте.

Дева все так же медленно повернула к нему зрачки, и Шульте почувствовал: в головном стало теплее. Дева как-то воздействовала на людей. Это пока не выглядело опасным, но Шульте отметил про себя: быть настороже.

Кучкин выбрался из спальника и осторожно пополз по стене, заходя Деве в тыл. Выглядел русский донельзя воинственно.

Рожнов озираясь, что-то выискивая в интерьере.

Аллен по-прежнему сидел в уголке, скрючившись, обхватив руками колени. Даже со спины было видно, как он мечтает о психиатре. Шульте не поручился бы, что глаза американца открыты.

— Вы не будете первыми, кто спасает ваш мир, — за последнее столетие мы привлекли к этому тысячи землян, лучших из лучших. Но только сегодня мы впервые прямо обращаемся к

людям. Настало лучшее время для открытого сотрудничества, и были избраны вы!..

Рожнов нашел, что искал, — протянул руку, схватил гибкий кронштейн, развернул к Деве видеокамеру и оглянулся на начальника.

— Сейчас именно вы можете совершить главное, что навсегда и бесповоротно изменит к лучшему судьбу вашего мира. Примите знание. Закройте глаза и распахните ваш разум. Так будет проще — вы увидите и поймете сразу все...

Шульте подплыл к командному посту и включил запись.

— Пожалуйста, закройте глаза и расслабьтесь, — мягко попросила Дева. — Будьте спокойны, мы не несем зла. Мы просто дадим вам знание.

Шульте вывел изображение на монитор. Камера работала, она исправно передавала Кучкина. Деву оптика не видела. Шульте посмотрел на Рожнова, помотал головой и постучал себя по лбу согнутым пальцем.

Рожнов скривился. Ему тоже, видимо, не понравилось, что Деву транслируют прямо в мозг. Это отдавало насилием.

— Посмотрите, каким прекрасным станет ваш мир, если вернуть его на истинный путь. Еще остается время, но с каждым днем его все меньше. Разве вы не понимаете, что близится закат? Неужели вам никогда не казалось, что земная цивилизация в тупике?..

Кучкин придирчиво изучал Деву сзади.

— Ну, казалось, — буркнул он. — А что делать-то? Во главе государства поставить ученых и инженеров, города скрыть и жить в единении с природой?

Он заложил вокруг гостыи дугу, перевернулся

головой вниз и попробовал заглянуть Деве между ног.

— Земля пошла по технологическому пути развития, губительному для нее. И произошло опасное рассогласование — психика людей не выдерживает массивного применения высоких технологий. Вы несчастливы. И уже сейчас накопили достаточно ненависти, чтобы уничтожить свой мир, — вас удерживает только голый разум, когда чувства требуют войны. Неважно с кем, лишь бы сбросить напряжение. А теперь есть повод — надвигающийся энергетический кризис. Повод и оправдание. Это так опасно для вас, что мы не можем оставаться в стороне. Поймите, землянам было предназначено совершенствовать духовную сферу — будь так, сегодня вы достигли бы невероятного могущества. Говоря в понятных вам терминах, каждый стал бы как бог. Вы общались бы со звездами и усилием мысли перемещались по Вселенной. Вам не нужно было бы убивать, чтобы жить, ибо бессмертные любят все живое и лелеют его. Вы стали бы беспредельно счастливы...

— Ничего у нее там нет, — доложил Кучкин. — Эх, дурят нашего брата!

— Это ваш естественный облик? — перебил Деву Шульте.

— Миллион лет назад. Сейчас это специально для вас. Мы выглядим, как нам угодно. И вы могли бы...

— Покажитесь.

— Вы просто не увидите. Если бы каких-то двести лет назад Земля свернула на естественный для нее путь, вы уже могли бы видеть. Сейчас — нет. Однако еще остается время, чтобы принять верное решение...

— Интересно, если она общается со звездами,

почему с нами говорит будто карманный переводчик? — вмешался Кучкин. — Не верю!

— Это не она плохо говорит, а наши мозги так дешифруют. Я, например, сплошное косноязычие слышу. И тоже не верю. Командир, у вас в голове немецкая речь?

— Да. И похоже, она не более убедительна, чем ваша русская версия. Для контакта с иным разумом это просто смешно. Я предпочел бы что-то другое. Визуальные образы, например. На словах леди слегка идиотична. Может, действительно имеет смысл посмотреть, что она собирается показать?

— Я против! — твердо заявил Кучкин.

— Вы напрасно сопротивляетесь знанию, — сказала Дева. — Поймите, нужно совсем немного доброй воли — и вы поймете все. Пожалуйста, закройте глаза.

— А вот ... тебе! — сообщил Кучкин, делая соответствующий жест.

— Фу, как грубо, — очень по-женски сказала Дева.

Кучкин густо покраснел и отплыл от Девы подалее.

— Я не понимаю смысла, но чувствую вашу эмоцию.

— Вы действительно женщина или?.. — спросил Шульте.

— Это тоже специально для вас, образ достаточно понятный и достаточно неземной. Я могу явиться в любом виде, поскольку я — все. Перестаньте бояться и закройте глаза, это безопасно. Уясните простую вещь — я говорю с вами из окрестностей Веги, где мне нравится быть. Представьте, что я хочу причинить вам зло. Да мне достаточно подумать о чем-то, и это случится.

— Тогда подумайте, что наша камера пишет вас, — предложил Рожнов.

— Вы так уверены, что начальники на Земле готовы принять истинное знание? Отнюдь. Эта запись повлечет за собой множество смертей. Не возражайте, я отчетливо вижу. В частности, погибнет ваш друг.

— Чего это я погибну? — возмутился Кучкин.

— Вы ему не друг, — сказала Дева. — Он знает, о ком я.

— Чего это я не друг?! — рявкнул Кучкин.

— Его-то за что? — очень тихо спросил побледневший Рожнов.

— Потому что он, сам не зная того, изменяет мир к лучшему. Он направлял вас, помогал и будет защищать, когда вы спуститесь на Землю. Располагая информацией о нашем контакте, служба безопасности легко раскроет и вскоре уничтожит его.

— Хорошенькое дело... — пробормотал Рожнов. — Ну, вы просто все предусмотрели.

— Ваша группа должна вернуться без потерь, — сказала Дева. — И как можно скорее. Это для светлого будущего Земли. Вы будете первыми, кто осознанно понесет херню в массы.

У Рожнова отвалилась челюсть, Кучкин довольно хихикнул, Шульте нахмурился.

— Очень интересно, — проворковал Кучкин, — если я реально напрягусь, получится выдавить ее из головы? Так, опять помехи. Видите, по ней пошла волна? Ха-ха, это мое!

— Нежелание отдельных членов группы адекватно воспринимать передачу начинает беспокоить нас, — сообщила Дева. — В ответ будет принято наращивание мощности, это может негативно сказаться на вашем здоровье.

— Но ведь действительно херня! — сказал Кучкин.

— Коллега, перестаньте хулиганить, — попросил Шульте. — Я сам не в восторге от того, что слышу, и тоже... э-э... подумал, какая это глупость. Но вы, кажется, не чувствуете достаточной ответственности. Нравится или нет, мы просто должны выслушать и разобраться.

— Совершенно правильно. — Дева изобразила вполне достоверный кивок головой. — Тем временем нами приняты меры к обеспечению бесперебойного диалога. На случай дальнейшего сопротивления возможные искажения блокированы. Сообщите об ухудшении самочувствия.

— Пока нормально, — буркнул Кучкин. — После вчерашнего...

— Да, если вы считаете нас такими ценными и хотите вернуть на Землю, — вступил Рожнов, — почему мы вчера чуть не умерли?!

— Так было надо для полной достоверности.

— Не верю!

— Закройте глаза на минуту, расслабьтесь, и вы поймете. Верить не надо, вера — чисто эмоциональная категория, она для несвободных, закрепощенных, подавленных. Свободный оперирует сутью. Он просто видит и сразу понимает. Вы — лично вы — уже не станете всемогущими, но еще в ваших силах обрести свободу. Первое, что вы получите, — интуитивное чувство правды, дешифровку эмоций других людей, ощущение счастья.

— О-о, какое вранье! Когда это чувство правды давало ощущение счастья?! — фыркнул Кучкин. — Эх, Господи Иисусе, я сейчас уссуси...

С этими словами он отвернулся от Девы, пнул ногой рундук-холодильник, стремительно проле-

тел головной модуль насквозь и скрылся за переборкой.

— Следите за Чарли! — раздался оттуда шепот.

Шульте сместился вперед и заглянул Аллену в лицо. Астронавт сидел с закрытыми глазами, ослабленный, безмятежный. Судя по всему, он больше не хотел психиатра.

— Эй! — крикнул Шульте. — Прекратите это! Чарли! Очнись!

— Через несколько минут, — сказала Дева. — Он недавно перенес шок, нужно сбалансировать его психическое состояние.

— Я требую немедленно! — Шульте принялся трясти Аллена, но тот был словно кукла.

— Через несколько минут.

— Чарли! — Шульте отвесил Аллену звонкую пощечину.

— Вот это по-нашему, по-бразильски! — обрадовался за переборкой Кучкин. — Слушайте, какая пакость, я эту бабу через стенку вижу!..

— Рожнов! Аптечку! Найдите стимулятор!

— Не мучайте его, — попросила Дева. — Потерпите немного. Вы ничего не измените — он все равно уже обрел знание. А сейчас мы оптимизируем психику, сильно пострадавшую из-за вчерашнего инцидента. Если не будете вмешиваться, получите своего коллегу совершенно здоровым.

— Да как вы смеете!

— Мы смеем и не такое! — сказала Дева. Шульте оторвался от Аллена и посмотрел на нее очень внимательно. И Рожнов замер, не дотянувшись до аптечки. Впервые Дева использовала угрожающий тон, и получилось это чертовски внушительно.

— С этого места поподробнее! — крикнул Кучкин. — И хватит мне мерещиться, черт побери, я тут интимным делом занят!

— Так что же вы смеее? — поддержал его Рожнов. — Мешать нормально жить? Водить за руку? А убивать?

— Люди, почему с вами настолько трудно, почему вы не хотите добровольно познать, увидеть?

— А вы нас заставьте. Вот как Чарли.

Аллен вдруг негромко всхрипнул.

— Никто его не заставлял. Не будите, пусть отдохнет. Заставлять — это крайность, и к свободе не идут через принуждение. А вас мы хотим видеть именно свободными. Пришедшими к выбору через знание. Вслушайтесь: мы — это вы. Мы начинали так же. Только наша цивилизация раньше свернула с гибельного пути. У нас тоже были проблемы, кризисы, случались войны, хоть и не такие масштабные, как ваши... Но мы вовремя получили знание. Как видите, ничего страшного в этом нет...

По телу Девы снова пробежала легкая рябь.

— Это не я, — сказал Рожнов. — Наверное, у всемогущих глючит связь. Слушайте, так, значит, вы не сами выдумали это бла-бла-бла?

— Бла-бла-бла? — Лицо Девы, до этого совершенно бесстрастное, впервые показало, что может выражать эмоции. Оно изобразило легкую усмешку. А потом случилось нечто.

— Назад! — взревел Шульте. — Вернись!

Рожнов нырнул под пульт командного поста.

Кучкин выскочил в головной без штанов, сжимая в руке отвертку.

Аллен все спал.

— Значит, изначально был выбран удачный образ, — констатировала Дева, принимая свой прежний вид.

Шульте, тяжело дыша, растирал грудь в области сердца.

Рожнов, совершенно белый, опасливо выглянул из-за пульта.

— Милая барышня! — произнес он с запинкой. — Зачем же так пугать?! Это грубо и негигиенично. Я чуть не испортил свежий памперс.

Кучкин медленно, поигрывая отверткой, подплыл к Деве и залепил ей оплеуху. Рука прошла насквозь, Кучкина закрутило, он с трудом остановил вращение.

— Не дури, — сказал Рожнов. — Она даже не голограмма. Это ты себе по мозгам дал. Врезал своему воображению.

— Плевать. Очень хотелось.

— Ты что видел?

— Чужого из кино. Во всех подробностях. Запах его почувствовал, сопли эти отвратительные...

— Откуда ты знаешь, как пахнет чужой?

— Теперь знаю. Командир, вы в порядке?

— Да, — кивнул Шульте. — Просто это было слишком неожиданно. И, знаете, немножко больно увидеть себя мертвым на мертвой платформе. Вчера. Я не думал, что мы прошли так близко от края.

Аллен немного пошевелился во сне и захрапел всерьез.

— Негодяй, то он в депрессии, то спит! Нам бы так! — Рожнов вылез из-под пульта и уселся в кресло. Достал из нагрудного кармана белую корбочку, что-то выщелкнул себе в рот и принялся жевать.

— Дайте мне, — попросил Шульте

— Нам доктор прописал. А вам, может, вредно.

— Дайте!

— Не спешите! — с заметным нажимом произнесла Дева. — Прием транквилизаторов сужает канал восприятия. Вам будет труднее овладеть

знанием. Поймите, вы находитесь в ключевой точке. От вашего решения может зависеть судьба Земли. Тех, кто вам близок и дорог, кого вы любите. Вы же хотите, чтобы ваши дочери прожили долгую и счастливую жизнь? Или пусть они лучше задохнутся в ядовитом облаке, которое накроет Гамбург?

— Ты, сука, детей не трожь... — сказал Кучкин очень тихо, но отчетливо.

— Это касается всех. Думаете, ваш сын не попадет на войну?

— Когда начнется глобальное месиво, в армии окажется больше шансов выжить, чем на гражданской, — бросил Рожнов. — Слушайте, ну скажите наконец открытым текстом, чего вам надо, вашу мать?

— Это уже сказано — примите знание, а дальше решайте сами.

— Вот прицепилась, железяка хренова...

— Друзья! — подал голос Шульте. — Мы все-таки на международной станции. Можно по-английски? Я не успеваю переводить вашу ругань.

— Виноват, командир. Мы так время тянем. Скоро вызов снизу — готов поспорить, эта железная леди сразу перестанет нам мерещиться.

— Я останусь, — возразила Дева. — И буду запугивать вас до тех пор, пока вы не покинете станцию.

Трое как по команде посмотрели на спящего Аллена.

— Вспомните свою вчерашнюю истерику — разве сейчас она не кажется вам неадекватной ситуации? Мне незачем внушать людям кошмары — это была просто демонстрация силы, — я могу напрямую добиться от вас определенного поведения. Вы будете спасаться, а я снова испорчу ком-

пьютер, и станция «Свобода» перестанет существовать.

Трое заговорили одновременно.

— Обязательно губить платформу? — процедил Шульте сквозь зубы.

— Не надо ля-ля, компьютер был ни при чем! — сказал Рожнов.

— А ху-ху не хо-хо?! — спросил Кучкин.

— Вы ошибочно назвали станцию, она ведет не к свободе, а совсем наоборот. Откройтесь навстречу знанию и уясните, что доставка энергоносителя со спутника — всего лишь отсрочка гибели вашего мира, новый шаг по тупиковому пути. Люди, как вы упорны в своих заблуждениях! Неужели трудно понять — топлива, откуда его ни черпай, никогда не хватит на всех! Меряя свободу энергией, вы навсегда останетесь разобщены! Свобода вообще не измеряется, она либо есть, либо ее нет — так станьте наконец свободны!

— Ваша проповедь несет оттенок идиотизма, — сказал Шульте. — С самого начала. Для представителя такой мощной цивилизации вы недостаточно убедительны.

— Слово «цивилизация» к нам вообще неприменимо, мы просто есть — вместе и по отдельности, повсюду, и все. Мы очень далеко отстоим от вас, нам чудовищно трудно коммуницировать с людьми, вы представить не можете, насколько гораздо легче прыгнуть через галактику, чем убедить землянина. Вот еще одно неточное сравнение — мне достаточно захотеть, чтобы переместиться куда угодно. Поэтому я и прошу — не надо говорить, надо увидеть и понять. Люди, почему вы заставляете манипулировать вами? Мы так хотим сотрудничества!

— Да на хрена, мать твою?! Виноват, командир.

— Расслабьтесь, уж это я в состоянии перевести, слишком часто от вас слышал!

— Повторяю, миллион лет назад мы были как вы, и, если изъясняться в понятных вам категориях... Большое наслаждение — направить на верный путь.

— Она трахает нам мозги и кончает... — пробормотал Кучкин. — Как знакомо. На Земле полно таких. И бабья навалом, а уж мужиков...

— Мы отрицаем подчинение и манипулирование, используем его только в крайнем случае, но люди слишком часто не оставляют нам выбора — как вы сейчас. Почему вас приходится заставлять, принуждать?

— Ну... Мы такие, — сказал Шульте. — И к чему вы нас уже принудили?

— Иногда мы вынуждены бываем сразу отсекаать наиболее опасные направления, иногда помогаем вам самим выстроить систему противодействия. Например, об экологии вы задумались с нашей подачи — в противном случае уже к сегодняшнему дню Земля была бы испачкана до потери восстановительного потенциала. А против сверхмощного оружия, ядерной энергетики, клонирования человека или, например, запусков к Луне мы возражали с самого начала...

— Возражали?! — перебил Кучкин. — Это, мать твою, называется «возражали»? Травить людей ипритом, бросать на них атомные бомбы...

— Мама родная! — воскликнул Рожнов. — А мы-то головы ломали, за каким дьяволом в Чернобыле взялись проводить эксперименты, от которых станции взрываются!

— И зачем было портить жизнь несчастным астронавтам? — спросил Шульте с тоской и горечью.

— Вы поняли меня совершенно правильно, — сказала Дева.

— Коллеги, только подумайте, сколько народу она должна использовать, чтобы все это организовать! И вы, сударыня, уверяете, что раньше никому не открывались?

— Предприималось несколько экспериментальных попыток, только чтобы попробовать соприкоснуться разумами — в полноценном контакте все равно не было необходимости. С прискорбием сообщаю, что каждый раз мы терпели неудачу — интересующие нас субъекты отчаянно сопротивлялись. Но сейчас, в критической точке, сотрудничество имеет особый смысл, поэтому мы решили пойти на прямой открытый контакт. Кроме того, вы хорошо подготовлены к встрече с иным разумом и очень умны, поэтому я надеюсь, что мы найдем общий язык.

— Как это получится, если вы не в силах убедить нас?! Какой может быть общий язык, когда вы не понимаете элементарных вещей! — Шульте заметно разозлился. — Почему вы решили, что развитие человечества пойдет по вашему сценарию, когда лунная топливная программа закроется? Мы слишком далеко продвинулись по собственному пути. Нам уже не свернуть. Это просто не имеет смысла. Да, мы сейчас у критической точки. Но зато получили стимул для серьезного рывка. Наша платформа — только начало, первый шаг. Если все получится, люди перестанут глядеть друг на друга со звериным оскалом, они вместе посмотрят в небо! Вопрос стоит так — или всемирная драка за энергоносители, или объединенное человечество, способное решать любые задачи.

— Неверно! Только утрата энергии как мерила свободы...

— Да вы ни черта не понимаете в людях! Либо у Земли будет лунная энергетика, либо на планете не останется и миллиарда живых!

— Командир, — позвал Рожнов негромко. — Вы не думаете, что нашу гостью интересует второй случай? Кто останется после войны, тех она и научит говорить со звездами?

— Рассуждая логически, ей так будет намного удобнее, — заметил Кучкин.

— Коллеги, вы сами-то в это верите? — спросил Шульте. — Вы бы могли спровоцировать глобальную войну, чтобы стало намного удобнее?

— Она не человек, — веско рассудил Кучкин. — Она Железная Дева. Мы понятия не имеем о ее этике. А вы немец.

— И что? — насторожился Шульте.

— Вы не можете знать, что такое хотеть войны. У вас моральный запрет.

— Он пытается сказать, что немцы... — начал было Рожнов.

— Спасибо, я понял вашу мысль, — перебил Шульте с нескрываемым сарказмом. — Восхищен глубиной познаний особенностей германского менталитета! Может, в ответ рассказать вам про русских что-нибудь смешное?!

— Не сейчас. Командир, эта леди действительно либо не знает, во что залезла, — тогда гнать ее надо отсюда пинками, — либо хочет, чтобы земляне развалили свой мир, а выжившие попали ей в руки беспомощными. А она будет работать богом. И получать удовольствие, направляя на путь... О-о, послушайте, может, боги как раз и есть такие?!

— Я чувствую абсолютное нежелание понимать и доверять, — сказала Дева. — Это очень прискорбно, что с вами придется обращаться так

же, как со всеми остальными. Поверьте, я совсем не хочу причинять вам беспокойство!

— Побеспокой меня, детка! — попросил Рожнов елеинным голосом.

Повисла короткая пауза.

— Ну да, противно, — сказал инженер. — Но как-то вяло, ты не находишь?

Шульте и Кучкин переглянулись.

— Ты сколько таблеток сожрал, пока на толчке сидел? — спросил Кучкин. — Думаешь, я не слышал, как упаковка хрустит?

— Ну, две. А ты будто меньше!

— Три. Сразу, как проснулся.

— Думаю, не в одних таблетках дело. Вон, ко-мандир ничего не ел.

— Между прочим, я бы позавтракал, — сказал Шульте. — Слушайте, вы! Госпожа. Нас действительно сейчас вызовут. Начнется работа, и дискутировать с вами не будет времени. Давайте сыграем в открытую. Или мы отказываемся сотрудничать.

— Я слушаю.

— Ответьте на простой вопрос. Чего вы хотите, черт побери?!

Дева замолчала надолго. В головном стало очень тихо, а храп Аллена совсем не мешал, напротив, успокаивал.

— Пока она тормозит, упакуем Чарли в спальный мешок? — предложил Кучкин.

— Головой вперед! Вот будет умора, когда проснется! Ха-ха, черный юмор.

Шульте смотрел на Деву и о чем-то думал.

— Я хочу, чтобы вы покинули станцию, — произнесла Дева очень медленно. — Если вы не сделаете это добровольно, я заставлю вас. Так понятно?

— А кто говорил, что мы должны узнать нечто и дальше решать?

— Вы выступили против.

— Ничего подобного, — сказал Шульте. — Я готов.

— О, сумрачный немецкий гений... — буркнул Рожнов.

Кучкин хлопнул глазами, и опять, как вчера, это не выглядело комичным.

— Кто-то обязан узнать все до конца, — вздохнул Шульте. — Чтобы потом сказать: мы решали не слепо.

— Давайте я! — предложил Кучкин.

— Нет. Подумайте, с технической стороны я наименее ценный член экспедиции. Вы — лучший наш пилот, а господин Рожнов лучший инженер.

— Но вы командир!

— И это тоже важно. Ну, сударыня, так что мне делать?

— Вы должны расслабиться физически и ментально, — все так же медленно, будто не веря, сказала Дева. — С закрытыми глазами удастся легче, сам контакт займет несколько минут, возможно, больше или меньше, это зависит от того, как глубоко будет погружение в знание — вы управляете самостоятельно проникновением в меня.

— Проникновением в вас? С самого начала трудно было объяснить по-человечески? — вклинился Рожнов.

— Не виделось необходимости, вы показались умнее и раскрепощеннее, чем есть, — очень по-человечески ответила Дева. — А что вы подразумеваете?

— Ну... Что это мы погружаемся, а не вы в нас кладете.

— Я не могу передать неопиту полное знание иным путем, так просто невозможно, мне приходится распахивать себя перед вами и давать путь. Мы слишком разные, в понятных вам категориях вы песчинка, я звезда, а если говорить о взаимодействии... Человек может войти в дом, но дом не может войти в человека, он в состоянии только обрушиться на него. Казалось естественным, что вы поймете это.

— Когда показываете нам страшилки, вы именно обрушиваетесь?

Дева второй раз слегка улыбнулась. Рожнов по старой памяти напрягся.

— Немного усиливаю давление на одну песчинку под собой. Если я обрушусь, то раздавлю Землю.

— Крутая тетя, — сказал Кучкин. — Командир, ваши приказания?

Шульте уже минуту висел в позе медитации, и у него, похоже, неплохо получалось.

— На время моего отсутствия принимайте руководство экспедицией. Начну странно вести себя — бейте по голове вашей кувалдой, — произнес он негромко, слегка приоткрыв глаза. — Пока наблюдайте.

— Но если вы... э-э... реально овладеете знанием? И начнете спасать мир? А я вас — хаммером?

— Слушайте, Кучкин, идите в... — попросил Шульте по-русски.

— Наш человек! — гордо сказал Кучкин. — Пойду, что ли, по такому случаю надену брюки. Раз я теперь командир.

— Ох и страшно мне... — пробормотал Рожнов, глядя, как Шульте медленно опускает веки.

— Опять тетя давит?

— Нет. Она ничего серьезного с нами сделать больше не может. Ни-хре-на. Ты понял, да?

— Я могу убить вас одним желанием, — сообщила Дева.

— Цыц, дура, тебя не спросили. Понимаешь, коллега, она серьезный противник, у нее все ходы просчитаны далеко вперед. Но если спросить — какого черта ты, зараза, сожгла два шаттла, — она тут же соврет, что так надо было. Хотя к шаттлам никакого отношения не имела. Я скорее поверю в атомную бомбардировку, Чернобыль и «Гринпис». Легко поверю — там человеческий фактор был определяющим. Но вот грохнуть платформу ей слабо. Только нашими руками. Она даже компьютер испортить не в силах. Больше скажу, мы с тобой ей уже не по зубам — потому что освоились, попривыкли и можем осознанно сопротивляться. Доставать нас она будет постоянно — тебе вот не страшно? — ага, мне тоже хреновато. Ничего, на таблетках выдержим. Конечно, недооценивать тетю нельзя. Если она с самого начала подозревала, что Чарли пуганется сильнее, чем следует, и заставила одного хорошего человека подсунуть мне секретку на всякий случай...

— На какой случай?

— Э-э...

— Зуб даю, по ее плану мы должны были сдохнуть при загадочных обстоятельствах, все четверо, — сказал Кучкин. — Понятное дело, из-за того, что Чарли тронулся умишком. Мощный стимул к русско-американскому сотрудничеству, ничего не скажешь. Платформа бы вымерзла к такой-то матери, замучаешься восстанавливать. Потом наши приземлили бы спускач дистанционно, разобрали по винтику, нашли этот проклятый тумблер... Года два тотального самоедства га-

рантирую — аресты, допросы и ни одного старта. Эй, чего молчишь, железяка? Я прав?

— С дураками не разговариваю, — отрезала Дева.

Кучкин и Рожнов так заржали, будто ничего смешнее не слышали в жизни.

— Другого боюсь, — сказал Рожнов, отсмеявшись. — Вдруг она права?

— Ну... Про войну не знаю и знать не хочу. А насчет упущенных возможностей и духовного пути — сон она наваяла красивый.

— Проклятье, мне почти уже приснилось нечто, и тут Чарли все испортил. Ты уверен — это именно она?..

— Знаешь, я раньше как-то не задумывался о райских кушах и подобной ерунде. А сегодня — взял и увидел.

— И как оно было? — спросил Рожнов с откровенной завистью.

— Хм... Честно говоря, мне показалось чересчур стерильно. Почему и говорю — Дева наваяла. Зелень, цветочки, небо голубое, водичка прозрачная, солнышко яркое. И я в этом как бы даже не купаюсь, а присутствую. Она сказала — мы везде и мы все — по ощущениям так и выходило. Только я почему-то безумного счастья не почувствовал. Но было интересно.

— А делать ты мог что-нибудь? Развалить дом, вырастить змею, срубить дерево?

— А я не хотел, — сказал Кучкин, поразмыслив.

— И я не хотел... — прошептал Шульте.

— Командир! За время вашего отсутствия происшествий не случилось!

— Почему-то очень хочется сесть. Как это ни бессмысленно в невесомости. Господин Рожнов,

уступите кресло? Спасибо. Я должен зафиксировать себя. Значит, мы видели один и тот же сон?

— Я не видел, — сказал Рожнов, пожирая Шульте глазами. Тот выглядел неплохо, только говорил почти шепотом, а двигался осторожно, немного скованно. И смотрел мимо собеседника.

— Поверьте, вы ничего не потеряли.

— Вы потеряли все! — сообщила Дева.

— Ой. — Рожнов от неожиданности чуть не влетел головой в потолок. — Она еще здесь?! Девушка, шли бы вы!

— Она теперь с нами очень надолго, — сказал Шульте. — Пока не потеряет надежду обратиться в свою веру или выгнать с платформы. Боюсь, такое давление вредно отразится на психике членов экспедиции. Думаю, надо переходить к активным действиям. Господин Кучкин, мне чего-то не хватает, чтобы ощутить себя германским богом. Где я могу взять свой молот?

— Момент, командир.

— Ты не найдешь, я принесу. — Рожнов упорхнул.

— Как вы себя чувствуете, командир?

— Недостаточно уверенно, — сказал Шульте. — С молотом будет лучше.

Вернулся Рожнов при кувалде.

— А может, я? — спросил он. — Куда бить?

Шульте забрал у него молот и крепко прижал к груди.

— Теперь слушайте. Я сейчас буду некоторое время странно вести себя. Почему — объясню потом, если сами не догадаетесь. Но это в интересах человечества. Поверьте мне.

С этими словами он выбрался из кресла и улетел в переходной.

— Пока не поздно, скрутим его? — предложил Рожнов.

— Не имеем права. Он же старший. Командир.

— Форсмажорные обстоятельства. Видишь же, у мужика шарики за ролики заехали. Вообразил себя богом.

— Во-первых, я ему верю, — сказал Кучкин. — Во-вторых, форсмажор наступит, когда он натворит чего-нибудь.

Мягко хлопнула крышка люка.

— А в-третьих, уже все равно ничего не исправишь.

— Примите знание вы! — потребовала Дева. — Ваш начальник понял нас ошибочно и сделал неверные выводы.

— Отвали, галлюцинация, — отмахнулся Кучкин. — Слушай, коллега, давай и вправду засунем Чарли в спальник. А то непорядок, валяется астронавт бесхозный, вдруг его ветром сдует?

— Головой вперед засунем?

— Угу. Только «молнию» расстегнем, чтобы дышать мог. Все равно темно будет и страшно.

— Он принял знание, ему теперь все до фонаря.

— Вот мы и проверим...

* * *

Они действительно упаковали Аллена в мешок головой вперед и, очень довольные, принялись завтракать.

Дева им почти не мешала. Во всяком случае, Рожнов совсем не подавал вида, только Кучкин иногда вздрагивал и тихо матерился.

— Это мне кажется или приходят удары на корпус? — спросил Рожнов, жуя.

— Есть немного. Хорошо он там долбит, однако!

— Крепкий дядя. И отважный. И сообразительный.

— Дядя хороший, спору нет. А ты больше не боишься, я смотрю?

— Хрен ли теперь бояться? — усмехнулся Рожнов. — Главное, если что, мы с тобой ни в чем не виноваты. Хм... Интересно, как он собирается объяснить свой поступок.

— Думаю, никак. Чего-то нас снизу не беспокоят, а?

— Я не хочу, чтобы на вас оказывали давление, — сказала Дева.

— О боже! Это чудо природы навеки с нами?

— Да ну! Повисит и рассосется. Зачем мы ей теперь? Заставить нас сломать платформу — не на таких напала. А выгнать отсюда — как? Пешком в скафандрах? Фигушки, у нас инстинкт самосохранения. Мы теперь на своих кубометрах сели крепко и будем сидеть. Так что до «Осы» беспокоиться не о чем. А там видно будет.

В переходной высунулась мокрая всклокоченная голова.

— Я прикрою люк, чтобы обломки не летали по платформе, — сообщил Шульте. — Разогрейте мне тоже поесть, будьте любезны.

— С удовольствием. Как ваши физические упражнения?

— Жарко, — сказал Шульте, утираясь рукавом. — Можно сока? Благодарю. А это что такое? Почему из мешка ноги торчат? Опять черный юмор?

— Нет, Чарли с ума сошел. Он теперь всегда так спать будет.

Шульте выпил сока, немного поразмыслил и сказал:

— Естественно. Бедный Чарли, у него было кратковременное умопомешательство. Иначе как

объяснить то, что он заперся в ТМ4 и разбил там всю авионику?

— Финально? — спросил Кучкин.

— Летать нельзя. Мы теперь заперты на платформе.

— Какой плохой мальчик Чарли Аллен, — опечалился Рожнов. — Чем же он колотил аппаратуру? Головой?

— Ах, если бы! Чарли нашел кувалду. Не знаю, как она попала в ТМ4. Очень неприятная ситуация. Боюсь, кому-то придется ответить за это.

— Черт с вами, отвечу, — сказал Кучкин. — Не расстреляют же меня! Я надеюсь. Ну, Чарли, поросенок! Уничтожить такой хороший спускаемый! И как! Используя реальный исторический артефакт, биг рашен спэйс хаммер!

— О-о, уже спэйс хаммер! Прогресс. Расскажите, господин Кучкин, зачем вы искали кувалду вчера.

— Но мне показалось, вы не хотите этого знать.

— Теперь хочу.

— Очень простая идея. Представьте — мы не смогли починить нашу платформу. Что мы делаем? Надеваем скафандры и ждем смерти. Но Чарли, наверное, будет скучно умирать без нас. Тогда я выхожу наружу. Забираюсь на ТМ4. Демонтирую внешнюю теплоизоляцию, нахожу клапан уравнивания давления. И выбиваю его к черту.

— Добрый ты мужик, Кучкин! — фыркнул Рожнов.

— По пятницам. А сегодня уже суббота, так что следи за спиной. Можно я тоже спрошу? Вы оба совсем не жалеете Чарли?

— Прощайте, недоумки, — сказала Железная Дева.

— А? — Трое синхронно обернулись.

И не увидели ничего особенного. Только интерьер «лунной платформы». Без гостей.

Через секунду на них свалилось невероятное облегчение и едва не раздавило. Кучкин просто тихо плакал, Рожнов вдобавок стонал, а Шульте скрипел зубами. Только Аллен все храпел, и, оказавшись его коллеги чуточку менее озабочены собственным душевным здоровьем, они наверняка задумались бы, не пора ли будить человека. И напрасно, потому что в отличие от них Аллен очень давно не спал.

Они утерли слезы и разъели на троих полпачки транквилизатора.

— Кто-нибудь понимает, что это было? — спросил Рожнов, оглядывая коллег с надеждой во взоре.

— Нонконтакт, — выдал Кучкин емкий термин. — Есть контакты, а мы сделали нонконтакт. Абсолютный. Финальный. Встреча двух цивилизаций стала полным уродством! Объясните, это Дева такая дура или мы тупые? Кто виноват?! И что делать?!

Он подумал и добавил тихонько:

— Два великих русских вопроса. Таких великих, что не может быть ответа никогда.

— Извините, пожалуйста, — сказал Шульте мягко. — Но у меня есть ответы. Сегодня. Виновата, конечно, Дева. А делать нужно свою работу.

— Так просто? — усомнился Кучкин. — И мы никому не расскажем?

— А вы намерены? Я, например, хочу летать. Выполнять программу. Господин Рожнов, ваши планы?

— Я хочу водки. Много водки прямо сейчас. И летать, да.

— Думаю, водка не помешала бы каждому.

А чтобы летать, придется молчать. И стереть запись, компрометирующую нас. Сделаете?

— Принято к исполнению, — кивнул Рожнов. — Это нужно понимать так, что мы трое обо всем договорились? Случилось обрушение систем, потом безумный Чарли с хаммером и ничего больше?

— Мне кажется, судьба платформы дороже личных предпочтений. — Шульте по-прежнему говорил очень мягко и глядел на русских почти виновато. — И еще мне кажется, что вы считаете так же. Вы знаете, для чего мы строим орбитальное депо. Испорченная репутация господина Аллена — не самая большая плата за открытую трассу к Луне. Это жестокий выбор, но так надо.

— Я все еще хочу понять, — напомнил Кучкин. — Вы приговорили Чарли и не жалеете его?

— Очень жалею. Но сейчас мы должны отладить платформу, — сказал Шульте. — И прилететь сюда еще не раз. Здесь потрачено столько наших усилий — будет несправедливо, если нас отзовут.

— А Чарли принял знание, — ввернул Рожнов. — Успешно или безуспешно, все равно ему теперь веры нет.

— Ты сам говорил: эта баба постоянно врала. Что, если Чарли просто заснул? Отключился на нервной почве?

— Какая разница? Вспомни: он чуть не угробил нас. И ему никогда больше не летать. Парня скрутят и увезут в психушку, едва «Оса» приземлится.

— Уроды, — вздохнул Кучкин. — Я окружен бессердечными уродами. Ну... Расскажите нам про знание, командир. Может быть, тогда я прошу вашу жестокость к невинному. И умышленную порчу русской космической техники.

— Но... Вы уже владеете знанием, господин Кучкин.

— Простите, не понял...

— «Сорри», «сорри»! — передразнил Рожнов. — Гады вы оба! Пустите на рабочее место!

Он уселся за компьютер и начал крепко, с излишней силой, долбить по клавишам.

— Полегче, доску разобьешь, — сказал Кучкин.

— Некоторые целый спускач разнесли, и хоть бы хны. Пойди тоже чего-нибудь сломай. Платформа большая, железа много.

— Не ссорьтесь, друзья, — попросил Шульте. — Я же говорил, что вы ничего не потеряли, господин Рожнов. Господин Кучкин правдиво описал вам свои ощущения. Ему было скучно. Мне тоже. И вам — уверяю.

— Разобрался бы как-нибудь сам, — буркнул Рожнов.

— Командир, вы же побывали в голове Железной Девы — и?..

— Я увидел развернутую версию сна, более яркую. Но главное впечатление не отличалось. Понимаете, это не имеет никакого отношения к нам. Не наша жизнь, не наше отношение к миру. Дева хотела, чтобы мы восприняли свой потерянный рай во всей полноте, но чего-то не учла. Наверное, она и вправду слишком далеко от нас ушла. То ли мы не можем понять, то ли она не умеет показывать... Но скорее всего она просто ошибается, и это не наше предназначение. Дева пыталась соблазнить нас, и ничего не получилось — мы испытали только интерес, не выходящий за рамки обычного любопытства. А потом стало грустно. Я делаю вывод: соблазн был не по адресу. Наверное, Деве стоит попытать счастья в другом месте. Очень жаль, что из-за этой навязчивой да-

мы пришлось уничтожить ТМ4. Но я опасался за душевное здоровье экспедиции. Мы и так потеряли одного. А Дева не собиралась останавливаться на полпути, она достала бы каждого. Вы согласны?

— В целом — да... — сказал, помявшись, Кучкин.

— Спасибо за поддержку. Вы поймите, они — небожители. Но не демиурги. Поэтому нам скучно в их шкуре. Мы созданы для чего-то большего. Но чтобы до этого большего дожить, нужно сегодня решать текущие проблемы. Наша с вами задача — платформа. Вы еще, наверное, оба поработаете на Луне. А я буду встречать вас здесь. Не плохо?

— Трудно поверить, что мы никому не расскажем... — Кучкин уныло вздохнул. — Никогда? Никто не будет знать?..

— Почему? А Чарли? Уверен, при первой же возможности он раструбит о случившемся на всю планету.

— Это совсем не то.

— Я знаю, — кивнул Шульте.

— Командир, Земля спрашивает, все ли проснулись. Хотите громкую связь? Видео?

— Что с вами? — спросил Шульте, наклоняясь ближе к Кучкину. — Что с вами, дорогой мой друг?

— Командир, зовут вас. Готовы общаться?

— Это все проклятое чувство правды, — сказал Кучкин горько. — Я знал, оно не даст ощущения счастья!

— Согласен. Поговорим об этом позже, хорошо?

— Непременно, — произнес Кучкин со значением. — Теперь нам будет особенно легко разговаривать. Финально легко. Или нет?

— Эй, вы! — позвал Рожнов. — Занимайте места. Я не собираюсь отвечать за всех!

Это была трудная связь — Земля так и сыпала вопросами, а экспедиция старательно изображала заинтересованность. На самом деле трое космонавтов размышляли о чем угодно, кроме отказа системы жизнеобеспечения, причем некоторые мысли наверняка у них были общими, а некоторые вовсе нет.

Кучкин дважды громогласно обличил специалистов из Королева в недостаточной искренности. На третий раз он не успел открыть рта — Шульте чувствительно въехал ему локтем под ребро.

Рожнов сидел с блокнотом и делал вид, будто записывает все рекомендации — просто чтобы не смотреть в камеру.

Аллен во сне вяло дрыгал ногами.

Наконец, добрались и до него — в Хьюстоне сгорала от нетерпения целая бригада специалистов по душевному здоровью. Когда Шульте кратко и сухо изложил свою версию происшедшего, в эфире воцарилась тишина, холодная, как межзвездное пространство.

— Только умоляю, вы с ним поаккуратнее, — закончил рассказ Шульте. — Не травмируйте парня окончательно. Ведь Чарли уверен, что у него была всего лишь депрессия. Мы постараемся сделать так, чтобы он не заглянул в «Союз». Люк уже закрыт.

Гробовое молчание было ему ответом. Наконец из Хьюстона робко донеслось:

— Разбудите Аллена, пожалуйста. Мы хотели бы посмотреть.

Шульте повернулся к Рожнову, тот, в свою очередь, легонько дернул астронавта за ногу.

— Ы-ы, — донеслось из спального мешка. — М-м.

— Чарли, подъем. Хьюстон на связи.

В мешке тоненько взвизгнули.

— Реагирует! — обрадовался Рожнов.

— Ни черта подобного, — сказал Кучкин очень тихо и напряженно.

В мешке взвизгнули снова.

— Дайте мне. — Шульте деликатно, но решительно отодвинул Рожнова, взялся за клапан спального мешка и оглянулся на Кучкина. Выглядел начальник экспедиции заметно растерянным.

— Я сейчас заплачу, — сообщил Кучкин деревянным голосом.

— Мне кто-нибудь что-нибудь объяснит?! Вы, двое! — почти крикнул Рожнов.

— Сохраняйте, пожалуйста, спокойствие, — попросил Шульте. — На нас смотрит Земля.

С этими словами он откинул клапан мешка, схватил Аллена за ногу и потянул наружу.

— Ба-ба-ба! — сказал Аллен. — Ва-ва! Ам!

Шульте выпустил астронавта и отшатнулся.

— Мама... — пробормотал Рожнов. — У него штаны мокрые.

Кучкин действительно заплакал.

Тут Аллен заорал и принялся брыкаться. Русские бросились на него, кое-как затолкали обратно в мешок, теперь уже нормальным образом, и притянули к стене ремнями. Астронавт выли и рвался наружу, но ему не давали — сотрясающийся от рыданий Кучкин и совершенно белый Рожнов.

Шульте подтянул к себе камеру и сказал в объектив:

— Старт «Осы» нельзя задерживать. Его нужно ускорить. Поднимайте судно так быстро, как это возможно. Земля, вы меня слышите? Почему вы молчите, Земля?

* * *

Шульте не летал больше. И пятью годами позже разбился в страшной цепной аварии на обледеневшем автобане. Кучкин сказал: командир почувял опасность заранее и мог спастись, но вместо этого нажал на газ.

Кучкину дали небольшой сельский приход, и Рожнов как раз приехал его поздравить. А бывший пилот встретил бывшего инженера словами: «Здравствуй, командир погиб».

«Послушай, он уже тогда знал, что ошибся? — спросил Рожнов. — Там, на платформе — знал?»

Кучкин слабо улыбнулся. «Глупый. Командир не мог ошибиться. Он должен был выбрать, и только».

«Не понимаю. Как это — выбрать?»

«Ему предложили два пути. Он выбрал тот, по которому человечество зашло дальше. Настродалось больше. Решил, что добивать почти готовую программу умнее, чем затевать с нуля совсем новую, хоть и очень перспективную. Он был прагматик».

«А что бы выбрал ты?»

«Мне ничего не предлагали. Я же не заглядывал внутрь Железной Девы. А из сна вынес умение чувствовать правду, и только. Мне повезло. Не уверен, что пережил бы этот дьявольский соблазн. Командир тогда спас наши души, разбив ТМ4 и показав Деве, что ей больше нечего ловить на платформе».

«Хорошо, но мог он выбрать неправильно? А еще представь — вдруг мы бы приняли другой путь, треснули командира по чану кувалдой и утащили вниз? Может, он это вычислил и нарочно лишил нас права выбирать?»

«Скорее всего. Но какая теперь разница? Уже

монтируют лунный город. Вот увидишь, все установится. Земле был жизненно необходим рывок в космос. Пока люди сидели на поверхности, их так и подмывало разнести друг друга на кусочки — это командир верно подметил. Теперь народы вместе пашут. А говорить со звездами и прыгать через галактику мы непременно выучимся. Когда-нибудь. Не верю я, что традиционные подходы дадут нам забраться далеко от дома. Хочешь не хочешь, придется выдумать нечто особенное».

«И все-таки, почему командир?.. Ты же знаешь, да?»

«Он сомневался. С первой минуты и до самого конца. Тебе, наверное, больно это слышать, но он врал нам. Врал во спасение, чтобы защитить. На самом-то деле он узнал и понял нечто такое... Невероятное. И ему было очень трудно решить. Логика требовала одного решения, эмоции совсем другого. Он просто не выдержал и сдался».

«Тогда за что мы подставили Чарли? Чего ради он в психушке сгинул, если сам командир так вот бездарно...»

«Еще одна ложь во спасение. А я спрашивал, между прочим, не жалко вам его, ребята?»

«Уроды, — сказал Рожнов. — Я окружен бессердечными уродами».

«Не твоя реплика».

«Ур-р-р-р-роды».

— Какого черта? Обязательно надо сверлить прямо над головой у спящего человека?

— Ой, извини. Мне с той стороны не видно. Я думал, ты уже встал.

Кучкин высунулся из спальника.

— Молодой боец должен спинным мозгом ощущать присутствие дедушки! — сказал он сварливо. — Эй! Кто сегодня принесет мне кофе в постель?

— Холодного сока? — раздался совсем рядом голос Шульте.

— Благодарю. Командир, я видел кошмар. Мы все бросили летать. Вы покончили с собой, Рожнов стал алкоголиком, а я — священником. Чарли, оказывается, был нормален, это мы его выставили психом.

— Интересный кошмар, — улыбнулся Шульте, протягивая Кучкину поилку. — А было объяснение, почему?..

— Вас замучили сомнения. Меня выгнали за кувалду. А Рожнов ушел просто за компанию. Одна интересная деталь: через пять лет... Нет, получается, через три года уже монтируют лунный город.

— Раньше, — сказал Шульте. — У вас неверные данные. Монтаж начнется еще раньше. А Чарли, к великому сожалению, никогда не поправится. А что господин Рожнов в вашем кошмаре последовал за нами — так я всегда говорил: он настоящий товарищ.

— А как насчет вас?

— Я дальше сверлю? — раздалось из-за переборки.

— Работайте, коллега, — разрешил Шульте. — Все равно шумно.

Дрель взвыла. Кучкин, скорчив недовольную мину, присосался к поилке. Шульте висел рядом и, улыбаясь, глядел пилоту прямо в душу.

— А насчет меня — даже не думайте! — прокричал начальник экспедиции.

— Я не виноват! Это психология! — крикнул Кучкин в ответ. — Старая обида руководила моим кошмаром.

— Обида? На что?

— Зачем вы солгали тогда? Про то, что увидели внутри Девы?

Глаза Шульте заметно похолодели.

— Вы меня уже затрахали, господин Кучкин! Сколько можно?

— Сколько нужно! Это мое чувство правды! Оно требует ответов!

— Засуньте его себе в задницу!!! — рывкнул Шульте. Дрель смолкла, и во внезапно наступившей тишине командный рык начальника, казалось, сотряс платформу.

— Не лезет! — парировал Кучкин.

— Я не понимаю, — сказал Шульте уже спокойнее. — Чем мое чувство правды хуже вашего? У меня оно поддается настройке. Может, вы просто не умеете своим управлять? Или не хотите?

— О'кей, о'кей. Оставим это, командир. Доброе утро.

— Доброе утро, господин Кучкин. С вашего позволения, я вернусь к исполнению служебных обязанностей. Спасибо.

Шульте улетел в инженерный. Кучкин допил сок и решил, что по случаю пережитого кошмара позволит себе еще несколько минут побездельничать.

— Ну, у вас со стариком отношения, — сказали за переборкой. — Аж завидно. А что такое чувство правды?

— Мы видим, когда врут, — объяснил пилот. — И даже немножко больше.

— А-а... Понятно.

Кучкин расстегнул спальник и уселся.

— Приветствую экипаж станции «Свобода»! — провозгласил он, ловко имитируя женский голос. — Сохраняйте, пожалуйста, спокойствие! Вы вступили в контакт с иным разумом! Передаем концерт по заявкам! Полковник Кучкин просит исполнить для него любимую песню военных летчиков «Первым делом мы испортим самолеты»!

ты». — «А вот хрен вам, полковник Кучкин! Слушайте группу «Железная Дева»!..

Шульте в инженерном модуле пристроился к иллюминатору и смотрел на Землю. Было душно, но не из-за жары, а от несправедливой обиды, нанесенной излишне прямолинейным Кучкиным. Горело лицо.

Да, он тогда солгал. Потому что взял на себя ответственность выбрать — одному за всех. То, что выглядело разумным.

Альтернативы все равно не было.

Дева совершенно не умела разговаривать с людьми. Так она и мыслила не по-человечески! Шульте чуть не спятил от ужаса, бродя по закоулкам ее сознания — если этот вселенский хаос вообще можно было сознанием назвать. Пока Дева подбирала более-менее понятные мыслеобразы, а люди сами трансформировали их в слова, о какой-то примитивной коммуникации еще можно было говорить. Но когда дошло до серьезного дела...

Дева то ли переоценила способности человека, то ли не знала, что «увидеть и понять» отнюдь не универсальная формула общения. Так или иначе, а Шульте не понял ни-че-го из того, что ему пытались продемонстрировать. Дева и вправду искренне хотела наладить контакт, никакой враждебности Шульте не ощутил. Только насмотрелся чертовщины, а когда почувствовал, как его засасывает липкая противная темнота, выпрыгнул наружу. Может, имело смысл подождать, стерпеть. Но не хватило выдержки. Слишком уж там, внутри, оказалось все чужое, недоступное человеческому восприятию. И холодно там было — до дрожи, до тошноты. Неуютно.

Особенно — по контрасту с волшебным сном.

И первой ответной мыслью было прекратить,

остановить. Любой ценой отогнать страшилище подальше, чтобы оно и других не трогало.

Он сумел оборвать контакт. И это было правильно. Двоих товарищей он спас. Ведь Чарли... Ни одному специалисту на Земле не удалось внятно объяснить, каким образом нормальный человек может так резко потерять рассудок — если, конечно, не бить его кувалдой по голове.

Когда Аллен, выглянув из мешка, уставился на Шульте пустыми глазами, тот понял, чем заканчивается для маленького слабенького человечка экскурсия в ту вязкую темноту.

Разумеется, Шульте мучили сомнения. Постоянно. Тысячу раз он прокручивал в уме события того дня, пытаясь найти хоть малейшую зацепку, намек на то, как надо было действовать. А до чего расстраивал общий с Кучкиным сон! Они, безусловно, приняли некую информацию и переработали ее. Но насколько правдивой вышла картинка? Насколько верны были ощущения? Не крылось ли за этой системой образов нечто большее или вообще совершенно иное?

И крылось ли что-то вообще?

Временами Шульте плакать был готов и выть от тоски.

Иногда — готов во всем признаться Кучкину и Рожнову.

Ни разу у него не получалось ни того ни другого. Вероятно, он был чересчур организованным, чтобы позволять себе истерику, и слишком ответственным, чтоб обрушивать на людей такие откровения. Тем более на людей, которых сам лишил свободы выбора.

Но был ли выбор в принципе?

Явилась идиотка, несла ахинею, добивалась непонятно чего. Угрожала. Потом разочаровалась, нахамила и ушла. Так случается на Земле,

сплошь и рядом. Только когда с двух сторон люди, это не называют «контакт с иным разумом». Хотя пропасть между разумами налицо.

Кто-то обещал, что вы поймете друг друга? Ха-ха. Черный юмор.

Деву больше не видел никто, во всяком случае никто из тех, с кем работали Шульте и Кучкин — они бы сразу почуяли «своего». То ли дама разочаровалась в людях, то ли целиком переключилась на косвенное воздействие. Прямые людские потери «лунной платформы» ограничились двумя специалистами. Помимо Аллена, перестал летать Рожнов. Запугивая, Дева показала ему страшную катастрофу, в которой он должен был погибнуть. Теперь инженер не покладая рук трудился на доводке лунного производственного комплекса и уже дважды спас его, что называется, «в макете». Рожнова считали чуть ли не провидцем, всячески оберегали, космос был для него закрыт.

Кучкина сначала хотели чуть ли не отдать под суд, но за пилота вступился русский главный. Сказал, что тот вовсе не хулиган и самоуправец, а, напротив, рационализатор и народный умелец. Кучкин закончил курсы переподготовки и снова летал. Выглядел он довольным — особенно когда при нем не пытались врать.

А Шульте — просто жил и работал дальше...

— Господа! — позвали из научного. — Простите, а где можно взять спэйс хаммер?

— В тээм-четвертом ЗИПе, где еще! — отозвался Кучкин. — Или в «Осе» под креслом инженера. Берите американский, у него лучший балланс.

— Вранье! — крикнул Шульте. — Господин Кучкин просто жалеет свой артефакт. Берите русский. Он удобнее. Проверено.

«Самое важное — мы спасли платформу. Из-

за Девы. Она нас вынудила. Достойный результат? Безусловно. Тогда отчего я так переживаю? Если бы еще не это треклятое чувство правды. Временами с ним просто невозможно жить. Зачем я врал Кучкину, будто оно поддается регулировке? Главное, нашел кому соврать!»

Вчера Кучкин снова поднял «Осу», и теперь на платформе под руководством сменного начальника экспедиции Шульте работало десять человек. Из научного модуля раздавались мерные тяжелые удары.

Опять у них заело телескоп.

Этот модуль на платформе звали научным из-за высокой концентрации аппаратуры и просто для краткости. Не станешь же каждый раз говорить «пост электронно-оптического наведения и сопровождения». МКС «Свобода» здорово разрослась, станцию все чаще требовалось сверлить, варить и даже пилить, а иногда орбитальное депо преподносило сюрпризы, отбиться от которых можно было только спэйс хаммером.

В том, что кувалда и на Луне пригодится, Шульте уже не сомневался.

Ведь там ждет прорва большой серьезной работы.

Март 2003

Послесловие ко 2-й части

Рассказ «Параноик Никанор» начинался как чистой воды литературное хулиганство, глумление и издевательство. Был написан где-то наполовину и брошен. А когда я сел его «добивать», он буквально вывернулся наизнанку. Сам. До середины рассказ делался почти год, все остальное нарисовалось за сутки, без какого-либо плана, бац — и готово. Кое-кто отмечает, что в «Параноике» замечен некоторый дисбаланс, теперь вы знаете, откуда он взялся. Устранить его уже не представляется возможным. Да и не надо. Текст «пошел в народ».

Обиженных на него тьма, от Москвы до Иерусалима.

Чего они там разглядели, чтобы так беситься, ума не приложу. Обычная история про то, какие мы есть. Хорошие, в принципе, люди.

Меня тут спросили, как бы я сам охарактеризовал свою текущую работу, и я вдруг ляпнул, что занимаюсь по жизни «оборонной фантастикой». Пытаюсь доходчиво объяснить читателю, что главный враг каждого человека сидит внутри него. И что по той же причине у русских нет опаснее противников, чем сами русские. Вот, наверное, про это и получился «Никанор».

Был вопрос, почему упоминающиеся в тексте братья-близнецы Щербак и Жуков носят разные

фамилии. Подозреваю, что они когда-то всерьез поссорились, а затем помирились, вот и все. Дальше в одном из послесловий будет момент... Ну, сами там посмотрите. Вдруг заметите.

«Параноик Никанор» впервые опубликован в журнале «Если», № 11, 2002. Пока что рассказ взял три премии — «Сигма-Ф-2003» (ежегодный приз по итогам голосования читателей журнала «Если»), «Интерпресскон-2003» на конференции «Интерпресскон» и премию критиков-фантастов «Филигрань-2003».

Думаю, там еще накапает.

* * *

«Эпоха великих соблазнов» — пример того, как я пишу ради денег. Развалилась стиральная машина, надо чинить, в доме ни копейки, на руках ни одного готового к продаже текста. Пришлось идти на поклон к главному редактору журнала «Если». Вы, говорю, давно хотели что-то на тему «космос, контакт». Могу, говорю. Давайте, говорю, аванс — и точно смогу. Задумка вот такая. Случилась на орбите совершенно реальная дурацкая история (два раза, между прочим), к которой можно присобачить фантастическое допущение — и получится нечто.

Милейший Александр Михайлович Шалганов мало того, что рублей мне сыпанул, так еще и помог оформить расплывчатую идею в четкий концепт.

А через сутки шаттл «Колумбия» — бабах!!!

Первый был позыв — аванс вернуть.

У меня дома книжки с автографами космонавтов хранятся. И в нежном возрасте я был по части всякой летучей техники весьма компетентен. Сейчас, конечно, уже не то. Но «источники» кое-

какие есть. Эксклюзив. Так что если я описываю неправдоподобную ситуацию, приключившуюся на орбитальной станции, или намекаю на какие-то тенденции, якобы имеющие место, — разумнее автору верить, просто верить. А самому мне чертовски неприятно, когда гибнут корабли. В отличие от многих и многих я точно знаю, почему нам НАДО летать и почему космонавтика ОБЯЗАНА быть пилотируемой. Это один из элементов выживания человечества как вида. Нас все время искусственно «приземляют». Пока такое положение вещей сохраняется, угроза масштабной войны остается реальной. А мы, уроды, заслужили жизнь.

...Шалганов звонит и говорит: ты как? Я: в опупении. Он: понимаю твоё состояние, но писать-то надо, идея вроде неплохая. Я: вот отдышусь и напишу...

Я не стал приделывать к «Эпохе» какое-то посвящение или эпиграф — мол, памяти тех, кто торил нам дорогу к звездам... Не того калибра автор. Но какая-то неизъяснимая горечь в текст, конечно, просочилась.

Важный момент — про кувалду. Многие усмотрели тут отсылку к голливудскому фильму «Армагеддон». Уверяю вас, космонавт Лев Андропов не тот персонаж, который может произвести на меня столь глубокое впечатление. «Биг рашен хаммер» совсем из другой оперы. Так обозвали изумленные американские зоологи то, что лежало в багажнике «УАЗа», на котором русские зоологи собрались покатать их по окрестностям Подкаменной Тунгуски. Ни больше и ни меньше. И сначала, запихивая кувалду в текст, я не предполагал, что эта дура примется летать по рассказу туда-сюда, пытаясь кого попало стукнуть. Честное слово, она сама.

Еще я развлекался, стилизуя диалоги под перевод с английского. Почти всю болтовню пришлось сначала мысленно проговорить на английском, перевести и так записать.

Рассказ «Эпоха великих соблазнов» (по объему это то, что на Западе называют «новеллет», он на грани между рассказом и повестью) впервые опубликован в журнале «Если», № 5, 2003.

ВРЕДНАЯ ПРОФЕССИЯ

Закон лома для замкнутой цепи

— Нет, — сказал Большой Али. — Мы эту работу не возьмем. Скучно, долго, много возни. Мы любим, чтобы быстро, понял? Бац — и «капуста». Будет такая работа, приходи.

— Неужели вам трудно ограбить дом? — спросил заказчик. — Просто войти, пошуровать внутри и уйти?

— Он не понял, — вздохнул Али и оглянулся по сторонам, будто в надежде, что кто-нибудь разъяснит заказчику ситуацию. Впрочем, это было чисто риторическое оглядывание. Парни из банды согласно кивали и бросали на заказчика хмурые взгляды, но рта никто не раскрыл.

Попробовали бы они.

— Слушай, ты, перец, — сказал Большой Али. — Есть такая вещь — профессия. Вот это, — он ткнул громадным черным пальцем в расстеленную на столе план-схему, — не наша профессия.

— Какого же черта я перед вами битый час распинаясь?! — вскипел перец, видимо, позабыв, с кем говорит.

— Мне было очень интересно, — смиренно признался Али. — Теперь я все знаю о системе безопасности смарта. И когда разбогатею, непременно куплю себе такой дом. Спасибо за рекламу, дядя.

— Тьфу! — Дядя принялся складывать план-схему. — Надо же, столько времени угробить...

— Засохни, плесень, — еще более смиренно, просто ласково, произнес Али, и плесень действительно засохла. — Спроси любого в даунтауне, и тебе скажут, что Большой Али никогда не мелочится. Ты потратил время, мужик? Я заплачу. Вон первых, ты уйдешь отсюда живым...

Все-таки этот заказчик был то ли полный идиот, то ли весьма не робкого десятка. Он, конечно, побледнел, и руки у него слегка задрожали, и со схемой возиться мужик перестал. Но он глядел Али в глаза, и видно было: ждал продолжения. Ждал «во-вторых».

— А во-вторых, ты пойдешь в русскую забега-ловку на восемьдесят шестой и спросишь там Мэ-та Закариа. Возможно, он знает, чья это профессия — обчищать дома. И, может быть, подскажет, кого задействовать. Надеюсь, ты ничего не имеешь против русских, чувак?

— Нет, — сказал чувак, убирая схему в кейс.

— А то мне вдруг показалось, что ты расист, — скромно заметил Али. — И тебе противно будет иметь дело с нацией, которая только и способна, что лазать по чужим домам. Впрочем, цыгане умеют еще меньше — верно, братья?

Братья согласно закивали.

— Короче, вали отсюда, пока цел, белый парень.

Белый в темпе собрал манатки и свалил, не попрощавшись.

— Зачем ты послал его к русским, брат? — спросил Большого Али один из подручных — ну, из тех, кому разрешалось задавать вопросы. — И вообще... Можно было для вида согласиться, взять аванс — десять тысяч все-таки! — а потом

отоварить придурка по тыкве — и дело с концом. В первый раз, что ли?

— Спорю на сотню, что этот тип — фед, — сказал Большой Али. — Вонючий белый провокатор. Я за две мили чую феда. И какого черта он предложил нам взять дом, который не берется? Так-то. А русские давно нарываються. Вот пусть они туда и лезут. Вам не кажется, братья, что русские задолбали?

Еще бы братьям не казалось.

— А ты правда думаешь, что смарт не берется? — поинтересовался другой из подручных — ну, тоже кому можно было.

— Ты же слышал и видел, — ответил Большой Али. — Там идеальная система безопасности. Умнее не придумаешь. И знаете, братья, сдается мне, этот белый ублюдок нам чего-то недосказал. В смарте может оказаться еще какая-то фишка. Последняя линия обороны. На случай, если ты все-таки просочишься в дом, а охрана не получит сигнала тревоги.

— Интересно, какая...

— Вот пусть русские ее и оценят, — заключил Большой Али.

Русских в даунтауне не любили давно и обоснованно. Во-первых, русские плевать на всех хотели и не признавали никаких правил.

Во-вторых, они на своих бензоколонках — ну, имелась у них небольшая сеть, чтобы отмывать грязные деньги, — разбавляли топливо водой. Это, по-вашему, нормально?

Они, было дело, самому шефу полиции набухали полный бак разведенного бензина. Не заметили, что ли, кому льют. Там долгая вышла история, не сейчас ее рассказывать.

А еще русские оказались ужасные расисты. Афро-они, видите ли, не любят, арабов не переносят, цыган терпеть не могут, даже от евреев и от тех носы воротят.

Если бы не всеобщий страх перед жуткой русской мафией, то этих отморожков давно бы из города погнали. А так — мирились. Но мелко напасть случая не упускали. Поэтому заказчик — по версии Большого Али федеральный агент — был направлен к Мэту Закариа. А старина Мэт (по нижегородской прописке Матвей Моисеевич Захаров) внимательно к заказчику пригляделся и ничего такого в нем не нашел. Много подозрительного, но никак не полицейского.

— Просто взять дом? — переспросил Мэт. — Никакой мокрухи, вандализма, терроризма, сексуального насилия? Всего лишь войти, набить рюкзаки товаром — и выйти?

— Это не просто дом, — помотал головой заказчик. — Это особенный дом.

— Ну, смарт, — усмехнулся Мэт. — Подумаешь. Что, смартов не брали? Год назад в Санта-Монике угнали грузовик и на нем проехали смарт насквозь, две стены вынесли. Накидали полный кузов барахла — только их и видели.

— С этим смартом подобный фокус не пройдет. Там закрытый поселок с охраняемым периметром.

— И такие брали. Ты что, газет не читаешь? Угнали два грузовика. На одном подрулили к посту охраны и раскатали в блинчики все их машины. А на другом протаранили забор, въехали в смарт, накидали полный кузов барахла...

— Этот поселок охраняют надежно. Патрулируют его круглосуточно — понимаете? И частную

охрану страхует полиция. Кроме шуток страхует, а не с опозданием на полчаса, как обычно.

— Можно угнать три грузовика, — сказал Мэт твердо. — И два-три бульдозера, чтобы вломиться через периметр одновременно с разных сторон. Пусть охрана развлечется не по-детски. И можно экскаватор еще.

— Экскаватор-то зачем?! — удивился заказчик. До этого момента он с каждой секундой все заметнее уставал — а тут удивился.

Мэт поглядел на заказчика с откровенным сожалением.

— Эх, ты... Дорогу перекопать, вот зачем. Ну, по которой полиция должна подъехать. И пусть страхуют кого угодно хоть до второго пришествия.

— А самим как выезжать?

— Выезжать не надо. Можно угнать вертолет...

— Простите, сударь, — произнес заказчик вкрадчиво, — а это обязательно — скромную квартирную кражу раздувать до масштаба «Бури в пустыне»? Вы так всегда делаете?

— Да пошел ты... — Мэт фыркнул и обиженно надулся.

— Мне нужно просто ограбить смартхаус, — сказал заказчик очень грустно. — Тихо ограбить, понимаете?

— Он что, с твоей женой переспал? — спросил Мэт, хитро прищурившись.

— Кто?

— Да уж не смарт. Этого-то они еще не умеют, я надеюсь?

— Зависит от начинки, — небрежно бросил заказчик.

Мэт обалдело вытаращился.

— Вас не должны интересовать мои мотивы.

Я предлагаю работу и хочу знать, возьмется за нее кто-нибудь или нет. Есть у вас на примете специалисты такой квалификации?

— Зависит от начинки. — Мэт выразительно шевельнул пальцами.

— Деньги есть. Достаточно.

— Что ж ты с ниггерами не сторговался?

Заказчик на «ниггеров» не отреагировал никак.

— Ладно, — сказал Мэт. — Я пойду, а ты жди. Перекусить успеешь. Закажи окгошкa — по нынешней жаре в самый раз.

— Предпочитаю американскую еду, — сообщил заказчик.

— Я так и понял, что ты расист, — кивнул Мэт, вставая из-за стола.

— Все сегодня с ума посходили, — сказал заказчик уныло.

Мэт черным ходом вышел на улицу, по пожарной лестнице взобрался на второй этаж и через распахнутое окно шагнул в небольшую очень грязную комнату. Посреди нее трое молодых еще мужчин — в возрасте слегка за тридцать — играли в карты, используя вместо стола коробку из-под ксерокса.

— Есть клиент, мужики, — сказал Мэт. — Жирный котяра. Темнила страшный, но зуб даю, что не полис и не фед. Даже жалко — я ему такие роскошные перспективы обрисовал, аж сам увлекся...

На самом деле смарты грабили очень редко. Точнее, когда-то пробовали грабить и почти сразу навсегда зареклись. Результат не оправдывал ни риска, ни затрат на подготовку.

Технически войти в смарт было не сложнее,

чем в обычный дом. Вот только выходить из него требовалось самое большее через три минуты. И очень быстро сматываться. Потому что максимум на шестой минуте подкатывала охрана. Которая уже знала, сколько вас, как вы выглядите и на чем приехали. Ей все это смарт еще по дороге описывал.

Конечно, можно было захватить хозяина смарта и потребовать от него код — обычно смартхаусы открывались именно комбинацией цифр. Чтобы хозяин мог одну цифру в коде перевернуть. Смарт безропотно впускал непрошенных гостей, но тут же включал «тревожные» камеры скрытого наблюдения и вызывал охрану.

Нет, ну можно еще пообещать хозяину пулю в голову за неверный код или вообще украсть у него ребенка. Можно в случае чего орать полисам — стойте, у нас заложник... О да, конечно. Шас!

Очень уж большая разница — максимум три года за взлом или верных тридцать лет за преступление, сопряженное с насилием. Ни в одном смарте не лежит столько денег, чтобы из-за них так подставляться.

Деньги в банках лежат.

Вот банки и грабили. Примерно то же, что взять смарт, только наличные искать не надо — кассиры сами «капусту» в мешки упаковывают.

А Большой Али, например, банки не грабил. Боялся. Он по мелким арабским и китайским магазинчикам специализировался. Чтобы бац — и готово.

Что интересно, посылая заказчика к русским, Али хотя и имел в виду кинуть им подлянку, а по сути не врал. Русские могли замахнуться на смарт.

Они же целую страну разворовали, хотя у них

там были гулаг и кэйджиби. Они и гулаг с кэйджиби по кусочкам расташили.

Они после той оказии с разбавленным топливом пригнали шефу полиции целый бензовоз. К подъезду. Типа в подарок, загладить вину.

Что интересно, не краденый. Скинулись, купили — и пригнали.

У шефа от изумления язва открылась, и он на неделю в больницу слег.

Русских «специалистов» звали Дима, Армен и Шварценеггер. Вид они имели очень интеллигентный, смирный и какой-то бедноватый, что ли.

Особенно это бросалось в глаза по контрасту с бандой Али. Там все были толстые, увешанные золотом и с громадными пистолетами.

— А вы на самом деле русские? — спросил заказчик, недоверчиво оглядывая команду.

— Мы москвичи, — сказал Дима.

— Это еще хуже, — объяснил Армен.

— Покажите им деньги, и они будут хоть китайцы, — бросил на прощание Мэт и вышел в окно.

Щуплый маленький Шварценеггер ничего не сказал, но зато вытащил из-за пазухи здоровенный вольтметр и с умным видом на него уставился.

— И вы, это... — поинтересовался заказчик, опасливо косясь на электронную машинку. — Входите в закрытые помещения?

— Входим, — подтвердил Дима. — И даже выходим.

— Сгибаясь под тяжестью награбленного, — ввернул Армен.

Ну, тут он, положим, для солидности наврал.

Собственно, красть их команда даже не пробовала. А занималась она исключительно порчей, разрушением и уничтожением всяческих замков, дверей, решеток и прочего, чем средней руки американский капиталист защищает склады, подсобки и открыто стоящие контейнеры. Расчищала путь к капиталистическому имуществу и быстро убегала.

Только вороватый Шварценеггер все пытался уволочь с места преступления какую-нибудь ерунду — за что регулярно получал по рукам.

Старый фокус. Мы, господин прокурор, шли мимо. Из чисто хулиганских побуждений отключили сигнализацию, замок сорвали и потопали себе дальше... А мы, господин прокурор, тоже шли мимо. Видим: открыто. Зашли и взяли, что плохо лежало. С самого краешку. Так, по мелочи. Чего оно валялось незапертое и вводило честных граждан во искушение?..

Ясен пень, заказчику эти подробности знать было ни к чему.

Заказчик достал схему. Между прочим — что там Мэт про китайцев ляпнул? — косоглазым он ее уже показывал.

К сегодняшнему дню он с этой схемой все городское дно облазил. По идее, у него на хвосте должны были висеть и полисы, и феды, донельзя заинтригованные.

Ну, русским об этом знать не стоило, наверное.

Заказчик так умучился ставить задачу, что теперь изъяснялся предельно сухо и четко.

— Вот поселок, — сказал он. — Вот дом. Нужно войти и оставить явные следы проникновения. И уйти, ни в коем случае не попавшись. Десять тысяч аванс. По исполнении через неделю — еще тридцать.

— Пусть будет не тридцать, а сорок, и в течение суток, — предложил Дима.

— Нет. Я хочу убедиться, что вы ушли чисто. Если вас не найдут за неделю, значит, так и есть. А сумма окончательная и не подлежит обсуждению.

— Ладно, — вздохнул Дима. — Раз не согласны торговаться — давайте тогда признавайтесь, на фига вам это все нужно.

— Допустим, я хочу напакостить хозяину дома. По личным мотивам. Так нормально?

— Сойдет. Как версия. Что там можно взять?

— Честно говоря, почти ничего. Мебель, кое-какая аппаратура... По-настоящему обживать дом начнут только через месяц. Вот почему я и предлагаю вам такие большие деньги.

— Мы и подождать можем, — заметил Дима. — Нам-то не к спеху. Зато потом мы с удовольствием освободим хозяина от любимого барахла. Да и в сейфе его покопаемся не без приятности. Как вы сказали — напакостить? Ну, вот. Пакостить, так по-крупному.

Заказчик пренебрежительно хмыкнул.

— Барахло... Плевать он хотел на барахло. Поймите, тут принципиально важен сам момент проникновения в дом. Увидев, что к нему залезли, хозяин не сможет там жить. Он купил смарт, потому что уверен — это будет только его жилище. Ну, а я... Самое больное место, понимаете?

— Злой вы человек, — пожурил заказчика Армен.

— И от кого я это слышу?

— Ваша правда, сэр. Извините. Хотите, я там что-нибудь гнусное на стене нарисую? Или, допустим, в супружеское ложе накакаю?

— Нет-нет! — Заказчик даже руками зама-

хал. — Только, пожалуйста, ничего такого. Без вандализма. Мне будет неприятно.

— А то поджечь можем, — деловито предложил Дима. — Чуток еще денжат накиньте за пиротехнические работы, и мы...

— Не надо! — приказным тоном потребовал заказчик. — И давайте сразу договоримся — за нанесение ущерба зданию и обстановке вы будете оштрафованы.

— Ох, хитрец! — подал голос Шварценеггер. — Уважаю!

— Что такое? — нахмурился заказчик.

— Нет, ребята, вы разве не поняли? — обратился Шварценеггер к коллегам. — Я-то сразу догадался. Он хочет... Ой, ладно, после объясню.

— Хорошо, а пока не встревай, — распорядился Дима. — Значит, войти, оставить следы и выйти... Что вы знаете об охранной системе этого смарта?

— Все, — сказал заказчик.

В защите смарта изъянов и слабых мест не нашлось. Единственное, за что в принципе можно было ухватиться смарт, так это за один-единственный внешний фактор. Человеческий. Если как-то нейтрализовать охрану или хотя бы задержать ее... А вот об умный домик сам по себе — только зубы ломать. Едва хозяин выходил за дверь, смарт «вставал на охрану». Он не просто давал сигнал тревоги в момент взлома. Он еще и просматривал земельный участок, на котором жил. И из-под земли его ощупывал заглубленными датчиками. Любой движущийся объект весом больше тридцати килограммов мгновенно привлекал внимание дома. Смарт настораживался, пытался идентифицировать объект, принимался отслеживать его

перемещения и все записывал. Если по территории бродил не соседский мальчишка (соседей дом знал в лицо), то картинка тут же уходила на пост охраны.

Внутри дом был нашпигован датчиками объема, инфракрасными сканерами и «тревожными камерами», включающимися при несанкционированном проникновении. Если с хозяевами приходил кто-то чужой, дом на всякий случай запечатлевал и его. И подглядывал за гостем, когда тот оставался в комнате один.

«Типичный параноик», — сказал Армен.

«Нет, просто вышколенный слуга», — парировал заказчик.

«Это ж с ума сойти можно — жить в доме, который постоянно за тобой следит!»

«Как раз за хозяевами смарт не следит. Но если им захочется, они смогут выставить и такую опцию. Многие, например, просят смарт приглядывать за детьми».

Смарт безвылазно сидел в Интернете — казалось бы, загоняй ему в мозги вирус и бери управление на себя, — но и с этой стороны к дому оказалось не подступиться. Защитой управлял отдельный компьютер, вообще не подключенный к Сети. Эйфория первых лет внедрения смартов, когда хозяева открывали двери звонками с мобил или электронными письмами, давно прошла.

Самым обидным было то, что все эти охранные премудрости элементарным образом отключались командой с внешнего ремонтного порта. Но ремонтник подсоединялся к нему только в присутствии хозяина и охранника либо с санкции прокурора, и тогда уже под контролем полиции. А пожарные, если что, просто ломали дверь, и...

«Запалить бы его слегка, — мечтательно произнес Армен. — И самим приехать тушить. На на-

стоящей пожарной машине... Красивый ход, ага?»

«Вы еще предложите наводнение устроить, — сказал заказчик. — Или землетрясение».

Конечно, смарту можно было попросту отрубить электричество. При падении напряжения дом переходил на аварийный режим с питанием от аккумуляторов и посылал тревожный сигнал в электрокомпанию. Полчаса он ждал — обычно за это время мелкие неисправности устранялись — и, если тока по-прежнему не было, уведомлял о происшествии хозяина и охрану. После чего запускал дизель-генератор. В случае отказа генератора смарт начинал паниковать и требовать помощи. Успокоить его могло только появление хозяина или охраны. Еще через полчаса аккумуляторы садились, и если дом по-прежнему оставался беззащитным, тогда он на последнем дыхании звонил 911.

«Сколько он может продержаться на дизеле?» — спросил Дима.

«Сколько... Да пока горючее не кончится! Генератор у каждого дома свой, хозяин сам выбирает. Обычно стараются подгадать так, чтобы одной заправки хватало часов на двенадцать. А уж есть ли у хозяина запасная канистра в гараже...»

«В общем, рубить ему кабель бессмысленно, — заключил Армен. — Ладно, и как же вы нам предлагаете грабить эту хрень?»

«Мне вас порекомендовали как специалистов по проникновению в дома, — сказал заказчик. — Ну, и... э-э... проникайте. Времени неделя, с послезавтрашнего дня. Хозяева уезжают в Европу».

«Вот это хорошо, — сказал Дима. — Отсутствие хозяев — серьезный аргумент «за». В общем, записывайте телефончик, мы до завтра поразмыслим, и где-нибудь к обеду вы нам позвоните».

«Вы уж придумайте что-нибудь, а?» — почти взмолился заказчик.

Дима обещающе кивнул.

Когда заказчик ушел, Дима спустился в забегаловку и подошел к Мэту, уплетающему за обе щеки okroshka под ледяную водочку.

— Приятного аппетита, дядя Матвей, — сказал Дима. — Ну и странного же америкоса ты нам сосватал! Надеюсь, догадался посадить ему на хвост своего человечка?

— Чтобы я — и не догадался? — улыбнулся Мэт.

Шварценеггер уверял, что заказчик хочет по дешевке купить вскрытый смарт. Действительно, пострадавшие от несанкционированного проникновения дома на какое-то время резко падали в цене. При условии, что информация о взломе системы безопасности просачивалась наружу.

«Вот увидите, он еще попросит нас фоток там нащелкать!» — уверял Шварц.

«Не вопрос, нащелкаем», — кивнул Армен.

Дима попросил не отвлекаться и поставил задачу. Шварценеггера он послал «на этюды», то есть покататься вокруг поселка и «на натуре» оценить качество несения службы охраной. Армену было приказано готовить снаряжение. Сам Дима отправился в районный технадзор за серьезной — а не детской, как у заказчика, — схемой поселка.

Русские могли войти в смарт легко и непринужденно.

Более того, они могли весь его облазить — ну, первый-то этаж точно — и действительно надевать фотографий. Даже стырить какую-нибудь глупость вроде диванной подушки. Или дохлую крысу подбросить в морозильник.

А ничего серьезнее от них и не просили, верно?

Потому-то русские и могли войти в смарт.

Про ценные вещи Дима спрашивал клиента лишь для отвода глаз. Случись заказ на настоящую домовую кражу, Дима не пошел бы в смарт ни за что. А вот заползти — именно на четвереньках заползти в дом — команда Димы могла только так. В любой момент, лишь бы хозяин был в отлучке. Но что можно украсть в пределах двух футов от пола? Тапочки и мусорное ведро?

Пылесосы и полотеры. Их в каждом смарте была прорва, и минимум раз в сутки они принимались по дому мельтешить. Уборка продолжалась не меньше часа, и на этот период смарт «поднимал глаза» на два фута. В смысле — датчики объема вообще отключал, а пересечение инфракрасных лучей на уровне двух футов и ниже игнорировал.

Оставалось только найти позицию неподалеку от поселка, на которой можно скрытно залечь, прицелиться лазером в окно дома и начать считать с него звук. Как только внутри зажужжит — давай, засекай минуты с секундами. Вот оно, твое время.

А как незаметно добраться до здания, стоящего почти что в центре охраняемой зоны, и войти в него — ну, это только настоящий, стопроцентный американец не догадался бы. И то, наверное, прирожденный и убежденный горожанин, жертва небоскрежной архитектуры. Вуди, мать его, Аллен. Хотя, дай ему месяц-два на размышление...

— Ты чего такой смурной, дядя Матвей? — удивился Дима.

— Да понимаешь... Не знаю. Сомневаюсь я.

Живет ваш клиент в том же самом поселке. Только с краю, где участки дешевле. Кстати, там вообще заселенных домов от силы процентов двадцать, а из остальных большинство еще даже не продано. Тот дом, что он вам наметил, тоже не из самых дорогих. Такой же, как у него. Странно все это, не находишь?

— Наоборот. Подтверждает ту версию, что он нам задвинул. Личная месть, удар в больное место. Потому и нервничал. И не темнила он никакой, а просто лох. Так хотел добиться своего, что решил сыграть в открытую, правду сказал. Думал, мы не проверим.

— Мы еще ничего не проверили, Дима. Я пока не выяснил ни имени, ни места работы этого типа. Знаю только, что у него машина неправильная. Для жизни в таком месте не подходящая. «Кадиллак Севиль». А должен быть «мерин» или «биммер».

— Да и фиг с ним, — отмахнулся Дима. — Пусть аванс заплатит, и мы сразу полезли. Деловито. Полдня максимум. Зато слава какая! Представляешь, что люди скажут — мол, русские втроем в смарт залезли, целый час по нему гуляли и обратно вышли! Ты нам только маленького Абрамчика сдай в аренду с его вэном — на шухер поставить. Я больше всего боюсь, что какая-нибудь гнида колесом на люк наедет. Время нам вылезать, а на крышке стоит громадный трак, и водила баиньки ушел. То-то будет весело! Нет, я уж лучше своей машиной прикроюсь.

— Умное решение. Но оно будет стоять тебе двушник, — сказал Мэт.

— Почему не штучку? — удивился Дима.

— Поговорку забыл — изи кам, изи гоу? Не мелочись. И будет тебе счастье.

— Это уж точно — изи кам. Представляешь,

чего творят, негодяи, — теплотрассу с кабельной шахтой и канализацией совместили! Экономят они так! И красоту наводят, чтобы над поселком провода не висели! Нет, нам-то лучше, мы даже аккумуляторы с собой не возьмем, прямо на месте от кабелей и запитаемся, но вообще... До поселка нормальная воздушка, потом трансформаторная, и кабель уходит вниз. Ты бы дома так сделал? Чтобы по общему подземному коридору — вода, тепло, дерьмо и электричество?

— Один-то аккумулятор возьми хотя бы, — сказал Мэт. — Ты же умный.

— Тогда скидку мне, — потребовал Дима. — Квотер персентс. За интеллект.

— Двушник, — помотал головой Мэт. — Именно за него, родимый, за интеллект. Не жидись, умный юноша. Голова! Ленин!

— Ленина спалили, и не раз, — сказал Дима. — А нас пока ни разу. И вообще, дурак он был, твой Ленин. Это ведь из-за него мы здесь фигней страдаем. Такие люди, цвет нации, тьфу, блин, — эмигранты! И ворье к тому же. А все Ленин.

— Ну и вали в свой Израиль, — бросил Мэт. — А мне и тут хорошо.

Они бы еще долго препирались из-за ерундовой, в общем-то, суммы, но тут приехал Шварценеггер.

— Здорово, отцы, — сказал он. — Значит, так. Уборка раз в сутки. С десяти до одиннадцати эй эм. Стандарт, короче. Не звонил клиент-то?

Будто по просьбам трудящихся, в кармане у Димы тренькнул мобильный. Дима было трубку вытащил, но тут Мэт стремительным движением перехватил его руку и не выговорил даже, а прошипел:

— Двушник!

И действительно, заказчик попросил наделать фотографий. А еще он очень хотел узнать, как именно воры полезут в смарт. Ну просто ужас как хотел. Извертелся весь, бедненький.

Но только розовая птица обломинго махнула крылом ему в ответ.

«Мы будем действовать в рамках закона лома для разомкнутой цепи», — сказал Дима. И многозначительно надул щеки.

«Закон Лома? — удивился заказчик. — Кто это — Лом?»

«Это такой русский», — объяснил Армен.

Заказчик с тяжелым вздохом передал ворам пакет с деньгами и укатил на своем черном «Севиле».

«А правда — что такое закон лома?» — спросил Армен.

«Для разомкнутой цепи? Да проще некуда. Вот, есть некая цепь. Берется лом. Если знать, по какому звену ломом въехать, цепь развалится на две половинки, открывая проход».

«Всего-то... — протянул Армен разочарованно. — Тоже мне закон».

«Зато работает», — сказал Дима.

Рано утром небольшой фургончик остановился на малолюдной улочке в паре сотен шагов от поселкового забора. Шварценеггер поднял секцию пола, глянул вниз и сказал:

— Абрамчик, вперед на полметра. Стоп!

Внизу был канализационный люк.

Порядок следования определили следующий. Шварценеггер, как самый легкий, юркий и узкоплечий, полз в авангарде. К тому же он ловчее всех в команде управлялся с режущим, пилящим и сверляще-долбящим оборудованием. Местный

гений разрушения. Когда в автомастерской Мэта что-то не хотело отламываться, вывинчиваться или отрываться, посылали за Шварцем. Под его руками будто само отваливалось.

Могучий Армен пер на себе основную часть инструмента и в случае чего проталкивал Шварценеггера вперед или служил ему точкой опоры.

Дима, как положено командиру, замыкал колонну. Он тащил резервные батареи и, что немаловажно, закрывал собой путь к отступлению.

Ползти по теплотрассе оказалось скучно, пыльно, утомительно и долго. В какой-то момент они едва не заблудились. Потом нагруженный тяжелым снаряжением Армен изобразил нечто вроде приступа астмы, чем здорово приятелей напугал. Потом Дима решил, что они могут опоздать, и принялся всячески подгонять команду, из-за чего темп движения только замедлился. Но все-таки они выбрались куда надо и почти вовремя.

— Вот оно. — Шварценеггер похлопал ладонью по небрежно сложенной кирпичной стенке. — Ну и халтура! Прямо скажем, не наш человек клал. Не Иван Денисович какой-нибудь. Армен, заряжай.

Армен перевернулся на спину и принялся «заряжать», то есть запитывать дрель от идущего по потолку кабеля. Пыхтя и отдуваясь, он ввинтил в толстенную черную кишку хитрый инструмент, эдакую помесь буравчика со штекером типа «папа», и, когда на устройстве загорелся огонек, набросил на выводы «крокодилы». Посыпались искры.

— Есть контакт, — удовлетворенно сообщил Армен и мучительно закашлялся.

Шварценеггер поставил дрель в режим перфоратора, надвинул на глаза очки, посоветовал бе-

речь перепонки, уткнулся сверлом промеж кирпичей и начал долбить.

Это было ужасно.

Дима лежал на трубах, чихая и затыкая уши, и для успокоения нервов думал о том, что смарту этот ужас по фигу — его электронные мозги никак не отреагируют на сотрясение фундамента, потому что живые мозги американского программиста не могли предусмотреть такую бредовую возможность.

Шварценеггер продолбился ударно, за двадцать минут.

— Армен, разряжай, — сказал он. — Ну, успели. Лежим, курим. Или сразу лезем? Невысоко вышли, над самым полом. Я даже чего-то вижу там. Мусоросжигатель, что ли. Эй, ребята! Вы меня слышите?!

Ребята не слышали. И поскольку заложенные уши разложило далеко не сразу, пришлось немного еще поваляться на трубах. Время позволяло.

Если не считать упомянутого мусоросжигателя и кучи дробленого кирпича, подвал оказался пуст. Более того, он не был никак прикрыт охранной системой — это Дима определил мгновенно. Здесь можно было ходить в полный рост, и команда с наслаждением расправила плечи.

Внутри дома вела мощная гладкая дверь без малейших признаков замка. Вот почему тут не было сигнализации.

— Дурацкая идея, — сказал Шварценеггер. — Пошел на помойку и захлопнулся на фиг. И конец. Съел весь мусор, потом умер.

— Ерунда, — отмахнулся Дима. — Там с другой стороны фиксатор и доводчик с мотором. Смарт тебе дверку откроет и уж позаботится о том, чтобы ты мог вернуться.

— Петли высверлим? — деловито спросил Шварценеггер.

— Дурак! Упадет же. Вырезай снизу лаз.

— О'кей, — согласился Шварценеггер, посмотрел на часы и достал из сумки фрезу. — Армен, заряжай. Успеем.

Ровно в десять эй эм, то бишь по-русски утра, дом ожил. Сначала он тихо зашелестел — это откинулись панели в стенах, — потом зажужжал. Это поехали на работу пылесосы. Дима просунул в узкий лаз зеркальце на длинной ручке.

— Нормально, — сказал он. — Путь открыт. Теперь последний инструктаж. На пути бытовой техники лишний раз не вставать, задницы не отключивать. Лучше всего не на четвереньках двигаться, а вообще по-пластунски. Так надежнее. Ну, коллеги, за мной!

В доме не жили. Да, как и обещал заказчик, внутри оказалась кое-какая мебель и довольно много хорошей престижной аппаратуры. Даже очень престижной. Шварценеггер минут пять, кряхтя, нарезал круги вокруг стойки домашнего кинотеатра, прикидывая, как бы чего-нибудь из нее выковырять. Кончилось тем, что он смотал целую бухту, метров в десять, жутко дорогого аудиокабеля с золотой нитью и так дальше ползал — с этой бухтой через плечо.

— Меломан хренов, — вздохнул Армен. — Крохобор несчастный.

— У меня пылесос отвертку скоммуниздил! — прошипел сквозь зубы Шварценеггер. — Только я ее отложил на минутку, тут эта сволочь мимо проезжает. Звякнуло что-то, я хватъ — а кранты отвертке! У-у, зараза! Нет на тебя кувалдометра!

— А на отвертке — твои пальчики, между про-

чим, — заметил Дима издали. Он непрерывно щелкал камерой, выискивая такие ракурсы, чтобы не очень бросалось в глаза, с какой подозрительно низкой точки снимают. Получалось у него плохо, Дима злился: — Пальчики. Твои. А?

— Да их давным-давно затерло! — Шварценеггер махнул в сторону Димы перчаткой.

Они еще и в масках были. Диму знали как перестраховщика, почему и слушались безоговорочно. Дима и вправду был не Ленин — не спалился еще ни разу.

На родине он вообще не вором работал, а каким-то секретным инженером по оборонной части.

— Будем надеяться, что затерло, — вздохнул Дима. — Армен, на кухню сползай. А ты, Шварц, пошел в спальню. Чует мое сердце, господа, что творится здесь какая-то лажа. Но убей меня бог, если я понимаю, в чем она заключается.

Нет, в доме не жили.

Армену не удалось заглянуть в холодильник, но зато он обнюхал мусорное ведро. А Шварц обнаружил в спальне «ни грамма», как он выразился, постельного белья. Да и зала, мягко говоря, обжитой не выглядела... Да и прихожая тоже.

Здесь решительным образом не ступала нога человека.

Это тоже Шварценеггер такими словами обозначил ситуацию.

— Да и хрен с ним, — сказал Дима на двадцать пятой минуте. — Пошли, что ли, домой. А то я каждый раз как переползаю инфракрасный луч, у меня нервы в струнку вытягиваются. Следы проникновения есть? Значит, работа сделана.

— Я в спальне из комода ящики вытащил, — доложил Шварценеггер.

— А я на кухне нагадил слегка, — сообщил Армен.

— Надеюсь, не буквально?

— Вообще-то, если честно, я там пописал. Извини, Дим, приспичило. Но за мной уже убрали. А нагадил я в том смысле, что дверцу, за которой полотер кухонный живет, сломал немножко. Там сигнал пойдет, будто она не закрыта. Дом вызовет механика, тот явится — что такое, внешне все в порядке...

— Не явится твой механик. Хозяева в отъезде, ему без мента внутрь не попасть, — расстроил Армена Шварценеггер.

— А вот это мы посмотрим, — сказал Дима. — Это ты, Армен, хорошо придумал. Шварц! Звони Абрамчику, пусть хватает бинокль и пешком бежит на точку, откуда ты дом слушал. Это ведь недалеко. И пускай докладывает, не подъехал ли кто и не вошел ли в домик. Ты пока ему задачу поставишь, я еще пару снимков щелкну — и полезли. Хорошенького понемножку. Да, вот еще что. Кабель ворованный брось. А ну, брось, кому сказано!

Как ни странно, ползти обратно было еще труднее и противнее. Вроде бы на том конце тоннеля команду ждала свобода — яркое солнце и довольно свежий воздух. Но они устали. Гораздо сильнее, чем предполагали устать. Поэтому из люка в вэн забрались не довольные собой победители, а измочаленные и заметно постаревшие за это утро трудяги.

— Ты, конечно, Димка, умный, — заявил Армен, выливая себе на голову ноль шесть литра минералки, — но как же я затрахался!

— За червончик, — напомнил Дима.

— А может, я дешевле и не даю, — предположил Армен.

Зазвонил телефон Шварца. Дима попросил взглядом, и Шварц протянул ему трубку.

— А-а, выбрались! — обрадовался Абрамчик. — А то связи не было. Значит, слушай, Дим, у меня новости. Полчаса назад к дому подъехал вэн. Если я правильно читаю — извини, далековато, — это какая-то ремонтная служба. Из вэна, значит, вылез дядя с ноутбуком. Присоединил бук к двери, та открылась. Дядя вошел и до сих пор не вышел. Какие будут указания?

— Бери шинель, пошли домой, — сказал Дима очень усталым голосом.

— То есть сиди на месте, сейчас мы тебя забере-
рем.

— Засада? — спросил Шварц, все это время очень внимательно за Димой наблюдавший.

— Да не похоже. Но я терпеть не могу, когда меня держат за дивайс. А мы ведь не дивайсы — верно? Ладно, дядя, мы выясним, как ты нас помил и зачем. А потом сообразим, как поиметь тебя... У дома нет никаких хозяев — понимаете, мужики? Он не продан. Демонстрационный образец, наверное, потому и с мебелью.

— Я другого не понимаю — этот тип нам заплатит или как?! — разволновался Армен.

— Он заплатит в любом случае! — пообещал Дима. — Хорошо, Шварц, давай за руль, сейчас Абрамчика подхватим — и баиньки.

И тут телефон зазвонил вновь.

— Димка, вы где?! — прокричал Абрамчик. — Сваливайте оттуда, мухой!

— Шварц, полный газ! — рывкнул Дима. — Абрамчик, мы сейчас...

— Не надо, я сам уйду! Бегите!

— В чем дело?

— Только что подкатило еще две машины. Одна — черный «Севиль», а другая — охрана! И все

полезли в дом! Похоже, вы наследили. Убирайтесь как можно дальше от этого люка проклятого!

— Шварц, уходим! Абрамчик, ты точно выбе-
решься?

— Вот и плакала наша зарплата... — пробормотал Армен. — Дим, это я виноват. С меня потом спросишь за самодеятельность. Я отвечу.

— Он! Вот кто ответит! — прорычал Дима, швыряя под ноги телефон.

— Кто?! Я-а?!!! — заорал Шварц.

Фургон опасно завалился набок в крутом повороте.

— Да не ты, придурок! Он!

— Я, — согласился Армен.

— И-ди-о-ты! — заключил Дима. — И я — главный!

— Это я виноват, — сказал Мэт. — Я должен был задержать вас хотя бы на сутки-двое. Чтобы не сразу полезли — молодые, горячие. Инженеры, трам-тарарам. Передовики соцсоревнования, вашу мать. Ломанулись, как на трудовой подвиг. По работе соскучились. А все я, старый дурень...

— Мы тебя долларом накажем, — пообещал Дима. — Чтобы не очень убивался. Ну, и?..

— Наш заказчик — отставной федеральный агент. Специалист по электронным системам безопасности. Последние несколько лет работает на фирме, поставляющей населению самые навороченные смарты. Отвечает за наладку защиты от проникновения.

— Я не понимаю. — Дима помотал головой. — Почему он не мог с нами договориться по-человечески? Ну, искал мужик брешь в защите. Ну, решил, что две головы лучше. И что? Были же случаи... Нанимали взломщиков опытных на

вполне законных основаниях! Да мы бы ему...
В лучшем виде!

— Думаю, все дело в том, что этот тип — бывший фед. Он воров за людей не считает. Просто не может, воспитание не то. Вы для него так — расходный материал.

— Я его, гада, самого израсходую! — прорычал Дима.

— Но-но! Попросил бы! И думать не смей.

— То есть он точно не заплатит, — горестно заключил Армен. — Он нас не боится ни капельки и поэтому не заплатит. Ребята! Мамой клянусь — я отработаю!

— Заказчик отработает, — твердо сказал Дима. — Его-то собственный домик наверняка хорошо упакован. Много не утащим — так хотя бы в душу ему наплюем. Чтоб знал наперед, как русских подставлять.

— Ты же сам говорил, что смарт не берется! — удивился Мэт. — Слушай, не лезь на рожон, а? Зажми в кулак самолюбие. Ну его.

— Смарт берется! По закону лома.

— Он уже сработал один раз, твой закон, — напомнил Армен. — И клиент наш обожаемый назубок его выучил теперь.

— То был закон лома для разомкнутой цепи. А мы устроим — для замкнутой!

— Это как?

— Если плюс и минус, — произнес Дима тоном лектора, — замкнуть ломом, то лом слегка нагреется, а вот цепь развалится на хрен!

Измученные подельники благоговейно затихли, переваривая услышанное. И первым голос подал Мэт.

— Диверсия! — воскликнул он. — Я подниму старичье, угоним пять бульдозеров и перепашем там все к такой-то матери! А вы под шумок...

— Как ты достал со своими бульдозерами, дядя Матвей!

— Или не я долбал этих долбанных америкосов в злодолбучем Нэме?!

— Если б ты воевал в Нэме, тебя бы фиг пустил сюда иммиграционный контроль.

— А им кто-то что-то сказал? Ха! У нас тут знаешь какие бойцы осели? Да мы та еще пятая колонна! И если Родина прикажет...

— Расслабься, дядя Матвей. В гробу тебя видела твоя Родина. И потом, здесь местных бойцов до фига и больше. Забыл, что ли, в конце недели — День Родни Кинга.

— О-па! — восхитился Шварценеггер, все это время отсиживавшийся молча в углу. Он там калькулятором шелкал и вздыхал тяжело, подсчитывая, наверное, упущенную выгоду и растраченный зазря креатив. — Отвлекающий маневр! Конгениально.

— Большой Али нам этого уroda сосватал? — продолжал Дима. — Вот пусть и выручает теперь. Я сам пойду говорить с ним. Сейчас же.

— Стоп! — приказал Мэт. — Идея прекрасная. Но ты не пойдешь говорить с Большим Али. Даже я не пойду. Тут нужна фигура другого калибра. Я знаю, кого попросить, и мне точно не откажут. Базарить с негрозадами пойдет Зяма Мертворожденный.

— О боже! — воскликнул Дима с чувством. — Как можно иметь дела с человеком, у которого такое кошмарное прозвище?!

— Это фамилия, — сказал Мэт.

К вечеру того же дня об увлекательном приключении, которое нашла себе на все три задницы команда Димы, местные русские правонару-

шители знали чуть ли не поголовно. Общее мнение было таково, что Дима, конечно, редкий идиот, полный лузер и конкретный шлимазл — но и заказчик его тоже, мягко говоря, нехороший человек и должен быть наказан. А уж с ниггеров поганных компенсацию получить сам бог велел.

Русские навалились на злосчастный поселок всеми наличными силами.

Как говорили потом знающие люди, такой предварительной разведки не устаивалась ни одна кража за всю историю русской криминальной диаспоры. И уже через полдня выяснились интереснейшие вещи. Диме повезло минимум три раза.

Ну, во-первых, сам по себе День Родни Кинга — это был редкий подарок.

Во-вторых, поселок тоже активно готовился к всенародному празднованию исторического Дня. Там шла комплексная проверка системы безопасности, в рамках которой — внимание! — наконец-то должны были залить солярку в генераторы смартфонов. Из одной цистерны во все сразу. До этого дизеля стояли просто сухие.

В-третьих, именно сам заказчик — а не выдуманная им виртуальная жертва домовой кражи — уезжал на неделю в Европу. Как и значительная часть белого населения города, которая День Родни Кинга воспринимала болезненно, если не скатать хуже.

В общем, грабь — не хочу.

Парни с русской бензоколонки нахимичили какой-то дряни, крошечная щепотка которой тонну солярки убивала напрочь. Попадание десятка-другого щепоток в цистерну было уже делом техники.

Мэт гарантировал угон автотранспортного средства с массой, достаточной для сшибания на-

земь опоры линии электропередачи. Когда ему сказали, что таранить придется всего-навсего ерундовую трансформаторную будку, он даже обиделся.

Армен умучился заряжать аккумуляторы. На этот раз команде требовалось гораздо больше энергии, и всю ее переть на себе было просто нереально. Хитрый Шварц предложил оставить источники питания в фургоне и тянуть за собой только кабель. На том и сошлись, но пару-тройку батарей все-таки решили на Армена навьючить. Для страховки, и вообще, дабы впредь не выпендривался. Ин-же-нер!

Да он и вправду был раньше инженер. Вроде Димы.

Автогеном еще запаслись. И подписали Магомета, чтобы в фургоне сидел. На случай, если волна черного гнева не в ту сторону покатится, налетит случайно на одиноко стоящий вэн с безобидным внешне Абрамчиком, решит немножко заняться антисемитизмом и сорвет операцию.

Магомет бы им сорвал. Все. Он так и сказал — пусть только сунутся. «Я не дам в обиду своего белого брата!» — сообщил Магомет и хотел было дружески хлопнуть Абрамчика по плечу, но вовремя передумал.

А к Большому Али поехал в гости Зяма Мертворожденный. Как бы поздравить с наступающим праздником.

Если вы не знаете, то вроде бы в тысяча девятьсот девяносто третьем году — кажется, да, именно — несколько тупых белых копов отдубасили на улице черного парня по имени Родни Кинг. На виду у телекамеры. Си-эн-эн транслировало картинку на все Штаты, и в тот же день

началось что-то невообразимое. Черные вышли на улицы — и пошли. Демонстрация протеста, типа. Но просто так ходить толпой афры терпеть не могут. Их, застроенных в колонну, моментально прихватывает всех разом атавистический страх раба, которого гонят на плантации. И, дабы заглушить нервное сосание под ложечкой, черные демонстранты начали себя развлекать — то есть переворачивать машины, бить витрины и все, что ни подвернется, грабить, трахать и поджигать.

Белые тихо офигевали и не знали, что делать. Они так и сидели, дрожащие и офигевшие, пока черные не устали и не разошлись по домам — «сгибаясь под тяжестью награбленного», как сказал бы Армен.

Черным понравилось, и они решили устраивать такое шоу каждый год. Чтобы белые особо не умничали. Чтобы им жизнь медом не казалась.

Вот тебе и весь День Родни Кинга. Плановый ежегодный погром.

Между прочим, сам побитый стал довольно видным общественным деятелем и наконец-то избавился от необходимости ежедневно что-то красть.

А вы говорите — пособие по безработице, социальные гарантии и все такое. Пустите нас в Америку, мы будем хорошие. Ага. Думаете, если человеку обеспечить дармовую кормежку, он воровать не будет?

Впрочем, это уже лирика и отношения к нашей истории не имеет.

Зяма Мертворожденный подкатил к «офису» Али аж на пяти «Мерседесах». Большой Али сначала почувствовал себя польщенным вниманием, но потом ему отчего-то захотелось одновременно

в туалет и нюхнуть кокаину. В итоге Али не сделал ни того ни другого и всю беседу сидел как на иголках.

Говоря по-русски, стремно ему было.

— Вроде ты тут, парень, в районе центральной... — начал Зяма.

— Вообще-то я под Сулейманом хожу, — скромненько признался Али.

— Сулейман в курсе, — обрадовал его Зяма. — Значит, слушай, чего надо. Есть тут на отшибе небольшой поселочек. Дорогие красивые домики. Электроникой напичканные по самое не могу. Смартхаусы такие. Ну, ты этот поселочек знаешь.

— Наверное, — бросил Али небрежно.

— Ты его очень хорошо знаешь, — сказал Зяма. — Сулейман просто кипятком писал, когда выяснил, как хорошо ты знаешь этот поселок.

— Ну, это наши с ним дела, правда? — Али еще хорохорился, но ему уже хотелось не в туалет, а обратно к маме в пузо. Если Зяма не брал на понт, конечно. Хотя Зяма был не из таких.

Али много чего слышал внушительного и убедительного про этого Зяму Дедборна. И надо сказать, на лицо Зяма очень даже своей кличке соответствовал.

Да и братва с ним такая приехала — впору магию вуду припомнить недобрым словом. И заподозрить не без основания, что русское вуду посильнее африканского будет.

Тут зазвонил телефон. Али, извинившись — во как! — достал трубку.

— Ты, уродец чернозадый! — рывкнул ему в ухо Сулейман. — Маленький грязный ниггер! Гамадрил бесхвостый!

Афроамериканцы, когда хотят своего обидеть, именно так к нему обращаются. Манера у них такая странная.

— Русский приехал уже, макака ты долбаная?

— Ох! — только и выдал из себя Али.

— Сделаешь, что попросит. И хорошо сделаешь, чтоб ты на всю рожу побелел!

— Аллах акбар, — пробормотал Али. Грустно так.

Он и вправду уже побелел малость. Побледневший от испуга негр — это надо видеть.

— Поговорили? — спросил Зяма участливо.

— Да ну вас издеваться-то, — вздохнул Али. — Ну, ошибся я. Был не прав. Облажался по полной. Кинул вам подлянку. Случайно, честное слово. Вину свою готов признать. И загладить. Чего делать-то надо?

— Ошибся, говоришь? Случайно? А у нас, грешным делом, сложилось мнение, будто ты, парень, — расист!

— Что вы, как можно! — очень правдоподобно возмутился Али.

— Ладно, — кивнул Зяма. — Значит, слушай. В День Родни Кинга, без четверти десять утра, ваша шобла в количестве не менее сотни рыл — нет, лучше двух сотен! — должна выйти к ограде поселка с северной и западной сторон. И начать там куролесить. Натурально так, на всю катушку. С огоньком и юным задором. Разрешаю забор попортить и слегка пошвыряться кирпичами в самые крайние дома, но глубоко на территорию заходить не надо. Ровно в десять подъедет грузовик и снесет на фиг электроподстанцию. Встретить эту акцию взрывом энтузиазма. Любые попытки ремонтников добраться до подстанции — блокировать. Хотя они с собой полицейский взвод приташат. Биться зверски, держать позиции минимум три часа. Не бойсь, выглядеть это будет естественно — там как раз в паре шагов винный магазинчик, вы его разграбите для поднятия бое-

вого духа. С хозяином мы договорились. Только в хлам не напивайтесь хотя бы до полудня.

— Да у нас почти все мусульмане, — хмуро пожаловался Али, придавленный масштабами задачи.

— Не волнует. Отберите специально протестантов, лютеран, католиков, наконец. Тех, кто бухает.

— Алкоголиков, — уныло подсказал Али.

— Юмор? — ухмыльнулся Зяма (Али от этой ухмылки чуть не упал со стула). — Люблю. Значит, приказ вам стоять насмерть. Отправишься на место лично и будешь руководить.

Большой Али в полный голос застонал.

— Сам виноват, — сказал бессердечный Зяма. — Давай, парень, докажи народу реальным делом, что ты не расист.

Утром праздничного дня у северного КПП поселка объявился чернокожий оборванец, уже заметно под мухой. Он стрельнул у охранников сигаретку, пришурился и задал риторический вопрос:

— Что, попили нашей кровушки?

— Было дело, — согласилась охрана. — Извиняемся.

По идее, волна беспорядков могла зацепить поселок разве что самым краем. Так сказали полицейские, которые уж знали в этом толк, недаром каждый год подставляли головы под бейсбольные биты и прочее холодное оружие маргинального пролетариата. Но охрана все равно нервничала и не хотела нарываться.

— На каторжном труде моих прадедов и дедов поднялась эта держава, самая могучая и продви-

нутая в мире! — провозгласил черный. — И что я имею? Да ни хрена! Разве это справедливо?

— Ой, несправедливо, — дружно закивали охранники.

— Вот именно, — поддержал черный. — А некоторые, — он ткнул грязным пальцем в сторону поселка, — живут в домах, которым цена сотни тысяч! И значит, что?

— Что?

— Значит, вешайтесь, расисты драные!

— Вали отсюда, пока цел! — рассвирепели охранники.

— Я вернусь, — пообещал черный многозначительно и свалил.

— Почему мне кажется, что он не один вернется, а? — пробормотал старший охраны.

Как в воду глядел.

Люк, через который Дима со товарищи забирался в теплотрассу, был запечатан электросваркой — это они заранее выяснили. Но нельзя заварить все люки в округе, техника безопасности не допускает.

Абрамчик остановил фургон на соседней улице, всего-то метров за сто от прошлой стартовой позиции. Да, под землей лишняя стометровка не подарок. И все же Дима решил не тратить силы на отколупывание приваренной крышки автогенном. Он ждал других сюрпризов, уже в тоннеле.

И не зря ждал.

В решетку они уткнулись, едва прошли блокированный люк. Так себе оказалась решетка, в два арматурных прутка, с дверцей-лазом.

— А хороший замок, — сказал Шварценеггер. — Быстрее куснуть, чем в нем ковыряться. Да и не очень я с замками-то.

— Кусай, — разрешил Дима.

Армен передал Шварцу жуткого вида механические кусачки, и тот принялся уродовать решетку.

Дима сзади подтягивал кабель.

— Готово, — доложил Шварценеггер через несколько минут. — На что спорю, еще будет.

— Ползи давай. Остался час с мелочью. Вот вот дядя Матвей электричество выключит.

— Не припаяли бы старику терроризм, — заметил Армен.

— Типун тебе на язык. Да и не сам же он будет. Годы не те.

Еще примерно метров двести они проползли молча, обильно потев и шумно дыша. Потом Армен сказал:

— Если выберусь из этой передраги, начну заниматься физкультурой.

— Отдохнем минутку, — пропыхтел Дима, обнимая канализационную трубу.

В это время наверху громадная толпа афроамериканцев, висая на проволочном заборе поселка, скандировала людоедские и кровопускательные лозунги. О стены крайних смартахусов бились кирпичи.

Один из домов решил, что с него хватит, и подал сигнал тревоги.

— У нас все нормально, — по телефону успокоил полицию старший охраны. — То есть, что я говорю, у нас форменные Содом и Гоморра. Но в принципе вы пока не беспокойтесь. Жертв и разрушений нет.

В отдалении взревело. Будто голодный тиранозавр вышел на охоту. Или Кинг-Конг — жеваться. Старший охраны высунулся за дверь,

увернулся от летящей в голову бутылки и увидел, что к воротам поселка катится громадный «Питербилт». Старший выпучил глаза, тут-то его следующая бутылкой и достало.

А многотонный «Пит» немножко вправо принял и квадратной своей мордой прямо в трансформаторную — хрясь!

Ка-ак оно долбануло... Такой фейерверк вышел, будто не двадцать девятое апреля, а четвертое июля на дворе.

Неподалеку на асфальте валялся сильно пьяный, слегка окровавленный и очень довольный собой пожилой негритос. Заблаговременно выпавший из кабины грузовика. Благоразумно укутанный в стеганую ватную куртку и такие же штаны русского полувоенного кроя.

Толпа подхватила его на руки, окропила вином и с воплем «Хип-хип-уррэ-эй!» метнула в небо. Взлетая, снижаясь и снова взлетая, неудавшийся камикадзе дрыгал конечностями и орал нечто рифмованное на непонятном языке. Какое-то африканское наречие припомнил, видимо. Боевые песни далекой прародины.

— Ну и придурок ты, Мэт! — от души сказал Большой Али, поймав камикадзе поперек туловища и кое-как установив на ноги. — Старый выживший из ума придурок! Чем ты морду свою белую намазал? И для чего сам-то? Зачем?!

— Я советский диверсант! — гордо сообщил Мэт.

— А если бы трак взорвался?

— Советские диверсанты всегда к диверсиям правильно готовятся! Там рваться нечему, горючки ноль. Слушай, отпусти, дай с народом дурака повалять. Хочу въехать кирпичиной по мировому капиталу.

— Да от тебя белым за версту пахнет! Ты что,

вообще не соображаешь? Ох, пойдем отсюда скорее. Ребятам скажу, пусть домой отвезут.

— А как же винный? Грабить? — расстроился Мэт.

Вместо ответа Али просто взвалил советского диверсанта на плечо и рысью умчался прочь со своей ношей.

— Рашен и ниггер — братья навек! — только и успел проорать Мэт.

— А я бы сделал очень просто, — сказал Дима. — Подогнал бы бетономешалку, опустил шланг в люк и запузырил в тоннель здоровенную пробку. Типа привет горячий, дорогие взломщики.

— А потом технадзор из тебя душу вынул бы и сто тонн баков, — отозвался Армен. — Здесь вам не Россия, здесь климат иной...

— Хорошая организация американский технадзор, — согласился Дима.

— Полезная. Слушай, проверь-ка, что у нас с током. Пора вроде бы.

Армен загнал в один из кабелей длинную иглу.

— По нулям. Значит, кранты подстанции.

— Ладно, двинули.

Следующее препятствие оказалось до того неожиданным, что Шварц, осветив налобным фонариком металлическую переборку, сначала заморгал, а потом начал ее ощупывать, будто в надежде, что мираж растает.

— И когда успели... — пробормотал он.

Переборка была, естественно, с дверкой. Без дверки фиг бы ее разрешили поставить.

— Можно замок высверлить? — с надеждой в голосе спросил Дима.

— Если бы! Тут личинка с защитой. И сам замочек ого-го, на пятый класс потянет.

— Все-таки надо опытного медвежатника в команду, — сказал Армен.

— Он бы этот пятый класс именно за пять минут и вскрыл.

— Перетопчешься. Хотя бы один рецидивист в группе — уже несколько лишних лет каждому, если попадемся, — напомнил Дима. — А у нас все, кто по замкам работает, с таким прошлым товарищи, что прослезиться можно. Шварц! Какой диагноз?

— Выпиливать будем, — вздохнул Шварц. — Ассистент, болгарку!

Армен передал Шварцу дисковый резак и асбестовое покрывало.

— Затычки! — скомандовал Дима.

Все трое заткнули уши, а Шварц еще напялил специальные промышленные наушники — и начал пилить.

Это оказался не просто ужас, а нечто сверх.

— Между прочим, здесь сигнализация, — сказал Шварц минут через десять, отворяя раскороченную дверцу. — Но это ерунда, тока-то нету. Эй! Есть кто-нибудь дома?

Никого дома не было. Армен и Дима лежали на трубах как убитые. Только когда Шварц основательно лягнул Армена ногой в плечо, тот ожил и, в свою очередь, пнул Диму.

— Брошу все на фиг, — пробормотал Дима, вытряхивая из ушей вату. — Буду жить на велфэр, словно какой-нибудь пьяница-ниггер. Или на богатой вдове женюсь. Надоело.

Его не услышали, и это было, наверное, хорошо.

— А мне искрами щеку обожгло, — пожаловался Армен. — Шварц, ты себя-то покрывалом

заслонил, а о других подумал? Знаешь, как лето-ло? Метра на два.

Его тоже не слышали.

Наверху три десятка смартахусов обрывали телефоны, докладывая всем, кому положено, что у них стряслась беда — не запускаются генераторы, и электричества осталось максимум на полчаса, а потом уж, вы извините, они ни за что не отвечают.

Старший охраны, сжимая руками забинтованную голову, тупо глядел в стол. В домике КПП не было ни одного целого стекла, и от забора на протяжении нескольких сот метров одни столбы остались. Служебные автомобили чудом удалось спасти, отогнав их в глубь поселка. Туда черная толпа не лезла — опасалась, видимо, что приедут-таки полиция.

А старший записал себе на память в блокноте неверной рукой: винный магазин неподалеку от КПП любой ценой ликвидировать раз и навсегда.

Уткнувшись в фундамент дома, Шварценгер облегченно вздохнул. Фрагмент стены, в котором скрывались трубы, дополнительно не укрепили. Решили, наверное, что это будет уже перебор и паранойя.

А вот сам Шварц, дай ему волю, основную защиту именно тут бы навернул. Он в прошлой, московской, жизни был автослесарь, а по первому образованию вообще строитель, и прекрасно знал, как укрепляют от взлома, например, гаражи. Даже самые кирпичные. На самом бетонном фундаменте. Вот что вы думаете, чем их вскрывают? Домкратом. Крышу поднимают. Делов-то.

А замки срывают машиной. Ну, обычной, на колесах. Зацепил тросом и дернул. Все тот же закон лома — главное, знать, как его применить.

— Шевелитесь, ребята, — торопил Дима. — Отстаем от графика. Еще черт его знает, чего там внутри. Может, стена усилена.

— Не хочу показаться умником, коллега, — просипел Армен, сражаясь с дрелью, которая у него за что-то зацепилась, — но все же напоминаю — мы на территории Ю-Эс-Эй. Ничего там не усилено. Две заглушки в тоннеле — и то для америкосов много.

— Что скажешь, Шварц?

— Инструмент давай, вот чего скажу. И это... Берегите уши и дышите в тряпочку.

— Респираторы надеть, — скомандовал Дима, — затычки вставить.

— Сдохну я в наморднике, — пожаловался Армен.

— Сейчас будет очень много пыли. Забыл, что ли, как в прошлый раз?.. Надевай.

Шварценеггер принял от Армена дрель и принялся долбить стену, втайне молясь, чтобы с другой стороны не оказалось решетки из стального уголка или чего-нибудь в этом роде. Шварц устал.

Позади Армен опять заходился в кашле, а Дима просто лежал, с трудом втягивая в себя горячий воздух сквозь фильтр респиратора, и думал, какой же он идиот, что так давно не занимается спортом. Волоочь за собой полкилометра кабеля, пусть и очень тонкого, оказалось несколько труднее, чем он рассчитывал. Труднее эдак раз в пять.

Шварц долбил, пыль летела.

Этажом выше смартаус дожевал остатки электричества, принял решение заснуть, сделал перед сном то, чему его учили, и с чувством исполненного долга впал в анабиоз.

Едва в стене образовалась дырка размером с кирпич, Шварц тут же просунул внутрь зеркальце и принялся его ворочать, отыскивая подвох. Но похоже было, что Армен оказался прав. Американцы недооценили способности русских сокрушать, ломать и портить все на своем пути. Их здесь не ждали.

Шварц даже усмехнулся на радостях. Точнее, нервно хихикнул. «Это перевозбуждение, ну-ка, успокойся», — сказал он себе и продолжил долбить с удвоенной силой. Кирпичи так и сыпались под его напором.

Пробитая насквозь стена теперь уступала быстро. Тем более что вгрызался в нее специалист, во время оно не только руководивший возведением стен, но и успевший лично подержать в руке мастерок. Приличных размеров лаз образовался за считанные минуты. Шварц отложил дрель и нырнул в подвал.

Это помещение разительно отличалось от подвала в том, предыдущем смарте. Тут жили. Полочки, баночки-скляночки, ящики, коробки...

— Ха-ха! — Шварц даже подпрыгнул на радостях и побежал к двери, ведущей на первый этаж. Такая же. Для фрезы не препятствие. Вжик — и готово.

— Армен! Давай сюда дрель и болгарку, остальное пусть лежит. Дима! Кабель подтягивай. Нам много кабеля понадобится — вдруг там сейф?

Громоздкий Армен в лазе едва не застрял. Шварц вдернул его внутрь подвала за руки.

— Винни-Пух пошел в гости и чуть не попал в безвыходное положение! — сообщил Армен, ваясь на пол.

— Вы чего там ржете? — спросил из тоннеля

Дима и рассмеялся сам. — Лучше помогите кабель дернуть, сил моих больше нет его тянуть.

— Легко! — согласился Армен. Он от души рванул кабель, вытянув изрядный кусок, потерял равновесие, снова упал и залился радостным смехом. Глядя на него, расхохотался Шварценеггер.

В дыре показалась ухмыляющаяся физиономия Димы.

— Праздник, а? — спросил он. — Праздник. Доползли. Пролезли. Ладно, Шварц, давай, кромсай дверь.

— Тебе как ее — кусочками или совсем в лапшу?

— В капусту! Ха-ха-ха!

— Ой, мамочки, не могу! — катался по полу Армен.

— Мужики, а мужики, — пробормотал Шварц, с трудом сдерживая приступы хохота. — Вот я респиратор надел, а он не помогает. Гы-ы!

— Ну и рожа у тебя, Шарапов! — сообщили ему поделщики и зашлись уже всерьез.

— Что делать-то? А-ха-ха? — не унимался Шварц.

— Вешаться! Ой! Ай! Гы-гы-гы!!!

— У меня же от смеха фреза из рук выпадет, ха-ха-ха-а!!! Я себе отрежу чего-нибудь... Ха-а!!!

— Димка, ты слышал, чего он себе отрежет?!

— Ха-ха-ха!!!

— О-ой...

— Я убью эту сволочь! — заржал в полный голос Дима. — Я ее, ха-ха-ха, зарррээжу! Ска-а-ти-и-на!!! Как детей нас... Ха-ха-ха!!! Как маленьких... О-о-ой...

— Почему респиратор-то... Гы?

— Потому что это га-аз! Ой, умора... Ой, мне плохо... Ой, назад полезли... Живо! Бросайте все, уходим, пока можем! Ха-ха-ха!!! Армен! Ты щас до

того досмеешься, что мышцы сведет! Ха-ха-ха! Будешь валяться тут... Ха-ха-ха... Как овощ... У-уй...

— Димка, молчи лучше! — Шварценеггер, не переставая давиться от смеха — он уже буквально весь в слезах был, — заталкивал в дыру Армена.

Дима тянул его на себя из тоннеля.

Они справились.

Они отползали по тоннелю, пока вконец не обессилели и не остались лежать на трубах, распластанные, полуживые.

— Почему мы не взяли противогазы? — сто-
нал Шварценеггер.

— Почему мы не взяли динамит?! — рычал в
ответ Дима. — Или уж сразу атомную бомбу?!

— Как проветрить этот подвал?!

— Да никак, вот как! В тоннель почти не тя-
нет. Можем тут валяться хоть до посинения. Черт
побери, я совсем ничего не знаю про эту дрянь —
закись азота, кажется...

— А если быстро вскрыть дверь и — внутрь?

— Да там, на этажах, газа будет вообще по
уши! Спорю на что угодно. Это же защита от чу-
жака, последняя линия обороны. Через какую
дверь ни входи — обхохочешься...

— В общем, — заключил Шварценеггер, —
День Родни Кинга прошел бездарно. Тьфу!

— Инструмент жалко, — сказал Армен. — А то
смотреть за ним?

— У тебя силы есть? У меня лично нет. И нам
еще обратно ползти. Триумфальное выползание
на свет божий. А все я, кретин! — Дима от души
врезал кулаком по трубе. — Простите, ребята. Не
надо было этого делать. Говорил мне дядя Мат-
вей — зажди в кулак самомнение...

— Я вроде еще ничего, — сказал Шварценег-

гер. — Могу в самом деле за инструментом слетать. Не развалюсь. Наверное.

— Слушай, Шварц, — произнес Дима медленно и раздумчиво. — А там ведь есть чего запалить, в подвале-то.

Вдруг стало очень тихо. Даже Армен перестал горлом хрипеть.

— Ты... Ты... — Шварценеггер подумал и нашел аргумент: — Дима, это не по-нашему. Гадом буду, вот не по-нашему — и все.

— Ты не смей портить дом, — сказал Армен. — Дом тебе чем виноват? Только попробуй, я тогда просто уйду, мамой клянусь.

Дима молчал.

— Это хороший дом, — сказал Шварценеггер. — Ну, хозяин у него падла, а сам домик-то отличный. Умный. Смарт.

— И у меня такого никогда не будет... — вздохнул Дима. — Ладно, мужики, не слушайте. Это я так. Разозлился очень. Захотел нашего клиента за больное место укусить.

— Ты лучше его на бабки разведи, которые он нам должен, — посоветовал Шварценеггер. — И с процентами.

— ...А эта жадина американская попробует меня в отместку посадить. Верно Армен сказал — клиент нас ни капельки не боится. И вообще, разводить на бабки — не моя профессия, — твердо сказал Дима, переворачиваясь на живот, чтобы снова ползти.

— Ну и глотай тогда пыль до конца жизни, — буркнул Шварценеггер.

— Чего?

— Я говорю — пыльно очень.

— В следующий раз возьмем дыхательные аппараты. Ну, за мной!

— Следующего раза не будет, — сказал Армен

тихонько, чтобы Дима не услышал. — Потому что в дыхательном аппарате я сдохну точно.

Шварценеггер одобрительно похлопал его по ноге.

Дима сидел над схемой поселка трое суток, обрастая щетиной и худея лицом.

— Вот если бы дом стоял ниже уровня моря... — бормотал он. — Тогда имело бы смысл пробить дамбу и немножко все затопить. А если бы железная дорога проходила на километр точнее... Небольшой кусочек товарного поезда, вагонов двадцать-тридцать, пустить под откос. А если... Нет, лесные пожары обычно с другой стороны города. Да и жестоко это — лесной пожар...

— Может, все-таки сделать землетрясение? — спрашивал Армен. — Тем более Эл-Эй уже трясло, местным не привыкать.

Но Дима шуток больше не понимал. Его заклинило.

Шварценеггер, предложивший дожидаться следующего Дня Родни Кинга, был в ответ послан необыкновенно далеко.

Уяснив, что их лидер и друг буквально на глазах теряет человеческий облик, Шварц с Арменом почувствовали себя крайне неудобно.

— Сам погибнет и нас загубит! — сказал Армен. — Что делать, а? Не бросать же его. А вообще... Как мне все это надоело!

— Честно говоря, мне тоже, — признался Шварц. — Есть такая мысль, что пора завязывать. Но тем не менее сперва надо Димку привести в чувство. Пойдем, что ли, Мэту в ножки кланяться. Может, он протрезвел уже.

— И что умного предложит Мэт? Угнать де-

сять бетономешалок, два шагающих экскаватора и один дирижабль?

— Дирижабль-то зачем?!

— Из любви к искусству...

Мэт у себя в мастерской безуспешно пытался выйти из запоя, спровоцированного удачной диверсионной акцией.

— Я же полковник, едрена матрена! — заорал он, едва заведя ребят на пороге. — Я же номенклатура ГРУ! Вы поставьте мне достойную задачу! Чтобы я ее достойно выполнил! Чего вы мне подсовываете какие-то угоны дурацкие и тараны дебильные! Угнать и протаранить любой араб может! А я вам не террорист-любитель! Я советский диверсант! Профессионал! Мастер саботажа! Пошлите меня на Уолл-стрит обрушить Доу—Джонса!

— Дядя Матвей, а дядя Матвей, — заканючил Шварценеггер. — Выручай, слушай...

— Пошлите меня в Пентагон! — потребовал Мэт, размахивая любимым граненым стаканом, вывезенным с исторической родины. — Я же там все дырки знаю!

— Та-ак, случай тяжелый, уговоры не помогут, — заключил Армен. — Будем действовать жестко.

С этими словами он молниеносным движением вырвал у Мэта из руки стакан. Полковник ГРУ уставился на свой опустевший кулак и озадаченно притих.

— Это ж надо — довести себя до такого состояния! — рывкнул Армен. — Почти как Димка!

— А что с мальчиком? — заинтересовался Мэт. — Слышь, посуду отдай. Разобьешь еще.

— Мальчику нужна помощь. Он втемяшил се-

бе в башку, что должен взять этот проклятый смарт.

— Ну и пусть берет, — милостиво разрешил Мэт. — Пусть вообще забирает. Пусть хоть поселится в смарте. Прямо в этом! Кстати, отличная мысль! Спорю на что угодно, парню сразу полегчает.

— Легко сказать... — вздохнул Шварценеггер.

— Сделать тоже не проблема!

— Э... Это как? — осторожно спросил Шварценеггер, на всякий случай отодвигаясь от Мэта подальше. — Каким образом?

— Хм... Да хотя бы по закону лома!

Состоятельный мужчина средних лет вышел из автосалона, где только что заказал себе «БМВ»-«семерку» последней модификации, и вдруг прямо на тротуаре испытал острое желание провалиться сквозь землю. Потому что рядом с его черным «Кадиллаком Севиль» притормозила целая кавалькада «Мерседесов». Из тех, что покорооче, вышли русские нехорошие парни, в изрядном количестве. А из самого длинного высунулась такая морда, каких даже в кино не показывают.

— Дедборн, — представилась морда. — Зьяма Дедборн.

— Я вижу... — пробормотал состоятельный мужчина. — Э-э... Дсньги будут, мистер Дедборн. Я за все заплачу. Честное слово, деньги будут!

— Деньги? — ухмыльнулся Зяма (мужчина от этой ухмылки схватился за сердце). — Деньги не надо. Но говорят, у тебя замечательный дом.

— Кто говорит?.. — просипел мужчина.

— Один молодой человек. Садись ко мне, поедем посмотреть твою умную недвижимость.

Мужчина деревянно прошагал к «Мерседесу».

Он был вообще-то далеко не трус, но, как и все нормальные люди, очень хотел жить. И имел достаточный опыт, чтобы знать, когда можно строить из себя ковбоя, а когда — совсем не нужно.

— Этот молодой человек, — сказал Зяма, когда захлопнулась дверь и «Мерседес» тронулся, — хочет приобрести твой смартхаус.

— Почему именно мой?! — простонал мужчина.

— Он ему понравился. Очень понравился. До такой степени, что молодой человек готов заплатить тебе... Десять тысяч. Думаю, это справедливая цена. И ты знаешь, почему она справедливая. И еще ты знаешь, что с тобой приключится, если мы в этой цене не сойдемся.

У мужчины перехватило горло. Ему потребовалось некоторое время, чтобы отдышаться и потом уже выразить свое отношение к происходящему.

— Будь проклят тот день, — сказал он с чувством, — когда мне взбрело в голову связаться с русскими!

— Меня предупреждали, что ты расист, — кивнул Зяма. — Ты не волнуйся, говори свободно. Нас, бывших советских людей, расистские выпады не трогают. А вот Большой Али наверняка к тебе обратится по этому вопросу. И китаезы желторылые, я слышал, тоже чего-то хотели тебе сказать...

Мужчина откинулся на сиденье и прикрыл глаза.

Что интересно — поселившись в смартхаусе, Дима навсегда оставил ремесло взломщика. Может, потому, что русская община собрала ему приличную сумму денег: все-таки не в даунтауне

живет человек, нужно соответствовать. Может, из-за того, что одна уважаемая фирма, как нарочно, именно в те дни обратила внимание на его резюме, и у Димы вдруг появилась настоящая работа. Может, еще женитьба повлияла.

Но Армен и Шварценеггер, когда их всем миром провожали в Россию, спьяну проболтались: Дима им признался, что просто решил красиво уйти. Как олимпийский чемпион уходит из спорта на пике карьеры.

Ведь он все-таки ограбил смарт. Взял.

Ну, почти.

2002 г.

Вредная профессия

С утра пораньше звонит налоговый и ласково так говорит:

— Ну че, Сикорский, вешайся. К те москвич с проверкой двинул.

У меня кусок яичницы поперек горла — хрясь! Сижу, кашляю, глаза на лбу, душа в пятках.

— Эй! — кричит налоговый. — Старик! Не так буквально! Давай вылазь из петли. Мож, обойдется еще...

Отдышался более-менее, кофе хватанул, язык обжег. Весело день начинается, одно слово — полярный.

— Какого черта этот москвич ко мне поперся? — в трубку бормочу. — Он же вас проверяет, вас!

— В том-то и дело, что нас. В квартальных файлах ковырялся и вдруг спрашивает — эт че еще за хрень, «КБ Сикорского»? Мы ему — нормальное АО, как хочет, так и называется, имеет

право... А он — да не, я интересуюсь, откуда у вашего Сикорского такие льготы нечеловеческие? Какой сумасшедший с какого потолка ему все это срисовал? Судя по схеме налогообложения, там вообще не коммерческая фирма, а государственный интернат для инвалидов детства... Ну, я и...

Замаялся налоговый, вздыхает тяжело. Изображает, будто у него совесть есть.

— Че ты? — спрашиваю, а в общем-то, уже догадался, чего он. Иначе бы не позвонил.

— Ты извини, — говорит, — старина. Ну затрахал он нас, понимаешь? До ручки довел. У меня прям само вырвалось — раз вы такой недоверчивый, господин советник первого ранга, так подите и лично оцените, чем Сикорский занимается и почто у него эдака бухгалтерия. Мол, были сигналы — не вертолеты он там конструирует...

— Спасибо, — говорю, — дружище. Век не забуду.

А сам уже в прихожей, куртку надрючиваю. Теперь на всех парах в ангар. Только бы успеть раньше москвича. Прямо вижу эту сцену — является дурак столичный с наглой рожей, удостоверением размахивает, финансовую отчетность требует, а ребята от него — кто по углам, а кто и под стол. Перепугаются, неделю потом работать не смогут от заикания и трясения рук. А с городом что будет? Одна у нас бригада такая уникальная, другой нету.

— Ткнул бы ты его в дерьмо носом, а, Сикорский?

— Размечтался! Как бы навыворот не вышло...

— Но у ты ж с документами порядок! Или нет?! — тревожится налоговый.

— Это единственное, с чем у мя порядок! — рычу и выкатываюсь за порог.

Опять двадцать пять. В смысле минус столько

Цэ. По-нашему, тепло. Подогреватель успел машину самую малость раскочегарить, завожусь легко. Первым делом схему города на дисплей. Та-ак, где мои героические сотрудники? Похоже, все еще ковыряются на Космонавта Мельника. От сердца малость отлегло. Вызываю техника-смотрителя.

— Пробили! — орет. — Вот прям тока что пробили затыку! А из колодца как хлестанет! Фонтаном! Игорь, ты не поверишь, у нас тут на всей улице от стены до стены — по колено... Ладно, с божьей помощью вычистим. Ты не волнуйся, шас мы твоих каскадеров отмоем и мигом подвезем.

— Не надо мигом! — умоляю. — Медленно ехай, понял?

— Не-а. Че случилось?

— Если медленно поедешь, ниче не случится. Просто к нам в ангар прям шас топает целый налоговый полковник из самой Москвы. А ты ж моих ребят знаешь... Короче, надо, чтоб я этого страшного дядьку встrel и подготовил.

— А-а... Ну, минут сорок-то я нашаманю, но больше че-то не хочется. Они, понимаешь, по тебе дико соскучились. Нервные уже, у Кузи опять глаз дергается.

— Полчаса вполне хватит. Дергается, говоришь?.. Ниче, передергается.

Трогаюсь с места, а сам думаю — передергаться-то оно, конечно, передергается. И вообще, Кузе надо привыкать хоть полегоньку, но общаться с нормальными людьми. А то вот убздыхнет меня по весне сосулькой, или, допустим, в катастрофу на машине въеду — и как тогда?.. Но все равно Кузю ужасно жалко. Если глаз у него — значит, к краю близко. Не может Кузя без меня

подолгу. Целую ночь бригада на Мельника возилась, я в кои-то веки нормально выспаться успел.

Так, что нам еще нужно? У ребят привычка — как вернуться с пробоя, сразу ко мне в кабинет лезут. Не-ет, сегодня этот номер не пройдет. Звоню офис-менеджеру.

— Баба Катя! — кричу, едва на том конце трубку сняли. — Тревога! Шухер! Бегом в ангар! Станешь на входе, бригаду перехватишь и в жилой отсек ее загонишь! Чтоб никто ко мне ни ногой, пока сам не разрешу!

А в трубке внук ее спокойно так:

— Здравствуйте, дядя Игорь. Вы че, забыли, у бабушки отгул сегодня. Она к маме уехавши, в шестой район. Свечи повезши и лампу керосиновую, там у них с полуночи электричества нет.

— Зачем свечи, если и так светло?

— Это вы, дядя Игорь, у них спросите.

Из шестого района баба Катя к ангару вовремя никак не поспевает. Кто еще может перевозбужденную бригаду утихомирить? Разве психолог, который с нами работает. Вызываю. Блокирован номер. Значит, работает психолог. Только, увы, не с нами.

Если все сегодня обойдется, премию себе выпишу ненормальную. В психопатологическом размере.

Контора у нас на отшибе, считай, за городской чертой, здоровый такой ангар. Удобно — я прямо внутрь заезжаю через подъемные ворота и у двери своего кабинета торможу. Вот она, конура родная, — тепло, светло, целая стена завешана грамотами от мэрии, в аквариуме жабиус дрыхнет. Сразу как-то легче на душе. Только вдруг телефоны звонить начинают — и на столе, и в кармане разом. Подношу к ушам обе трубки и слышу

в реальном стерео трубный рев дорогого нашего градоначальника.

— Сикорский хренов! — мэр орет. — Че, этот хрен московский у тебя уже?

— Ждем-с, — отвечаю. — Хорошо, успел я, а то боязно за ребят. Вдруг он кусается или еще че...

— Ребята... Че ты мне про ребят, твои интеллигенты хреновы всего Космонавта Мельника на хрен засрала, десять хреновых цистерн туда ушло художество ихое вывозить!

— А че вы хотели? — спрашиваю. — Там же уклон, и в самом низу затыка. Давление прикиньте! По нашим расчетам просто обязано было пернуть, иначе никак. А Мельнику по фигу, он космонавт. И не такое небось видал.

— Ты у меня, на хрен, дошутишься! Язва, понимаешь, сибирская! Слышь, Игорь, хрен с ним, с Мельником, у меня к те разговор серьезный.

— Закон такой есть, — говорю, — «под давлением все ухудшается!» Физика.

— Это ты про че?! — удивляется мэр.

— Про затыку под давлением. Затыку пробили, давление получило выход и пернуло. Че теперь, не пробивать больше?

— Да забудь ты, на хрен, про свое давление пердящее!

— У меня-то давление нормальное. Утром тока мерил. Сто двадцать на семьсят. Хоть на Марс запускай вместо Мельника вашего ненаглядного.

— Я Мельника этого не просил у нас в городе рожаться... — отдувается мэр. — Слышь, Игорь, ну прости. Не хотел на тя орать. С самого утра как начались форсмажоры... В шестом районе отвал подстанции — знаешь, да? Потом у связистов какой-то облом системы загадочный, сидим теперь без спутника. А шас звонят — сына из школы грозятся выгнать, педагоги хреновы! Ну, думаю, хва-

тает неприятностей для одного-то дня... Ниче подобного! Ты представь — какой-то тундрюк бухой прямо у мя под окнами на снегоходе в «Макдоналдс» въехал. Через витрину. Ну че, ну вот че тундрюку надо в этой хреновой бигмачной?!

— Вкус сезона попробовать, — говорю. — Фирменную приправу «МакСпирит». О, как ласкает тундрюкское ухо это знакомое — нет, я бы даже сказал — знаковое слово!

— В общем, Игорь, я че решил. По закону ты не обязан докладывать налоговнику о характере своей деятельности. Верно? Ну, вот и не говори, чем именно занимаешься.

Я от такой резкой перемены темы малость дурею, трясую головой и тут понимаю, что до сих пор сижу, как последний у-о, с двумя трубками.

— В документах че записано — Сикорский предоставляет городу инжиниринговые услуги, так? Документы у тя в порядке, я знаю. Начнет москвич докапываться, какие такие услуги, скажи — идите на хрен, вертолеты конструирую, и ваше, у мя секретное КБ.

— А он ко мне после этого с прокурором не явится? — сомневаюсь.

— Прокурор ему сам явится! — мэр заверяет. — В кошмарном сне. Так и сказал — пускай тока ко мне сунется, я из этой евражки сошью варежку. Он знаешь где живет, прокурор-то? Из коляски не вывались — на Космонавта Мельника! Прокурору твои услуги, эта... — инжиниринговые! — не реже чем раз в неделю требуются.

— Ну, если прокурор...

— Тока не проболтайся, а?

— Да мне болтать ваше незачем. И так за сто шагов до ангара понятно уж, че за конструкторское бюро. Очень секретное.

— Мож, не собразит. Главна штука, молчи.

Я даже представить боюсь, какая вонь подымется, если москвич узнает, до чего тут у нас все запущено.

— Насчет вони, — киваю, — это вы прямо в дырочку.

Градоначальник мою аллегория игнорирует, советует мужаться и отключается. Кладу трубки по местам. Сажу, жду москвича, кошусь одним глазом на компьютер с бухгалтерией, другим — на ящик с бумажной документацией. Руки так и чешутся лишний раз все проверить. Э-эх, была не была! Ворошу бумаги, прикидываю, к чему москвич придаться может. И тут стук в дверь. Начальственный такой.

— Милости просим! — весело почти кричу. А поджилки-то трясутся. И мэр накрутил дальше некуда, и самому неуютно. Если обещанная вонь действительно поднимется, «КБ Сикорского» через полгода-год можно будет закрывать. Фирму жалко, а особенно жаль ребят — ну кому они, кроме меня, нужны...

Заходит страшный московский дядя. И вправду страшный. Здоровый шкаф, морда кабанья, взгляд свирепый. Носом крутит. Принюхивается.

— Здравствуйте, — хрюкает. — Полковник Дубов, налоговая полиция, внеплановая проверка... — И прямо-таки жрет меня круглыми пороссячими глазками.

А у вашего покорного слуги видок подозрительный донельзя — бумажками обложился, ни дать ни взять злостный неплательщик и уклонист от налогов по-быстрому бухгалтерию подчищает.

— Кто тут Сикорский?

Я аж оглядываюсь — да вроде нет больше никого в кабинете, только жабиус. Он, конечно, зверь для своей породы ненормально крупный,

но все равно его за генерального директора даже с пьяных глаз не примешь.

— Я Сикорский, я. Вы присаживайтесь, господин полковник.

— Благодарю. Слушайте, а откуда запах такой жуткий? И на улице, и внутри. Канализацию пробило?

Засмеялся бы, да боязно, чересчур свиреп на вид полковник, не поймет юмора. У нас в городе про канализацию «пробило» — самое ценное слово. Потому что, значит, до этого ее намертво забило. Как давеча на Космонавта Мельника. А если забило — то, получается, что? Получается, должен прийти тот, кто умеет ее пробивать.

Ну, а к запаху мы все привычные. Я не в том смысле, что только мы — «КБ Сикорского», — а вообще местные. Жизнь такая.

— Да здесь, — говорю, — на пригорке, роза ветров косая. Особенно по вторникам — че тока сюда не несет. Тундрыки еще в позапрошлом веке жаловались, сам в городской хронике читал.

Ну, чес-говоря, про аборигенов я малость того.

В вечной мерзлоте фекальная канализация вообще плохо себя чувствует. Холодно ей, болезненной. Тем более нашей, которую при царе Горохе тянули, наспех да неглубоко. И городишко раньше малюсенький был. Но худо-бедно дерьмо по трубам плавало. А сейчас тут опорная база громадной добывающей компании. Народу тьма, домов новых понатыкано, а сети-то коммунальные к чему подключали? К старой дохлой системе с узкими коллекторами, замкнутой на слабенькие отстойники. Да и качественный состав дерьма радикально изменился. Лет тридцать-сорок назад что по коллекторам текло — оно самое, газетами разбавленное. Так сказать, родственные материа-

лы. А теперь народ чего только в унитазы не кидает, особенно милые дамы, хоть и запрещено это строжайше. Ну и клинит поток. Жуткие пробки образуются, дерьмо на улицу прет, а там его морозцем прихватывает — и вообще конец. Да и под землей потоку застаиваться ни в коем случае нельзя. Мало того, что мерзлота, так еще и ненормальная, перемерзшая — мы ведь кристаллический газ разрабатываем.

— Чем же это тянет? — Полковник снова нюхает и окончательно косорылится. — И откуда? У вас офис насквозь провонял. Чистый сероводород. Неужели с комбината?

— Не-е, природный газ вовсе не пахнет, в него потом специально меркаптан добавляют. Я говорю — роза ветров. Кто его знает, че летит да откуда. Мож, олень в тундре слдох...

М-да, про оленя — это я тоже слегка не очень.

Год назад комбинатские раскошелились и прекрасную регенераторную построили — вон она, рядышком, километра не будет. Только смысла в ней почти никакого, пока трубы под землей старые лежат. Эх, наврать бы полковнику, что это с регенераторной вонищу несет, — так ведь не пахнет, зараза! Словно не дерьмо через себя гоняет, а газ, будь он неладен.

То, что здесь под ногами газа хоть задом ешь, давно открыли. Только он у нас будто прессованный, в кристаллической форме. И вот, наконец-то догадались, как его добывать и в дело пускать. Вполне безопасным методом, хоть в подвале собственном копай. Ура-ура, роют шахтищу, ставят рядом комбинатище, набивают город населением под завязку, все замечательно. Только совсем не замечательно вышло, когда промышленная разработка началась. Пока опытные партии добывали, побочных эффектов не было. А как принялись

этот самый газ мегатоннами сквозь верхние слои почвы выволакивать, ее — почву — проморозило на всю катушку. Вместе, сами понимаете, с трубами. Ладно, воду подогревать можно. А дерьмо?! В каждый унитаз по кипятильнику?! Или прикажете комбинату закупить биотуалетов на полста тыщ народу, да еще и, главное, постоянно снабжать их реактивами?

То ли дело тундры — при любой погоде во чистом поле оправляются, и хоть бы что. Аж завидки берут. Веселые ребята. Примерно раз в месяц съезжаются к комбинату на снегоходах, в воздух из берданок палят и орут хором: «Русский, волка позорная, уходи свой Россия! Оккупант-империалиста, твоя мама фак, рашен гоу хоум!» Комбинатские тут же им пару рюкзаков огненной воды — на! Аборигены водку хватить и обратно в тундру. И все жутко довольны. Вот тоже загадка природы — на водку у начальства всегда деньги находятся. А канализацию специальную высокоширотную проложить — нехватка средств.

Есть, конечно, вариант нарубить в мерзлоте ям, чтобы весь город туда с ведерками бегал. Но вы сами представьте, сколько придется людям за дискомфорт приплачивать и как дружно они от такой жизни алкоголизмом заболеют. Весело, да — выскакиваешь из подъезда с ведром дерьма, полным до краев, вокруг минус шестьдесят, в организме ни грамма... Нереально. Психика не выдержит. Мы ж не первопроходцы какие, а простые трудающиеся.

Короче говоря, чтобы городская фекальная система работала, в ней должно идти непрестанное шевеление. Которое нужно как-то обеспечить. То есть пробки выявлять и немедленно пробивать.

Чем и занимается акционерное общество за-

крытого типа «Конструкторское бюро Сикорского».

Я сначала хотел контору назвать просто, как в том анекдоте: «Сливочная». А потом думаю — какого черта? Работа серьезная, ответственная, инженерного подхода требует... И вообще я парень с юмором. Вроде бы.

— А что за зверь удивительный в аквариуме? — полковник огляделся и на жабиуса толстым пальцем указывает.

— Жаба, — говорю. Без неуместных комментариев.

Вообще-то наш зверь — Жабиус Говениус Рекс. Из-за него Михалыч с перепугу сознание потерял, когда жабиус прямо ему на ногу выпрыгнул. Увлекаемый бурным потоком. Из очка в женском туалете достославной мэрии. Как он в нашу канализацию угодил, как там выжил — загадка. Обогрели зверя, приютили. Гордимся теперь. Директор комбината по части рептилий малость двинутый, у самого игуана дома живет, так он на нашу жабу глянуть специально приезжал. Долго рассматривал, языком цокал, а потом сказал: «Надо же, и цвет какой, прямо маскировочный!» А какой еще может быть цвет, если жабиус, научно выражаясь, чистой воды — точнее, уж чистого дерьма — канализационный эндемик?..

— М-да, — говорит полковник, разглядывая жабиуса. — Издалека везли? Африка небось?

— Вроде того, — соглашаюсь. Один черт. Либо у меня денег куры не клюют, либо я врать записной. И то и другое для налогового полицейского, считай, чистосердечное признание в воровстве.

Вот положение дурацкое! И знаю ведь точно, что ничего криминального полковник у меня не нароет, — все равно сердчишко екает. Эх, испор-

тило русских засилъе бюрократии, трусами сделало. Недаром мы нет-нет, а тундрюкам позавидуем. В «Макдоналдс» на снегоходе... Да-а. Про таких народ говорит — «не зря прожил жизнь».

И тут слышу — дизеля. Урчат на подъеме, тяжелое волокут. Так это же цистерны! Громадные цистерны с подогревом, дерьмо с Космонавта Мельника на регенераторную везут. Аккурат мимо ангара нашего. Ур-ра-а! Ничего выдумывать не надо, так и скажу полковнику — да вот откуда запахи...

А полковник в это время достает платок, зажимает им нос и теперь уж совсем не в переносном смысле хрюкает:

— Ладно, приступим.

Только приступить у нас не выходит, потому что один из дизелей вдруг надсадно взрывается у самого крыльца, будто ангар таранить собрался. Правильно сориентировать московского гостя, подготовить к встрече с бригадой я не успеваю. За стеной раздается жуткий грохот, и сквозь уплотнитель на двери кабинета пробивается такая вонища, что даже мой тренированный нос морщится. Дезинфекция, она похлеще дерьма будет раз в десять.

— А это что еще такое?! — Выше платка москвич заметно наливается кровью.

— А это, уважаемый, — говорю, — вернулась с работы бригада пробойников!

«Хрен ли нам теперь?» — сказал бы в такой ситуации мэр. Вот и мне уже — не хрен.

— Ко-о-го бригада?!

И тут парни вваливаются в кабинет. Впереди Кузя со своим дергающимся глазом.

— Пробили! Игорь, мы ее пробили!

Полковник уже не краснеет, а, напротив, бледнеет. Ребята все, как один, в списанных ар-

мейских боевых скафандрах, только шлемы снимали. А у Кузи в левой клешне — его любимая пропыра. И машет он ею в воздухе довольно опасно.

В общем, зрелище то еще.

Вонизьма тоже не дай бог.

Полковник сидя обалдевает. Впрочем, мне сейчас не до него, я смотрю на ребят, оцениваю, в каком они состоянии. Вроде ничего. Растут парни. Великая штука — трудотерапия, если грамотно ее применять.

Тишка мне издала кивает, отстегивает варежки и лезет к аквариуму жабиуса кормить. Михайч пытается вперед мимо Кузи пролезть и в ухо пропырой не схлопотать. А Кузя знай себе лопочет, рассказывает, как замечательно они сегодня пробили. Я его речь довольно хорошо разбираю — привык за пять лет, ёлы-палы, — но как раз сегодня меня сомнения одолевают. Потому что дешифровка Кузино лепета следующая: когда парни уже всякую надежду потеряли осилить затыку, вдруг родилась блестящая идея — не продавливать, а разбивать.

Изобретатели хреновы, они взяли Кузю за ноги и головой вниз с пятиметровой высоты в магистральную трубу бросили! А он пропыру в клешнях зажал, перед собой выставил... Ну, и вонзился в мерзлую какашку. И таки расшевелил ее.

«Пропыра» — это Кузя сам название выдумал. Четыре лома, сваренных вместе пакетом, и на конце железяка от топора-колуна, самого здорового, какой смогли найти. У нас, конечно, не только ручной пробойный струмент — техника всякая тоже имеется, — но, когда нужно в тесном коллекторе затыку расковырять, лучше пропыры ничего не придумаешь. А в боевом скафандре экзоскелет и сервоприводы, мы это дело слегка уси-

лили — знай себе дерьмовую мерзлоту пырей и в ус не дуй. Конечно, вместо штатных перчаток ставим варежки-клешни, иначе струмент не удержишь. Пять штук мне скафандров комбинатские снабженцы добыли, не знаю уж как, но вроде по закону все, списанная амуниция.

— Послушайте, Сикорский... — Глаза у полковника совсем освиневшие. — Это что за сборище дебилов? Вонючих... Чем ваше так называемое «бюро» занимается?!

А у меня вдруг настроение приподнялось, ведь живы-здоровы парни, да еще затыку пробили. Задача выполнена, любимый город может гадить спокойно. Так чего мне бояться? Ну, и отвечаю я москвичу:

— Известно, чем занимается. Вертолеты конструирует!

Тут-то Михалыч шутку и испортил.

У Михалыча самый высокий в бригаде айкью. Под семьдесят. Но когда на тебе боевой скафандр, кустарными способами приспособленный для работы в замерзшем дерьме по уши, интеллект не спасает — любое человеческое помещение для тебя что посудная лавка для свежерозмороженного мамонта... Михалыч пробует обойти Кузю, неловко поворачивается, задевает полковника и роняет его на пол вместе со стулом. Прямо сносит.

Полковник не кричит, а визжит — свинья, она и в тундре свинья, — ему больно, его приложила бронированная махина в десять пудов. Кузя перепуганный отпрыгивает в сторону, роняет пропыру — вот уж повезло — и тарашится на полковника, словно тот не со стула, а с Луны свалился. «Кузя!» — зову я, мне важно отвлечь парня, у него была раньше манера от страха закрывать лицо руками, а клешни-то он не снял, никак я их не оту-

чу, чтобы, отстегнув шлем, первым делом свинчивали клешни...

— Не-ет! — ору.

Это Михалыч, намеренный исправить ошибку и загладить вину, нагибается и хватает полковника выше локтя страшной железной варежкой с усилителями.

— Звините-пжалста-я-больше-не-буду! — выстреливает наш умник покаянную фразу, которую еще в первой группе интерната на всю жизнь затвердил.

Конечно, Михалыч хочет полковника на место посадить, легко и непринужденно, будто ничего и не было. Он сейчас двоих таких кабанов на одной руке поднимет. Сжимается варежка.

— Сто-о-ой!!! Все назад! — кричу, а сам прикидываю, мне как, уже сегодня в коллекторе утопиться или погода чуток?

Полковник живучий оказался. Вырвался и прямо на трех костях, не переставая быть, из кабинета бросился, головой дверь вышиб и куда-то ускакал.

В тундру, раны зализывать.

Тишка в наступившей тишине произносит:

— Н-ну, мэ-мэ-мэ... Михалыч. Н-ну, ты и мэ-мэ-мэ... Идиот.

Это значит, он Михалыча осуждает, но слегка. Они когда хотят кого-то всерьез оскорбить, говорят «у-о». Еще одна привычка интернатовская.

У Тишки ай-кью вообще нет. Он тесты проходить отказывается, и все. Обходными путями ему полтинник насчитали. Занизили, думаю.

Михалыч соображает, чего натворил, — и в плач.

Кузя видит, что Михалыч расстроен, и тоже принимается реветь.

Я выезжаю из-за стола, отстегиваю ребятам клешни, пока не начали ими слезы утирать.

В Тишке, похоже, разыгрывается командный дух, потому что глаза у него заметно мокрые. Но он еще держится. Это надо закрепить.

— Веди их в раздевалку, — говорю. — Проследи, чтобы приняли душ, и сам не забудь. Скафандры уложите аккуратно. Да, пропыру заberi — вон она валяется. Через полчаса отвезу вас завтракать — и баиньки.

Угу, отвез. Только мне удастся кое-как успокоить ребят и помочь Тишке выгнать их из кабинета — опять звонок. Техник-смотритель шестого района. Я и забыл совсем, что у них разгонный насос в трубе стоит. Голь на выдумку хитра — раз дерьмо по собственной воле не плавает, ему турбонаддув устроили. Пока этого наддува не было, «КБ Сикорского» из шестого района просто не вылезало. Я там буквально дневал и ночевал. Да и ребята были еще неопытные, людей всяких боялись, а не только москвичей — приходилось бригадой непосредственно на месте командовать, чтобы парни защищенными себя чувствовали... А потом насос заработал, в шестом гораздо легче стало, вот и забыл я.

— Стопорится, — техник говорит. — Поднимается и стопорится. А напругу только к вечеру дадут. Боюсь, поздно, не сдюжит насос. Че делать-то? Мож, толкнули бы слегка тяжелый слой?

«Тяжелый слой» — нижний, куда всякие иностранные предметы опускаются, забухнув. Помню, дохлого оленя выковыряли. Как он туда угодил? Хотя жабиус тоже ведь откуда-то взялся, не из Африки же.

Да, толкать надо. Пропихивать из шестого в пятый, там уж оно самотеком разгонится. А то к

вечеру на полтрубы завал нарастет, хоть всем городом разгребай.

— Три часа, — говорю. — Через три часа нас жди. Устали ребята, пусть хоть немного отдохнут. Сам с ними приеду. И чудес не обещаю. Умоталась бригада.

— Это твои-то три медведя и умотались?

— Это они с виду три медведя. Психика зато как у котенка, не больше наперстка.

За стеной опять дизеля — новую порцию дерьма к регенераторной везут. Сижу, на спинку коляски откинувшись, потолок разглядываю. Мечтаю об унитазах-биде с электронным управлением, как у меня дома. В каждую бы квартиру по такому агрегату — уже легче. Туалетная бумага, даже самая лучшая, в соединении с дерьмом очень неприятную пульпу образует, склонную к комкованию и замерзанию.

Еще мечтаю о федеральном законе, строго карающем за сбрасывание в унитаз использованных женских затычек и прокладок, а также упаковок от них. Оберток от конфет любых. Окурков. Пачек из-под сигарет. Бутылочных пробок (как они их туда роняют? зачем?). Обедков вообще и кожуры банановой отдельно. Яичниц подгоревших и другой некондиционной еды. Шприцев одноразовых и многоразовых. Клизм. Шерсти животных, как домашних, так и диких. Комьев вычесанных из головы волос, особенно из головы женской. Перьев любой птицы. Расходных материалов компьютерных. Технической документации на пленках. Черновиков постановлений мэрии — в любом виде, из-за непомерного объема. Денежных знаков, включая иностранные. Бумажников — как с денежными знаками, включая иностранные, так и без. Пластиковых карт дебетных и кредитных, в том числе банков-нерезидентов.

Часов наручных. Средств мобильной связи и комплектующих к ним. Манипуляторов типа «мышь». Инструментов коррекции зрения типа «очки». Посуды битой — какая радость, что небитая, слава богу, не пролезет! Головок торцевых к ключам гаечным. Отверток. Ленты изоляционной, в рулонах и кусками. Деталей унитазов — немаловажная деталь! Ножей, вилок, ложек. Носовых платков. Шарфов, кашне, галстуков. Носков дырявых. Трусов! Колготок разных!! Памперсов!!!

И кара должна быть адекватной — если что неположенное в унитаз бросил, пусть то же самое тебе в задницу вколотят!!!

Та-ак, пора звонить психологу. Уже не для ребят — для себя.

А тут и он сам, легок на помине, в кабинет заглядывает.

— Искал меня? — спрашивает. — Ну, что у вас? Как ребята?

— Ты где был?!

— У клиента. Срочная работа. Давай, клянись о неразглашении — я сейчас ради тебя нарушу профессиональную этику.

— Пусть в шестом районе навсегда электричество отключат!

— Seriously. Уважаю. В общем, Сикорский, дело такое. Если что-то понадобится от нашего прокурора — обращай ко мне.

— У него че, проблема с головой?! — спрашиваю, а сам провалиться готов сквозь вечную мерзлоту. Вдруг поплохело мужику на почве дерьма, застывшего противотанковыми надолбами прямо под окнами? Мало ли, какие он, сумасшедший, из этого зрелища выводы сделает. Может, и понадобится мне от него вскорости дружеская услуга — чтоб не посадил лет на сто.

— У него проблема с женой. Супруга прокуро-

ра раскрыла глобальный заговор. Оказывается, это марсиане устраивают диверсии в канализации. Хотят загнать человечество обратно в каменный век и поработить. У нас они пока тренируются, а вот через месяц забьет трубы по всей планете — и конец цивилизации.

Ой-ё. То-то прокурор с самого утра вызверился и москвича обещал на варезки пустить.

— Съезжать им надо, — говорю, — с Космонавта Мельника.

— Это точно. Ну, а у вас-то что за драма?

Обрисовал я ситуацию. «Растут парни, однако, — психолог говорит. — Еще полгодика назад было бы тебе весело...» Согласился ребят спать уложить и запрограммировать на полный отдых, чтобы пара часов — и как новые. Ну, двинули в жилой отсек. Это у нас в дальнем углу ангара есть как бы квартирка — на всякий экстренный случай, вроде сегодняшнего. Кухня там, спальня и все такое. Пожевать-отлежаться.

Слышу — шум, гам, ребята в душевой плещутся. Веселые уже. Психологу обрадовались, он им почти как родной. А уж новость о работе сверхурочной для бригады всегда праздник. Этим обалдуям дай волю, они себя, как лошадей, до смерти загонят. Точнее, до нервного истощения. Которое у моих питомцев наступает так быстро, что и глазом моргнуть не успеешь.

Им, беднягам, сама по себе жизнь на воле раем кажется.

Хотя почему «беднягам»? Любят свою работу, окружены вниманием, наслаждаются каждым прожитым днем... Как они на днях в снежки играли! Милые громадные тридцатилетние дуrolомы. Счастливые. Детишки мои...

Радуетесь за них, да? А вот пробросят по городу нормальные трубы — и что дальше, Сикор-

ский? Ребята станут не нужны, и у города не будет резона из кожи вон лезть, чтобы подтверждать ежегодно твое опекунство. Ведь ты по закону не можешь быть опекуном. Ты по закону вообще почти ничего не можешь — да и помимо закона тоже... Дорастить парней до изменения им группы инвалидности — успеешь ли? Сумеешь ли? И потянут ли другую группу сами ребята?

А больше возможностей никаких. Улицы техника чистит, и даже в мусорщики нам не податься — сжигатель построили, а вывоз на полуавтоматах, знай кнопки нажимай. Нет в округе грязной работы. Прогресс, мать его, так и прет семимильными шагами. И значит, что?

И значит, как только фекальную систему заменят, никакой прокурор ребят не выручит. Наоборот, город постарается забыть, аки кошмарный сон, это многолетнее свое позорище — бригаду пробойников, единственную и неповторимую, одну на весь мир, хоть в Книгу рекордов заноси. И ребята поедут доживать в интернат для у-о, а ты... На свалку истории. Тоже — доживать. Один-одинешенек, без детей, без жены — хотя, может, найдется какая сердобольная или просто на деньги падкая, уж денег-то «КБ Сикорского» в дерьме нарыло порядочно.

Прямо хоть диверсию учиняй. Нешто мы глупее марсиан?

— Ты что, депресснул? — психолог спрашивает. — Наплюй.

Мы на кухне сидим, чай пьем. Ребята в спальне дрыхнут. За стеной опять автоцистерны надрываются. Вozить им сегодня не перевозить.

— Да не, я так, о будущем задумался.

— А что задумываться? В будущем тебя, дорогой, ждет судебный иск от москвича. Вот увидишь, он еще попробует дело до уголовного раздуть.

Ничего, не переживай. Мне сейчас опять к прокуроровой жене надо — заодно потолкую с ее супругом, хе-хе... За ребят не беспокойся. Я перед выходом бригады на пробой опять сюда подъеду, взгляну, как они.

— На этот раз не опоздай.

— Постараюсь. Жена-то не своя, а большого начальника. Ей просто так не скажешь — мол, извините, сударыня, меня другие сумасшедшие ждут...

Уехал. Я в мастерскую закатился, проверил скафандры, на струмент взглянул. Трудно что-то серьезное с этими железяками без помощи ребят делать, тяжелое все, но поверхностный-то осмотр я и в одиночку могу.

Вот непонятно, брать в шестой район «крота» или как. Не хотелось бы.

Наш «крот» — это не ваш «крот», тот, который наподобие ершика на длинном тросе с ручкой для вращения. Мы эти детские «кроты» именно ершиками и зовем, ими только унитазы да очки пробивать.

Наш-то «крот» — снаряд с переменной геометрией, такой комбайн самоходный для рыхления и подъема тяжелого слоя. Здоровый, сволочь, за машиной на прицепе таскаем. Всем хорош аппарат, да больно велик, даже в сложенном виде. Его можно только на стыке районов вниз загнать, где широкий спуск в коллектор. А поскольку в шестом сейчас тока нет, выходит, запрашиваться мы будем от седьмого — кабеля-то хватит?.. Ну его пока, «крота». Если увидим, что вручную не справляемся, техника-смотрителя попросим в ангар смотаться.

Эх, позарез мне нужен на подмогу толковый рукастый мужик. Да где его найдешь такого — чтобы у-о не боялся и на запахи не реагировал?

«Комплексной бригаде пробойников требуется исполнительный менеджер — физически крепкий мужчина со слесарными навыками, страдающий хроническим насморком и способный нежно относиться ко взрослым детям».

На первый взгляд таких полно — я ведь искал, пытался. Но у всех соискателей была, как сказал психолог, явная нехватка асоциальных наклонностей. Только услышат, что «КБ Сикорского» дерьмо ворочает, — сразу до свидания, несмотря на громадный оклад.

Гадить-то в трубу все молодцы, а вот обеспечивать по ней движение... Если для этого нужны асоциальные наклонности, тогда я не понимаю, какие — социальные. Распустился народ. Три четверти мира газом обеспечивает, вот и распустился. Еще фыркает, что из России банановую республику сделали. Хороши русские бананы, ничего не скажешь, — сто лет назад полстраны на дырку ходило, и ничего, — а теперь каждому работнику подавай исправный унитаз, иначе не найдется. Желательно унитаз с Интернетом. Или отдельно унитаз и Интернет-II. Тьфу!..

Хотя, с другой стороны, жаловаться на всеобщую брезгливость мне грех — именно поэтому я и попал в десятку со своим «инжиниринговым проектом».

То есть в городскую канализацию попал.

Заехал в кабинет, с коляски на диванчик перевалился, задремал. От нервов, видимо. Неспойно как-то, чую, боком выйдет «КБ Сикорского» инцидент с москвичом. Проснулся — вся душа в царапинах, так ее кошки поскребли. И главное, тишина. Ни звонка, ни стука в дверь. Как затишье перед бурей. Ребят поднял, сказал к выходу готовиться. Сижу, на аквариум гляжу, жабиусу завидую. Корма ему подсыпал. За одной

стеной бригада железом лязгает, за другой моторы гудят — надоели уже.

Телефон. Я аж подпрыгнул. Ну, думаю, началось! А это техник-смотритель.

— Выходите, — говорит, — я уж в горку еду. Че-то движение нынче у вас, прям как в центре...

— Так цистерны же. Ладно, мы на улицу. Эй, ребята! Пошли!

Техник что-то еще буркнул — мол, не только цистерны, да я не дослушал, у меня другой звонок входящий. Надеялся — психолог. А оказался налоговый.

— Сикорский! — кричит. — Ты че натворил?!

— Да ты понимаешь...

— Москвич силовую поднял и к тебе поехал! Сиди, не дергайся, я мэру уже позвонил! Главная штука — не дергайся! Застрелят на фиг!

По коридору ребята на выход топают, мне из кабинета хорошо слышно. Только я рот открыл, вдруг — ба-бах! Дверь входная.

— Стоять! Оружие на пол!

И мат-перемат, уши вянут.

Силовая, она всегда так — побольше напора, шума и матерной ругани. Чтобы сразу-то в налогоплательщика не стрелять, авось он испугается.

Да только не на тех напали.

Мне потом налоговый кассету с записью из коридора подарил. Она и так по городу ходила, но ее за большие деньги продавали, а он мне — бесплатно. «Как продюсеру», — сказал. У меня-то самого в коридор соваться пороху не хватило, я через ангар катился к запасному выходу, но что в это время происходило, теперь знаю и описать могу.

Значит, идет по коридору бригада пробойников в скафандрах с опущенными забралами. Шагает, как на парад. Веселая, отдохнувшая, с той,

что утром была, заполошной и дерганой, просто не сравнить, вообще другие люди. Впереди Кузя с Тишкой бок о бок. У Кузи в руке пропыра, а Тишка на плече тащит... Ладно, слово почти литературное, так что скажу — говнодав. Знатный струмент. Железнодорожный домкрат гидравлический с усилием разжима под сто тонн. К нему с двух концов приварены крышки от канализационных люков, только обточенные слегка, чтобы в любую трубу пролезало.

Сзади Михалыч топают, крестовины складные к говнодаву несет, из рельсов такие конструкции для упора.

А навстречу бригаде врывается группа силовой поддержки налоговой полиции. Все как положено — автоматы, броня, «оружие на пол», матюги.

Кузя, несмотря на устрашающие размеры, существо застенчивое до трусости. Михалыч больше всего боится совершить какую-нибудь ошибку. А вот Тишка у нас боец, особенно когда отдохнул и на своей территории. Сейчас он дома, только собрался на работу, и тут к нему вперлись какие-то дураки, по замашкам — полные у-о.

Поэтому он берет и с плеча швыряет говнодавом в толпу силовиков.

Я бы не хотел, чтобы в меня запустили железнодорожным домкратом. Даже простым, без крышек от люков. А вы?

Силовики валяются, как кегли, роняя друг друга и беспорядочно паля во все стороны. Из стен и потолка летят клочья. Бригаде все равно, скафандр пуля не берет. К тому же ребята просто не знают, что это такое — когда в тебя стреляют.

Силовики пытаются встать и открыть прицельный огонь по ребятам. Но Тишка издает через внешние динамики скафандра оглушитель-

ный боевой клич — он так давеча кричал, играя в снежки. Тормознувшие было Кузя с Михалычем понимают — это тоже игра. Кузя выставляет перед собой пропыру, а Михалыч крестовины, и вдвоем они бросаются на противника.

И вышибают его из ангара к едрене матери.

Снося поднимающегося по ступенькам москвича, бережно прижимающего к груди загипсованную руку.

Там у нас пешеходный выход — крылечко небольшое с перилами и ступенек штук пять.

Я как раз выехал через запасной, но перед ним давно не чистили, у меня колеса вязнут в сугробе. Поэтому я временно обездвижен и могу только наблюдать, как клубок из десятка бронированных тел катится по ступенькам. Грохот, вопли и какой-то смутно знакомый поросячий визг. Хорошо, силовые вроде поняли, что стрелять в ребят без толку. Если б они по-прежнему во все стороны пуляли, тут бы мне точно конец настал. Да наверняка и москвичу заодно.

Вовек этой сцены не забыть. Стоп-кадр. Широкая раскатанная дорога, машин стоит видимо-невидимо. И налоговые, и будка техника-смотрителя шестого района, и цистерны с дерьмом — водители бесплатный цирк смотрят. Перед ними на площадке у ангара куча-мала, в центре Тишка виднеется, уже вновь овладевший говнодавом. Из-под кучи москвич выползти пытается, но его кто-то за ногу ухватил и, судя по выражению лица полковника, на болевой прием ее взял.

Кругом автоматы валяются, и пропыру Кузя потерял.

Тут на площадку влетает черный джип, из него прыгают мэр и прокурор. Секунду в ужасе на происходящее глядят, потом орать начинают, но, поскольку их никто не слышит, бросаются кучу-

малу самолично растаскивать. Это смелое решение — мэру тут же дают в репу, он падает, и куча его накрывает.

Я, главное, сижу, как последний у-о, в своей коляске, с места двинуться не могу. Кричать-то бригаде, чтобы прекратила, бессмысленно, пробовал, глотка уже сорвана.

Если б не техник-смотритель, не знаю, чем бы все закончилось. Ребята мои только во вкус вошли, а силовые, те вроде ошалели — в жизни им никто такого успешного сопротивления не оказывал.

Но техник, он то ли побоялся возможного смертоубийства, то ли просто решил социальную справедливость учинить. Короче, он подбежал к ближайшей цистерне, что-то водиле сказал, отцепил сливной шланг и потянул к месту драки. А водила на цистерне крышку откинул и руку в пульт запустил.

Техник им по-честному крикнул — хватит, мол, а то худо будет. Но силовые как раз Тишку свалили, Михалыч за него обиделся и начал всех направо и налево крестовиной дубасить. Ну, техник и махнул водиле. А тот улыбнулся широко, будто космонавт Мельник перед стартом на Марс, и ручку дернул.

Цистерна-то с подогревом, дерьмо как свежее, даже лучше. И насос там хороший стоит, мощный... Они, главное, не сразу поняли, что происходит, возились еще чего-то, кулаками махали. Ну, тонну они приняли на себя, это точно. Значит, налоговых десять рыл, считая с москвичом, моих обалдуев трое да от отцов города два представителя. Хотя прокурор не в счет, ему сразу говнодавом пониже спины угодило, и он под крыльцо улетел. Выходит, около семидесяти килограммов на нос. Моим-то все равно, они в это

дело каждый день ныряют, а вот остальным в целом не понравилось. У них еще и обмундирование было, как бы сказать, не по форме.

В общем, решили пока больше не драться.

Техник-смотритель шланг бросил, в машину прыг — и газу. Правильно, я считаю.

Дерьмовозы тоже с места снялись — и на регенераторную.

И тишина. Даже налоговые не матерятся — стонут только жалобно. И москвич не визжит, охрип, бедный. Потом оказалось — мало того, что ребра ему помяли, когда с крыльца сшибли, так еще ногу вывихнули.

Я кнопку ткнул на подлокотнике коляски, в ангаре ворота открылись.

— Внимание! — кричу. — Предлагаю всем немедленно пройти в отсек санитарной обработки! Дезинфекция за счет компании.

Из-под крыльца вылезает прокурор. Весь в белом — снегу там намело. Держит в руках две половинки чьего-то автомата, одну со стволом, другую с прикладом. Глядит с интересом на медленно оседающую гору дерьма, из которой выбираются участники побоища — кто на четвереньках, а кто и вплавь. Смотрит на меня — все, думаю, конец. А он только говорит, сочувственно так:

— Ну, Сикорский, и вредную же ты профессию себе выбрал!

— Да че, — говорю, — нормальную... Всегда хотел служить людям. Чтоб им было хорошо!

...Мы теперь на помойке работаем. Ее раньше в городе вообще не было, нынче есть. А то мусоросжигатель сгорел от перегрузки. Ну, я санинспектору ящик огненной воды поставил, так он мне самолично план «утилизационной площадки» начертил и благословение с гербовой печатью нарисовал. Арендовало «КБ Сикорского» кусок

тундры, вырыло котлован, подъезд к нему нака- тало. По совету психолога выдержал я паузу в не- сколько дней, чтобы город провонял как сле- дует, — и к мэрии. Внутри мне тогда не пройти было, ну, я не гордый, начальство у подъезда от- ловил.

Мэр вообще плохо выглядел в тот день — чего вы хотите, город в мусоре тонет и помощи ждать неоткуда, — а как меня увидел, затрясся весь и попробовал от самых дверей подъезда с разбегу в машину запрыгнуть. Поскользнулся, головой в сугроб — хрясь! Я уже тут как тут, колесом ему на шубу наехал, теперь быстро не отвяжешься от Си- корского. Тогда мэр решил insult симулиро- вать. А я, пока все суетились, кому надо из по- мощников — свое предложение об оказании ин- жиниринговых услуг. Мэр таблеток сердечных поел, отдышался слегка, ему и говорят — спаси- тель наш тута. Мэр — че, этот?! Ему — он самый.

И пошло все почти как раньше. Мне бульдо- зер под ручное управление переделали, ребята помогают машинам разгружаться, выскребают, что прилипло. Новый сжигатель обещают не ско- ро — денег нет, — и от печальных дум о будущем я временно застрахован.

Техник из шестого района тоже к нам подал- ся, исполнительным менеджером. Говорит, на помойке делается реальное дело, живое, для все- общей пользы, да еще и весело. И то правда, на канализации нынче от тоски помрешь. Как толь- ко скандал до Москвы докатился, приехала к нам большая комиссия, а едва растеплилось, начали по городу класть современную морозоустойчи- вую фекальную систему. Конструкция продуман- ная, никогда не заткнется, с Аляски специалисты приезжали — только языками цокали.

Ребята поначалу слегка приуныли. Я их пони-

маю, все-таки «пробойник» звучит гордо, вы произнесите вслух — пробойник! — мощно, да? А «оператор У-площадки» — совсем не звучит. На том же комбинате операторов всяких, как в тундре оленей. Со шваброй бегает, а уже оператор. Психолог и тот не сразу парням растолковал, что новая их профессия не менее опасная, героическая и нужная людям, чем прежняя. И тут я в один прекрасный день, орудуя рычагами и наблюдая, как бригада в мусоровозе копошится, слово придумал — «отбойник». Ребята ведь чем занимаются? Отбивают от кузовов машин куски прессованного мусора. Так и говорю: были вы пробойники, а теперь отбойники — какая разница? Повеселели. Действительно, какая разница?

Ведь эта наша работа на прежнюю до удивления похожа. Я уже мечтаю иногда, чтобы запретили населению мебельные гарнитуры на помойку выкидывать — а то возни с ними...

Вот, опять! Целых три холодильника. Я их, конечно, гусеницами утрамбую. Но котлован у меня не резиновый! А народ в него валит, что ни попадя. Ладно б одни холодильники. Ужас, чего только мы не утилизируем. И в каких объемах. Едва за мусоровозами поспеваем, да и места уже в обрез, пора еще площадку открывать и искать человека на второй бульдозер.

Точно — запретить. Чтоб не смели выбрасывать, как-то: снегоходы разукomплектованные и кузова автомобильные. Двигатели бензиновые, дизельные и электрические. Колеса в сборе, диски, шины, детали подвески крупнее наконечника рулевой тяги. Плиты кухонные. Стиральные и посудомоечные машины. Прочую бытовую технику. Отдельно ванны, за них вообще бить смертным боем. Ванны процессу утилизации мешают невероятно, особенно большие гидромассажные, те

просто нам на площадке отравляют жизнь. Технику множительную и электронно-вычислительную — тоже желательно на фиг. Мониторы разные — к чертовой матери. Туда же антенны спутниковые и усилители к ним. Никаких деталей систем вентиляции и кондиционирования. Под запрет — отопители любых видов. Мебель комплектную и некомплектную. Рамы оконные. Трубы любые. Совсем любые — включая музыкальные инструменты. Также любые. Игрушки детские, мягкие и жесткие. Игрушки взрослые, как в надутом, так и в сдутом виде....

И унитазы. С унитазами, конечно, довольно легко справиться, но они меня почему-то особенно раздражают!

«По самым предварительным оценкам, для модернизации коммунальных сетей России понадобится не менее 10 лет и 555 миллиардов рублей».

Из газет, осень 2001 г.

Мышки-кошки

Чалый звездолет, всхрапывая и тряся соплами, пятался от Гончих Псов.

— Ну, болтает нас! — пробормотал второй пилот, ворочая рукоятки. — Не, бортач, ты видишь, как болтает?

— Чего сразу я? — обиделся бортинженер. — Я, например, говорил. И в журнал занес. Так прямо и написал: полировка дюз реверсивной тяги — отсутствует. Съело полировку из-за нестабильного выхлопа. Командир, а командир... Разрешите отлучиться на минутку. Что-то у меня в скафандре опять дефекатор барахлит.

— Также, наверное, полировку съело, — с дела-

ным сочувствием в голосе предположил второй пилот. — Нестабильным выхлопом.

— Так я выйду, командир? До галюна и обратно.

— А там продувка уже работает? — Командир даже от обзорного экрана оторвался, чтобы удивленно поглядеть на бортача. — Я и не заметил, что ты ее чинил.

— Да она и не ломалась... — Бортач тоже изобразил на лице удивление. — Когда это ломалась продувка? Клапан заедает, так я вам говорил, держать надо клапан, и все.

— Чем держать?

— Э-э... Рукой, командир. Левую руку заводите за спину, нащупываете клапан и держите его крепко. И испражняйтесь себе на здоровье. Нет, ну можно пассатижи, конечно, приспособить. Накинете на клапан, а потом, когда сядете, прямо спиной и зажмете их. Только помните, что сразу встать нельзя. Если сразу вскочите, клапан выбьет, и снова весь галюн до потолка зальет...

— Я бы тоже кое-кому с удовольствием клапан выбил, — сообщил пилот.

Командир молча разглядывал бортача, словно прикидывая, где у того находится подходящий для выбивания клапан.

— Шеф, я же с дwigла не сниму эту хреновину, — убедительно сказал бортач.

— А больше нигде?..

— Только на двигле, в системе охлаждения есть похожий клапан. То есть не похожий, а гораздо лучше. Но он как раз в прошлом месяце ломался, и я ставил запасной. Я говорил же вам. И в журнал занес. Так прямо и написал — запас клапанов системы охлаждения исчерпан. Да и система, в общем, тоже не очень. Промывать надо. Командир, а командир, ну разрешите выйти?

— Вообще, это не по инструкции, — мстительно сказал командир. — На проводке амебы к точке захвата экипаж корабля-приманки должен постоянно находиться в скафандрах...

— Да я только задницу отстегну, и все!

— Ох, поймает тебя однажды гальюнный... — пообещал командир. — Ладно, дуй. И назад можешь особенно не спешить. Все равно от тебя никакого толку. Нытик.

— Тем более ломать нам уже нечего, — заметил пилот. — И так ничего не работает. Командир, я понимаю, вам очень весело...

— Да. — Командир повернулся обратно к экрану. Бортач пробормотал «спасибо» и принялся отстегиваться от кресла, причем каждый замок ему приходилось по два-три раза дергать. — Обстановка?

— Как раз хотел доложить, что все относительно стабильно. Клиент, похоже, вышел на режим преследования, и теперь, если у нашей самоходной помойки в ближайшие десять часов ничего не отвалится...

В центре обзорного экрана слегка подрагивало серое облачко. На самом деле трясло звездолет, а облачко, судя по локатору, шло за кораблем ровно, будто привязанное.

— Ничего у нас не отвалится, — заверил пилота бортач, выбираясь из кресла. — Ну, и что ты так на меня уставился? Командир, зачем он смотрит так? Или это тоже я виноват, что задний вид сгорел и мы теперь должны раком пятиться?

— Не отвлекайся, — сказал командир второму пилоту. — А ты, — это уже бортачу, — иди, куда собирался. Долетим — выясним, по чьей вине задний вид сгорел. Если долетим.

Бортач поспешно удалился.

— Шеф, а что это за зверь такой — гальюн-

ный? — подал голос штурман. — Который инженеришку нашего прихватит?

— Да так, ничего особенного. Гремлин как гремлин, только селится в гальюне. Не слышал? Он живет в системе продувки и устраивает всякие идиотские пакости. То манометр заклинит, то клапан выбьет. А если гальюн не ремонтировать, так гремлин терпит-терпит, а потом однажды у него терпение лопнет, он дождется, когда бортач усядется, ка-ак хватанет его за одно место и спрашивает — ты какого черта, лентяй, систему не чинишь?!

— Гальюнный, разгонный... — пробормотал второй пилот, накручивая рукоятки. — А реверсивного у нас, случаем, нет? Чую я, это не полировка. Не болтает на самом малом заднем из-за одной полировки. Это оси сбиты.

— Оси сбиты, вот и полировку съело.

— Шеф, я повешусь — десять часов так уродоваться.

— Спокойно. Устанешь, я тебя сменю.

— Ну бред же, шеф. Может, попробуем на одном локаторе, а?.. Рискнем?

— Ты сам знаешь, без визуального контроля нельзя. Если эта дрянь выбросит в нашу сторону щупальце, локатор его не возьмет. И?..

Некоторое время на мостике было тихо. Пилот и штурман прикидывали, что может случиться и стоит ли игра свеч.

— Перископ швартовочный, — предложил штурман. — Свинтить, перенести в кормовой аварийный шлюз и оттуда глядеть. Правда, там оптика неподходящая, но можно снять объектив с обычной бытовой камеры — и на перископ его. Должно хватить.

— А что, у кого-то на борту есть камера? — спросил командир лениво.

— У Джексона на борту точно до хрена камер, — сказал пилот. — И все они будут снимать, как мы подходим. В какой интересной позиции. А максимум через пару суток весь обитаемый космос примется слать нам запросы — сколько вы, ребята, берете за курс обучения «Задним ходом через Галактику». Вот посмеемся...

— А по-моему, десять часов задом, да еще на сбитых осях — это подвиг, — произнес командир негромко, будто сам с собой говорил.

— Кто оценит? — вздохнул пилот. — Это ж нужно хоть раз в жизни сесть за управление и вообще слетать, в принципе. Хотя бы передом. Пусть даже на нормальных осях и совсем недалеко. Знаете, шеф, я уж запомнил, когда получал удовольствие от этого процесса...

«Я тоже, — подумал командир, взглядываясь в серое облачко. — Надо бы побережь глаза. Сейчас еще рановато внимательно следить за амебой, она поймет свою ошибку попозже. Сообразит, что просто так за звездолетом не угонишься, и начнет хватать его щупальцами. Вот тогда начнется шоу... Тогда сразу понятно станет, почему эти безопасные с виду образования зовут «адскими амебами». Да, напрягать зрение рано. Но я слишком давно не заманивал амебу. Тем более никогда не делал этого на грузовике. Лучше уж перестраховаться. Амеба — это вам не гальянный».

— Слушайте, шеф, — опять подал голос штурман, — а что делает этот, ну, разгонный, когда долго не чистят бустерный ствол? За какое место он хватается бортача?

— Да он просто взрывает судно на фиг, — сказал командир. — С бортачом вместе.

— А что, понятная реакция, — сказал пилот. — Мне тоже, бывает, так хочется взорвать нашу лоханку...

«Деньги, проклятые деньги, все упирается в них, — думал командир. — Сколько раз я давал себе зарок не связываться с изношенными судами. Но не было денег. И я опять брал какую-то рухлядь, и мы всей командой доводили ее до ума и отправлялись в путь, уверенные, что вот сейчас, за сезон-другой, нарубим «капусты» и сможем позволить себе нормальный аппарат, а уж на него-то развернемся в полную силу... И каждый раз мы зарабатывали слишком мало. То есть денег хватало на жизнь, даже с лихвой, но никогда не хватало на новый корабль. И мы искали старые детали на всех разборках, а однажды, помню, даже прикупили на запчасти целый грузовик — и чинили, перделывали, модифицировали, в общем, крутили гайки до седьмого пота, и снова отправлялись в путь, и опять денег не хватало. И так до бесконечности — ну ладно, не совсем, но сколько мы прошли таких циклов? Сколько изношенных до упора судов продали на лом? Всего лишь чтобы пересесть на очередную «помойку», «лоханку»... Иногда, если машина оказывалась поудачнее, даже приходило обманчивое впечатление, будто экипаж полностью сроднился с кораблем и не променяет его на новенький, с иголки, и новейший. Но... Какими глазами мы провожали эти новые и новейшие, когда они «делали» нас на трассе!»

— А вообще, ерунда все эти корабельные гремлины, — сказал командир, — даже разгонный. Вот нуль-шишига...

— Эй, погодите, шеф! — попросил штурман. — Такие серьезные данные надо фиксировать в журнале. Сейчас я поставлю на запись...

— Да ну вас, хохмачи, — улыбнулся командир. — А вам не приходило в голову, что я не всегда шучу?

— Очень даже приходило, — сказал пилот. — Как раз когда разгонный взял нас за одно место на отрыве — именно оно мне в голову и пришло. Что вы не шутили. Хотя вру, это было уже после. Сначала-то я подумал — ну вот, наконец эта пытка кончилась, отлетала свое помойка. И мы тоже — отлетались.

— В общем, был у меня приятель с астрофизического факультета, — поспешил сменить тему командир, — который имел собственную теорию насчет черных дыр. Уверял, будто это искусственные образования. Только никакие не межпространственные тоннели или что-то еще деловое, а просто жилища. Точнее, не жилища — гнезда. И сидят в них удивительные существа, бывшие когда-то разумными. Миллиарды лет назад они правили Вселенной. Может, изначально даже были похожи на нас. Но постепенно они дошли до высшей стадии развития, когда перемещаешься по космосу усилием мысли...

— Прямо как мы сейчас, — ввернул пилот.

— Короче говоря, они достигли всего. Не просто чего-то, а всего. Познали Вселенную до упора. И начали стремительно деградировать. Вследствие духовного кризиса и отсутствия мотиваций...

— Спорим, я быстрее успею? — спросил пилот. — Мне не надо миллиардов лет. Мне до кризиса мотиваций и отсутствия духа осталось часа два максимум.

— Помолчи, а? — прикрикнул штурман. — Шеф, не слушайте его. Мне рассказывайте.

— Ты на самом деле так устал? — спросил командир пилота. — Я сменю тебя через два часа легко.

— Да ну, — сказал пилот. — Ерунда. В самом деле, не слушайте меня. Это я так, дурака валяю.

Напоминаю, что, пока вы тут языками чешете, кое-кто напряженно трудится. Потом, вы же сами говорили, через пару часов самое интересное начнется. Давайте, шеф, как договаривались: я держусь до упора — и падаю. Тогда ваша очередь. Ну? И чего дальше? Деградировали эти ваши нуль-шиги — и?..

— Нуль-шишиги. А в том-то и дело, что ничего. Бедняги постепенно опустились до уровня животных — наподобие этой тупой амебы. Пусть опасной, но все равно тупой. Вот они и сидят по своим черным дырам и просто живут. Бессмертные ведь.

— Интересно, что будет, если нуль-шишига из дыры вылезет? — поинтересовался штурман.

— А она не вылезет, — помотал головой командир. — Дыры за такой срок разрегулировались. Без грамотного техобслуживания.

— О, как мне это знакомо! — воскликнул пилот. — Между прочим, где бортач? Неужто его и вправду гальюнный схватил?

— Ну, позови бортача по внутренней, он тебе наверняка жутко обрадуется, — посоветовал штурман.

— Да ладно, оставьте парня, — сказал командир. — Вы что, не поняли, как ему страшно?

— А нам, значит, не страшно? — обиделся пилот. — Шеф! Шеф!!!

Звездолет ставило боком. Командир врубил аварийную тягу заднего хода с левого борта и одним импульсом выправил положение. Корабль тяжело мотнулся в противоположную сторону, толкнулся обратно маневровыми, еще немного покрутил носом, и наконец, пилот его «поймал».

— Нам тоже страшно до усёру, — выдавил из себя пилот, тяжело дыша. — И у нас тоже дефекаторы барахлят. Спасибо за помощь, шеф. Вы из-

вините — просто у меня все каналы управления заняты. И руки заняты. И ноги. Ну, долбаная лохань...

— На нормальном корабле мы бы не смогли аварийку рассинхронить, — заметил штурман. — И что бы ты делал со своими забитыми каналами? Чем толкался? Какой ногой об какие берега? Тем более ноги у тебя заняты...

— На нормальном корабле его бы так не закрутило, — быстро сказал командир, упреждая возможную и легко прогнозируемую взрывную реакцию пилота.

Пилот молчал. Только по внутренней слышно было, как он жадно сосет из загубника воду и хлюпает носом.

— Хорошо поймал аппарат, — похвалил командир. — Грамотно.

— Умею, — отозвался пилот.

— А почему название такое — шишиги? — спросил штурман.

— Крепкие, однако, нервишки у некоторых! — восхитился пилот. — Сразу видно — в жизни астронавт за управлением не сидел.

— А кто тебя в том году к складам заводил и пристыковывал?! — вспыхнул праведным гневом штурман. — Сволочь бухую?! Что, бортач тебя стыковал?

— Гальюнный меня стыковал! — выпалил пилот и заржал. — Ох как стыковал! Жестко! У меня же чуть башка в унитазе не застряла! Все, молчу. Да-да. Нуль-шишиги. Ответ готов. Потому что ненастоящие, а формой смахивают на шиш-кебаб. Угадал?

— Просто они шуршат, — сказал командир.

— И чего? Какая связь с названием?

— Да слово не наше, а русское. Этот приятель мой, он русский был. И рассказывал, мол, есть в

их мифологии такой зверь — шишига. Живет в лесу и там шуршит ветками. И вот это самое «шиши» по-русски означает «шуршание». А вообще шишига — что-то наподобие василиска. По-моему, довольно похоже. Черная дыра, она ведь тоже гипнотизирует, притягивает, засасывает и сжигает. Она нарочно так устроена, чтобы нульшишиге суетиться не надо было. Все интересное, что мимо летит, само к тебе приползет. Лучше не придумаешь для спокойного вдумчивого исследования мира.

— Или для вкусного обеда. Чего они едят-то, шишиги?

— Ну уж не космические суда. Думаю, их слишком мало, чтобы прокормить такую ораву шишиг. Черных дыр-то сколько?

— Ах сволочи! — воскликнул штурман.

Командир и пилот дружно напряглись и подались вперед, будто это помогло бы им лучше разглядеть серое облачко на экране.

— Да нет! Извините, я от неожиданности, — сказал штурман. — Просто мне вдруг понятно стало, отчего мы не сталкиваемся с цивилизациями, похожими на нашу. Их корабли шишиги слопали. Наверняка шишиги все-таки смертны — ну нельзя же жить до бесконечности. И когда шишига мрет, схлопывается ее дыра. А раньше и шишиг и соответственно дыр было видимо-невидимо. Только попробует кто-нибудь на кораблике вылететь, его сразу в дыру затягивает, а там шишига суденышко хватить и ну давай исследовать. А соплеменники астронавта думают: не полетим больше в космос, дохлый номер это, раз корабли без следа исчезают...

— Тоже вариант, — согласился пилот. — Нет, ну где же бортач? Прямо интересно. Допустим, в

гальюнного я не очень верю, но вот не зажрал ли бедолагу трюмный...

— А трюмный у нас есть точно, — заметил штурман.

— В трюмного даже я почти что верю, — сказал командир. — Только понять не могу, куда ему ящик виски. По поверью, трюмный должен воровать исключительно крепежные скобы.

— Может, наш особенный? — предположил штурман. — Пьющий?

— Ну?! Ну!!! — крикнул пилот.

Тяга резко возросла, звездолет пошел ровнее.

— Самый малый! — приказал командир очень жестко. — Спокойно! Ну-ка, самый малый ход.

— О, черт! Это нервы. Виноват, командир.

— Нервы у тебя в порядке. Опыта не хватает. Ты видел то, что видел. Просто это еще не выброс шупальца. Так, разминка.

— Там вспухло чуток, я и решил... — сообщил пилот извиняющимся тоном. — Может, подбросить скоростенку-то? Вдруг эта гадость передумает — и что тогда, заново ее подманивать? Я второго раза просто не вынесу. Я вам не червяк на крючке.

— Идем как шли, ровно, — сказал командир. — Все нормально. Только, чур, больше не дергаться без моей команды.

«Годы сказываются, — подумал он. — Еще лет пять назад пилот удержался бы от рывка. А теперь просто не может. В каком-то смысле экипаж изношен еще сильнее, чем корабль. Но именно поэтому мы и влезли в авантюру. Настает однажды день, когда ты понимаешь — все, дедлайн. И нужно рисковать либо сегодня, либо уже никогда. Я решил использовать наш последний шанс на выигрыш. Ох, не пожалеть бы. Но мне кажется, мы заслужили. Бесконечным каботажным мота-

нием туда-сюда по коротким невыгодным «плетчам», мучительным ожиданием заказов, всеми этими погрузками-разгрузками... Заслужили право рискнуть и получить награду. Или... погибнуть? Не знаю. Знаю только, что мне сорок шесть лет и в сорок семь я уже не рискнул бы».

— Так и чего они шуршат, эти нуль-шишиги? — спросил штурман.

— Все-таки у тебя нервы еще лучше, чем у меня, — сказал пилот. — Но у меня зато лучше, чем у бортача. Я вот думаю — а не завелась ли у нас маленькая локальная черная дырочка? В которую бортач и ухнул. И никакой не гальюнный на корабле живет, а сортирная нуль-шишига. И можно смело бросать амебу на фиг, не уродоваться с ней еще почти десять часов, а привезти Джексону шишигу и заработать миллион.

— Почему-то я сомневаюсь, что Джексон знает, как загнать шишигу в реактор и заставить там шуровать, — сказал командир. — С амебами он умеет это делать, а вот с шишигами...

— Шеф, а на сколько потянет амебный реактор?

— Если самопал, от того же Джексона, ну, тысяч сто—сто пятьдесят, смотря как договоришься. Для нас, допустим, сто. А оригинал минимум триста.

Штурман и пилот синхронно вздохнули.

— А документы Джексон сделает?

— Естественно. Как ты пройдешь техосмотр с самопалом? Там не просто документы, там и дизайн фирменный, и все шильдики на месте, и номера. Одна разница, что гарантии нет.

— В общем, четыре-пять таких рейсов, — подытожил штурман.

— Удачных, — добавил пилот. — Шеф, сколь-

ко амев вы поймали, когда работали на государство?

— Тридцать две. Но у меня, конечно, был совсем другой кораблик. Я ходил на переоборудованном штурмовике. Если бы даже амеба зацепила его... Впрочем, она ни разу не зацепила.

— А если амеба зацепит нас...

— Вот поэтому мы в скафандрах. Не переживайте, от корабля что-нибудь да останется. Скорее всего, кормовой трюм. Там и отсидимся. Если добежим, конечно. А Джексон придет на помощь, он не бросает своих, репутацию бережет.

— Нет, ну где чертов бортач? Может, действительно позвать его по внутренней?

— Шеф, так дорасскажите все-таки про этих чудовищ.

— А чего рассказывать? — улыбнулся командир. — Они сидели в дырах, и все у них было замечательно. И вылезать было незачем. Потом они там деградировали, и тут зашевелились животные инстинкты, в частности желание высунуться наружу. Возможно, с этого момента пошел бы новый виток эволюции нуль-шишиг, они снова развились бы... А забавно — шишигские археологи проводят раскопки во Вселенной и находят гнезда первобытных шишиг! Да... Только они не смогли выбраться наружу. Черные дыры разрегулировались и тормозят световую больше, чем раньше. Шишиги бегут к выходу, но не успевают. И раздраженно шуршат. А мы, выходя в эфир, слышим это шуршание. Это не шорохи космоса, а голоса рассерженных нуль-шишиг. Такие дела.

— Поучительно, — сказал пилот. — На самом деле, очень поучительно. А что стало с вашим русским приятелем? Далеко он продвинулся на ниве астрофизики?

— Да нет, забросил парень науку. Теперь до-

вольно известный политик, в Геопарламенте заседает.

— Всегда знал, что эти депутаты на голову больные.

— Так вот мы кто, оказывается, — депутаты, — сказал штурман.

— Почему?! — почти всерьез обиделся пилот.

— А ты погляди, чем занимаемся. — Штурман ткнул пальцем в дрожащее облачко на экране. — Это разве для нормальных людей работенка? Извините, командир...

— Мы не больные, — сказал уверенно пилот. — Мы неудачники. Судьба. А что, жить можно. Я даже привык. Если б еще так не болтало на заднем ходу... И бортача в черную дыру не засасывало...

— Мы не неудачники, а просто невезунчики, — поправил командир. — Слушайте, правда, вызовите этого деятеля. А то как-то не по-товарищески он выступает. Пусть в рубке сидит и вместе с нами потом обливается.

— Вам тоже не по себе, да, командир? — спросил штурман участливо.

— Глупости. Беспокоиться нечего, ситуация развивается штатно.

— Эй, господин бортинженер! — позвал штурман.

— Иду я уже, иду... — послышался в наушниках сдавленный голос.

Звездолет по-прежнему встряхивало и слегка водило, но пилот вроде бы приноровился держать его на курсе — даже, улучив момент, слегка распустил привязные ремни и сел посвободнее.

Амеба упорно гналась за кораблем.

— Вот же дурная скотина, — пробормотал штурман, глядя на экран.

— Это джинн, — сказал командир. — Мы его

заманим, а Джексон посадит в бутылку. С джиннами всегда так, их приходится брать обманом.

— Ваша группа тогда, двадцать лет назад, потеряла много кораблей? — неожиданно для командира спросил пилот. Это было против всех космических суеверий — задавать подобные вопросы в такой момент. А вот он спросил.

— Мало, — соврал командир. — Три или четыре, и то в первые годы, когда мы только учились ловить амеб.

— Интересно, они в неволе размножаются? Если размножаются вообще.

— Станные мы люди — люди, — произнес командир философически. — Ведь ничего почти об амебах не знаем, а уже приспособились их использовать.

— Чего знать-то? — фыркнул штурман. — Нуль-шишиговские кошки, вот они кто, амебы. Одичали без хозяев.

В рубке воцарилось молчание.

— Кошки, кошки, — сам себе покивал штурман. — Охотятся из засады, кидаются только на одиночную дичь, при любой угрозе бросают преследование...

— Ну, ты голова! — сказал пилот. — Сходил бы еще, бортача за шкурку сюда притащил, что ли, раз такой умный.

— И схожу, если приказ будет. Чего, не похоже — про кошек-то? По-моему, очень похоже.

— Командир, прикажите ему бортача из галюна вытащить. А то у меня один вторичный канал барахлит. Некритично, но противно. Его прозвонить не мешало бы.

— Нет, ты скажи, про кошек я — сильно, а?

— Сильно, — взамен пилота согласился командир. — А теперь, будь любезен, сходи, по-

смотри, что там с бортачом приключилось. Может, он свой злосчастный клапан обеими руками держит?

— Или просто утонул, — ввернул пилот. — Если придется снаружи дверь раздирать принудительно, ты осторожнее. А то с ног до головы уделяет. Ключ на одиннадцать есть у тебя? Значит, справа от двери панелька, и под ней болт...

— Спасибо, а то я не знаю! — Штурман начал отстегиваться. Замки у него заедало, он приглушенно чертыхался.

— Откуда знаешь-то?

— А кто тебя раздирал, когда ты с башкой в унитаза заснул? Мы с бортачом и раздирали.

— Разве я не сам вышел? — пробормотал задумчиво пилот.

— «Ключ на одиннадцать есть у тебя?» — передразнил его штурман, выбираясь из кресла. — Да по нашей помойке без ключа на одиннадцать и пассатижей буквально не пройти! Челленджер, мать его...

— Типун тебе на язык, — мгновенно среагировал командир. — Сам ты челленджер, понял?

— Виноват, шеф, — сбавил тон штурман. — Сам я челленджер. И папа у меня челленджер, и мама челленджер. А корабль наш зовется транспорт легкий коммерческий «Урсула», бортовой семь тыщ полста десять. Так, вроде ничего не забыл. Хотите, сбегаю на камбуз, сухую корочку пожую?

— В галюн беги!

— Если сглазил нас — амебе скормлю, — напутствовал штурмана пилот.

— Сам дурак, — сказал командир. — Тоже... язык без костей.

— Я и такую возможность допускаю, — легко

согласился пилот. — И действительно, швартовку я однажды завалил, было дело. Вот только из гальяона меня не вынимали.

— Ты стоял на четвереньках, опустив голову в раскрытый унитаз, и спал.

— Это они вам сказали? Командир, вы же помните, наверное, у меня в тот день старшей дочери восемнадцать стукнуло... Такой праздник, сами понимаете.

— Да, я заметил, что ты был счастлив.

На несколько минут пилот затих, а потом сказал:

— Спасибо, что не выгнали.

— Пожалуйста. Не надоело со мной?

— Теперь я знаю, что мы выберемся из дерьма, — сказал пилот уверенно. — Поднимемся. Мне было очень страшно идти на амебу, но я вроде бы справляюсь, да? А вам, наверное, труднее всего было решиться, просто решиться. Но когда-то нужно бросать мелочовку и браться за серьезное дело. Пусть опасное, зато...

«Если б ты знал, насколько опасное, — подумал командир. — Тогда, в самом начале, мы потеряли на амебах не три судна, а тридцать процентов судов. С экипажами. И даже сейчас — когда техника лова вроде бы отточена — из вольных охотников, которых нанимает Джексон, пропадает каждый десятый. Вам этого знать не надо, парни.

И уж особенно вам знать не надо того, что никто и никогда не заманивал амебу на грузовике. Это я сам придумал, в надежде спасти наши шкуры, если облажаемся и амеба начнет грызть корабль. Идея-то отличная. А вот сработает ли? В принципе, легкий грузовик — самое оно. Только не наш грузовик, по которому и вправду не

пройти без пассатижей. Надо же — оптика заднего вида сгорела в самый ответственный момент. Да, амеба вроде клюнула. Но теперь нам почти девять часов играть с ней, как играла бы очень умная мышка с очень глупой кошкой — верно подметил штурман, действительно кошка она, амеба. Пилот с задачей, похоже, справится. Я — просто должен. А выдержит ли корабль? И вправду ли размеры грузовика уберегут экипаж, если амеба таки сцапает нас?

Наш экипаж будет первым, выжившим после нападения амобы. И это тоже ребятам знать незачем. Я их командир уже столько лет... Очень много лет. И я безумно хочу, чтобы хоть под занавес карьеры мы несколько сезонов походили на нормальном судне. Мне казалось, ребята смирились с нашей бесконечной невезучестью. Но сейчас я вижу — у них глаза совсем по-другому смотрят. Экипаж почуял шанс. Деньги... Зачем нам большие деньги, у нас уже дети взрослые. Нам, собственно, не деньги — корабль нужен — мощный, быстрый и, главное, новый. И красивый. Обязательно красивый. Мы заслужили. Разве нет? Какие отвратительные бурые пятна у нас на обшивке. Бурые на сером. Когда-то серебристом, а теперь просто сером. Тьфу!»

— ...и я очень рад, — говорил пилот. — За всех нас, даже за этого обалдую бортача. Он бортач-то хороший, ему бы еще запчастей... Для головы, ха-ха-ха!

— Куча серого металлолома! — выпалил командир. — Надо было черный брать!

Обалдевший от такого неожиданного откровения пилот решил было на командира оглянуться, да ремни не пустили.

В этот момент амеба выстрелила щупальцем.

Выглядело это так, будто к кораблю метнулся плотный рой серых бабочек. Самостоятельный, с телом амебы никак не связанный.

Пилот судорожно рванул управление, но корабль ему не подчинился. Звездолет по-прежнему медленно отползал задом.

— Отказ! — заорал пилот. — Ввожу аварийное... — И осекся.

Рой бабочек, не долетев до корабля всего ничего, вдруг рассыпался в мельчайшую пыль и испарился.

— Не ввожу аварийное, — буркнул пилот. — Та-ак... Урок понял. Впитал.

— Я же говорил, пока не увидишь, как она лапой машет, — не поймешь, — сказал командир. — И в руках себя не удержишь, непременно дернешься. Рефлекторно. Жить-то всем хочется. Тут привычка нужна. А она всего лишь пристреливалась. Реакцию нашу проверяла. Ну вот, пусть думает, что мы тормоза. Бери опять управление, я блокировку уже снял.

Голос командира был до того ровен, что только полный идиот не расслышал бы, какое напряжение за этим напускным спокойствием кроется.

— А если дернуться?

— Это сразу ее насторожит. Приготовься, в ближайшие полчаса будут еще две-три такие проверки. Если нам не хватит выдержки, амеба вполне может бросить погоню и убраться восвояси. И второй раз ее не выманишь, она, похоже, корабль запоминает. Или к охоте временно теряет интерес. Будет лениво ждать, пока не сунемся вплотную.

— Кошка... — фыркнул пилот. — Одичавшая. Львица она, а не кошка. Слушайте, шеф, а чего вы так на корыто наше вызверились?

— Да вспомнил, какой мы отвратной масти.

— Ничего, вот наловим кисок, накупим запчастей, починимся и тут же обшивку полирнем. А вы на самом деле черный корабль хотите? Это стильно. А нам разрешат? Военный цвет-то.

— Поживем — увидим, — улыбнулся командир. — Та-ак... И в чем дело?

Это по внутренней связи объявился штурман.

— Шеф, у нас тут проблема. Я вроде парень не суеверный, но... Только не подумайте, что издеваюсь или шулки дурацкие шучу. Бортача гальюнный прихватил. Вот.

— В смысле?!

— А буквально, — штурман говорил чрезвычайно спокойно — примерно как сам командир сразу после нападения амебы. — Бортач сидит на унитазе и не может оторваться. Будто приклеился. Его что-то за задницу держит.

— Погоди, мы тут посовещаемся минуту, — попросил командир. — И не психуй. Ты же знаешь, нет никаких гальюнных.

— Нуль-шишиги тоже не бывают, — сказал, как отрезал, штурман. — Вы поскорее там советуйтесь, бортач в панике.

— Ты ему напхни, что он инженер-астронавт, — посоветовал командир и отключился.

Пилот сосредоточенно управлял кораблем.

— Эй, ты! — позвал командир.

— Да, шеф? — отозвался пилот небрежным тоном человека, который вообще-то очень занят, но тем не менее готов помочь.

— Нашел время для розыгрышей. Чем бортача от сиденья отклеивать, говори быстро!

— Что-то произошло, шеф?

Тут амеба выстрелила снова. Пилот дернулся всем телом, а вот корабль — нет. Хотя командир

управления не перехватывал — он, раздосадованный и злой, оказался к этому просто не готов.

— Уфф... — Пилот сделал несколько глубоких вдохов. — Получилось, шеф! Получилось у меня, ага?

— Ну, получилось. — Командир поймал себя на желании утереть пот со лба, он даже руку поднес к забралу шлема. Пришлось включить обдув. — В следующий раз немножко шевельнись. А потом начнем отпрыгивать всерьез. Потому что она тоже — всерьез начнет.

— Понял, шеф. Принято к исполнению.

— Ты чем сиденье в гальюне намазал, комик? Думаешь, это смешно очень — сегодня-то?

— Уже не думаю, шеф. Только я тут ни при чем. Честное слово.

— Значит, по-твоему, бортинженера гальюнный за корму держит?! — начал закипать командир.

— Я думаю, — сообщил пилот безмятежно, — что этот придурок за свой любимый клапан зацепился, когда вставал. Инструментальным поясом зацепился. И если он действительно инженер, то когда-нибудь догадается пояс расстегнуть. Я так полагаю, часа два-три ему на решение этой нелегкой задачи хватит.

Примерно минуту командир молчал. А потом сказал:

— Нас ведь кидать будет ого-го.

— Да он небось сидит мертво, враспор, — живо откликнулся пилот. — Там же в скафандре не шелохнешься. И крышка на унитазах полумягкая, задницу не отобьет. А мы ему сообщать будем о возможных эволюциях судна.

— Ха! Ты сейчас увидишь, какие начнутся... Эволюции. Нет, я так не могу. Случись что, это

же намеренное оставление члена экипажа в опасности.

— Шеф, ну хотя бы минут двадцать! Если бы я действительно нарочно пакость устроил... А то ведь — само! Грех упускать такой случай.

— А твой вторичный канал, который звонить надо?..

— Да черт с ним. Зато настроение, шеф, настроение как поднимется!

Командир подумал еще немного, а потом вызвал штурмана.

— Только не падай в обморок, — сказал он, — но это, похоже, и вправду гальюнный.

— Чего-о?!

— Ничего. Что слышал. Скажи бортачу, пусть действует по обстановке. И беги сюда.

— Шеф, а вам не кажется, что это просто наш водила сиденье клеем намазал?

— Не кажется, — отрезал командир. — Давай в рубку.

— Так вы мне приказываете бортачу открытым текстом сказать — мол, гальюнный тебя схватил?

— До чего же вы мне все надоели! — воскликнул командир и ушел со связи.

Настроение, как и говорил пилот, заметно поднялось. Именно такое стало, какое надо, когда драпаешь от адской амесбы. Боевое.

— Ты догадываешься, что будет, если трюмный еще хотя бы раз украдет выпивку? — спросил командир пилота. — Я его в открытый космос вышвырну.

— Бедняга трюмный... А вы знаете, какие ужасные складские водятся на перевалочных базах? Заглатывают целые контейнеры за один прикорм!

— Вот справимся с задачей, я тоже заглочу, — пообещал командир. — Не контейнер, но в близких объемах. Ладно, работаем. Нас ожидают восемь с половиной ярких и запоминающихся часов! Кошка, кошка, вызывает мышка! Не поймаешь, не поймаешь!..

Чалый звездолет, всхрапывая и тряся соплами, пятился от Гончих Псов.

А нуль-шишиги все шуршали в черных дырах, сетуя на падение скорости света...

Послесловие к 3-й части

«Во-первых, у этого текста есть продюсер. Вот он, редактор-составитель тематического сборника «Пятая стена» Андрей Щербак-Жуков... Ага, похлопали. Во-вторых, тем, кто голосовал не просто за хорошего автора, а еще и удосужился прочесть рассказ, хочу сказать... Ребята! Ну я же знал, что вы расисты!!!» (из благодарственной речи О.Д. на вручении премий «Интерпресскон-2003»).

Мне потом говорят: начинаешь повторяться. А я ответил: еще премию дадут, я в третий раз скажу то же самое. Весело же!

Рассказ «Закон лома для замкнутой цепи» был написан по личной просьбе моего друга А.Щербака-Жукова для сборника, посвященного концепции «умного дома». Стильно оформленный том «5-я стена. 29 фантастических рассказов о жилище будущего» стал помимо всего прочего еще и ПЕРВЫМ тематическим сборником фантастики в истории постсоветской России.

Щербак к рассказам отличные предисловия написал. Меня сравнил аж с Тарантино (Андрей вообще-то по образованию киносценарист). На самом деле я долго соображал, чьи уши торчат из моего текста. Умные люди подсказали — Дональда Уэстлейка. И вправду, похоже.

Как ни странно, нашлись умники, обвинившие автора в розыгрыше антиамериканской кар-

ты. Мол, как не стыдно после терактов 11 сентября издеваться над бедными американцами... Я даже не почесался. А зря. Потому что аналогичные обвинения градом на меня сыпанулись после «Параноика Никанора» и «Эпохи великих соблазнов». Хотя если подходить объективно, на все три рассказа найдется только один действительно хороший человек с гражданством США. Остальные вполне себе ничего.

Но кто в наше время объективно судит литературу? Не каждый профессиональный автор на это способен, обязательно личную оценку подгонит — что уж про эстетствующих интеллектуалов говорить.

И черт бы с ними.

Ничего объяснять не буду. Умному, как говорится, достаточно. То, что США — отражение России в кривом зеркале, а наш раздолбай и американский лузер — близнецы-братья и в общем мир устроен гармонично, ибо не будь промеж нас океана, мы бы друг другу глотки перегрызли именно из-за такой похожести... Это я уже повторять умучился.

Рассказ «Закон лома для замкнутой цепи» впервые опубликован (под назв. «Закон лома») в журнале «Звездная дорога», № 9, 2002. На Всероссийской конференции по проблемам фантастики «Роскон» удостоен приза «Золотой Роскон-2003» в номинации «Повесть, рассказ». На конвенте «Интерпресскон» получил «Интерпресскон-2003» в номинации «Повесть» (бывает с нами и такое!).

* * *

«Вредная профессия» — мой хит. Возможно, лучшее, что я сделал в малой форме. Обожаю этот текст. Рассказ, во-первых, добрый; во-вторых, за-

бавный; в-третьих, про ассенизаторов. То есть полноценная художественная литература. Чего еще надо?

Надо опубликовать. А его никто не берет. А кое-куда просто нести без толку. Потом спросил — да, говорят, не взяли бы, потому что «очень уж вкусно у тебя все это описано».

Ну, думаю, влетел. Главное, текст хороший, жалко, не в Интернет же его вываливать (после этого на бумаге трудно напечататься, а у меня все-таки слабая надежда трепыхалась).

Такой вот написался рассказ нелегкой судьбы.

В 2003 году он принес мне «беляевку». Есть такая медаль от Союза писателей, премия имени Беляева, которая вручается — не падать! — за «научно-просветительскую и культурологическую деятельность». Три медальки капнуло авторам-составителям уникального научно-популярного сборника «Сосуды тайн. Туалеты и урны в культурах мира» от издательства «Петербургское востоковедение». Пользуюсь случаем еще раз поздравить Игоря Алимова и Игоря Хисматуллина (научная компонента сборника), а отдельно Ольгу Трофимову, которую не наградили, — потому, наверное, что она все это безнадежное дело организовала, собрала, отредактировала...

Я там с «Вредной профессией» проект художественно, так сказать, поддержал, а еще название сборника выдумал, и названия разделов тоже мои. Все случайно вышло. Общались люди через Сеть, перекидывались текстиками. Оказалось, ребятам как раз чего-то не хватало, чтобы сборник оформился. Какой-то малости. Рассказ туда — бац! — как пропыра в это самое вписался.

Ах да — спасибо уважаемому коллеге Мельнику! Стоически перенесшему сами догадываетесь что.

«Сосуды тайн» сейчас не купишь. Раритет.

«Вредную профессию» потом бездарно порезали в журнале «Другой». Зато прекрасно отылюстрировали. Что, впрочем, их не извиняет. Но низкий поклон художнику Андрею Кленину.

Так или иначе, а сейчас у «Вредной профессии», которую два года назад никто в упор видеть не хотел, — четвертая уже публикация.

Видно, не зря я этот рассказ люблю.

Впервые опубликован в сб.: «Сосуды тайн. Туалеты и урны в культурах мира». Петербургское востоковедение, — Азбука. — СПб., 2002.

* * *

«Мышки-кошки» такое вообще чудо природы, что даже не знаю, как объяснить. Недаром не публиковалось на бумаге. Я однажды сказал: это не рассказ, а просто текст, и, если к нему не особенно цепляться, — текст хороший.

Сделан он был за одну ночь, из сугубо хулиганских побуждений, для непрофессионального Интернет-конкурса фантастического рассказа. Обычно несколько мало-мальски известных авторов в этом безобразии участвуют «живцами». Чтобы толпа побольше набежала — пободаться.

Там все просто. Независимый арбитр задает обязательное условие, которое участники должны выполнить. Плюс жесткое ограничение по времени (трое суток, кажется) и довольно высокая нижняя планка по объему.

В тот раз арбитрами выступили Генри Лайон Олди, сиречь Дмитрий Громов и Олег Ладыженский. И вlepили задание: каждый рассказ должен начинаться с фразы «Чалый звездолет, трясся соплами, пятился от Гончих Псов». А заканчивать-

ся фразой «А нуль-шишиги все шуршали в черных дырах, сетуя на падение скорости света». Тьфу! До сих пор эту лабуду по памяти без запинки воспроизвожу.

Посмотрел задание и думаю: фиг вам, друзья. Без меня как-нибудь.

Я еще сначала прочел «тряся соплями» — тоже, знаете ли, припадкам энтузиазма не способствует.

Потом выиграл профессиональный азарт. Собственно, что делают «Мышки-кошки» в этом сборнике? Мне захотелось показать вам, как можно слепить пристойный текстик из ничего. Я просто атаковал тему «в лоб». Принял задание как реальную картинку. Никаких иносказаний. Да, чалый звездолет. Да, тряся соплами. Пятится задом. С какой стати? А это производственная драма!

К тому же очень интересно строить текст на сплошном диалоге и с «коллективным персонажем», когда четверо безымянных героев работают фактически как один.

Худо-бедно, а на третье место из восьмидесяти с гаком «Мышки» просочились. Я-то в десятое целился максимум.

Очень показательная реплика одного из участников конкурса (там кто пишет, тот и ставит оценки, такое вот перекрестное опыление): «Основная проблема, которая заставляла меня сомневаться в первом месте этого рассказа, — отсутствие в нем толики серьезности. Никакой глубокой идеи или морали данный опус не несет. Читается на одном дыхании, но запоминается только галлюцинный».

Моя реакция: «Ну, правильно. С идеями и моралью кто угодно сможет».

В принципе я действительно так считаю. Но в

конкретном случае имел место выпендреж. А что еще делать, когда текст, этими самыми моральями нашпигованный, не могут расшифровать?

Еще реплика: «А я жду, когда по «Мышкам-кошкам» поставят радиоспектакль!»

Другой отвечает: «Нет, лучше кино. С Арнольдом в роли галюнного. У него хватка железная!»

Олди сказали, что рассказ полное фуфло.

Но то рассказ. А если снять по «Мышкам» кино, Арнольд его наверняка вытянет.

ПОГРАНИЧНЫЕ ТЕКСТЫ

***Материал подготовлен по заказу «Если» для
основанной журналом серии псевдорецензий на
книги несуществующего издательства «Новая
Космогония».***

Наш гештальт в тумане светит

«Неформатная» фантастика от «Новой Космогонии» становится чем-то вроде социального маркера. Вспоминаю диалог пятилетней давности: «Пелевина читал?» — «Знаешь, как-то он мне не очень...» — «Да ты что, это же самый модный писатель сейчас!» Вот и с авторами-«космогонистами» похожая оказия нынче. Вокруг проекта уже столько шума, что книги покупать не хочется. И тем не менее надо. Ерунда издательство публикует достаточно, но даже ерунда у них — неожиданная. Новый взгляд, свежее дыхание, никаких клонов. А при некотором везении читатель имеет реальный шанс напасть на сущее открытие.

С «Белым квадратом» Андрея Алексеева читателям определенно повезло. Хотя этот роман не столько открытие, сколько... э-э... закрытие.

Предупреждаю сразу: писано сие произведение искусства рукой человека, убежденного в своей безусловной литературной одаренности. Книга сама по себе знаковая, но из разряда «нервных» просить не читать». Издана в авторской редакции, а напрасно. Вот, например, цитатка: «Старший по очереди поглядел в глаза женщинам с картофельными носами, затем уставился на меня. У него были глаза цвета заварки, которую находишь в чайнике, вернувшись домой из месячного отпуска. Очевидно, мои глаза так же мало понравились старшему патрульному, как и его глаза — мне». Или такой, допустим, образчик

речи персонажа: «Прямое нейрозондирование используют, когда надо из человека выкачать мемуары. В остальном оно без юза». Между прочим, цитаты я отбирал не сам, а скачал из Сети — первой там размахивал сам Алексеев, вторая иллюстрировала положительную (!) рецензию на «Белый квадрат» в одном компьютерном журнале. Похоже, ни автор, ни рецензент даже не подозревают, что эти кусочки текста, мягко говоря, не в порядке.

Впрочем, если Сеть продолжит свою борьбу с русским литературным, то по сравнению с шедеврами завтрашнего дня «Белый квадрат» покажется образцом высокой прозы. И вообще, мы сегодня не о прямом качестве текста говорим, а о качестве скрытом, потаенном, дающем право утверждать: книга таки правильная. Нужная. Особенно для молодежи.

Если все расшифровать и перевести на русский, то начинается «Белый квадрат» буднично: искусствовед по прозвищу Шуша («это такой маленький зверек, никак не попадающий в дырку») отправляется в Кремлевский дворец съездов на презентацию. Корпорация «Мацусита» приобрела легендарный «Черный квадрат» Малевича, и теперь это дело с помпой отмечает. Ну, и Шуша подсуетился, добыл приглашение — искусствовед все-таки — в надежде поесть на халяву дорогих японских стимуляторов. «Квадрат» ему, мягко говоря, даже как искусствоведу не интересен.

«Поесть» — это я образно выразился, действие романа отнесено вперед лет на триста, методы питания изменились радикально. Что повлекло за собой интересные новации — прямая кишка, например, у Шуши и его современников в основном для секса. Они там все, бедолаги, раз в неделю устраивают себе «прокачку системы», чтобы

желудочно-кишечный тракт не отсох, и очень из-за этой несообразности мучаются — надо же, человек, царь природы, а без кишечника почему-то мрет. Ладно, в общем, приходит Шуша на мероприятие, ест-пьет (ну, вы поняли), и как-то случайно его притирает веселящейся толпой вплотную к герметичному бронированному саркофагу, заключающему в себе бессмертный шедевр. На картину, понятное дело, всем глубоко наплевать, включая японцев, — она уже куплена, народу предъявлена, короче, свое отработала.

Шуша, который еще не косой, хотя уже слегка взлетает, мельком глядит на «Квадрат» и замечает в нем какую-то несообразность. Присматривается внимательнее и тихо обалдевает. «Квадрат» — не квадратный! В отличие от нашего искусствоведа, «Квадрат» именно косой, причем при ближайшем рассмотрении — Шуша врубает глаза на полную мощность, так-то он их обычно бережет, чтобы не изнашивались, — становятся заметны следы от линейки, по которой подделку наспех малевали.

Несчастный искусствовед тарашится на картину и понимает, что дела его плохи, еще хуже, чем были с утра. А надо сказать, Шуша не просто так просочился на вечеринку — это его последний шанс гульнуть по-человечески, ведь утром нашему герою пришло извещение о новом статусе доступа. Шуша — полный банкрот, на его счете гроши, и, как только он выберет остаток, мир для бедняги утратит привычную степень интерактивности. Игра в футбол за «Манчестер», полисексуальные развлечения в амстердамских борделях, вечерние прогулки под Землей (ну, на Луне не под луной же гуляют), небольшая роль в любимом сериале — все это исчезнет, растворится, и останутся только четыре облезлые стены, кро-

шечное окошко, грязный санузел в одном углу, кормушка-поилка в другом и продавленный диван с секс-машиной посередке.

Правда, кое-что новенькое в жизни Шуши появится — ежедневная изнурительная работа оператором ремонтного комбайна в фекальной канализации. Не-ет, не дистанционным оператором. Наш искусствовед будет натурально трубы чинить, рассекая собой дерьмо. И знаете, в какой-то степени это Шушу утешает. Он, конечно, лузер, но все-таки не идиот... То есть он именно классический идиот — а не дурак, как вы подумали. И записался в ассенизаторы не просто так (ему сначала мусорщиком предлагали), а из собственной художественным натурам утонченной вредности. Вы, может, не догадались — в этом мире насовсем не отключают. Теперь, чтобы зайти в Сеть (а ведь это само по себе дико — специально подключаться), Шуше понадобится терминал вроде нашего компьютера. И сигнал будет кастрированный. Никаких тебе вкусов, запахов, осязаний, ощущений себя другой личностью или механизмом (Шуша обожал быть луноходиком). В общем, хоть вообще в эту Сеть не ходи. Тем более что зарплату Шушину банку-кредитору автоматом переведут.

А вот ходить в Шушу вся Сеть будет по-прежнему. Видеть его глазами, нюхать его носом, осязать его телом. Естественно, не постоянно — кому он нужен, этот маленький страшненький идиотик. Общество помешано на ярких личностях и ярких переживаниях. В большинстве своем и то и другое сконструировано искусственно — среди актеров, например, не осталось ни одного реального человека, — но это мало кого волнует, был бы продукт качественный. Шуша тоже по борделям не в своем обличье гулял (между про-

чим, иногда нашего героя охватывало глубокое сомнение — существует ли на самом деле луноход, не обман ли поселения землян на Марсе и так далее)... Но «живые переживания» тоже пользуются спросом. И если Шуша выдаст по-настоящему мощный эмоциональный всплеск — такой, чтобы зашкалило индикаторы перед внутренним взором остальных пользователей Сети, — огромное количество народа тут же нырнет в его шкуру. И... испытает смертный ужас ассенизатора, захлебывающегося в фекалиях. Со всеми сопутствующими и вытекающими.

Скромная такая, но стильная месть обществу, жить в котором и быть свободным от которого — в сто раз менее нельзя, чем в наши дни.

Обществу победившего глобализма, где сквозная интерактивность всего и всех — лишь производная от полицейского характера государственности.

Обществу, где декларировано всеобщее единение, где никто формально не одинок, и в то же время одинок так, как нам и не снилось, — ведь каждый с раннего детства привыкает к мысли, что его в любую секунду могут просканировать насквозь. А естественная защита в таких условиях — некоторое, как бы сказать, внутреннее омертвление, что ли. Человек, вроде бы намертво повязанный со всем человечеством, на самом деле становится абсолютным, запредельным эгоистом. Этот диссонанс провозглашенного и реального писатель очень четко подметил.

Естественно, от такого автора, как Алексеев, склонного к фиксации на мелочах, «зависающего» на частностях даже в ущерб читабельности и поперек всякой композиции, трудно ожидать, что он забудет подвести солидную базу под то или иное фантастическое допущение. С въедливо-

стью научного работника Алексеев заныривает в предысторию и выдает десятистраничный трактат о том, каким образом на нашей планете сформировался именно такой мир. Нудно, зато убедительно — если забыть об индивидуальной психологии и оперировать исключительно подходами современных политтехнологий. Ваш покорный слуга, откровенно говоря, тяготеет к неоромантизму и в любом уроде старается разглядеть хотя бы рудименты живой человеческой души. Согласно же Алексееву и ему подобным, человеки жестко делятся на три категории — тупое жвачное большинство, страшно далекие от него интеллектуалы (менее процента) и правящая верхушка расчетливых сволочей (отвратная помесь интеллектуала со жвачным). Да, и еще прослойка из бесхребетной obsługi сволочей (к коей и Шуша относился). Симпатии автора, естественно, на стороне интеллектуалов, которые в любом геополитическом безобразии единственная безвинно пострадавшая сторона. Даже если безобразие закручивается с их подачи. Ибо чего умного интеллектуал ни выдумает, олигархическая сволочь обязательно это возьмет на вооружение и низведет до состояния именно что безобразия. Логично?

Логично в рамках искусственно заданного подхода, художественного метода. Для антиутопии в самый раз. Но «Белый квадрат» несколько не антиутопия. Это скорее крик о помощи. Манифест технократа, пребывающего в жестоком экзистенциальном кризисе. Злая и едкая сатира. Жалоба на несправедливость судьбы. И вынесенная на бумагу острая боль от осознания того, что фантастическое предвидение может реально сбыться. Предпосылки-то вот они, налицо.

По Алексееву, мир рушится в пучину тоталь-

ного безразличия, за которым последует всеобщая некомпетентность, которая, в свою очередь, доведет безразличие до полного абсурда. Гигантские корпорации, правящие миром, внешне такие крепкие, на самом деле находятся в состоянии внутреннего распада. Рвутся горизонтальные и вертикальные связи, левая рука не ведает, что творит правая, а главное, не особенно и хочет знать. Феерические по задумке глобальные программы идут по инерции, постепенно вырождаясь в полную свою противоположность. Все усилия тратятся на поддержание видимости жизни в рассыпающемся колоссе — хотя какие там усилия, колея накатана, колеса вертятся. И рухнет это дело обязательно, да с адским грохотом, но когда рухнет, черт его знает, и дата обрушения всем до лампочки. Онова живем.

Сатира, сатира. Кляуза Господу Богу, ибо больше жаловаться нам уже некому. А знакомо как! Киберпанк, говорите? Особый жанр, самая-самая научная фантастика?

Вот полностью аналогичный продукт от гуманитариев — толстовская «Кысь», герой которой с упорством запойного алкоголика механически считывает тексты, совершенно не понимая их смысла. Это ли не знак полного распада — распада *всего*? Просто у Толстой, извините за каламбур, тоньше. Алексеев такими метафорами не владеет, но от этого его текст лишь «народнее», доходчивее в своей жути, ибо автор дотошно и подробно описывает, до какого маразма докатится технокцивилизация, если ее уже сегодня не начать пинать в правильном направлении.

Что интересно — яростно бичуя уродливую псевдотехноидеологию (чтобы было коротко и ясно, я ее двумя словами опишу: «Мир от Гейтса»), автор одновременно пытается защищать

«честного труженика науки» и всякие гайки-железки сами по себе. Брезгливо-презрительная интонация, с которой он описывает приключения Шуши и окружающий его мир вообще, неожиданно исчезает, когда речь заходит о конкретных научных достижениях. Я же говорю — помесь жалобы с манифестом: «Эх, такую бы мощь да в нормальные руки...»

Но мы отвлеклись. Итак, Шуша с душой в пятках глядит на «Квадрат» и думает, как выкручиваться. Единственное, что приходит ему в голову, — немедленно связаться с информационными агентствами и продать им сенсационную новость. Заработав таким образом неприкосновенность (вряд ли его после этого рискнут убить) и определенную сумму, что на какое-то время оттянет неминуемое падение на социальное дно.

И вдруг он понимает, что сделать так — можно. Разрешается.

Это ему японская секьюрити, которая, естественно, засекла, как он возле «Квадрата» с отвисшей челюстью стоит, и решила поинтересоваться, что у парня на душе творится, — как бы виртуально кивнула. Давай, мол, давай. Нам все равно. Ничего не изменится. Картина действительно свою маркетинговую задачу выполнила. Да и подзабыли о ней уже, в Сети полная ротация новостей каждые три часа, не к чему будет пристегнуть куцую твою сенсацию.

И в этот момент господин Шульман (это у Шуши фамилия такая) за долю секунды превращается из мелкого ходячего недоразумения в классического чеховского маленького человечка. Отличный ход! Шуша с неожиданной четкостью и ясностью осознает, что ему совершенно нечего делать в мире, где всем на все до такой степени наплевать («закадровый комментарий» от автора:

зачем японцы первоначально хотели купить «Квадрат»; как по ходу дела два раза перехотели; как потом долго соображали, зачем они его все-таки купили, — если уж японцы докатились до такого маразма... впрочем, «японец» в будущем понятие довольно условное, это скорее принадлежность к корпорации, чем к нации... а тот же Шульман, например, себя называет «московит», причем глазки у него маленькие и слегка раскосые).

Ну, и Шуша, в свою очередь, плюет на этот неквадратный «Квадрат». Буквально. После чего поворачивается и твердым шагом уходит, так сказать, в ассенизаторы.

Только не доходит. Он совершил противозаконное действие, и теперь его хочешь не хочешь, а надо задержать и передать в руки полиции. Что и делается, причем Шуша с перепугу спотыкается, падает на стол из небьющегося стекла, колотит его вдребезги (ну записной неудачник, что с него возьмешь) и весь обливается кровью. Свидетелем происшествия становится офонаревший от японских галлюциногенов журналист. Мгновенно раскручивается маховик новостей — московский искусствовед в знак протеста совершил акт вандализма, пытался уничтожить «Черный квадрат», зверски избит охраной...

Буквально через сутки Шуша, несколько шальной от переизбытка эмоций, но уже четко знающий, как себя вести: а) знаменит на всю планету; б) при деньгах; в) бодро и красочно рассказывает о своей застарелой ненависти к супрематизму, каковая и послужила толчком к тщательно спланированной художественной акции — плевку на саркофаг с «Квадратом»; г) выясняет у адвокатов, стоит ли идти с японцами на мировую, или лучше

довести дело до суда, уж больно серьезная компенсация светит за «зверское избиение».

Японцы тоже довольны, потому что «Квадрат» сработал по второму кругу, лишний раз напомнив, какие они богатые, и снова приподняв акции (на самом деле «Мацусита» пошла на уловку, которой еще в XX веке воспользовалась «Мицубиси», купив ван-гоговские «Подсолнухи», — сделала очень хорошую мину при ужасной игре и таки удержалась от краха).

В общем, все хорошо. Только Шуше во снах — наши потомки спят мало, редко и вполглаза, но все-таки спят — начинает являться кошмарный образ «Белого квадрата». Невидимый объект на белом поле, который Шушу очень пугает своей неразглядимостью. И просыпается бедняга с неприятной резью в новеньких, с иголочки, глазах. Впрочем, он довольно быстро скачивает из Сети хороший психотерапевтический софт, и «Белый квадрат» перестает его беспокоить. Мир по-прежнему загнивает, разваливается и катится в пропасть, все счастливы. Ну, туда им и дорога. Автор изливает финальную дозу яда и с заметным облегчением дает занавес.

Согласитесь, мощно. Роман наконец-то дает однозначно правильные ответы на два навязших в зубах вопроса — «что делать?» и «кто виноват?». Какие ответы? А можно чуть позже, ближе к концу? Сейчас настало время уже рецензенту капнуть ядом. В одном интервью Алексеев признался, что у «Белого квадрата» изначально была совсем другая концовка. Шуша действительно уходил в асенизаторы и там, под Москвой, обнаруживал альтернативную жизнь. В городских коммуникациях действовало нечто вроде Сопротивления «антинародному режиму», там сплоченная команда несогласных ваяла революционные техно-

логии и готовила всеобщий переворот к лучшему. Хакерское подполье, научный энтузиазм, чистота помыслов, вера в светлое будущее и т.п. Позитив. Что интересно, в резиденции главаря повстанцев висел «правильный», квадратный «Квадрат», на который Шуша все-таки, не удержавшись, плевал... И так далее. В общем, проглядывала надежда. «Но я решил, что такая концовка будет натянутой», — сказал Алексеев.

А то! Даже не натянутой она будет, а просто неестественной. Ведь Андрей Алексеев до публикации в «Космогонии» — первой своей настоящей бумажной публикации — был известен как один из лидеров группы «независимых писателей», яростно и громогласно противопоставлявших себя авторам «коммерческим», а киберпанк, «единственную реальную НФ сегодня», тем опилкам, которыми издательства забивают мозги глупенькому массовому читателю. К истине не близко, от истерики не далеко. Яркий образчик механистического подхода к культурным феноменам — подхода, характерного для механистического века. Если потребность в НФ снизилась, значит, народ поглупел. И издатели его нарочно еще оглуляют.

На самом-то деле именно алексеевский «Белый квадрат» убедительно доказывает, что никакого конфликта литератур не было и нет. Просто тех почему-то на бумаге печатают (некоторые сами удивляются, почему), а эти Интернетом утешаются. Вполне в человеческой природе для «этих» решить, что они — лучше. И все.

А в действительности и у тех и у этих одна и та же картина мира в головах. До смешного (или грустного, кому как) одинаковое видение. Всем тут неприятно, и все подсознательно готовы задавить в себе эту неприязнь, но только за деньги и

ненадолго. Потому что за деньги счастья не купишь. Сравнительный анализ текстов показывает: претензии к обществу, государству — мирозданию, наконец! — обе группы авторов предъявляют совершенно аналогичные. Озабоченность и страхи у них совпадают на сто процентов. Только некоторым позарез нужно было социализироваться — ну вот, «Новая Космогония» помогла. И что теперь? А все то же скатывание в пропасть вместе с ужасным нашим миром, только более комфортное.

Характерная черта любого протестного жанра — внутренняя установка на самоуничтожение. Все-таки протест суть проекция вовне некоего страха (заметьте, никакого обидного для киберпанков смысла я в термин «страх» не вкладываю). Но размахивать страхом, как флагом, до бесконечности нельзя. Либо ваша аутотерапия возымеет действие и страх отступит, либо сам повод для страха рухнет а-ля СССР. Тут и жанру конец.

Нет, формально он еще может трепыхаться (вспомним парадоксальный, хотя и объяснимый внутренней потребностью авторов всплеск антисоветской писанины в начале 90-х), давать метастазы в смежные направления, порождать разные «пост» или «гипер» течения. Но живое дыхание жанра прерывается, и значит — что-то произошло. Кончилось, переменилось, началось ли? А вот это самое интересное.

С появлением на книжном рынке «Белого квадрата» можно смело утверждать — сработал внутренний таймер русского киберпанка.

Вы спросите: а он что, вообще был?! Ну, скажем так, русская литература — Большая Литература, без скидок «на фантастику», — породила несомненного предтечу киберпанка. Цикл рассказов Ильи Варшавского «Солнце заходит в До-

номаге» стал блестящим отражением ужаса мыслящего существа перед разбуженным им чудовищем технологической цивилизации. Однако Варшавский с чудовищем расправился — бомбой прихлопнул. Он строил текст в рамках классической литературной традиции, тяготеющей не столько к суровой правде жизни, сколько к диккенсовским «справедливым концовкам». Отчасти на его выбор могла повлиять и общая тревожная напряженность периода «холодной войны», но скорее всего Варшавскому просто не пришлось бы в голову написать на подобную тему авантюрный роман, историю эффективного выживания мелкого уродца в желудочно-кишечном тракте Большого Монстра. В литературной традиции — все той же русской классической — не предусмотрено угла зрения, под которым виден такой персонаж. И это тоже, наверное, справедливо, потому что глядеть особенно не на что. К вашему сведению, Джонни-мнемоник, реальный, а не придуманный, умер. Не было там никакой истории, не о чем оказалось писать. Недаром в рассказах Варшавского любые человеческие отклонения от нормы переваривались Монстром без изжоги и отрыжки. И быстро. Жалко было их, отклонившихся, и ужас сгущался, становясь все ощутимее. Ведь «нормальных» переваривало с тем же результатом, разве что медленнее.

Увы, мы не можем запустить в своего Монстра бомбой, потому что сами у него в кишках. Мы вообще мало что можем, потому что гораздо быстрее делаем, нежели осознаем. Думать быстро умеем, осознавать — увы. Издержка технологического пути развития. Тотальный примат системного подхода над интуицией. Американец знает, что атомная бомба не оружие, пока ее не применишь демонстративно по скоплению живой силы

противника (можно по гражданским и лучше два раза). Это такая слегка приземленная спейсопера. Русский знает, как сделать из пробки от шампанского десять запчастей к «Запорожцу». Это чистой воды героическая фэнтези. А вот араб знает, как парой «Боингов» убить несколько тысяч американцев. Это киберпанк в действии.

Грустно, конечно, но чем скорее мы уясним всю глубину проникновения фантастики в реальность, тем больше останется времени на раздумье, куда идти дальше.

И «Белый квадрат» — роман «стыковой», обозначающий переход в новое качество, от яростной инфантильной ненависти к печальному взрослому пониманию. В нем нет характерного киберпанковского драйва и безбашенности, его основной мотив — разъедающая душу горечь по возможному, но утраченному. Дивного нового мира высоких технологий не будет. Гнусный новый мир высоких технологий — сколько угодно. Киберпанк показал такие убедительные зубы, что никакого смысла писать его не осталось. Нет смысла бояться того, что уже съело и теперь переваривает тебя. Пора бояться того, чем ты станешь после. Пора шагать во взрослую жизнь и открывать новые жанры.

«Кто виноват?» Да ты сам и виноват.

«Что делать?» Что-то другое.

Я бы от себя еще на один вопросец дал ответ.

«Куда мы идем?» Говорят, куда ни иди, все равно придешь к тому же, только с другой стороны.

Говорят, Земля круглая.

Пояснение от рецензента

Классический «Черный квадрат» Казимира Малевича 1915 года написания (вообще их несколько) представляет собой черный четырехугольник на бе-

лом фоне. Ни одна из сторон четырехугольника не параллельна ни одной другой его стороне и ни одной из сторон черной квадратной рамки, которой обрамлена картина. То есть четырехугольник ни в каком случае НЕ КВАДРАТНЫЙ.

Также кисти Малевича принадлежит картина, известная как «Белый квадрат» (авторское название «Белый крест на белом фоне»).

Мир без героев

*Анонимная сетевая публикация
от 1 апреля 2100 года*

Для начала обозначим аксиому. Банальную, но от этого не менее... э-э... аксиоматичную. Тысячелетиями общество выдавливает в свои первые ряды людей, характеризующихся стыдливым термином «человек своеобразный».

На самом деле речь идет о явном отклонении от условной психической нормы. Хотим мы того или нет, в авангарде политики, науки и искусства всегда оказываются граждане не совсем адекватные. Собственно, на то он и авангард. Цитирую словарь: «Подразделение, следующее впереди главных сил с целью не допустить нападения на них противника». Авангардом прикрываются спереди на марше и зачастую безжалостно жертвуют. Зато ядро армии успевает грамотно перегруппироваться. Таким образом решается целый комплекс задач. Минимизация случайных потерь — раз; достижение тактического превосходства или хотя бы баланса — два; обеспечение естественной убыли неуравновешенных личностей, а говоря попросту, героев, — три.

Конечно, третья проблема осознается и решается на уровне бессознательного, причем скорее

коллективного. Сложно поверить, что она вообще есть. Но если взглянуть со стратегических высот, ответ напрашивается сам. В мире окончательно сложился механизм самозащиты человечества от выдающихся личностей, которые могут чересчур «раскачать лодку». Прелесть этого механизма в том, что он необслуживаемый. Вырастает новое поколение, внутри него происходит авто-селекция — вычленение среди безобидных талантов потенциально опасных талантливых лидеров-героев. Расталкивая всех локтями, герои рвутся в бой. И вскоре оказываются на самом верху общественной пирамиды. Что, цель достигнута, можно бросать народы на борьбу с мировым злом? Ан нет. Оказывается, над наковальной президентства завис молот общественного мнения. Стоит тебе дернуться — раздастся шлепок и полетят брызги.

Мы гордимся сдержками и противовесами демократической системы власти. Три столетия понадобилось, чтобы эта штука заработала как следует. В действительности это еще и система защиты общества от героя, при которой и дурак... то есть герой сыт, и мы целы.

Увы, в двадцать первом веке система переросла себя. Она по-прежнему не дает героям взорвать мир, но зато позволяет им валять дурака. Ей надоело опекать психов, она принялась за нас.

Здесь потребуется лирическое отступление. Некоторые помнят, наверное, что расчет критической массы героев (то есть лиц со сниженным инстинктом самосохранения) для отдельно взятых государств уже произведен. Соответствующий текст был вброшен в Сеть ровно год назад. Хвала Аллаху, это сделала группа интеллектуальных хулиганов, и конечные цифры были восприняты обществом как очередная малоприличная

шутка. Хотя если вдуматься, в самом факте публикации исследования на День дураков отражается как внутренний испуг расчетчиков, так и их близость к клинической норме. У этих ребят с инстинктом самосохранения все нормально. Они понимают: нельзя всерьез даже заикаться о том, что в некоторых вполне уважаемых странах число ярких и харизматичных психов, выдвинутых на родине на формообразующие управленческие посты, уже зашкаливает. Хорошо, не будем заикаться, попробуем сказать.

Надвигается очередной припадок героизма власти, т.е. масштабная беда.

Еще немного времени — и что-то может произойти. Что именно? Не знаю. Но в любом случае это будет обставлено как большое хорошее дело, а в действительности — лежать за гранью нормальной человеческой логики.

Нам подsunут трагическую глупость в обертке благодеяния. Одна надежда, что обойдется без массовых жертв.

Давайте посмотрим, отчего такое случается. Примем за основу, что гениальные лидеры не совсем дураки. Однако уже с IQ 125—130 деньги на предвыборную кампанию — это деньги на ветер. Типичного лидера отличает не интеллект, а так называемая пассионарность. Ее условно можно разбить на четыре составляющие. Ощущение своей внутренней значимости; глубокое понимание того, что все кругом идиоты; готовность положить живот на алтарь; неосознаваемое желание встать с алтаря еще краше, чем был. Выражаясь обычным языком, это просто неукротимая жажда власти. Только до поры до времени сублимированная в невероятно мощный призыв.

Но помните, что мы говорили про молот и наковальню? Сегодня, дорвавшись до руля, «отец

нации», скрипя зубами, старается удержаться в рамках действующих приличий. А геройствовать — все равно хочется! Бор-р-ротья!!! И тогда наступает время хорошо спланированных подвигов. В прошедшем веке полигоном для подвижничества все чаще выбирали не отчизну, а какой-нибудь удаленный экзотический край. Где, конечно, и так есть свой Борец-Сын, но у малыша не хватает силенок в борьбе с... ну, допустим, с инфляцией. Или недоинфляцией, переинфляцией, гиперинфляцией, гомоинфляцией, педоинфляцией, некроинфляцией — нужно подчеркнуть. Тут-то и придет на помощь Борец-Отец. А поскольку за его спиной проглядывает угрюмый лик Всемирной торговой организации в роли Борца-Духа-Святого... В общем, начинается ритуальное действие под названием «борьба борьбучая». Страна Борца-Отца счастлива, потому что призванные ритуалом громы и молнии падут на чужую территорию. Дух тоже радуется, ведь Сынуля почувствует крепкую отцовскую руку. Ну, а что делают испокон веку с Сыновьями — за общеизвестностью умолчим.

Побочный эффект создания заграничных полигонов для лидирующего героя и борца — сохранение престижа родного государства. Одна из истинно геройских тактических характеристик — неспособность подолгу оставаться в латентном состоянии. Декомпенсированная психика лидера время от времени должна отводить накопившийся пар в гудок. Ладно, пускай это будет позорище наподобие выплывшего на всемирное обозрение сексуального контакта — не там, не с тем и не так, как положено, — или спонтанного громогласного заявления не в тот адрес, не с той интонацией, да еще и с абсолютно трезвых глаз. Куда страшнее раскрутка многообещающей экономической ре-

формы в относительно благополучной стране. Или борьба за права меньшинств там, где на эти меньшинства до того всем наплевать, что они давно живут себе как хотят.

И на этом фоне — полное безразличие к проблемам, которые действительно нависли над миром. Вспомним, что пугало человечество в XX веке. СПИД, рак, экология, наркотики, советская угроза, исламская угроза, голод в Африке, вспышки подросткового насилия у нас. В XXI — тот же самый набор, только вместо советской угрозы возникла проблема русско-китайской промышленной интеграции. Которая в будущем наверняка трансформируется в русско-китайскую угрозу. Мы все спустили на тормозах! Мы все отложили на потом! Почему?

А потому, что нами по-прежнему управляют герои. Люди, запрограммированные на яркие поступки, но не способные закладывать долговременные программы. И деваться от них совершенно некуда.

Помните, что творилось в странах, переживших ужас тоталитаризма? В сталинской России, гитлеровской Германии или Кампучии времен Пол Пота? Вы не задавались вопросом: отчего после крушения людоедских режимов общественное сознание поощряло ко власти ничуть не лучших маниакальных честолюбцев? Может, по инерции? Или полагая, что клин вышибается только клином? Возможно. Но только через очень короткий срок раздавался дружный вопль: «Хватит с нас пассионариев и харизматиков! Есть в этой стране хоть один приличный управленец?» И кто же взбирался на пьедестал? Все тот же харизматик, только изображающий из себя управленца. Увы, профессиональный менеджер в роли национального лидера — утопия. Стране требует-

ся лидер в роли менеджера, но не наоборот. Будучи губернатором, мэром, промышленником, он должен был проявить характерную черту героя. Совершить поступок; выражаясь буквально, через нечто переступить. И тогда его выпихнут наверх.

Выпихнут, бессознательно защищаясь — а то, чего доброго, полезет туда силой. Наверху он уже будет контролируем. Но извините, а что с него проку, с контролируемого героя? Что он будет делать наверху — изменять жене, разводить демагогию и грозить ядерным кулаком таким же зарубежным бедолагам? У-упс... Обанкротилась наша система!

Это тупик. Верните мои деньги, меня надули. Мир задушил своих героев сдержками и противовесами. И остался кораблем без офицеров. Плыть в состоянии, дойти куда-нибудь — черта с два. Механизм саморегуляции, запустившийся, чтобы оградить нас от гения-злодея, превратился в глобального жандарма, не допускающего прорыва ни в одной мало-мальски значимой области. Двадцать первый век останется самым унылым веком в истории человечества. Как, разве не было достижений? Да сколько угодно. Но это строго ограниченные достижения. Мы надеялись на лекарства от СПИДа и рака? Болезни эти по-прежнему неизлечимы, зато какие у нас потрясающие иммуномодуляторы! Боялись глобальной религиозной войны? Мы ее не допустили просто за ненадобностью — ислам и без войны побеждает. Русские с китайцами? Ерунда, их экспансию можно сдерживать торговыми и энергетическими квотами. Дышать нечем? Вот и русские с китайцами пригодились — уменьшить этим косым славянам квоту на сжигание топлива — и дело с концом. Тем самым оттянем для себя тягостный момент

пересадки на электромобили. Ну не хватило нам века (!) для соответствующей реструктуризации экономики, извините! Да и электромобили наши — дрянь. Что там еще? Озоновая дыра над Австралией болтается? А нечего под ней жить. Африканцы голодают? Будут голодать, судьба у них такая, но все-таки программу стерилизации мы голодающим организуем. Наркотики? А вот вам безопасные психоактивные средства — никакого прямого вреда организму, одни психозы и неврозы. Детишки в школах расстрелы устраивают? Свернуть продажу оружия и ужесточить контроль над показом сцен насилия в кино. Как, все равно стреляют? Ладно, в XXII веке разберемся, что еще нужно у них отнять...

А уж хуже всего замыкание в рамках узконациональных интересов. Казалось бы, единственное спасение от всех бед — внедрить каждому землянину сознание гражданина мира. Пусть он трижды исламист, дважды русский и китаец в придачу, все равно он наш. Мы все — наши. Единый мир. Общие проблемы (они ведь и так общие!!!). Ничего подобного. Все притихли, скукожились и только зыркают перископами из-за таких внешне прозрачных и безвизовых, а на самом деле твердокаменных границ. Тьфу!

Мы окончательно привыкли делать хорошую мину при плохой игре. Вот настоящее и единственное глобальное достижение XXI века. Любую пакость и глупость, всякое своеволие и недомыслие мы в состоянии аргументированно выдать за благодеяние и стратегический расчет. Основа такой политики была заложена еще сто лет назад, когда стало ясно: XXI будет веком катастроф. Мы не хотели, чтобы предсказание сбылось, и не дали ему сбыться. Какой ценой? Перепаснули страшные проблемы следующим поколениям — и все

дела. Нам даже не очень стыдно — мы действительно не знаем, как эти проблемы снять. У нас нет лидеров, способных мобилизовать общество на их решение. Ведь наши лидеры, как и сто лет назад, — прирожденные... лидеры! И мы из всех сил держим их за ошейники.

Не став веком катастроф, ХХI оказался эпохой всемирного торможения. Никаких принципиально новых концепций! Никаких свежих идей! Глупо утешать себя, что так проявился естественный откат после бешеного ритма ХХ, века поистине героического в худшем смысле этого термина. Скорее мы впали в глобальную трудность. И до чего же иногда хочется, чтобы пришел настоящий герой, один-единственный, и сказал: вы что, господа, совсем обезумели?! А ну-ка, быстренько, собрались все вместе и сели за большую стратегическую игру. Вычислим, что нас ждет через сто лет, и сразу же, немедленно, сегодня, начинаем бороться за то, чтобы этого не было. Или было. В общем, бороться, пока не поздно...

«Да он ненормальный! — скажут люди. — Но до чего прав!»

Может, в этом и есть основная глобальная проблема: сумасшедших властолюбцев на планете видимо-невидимо, а для спасения человечества герой требуется всего лишь один.

Вредный совет молодому бойцу

Однажды Вайля спросили, что он думает об удивительной стилистике Довлатова. Маститый публицист вдруг замялся, а потом сказал — ну, вы понимаете, Сережа был очень не уверен в себе и нарочно разработал технику, которая заставляла

бы его писать медленно, сто раз пережевывая каждое предложение...

Видите — даже такая странная авторская мотивация, бывает, служит толчком к созданию уникальных текстов. Для грамотного литератора сработать «под Довлатова» не вопрос. Только на выходе получится либо пародия, либо стилизация. Не будучи Довлатовым во плоти, крайне проблематично стать равнозначным ему на бумаге.

Оригинальный жизненный опыт и своя точка зрения — вот что делает автора невоспроизводимым. Остальное можно повторить. Молодые художники набивают руку, копируя полотна мастеров. Студенты Литинститута пишут рассказы на заданную тему в оговоренном заранее стиле.

И все же — существует ли какая-то связь между литературной «техничностью» автора и успехом его книг? Ни малейшей. Поможет ли вам безукоризненное владение словом выплеснуть на бумагу нечто мощное, глубокое, эпохальное? Не факт. В нашей фантастике попадают выдающиеся по сути тексты, написанные левой задней ногой. А есть пустышки, выполненные на сногшибательном уровне. И то и другое — стопроцентная литература. И то и другое хорошо продается. Уберите из первого внутреннюю силу, а из второго качество исполнения, останется макулатура.

В свое время именно способность выворачивать душу наизнанку сделала русских авторов кумирами планеты. Но все ли наши классики были хорошими стилистами? Когда я читаю Толстого, мне хочется взять карандаш и начать безжалостно вымарывать лишние местоимения, однокоренные слова и прочий мусор. Просто не верится, что это написано через полста лет после смерти

Пушкина. Который, между прочим, мог начать историю с «разорванного действия» — чтобы крепче захватывало. Откройте «Капитанскую дочку», сами посмотрите. Однако непреходящая ценность Толстого совсем в другом (он мастерски взламывал массовые стереотипы, тыча читателя носом в его собственные фекалии), и за это графу многое прощается...

Теперь перечитайте мой «совет» — попробуйте найти два стоящих рядом слова, начинающихся на одну и ту же букву. Не дождетесь. Это «литературное правило хорошего тона», реверанс перед читателем, стилистический фокус, облегчающий восприятие печатного слова.

Много вы знаете современных русских авторов из числа более-менее «раскрученных», способных вытянуть подобное качество текста на протяжении целой книги? Сосчитать — пальцев на руках хватит. Дает ли им владение такими изящными приемами хоть какую-то фору на книжном рынке? Нет. Повышает ли шансы написать шедевр? Два раза «нет». Так может, ну его на фиг — чему-то учиться?! Легко. Тем более что любой текст, увидевший свет, непременно будет кем-то прочитан и кому-то обязательно понравится.

С чем вас и поздравляем.

Послесловие к 4-й части

Старейший наш журнал фантастики «Если» выходит больше 10 лет. Он пережил все мыслимые и немыслимые кризисы, остался на плаву, заработал премию «Еврокон» как лучший «фантастический» журнал Европы и так далее и тому подобное.

Работают в «Если» люди, беззаветно преданные фантастике и много сделавшие для того, чтобы она в России была, в принципе, хорошая и разная. Славные ребята и достойные специалисты.

Периодически они хулиганят.

Так возникают забавные и не лишенные благородного безумия проекты, в некоторых из которых мне довелось поучаствовать. Прелесть их в том, что они «пограничные» — это чистой воды фантастика, более или менее умело замаскированная под публицистику.

Например, на подходе к Миллениуму родилась серия публикаций «Статья из 2100 года». Раз в месяц какой-нибудь известный фантаст сооружал аналитический текст по итогам XXI века. Для майского номера 2000-го такую статью делал я. Назвали ее «Мир без героев», и до сих пор мне кажется, что все примерно так и будет, как написано. Вскрыл-то я сегодняшнюю проблему, которая постепенно набухает и через сто лет вполне может достичь уровня всепланетного маразма.

Материал «Наш гештальт в тумане светит» (опубликован в «Если», № 6, 2002, под назв. «Белый квадрат на черном фоне») — из еще более яркого проекта. Редакция выдумала несуществующее издательство и начала печатать рецензии на мифические книжки.

Сначала в работе участвовали только литкритики. Была такая идея, что они понапридумывают романов, которые им действительно хотелось бы прочесть и отрецензировать — и то и другое с удовольствием. Лично я не заметил, чтобы там вышло нечто супер-пупер. Все-таки критик по природе своей не демиург, а санитар леса. Целый год они старались, но ничего сверхъестественного не родили. То есть получалось-то хорошо, однако скучнее ожидаемого. Или мы, авторы, слишком отчаянно хотели, чтобы нам явили откровение? Наверное.

На следующий год в лямку впряглись писатели, и стало хотя бы смешно.

Им-то как раз и в голову не пришло рисовать синопсисы романов, которые хотелось бы прочитать или, тем более, написать! Авторы начали стесаться и издеваться (в том числе над собой), иногда вываливать на бумагу старые надоевшие заготовки, все равно не годные в дело, и т.д. Или, наоборот, выдумывать книги, которые можно только выдумать, а писать — никак. Я, например, ни при каких обстоятельствах не смог бы сделать «Белый квадрат» — хотя бы потому, что внутренний мир чеховского «маленького человечка» мне совершенно не интересен.

Было очень забавно прихлопнуть стиль «киберпанк» и посмотреть — размажется? Нет, конечно. Литературное течение не мертво, пока у

него есть свой читатель. Более того, чувствует мое сердце, что киберпанк еще переживет ренессанс (правда, от источника он уйдет очень далеко, для самых фанатичных адептов просто чересчур). А «Черный квадрат» картина сильная. Даже без поддерживающей идеологии, всяких там манифестов Малевича — очень сильная.

Потому что не квадратная.

* * *

Статья «Вредный совет молодому бойцу» на бумаге не выходила. Ей и здесь, по идее, делать нечего, но мне кажется, что некоторым она ой как пригодится. Это сугубо «кухонно-профессиональный» текст, отражающий личный, подчеркиваю, ЛИЧНЫЙ взгляд на некоторые моменты, значимые для работы литератора.

Если вы оказались не в курсе, кто такие Петр Вайль и Сергей Довлатов, не отчаивайтесь. Для адекватного восприятия моего вредного совета вполне хватит знания фамилий Толстой и Пушкин.

Я в статье высказался исключительно о технике. А по глубинной сути нашей работы лучше всех проехали два американских классика XX века. Джозеф Хеллер с целым романом «Портрет художника в старости» и Чарлз Буковски с одной-единственной репликой. Честно и точно рубанул: «С писателями просто беда. Если то, что он написал, издается и расходуется во многих экземплярах, писатель считает себя великим. Если то, что он написал, издается и продается средне, писатель тоже считает себя великим. Если же то, что он написал, издается и расходуется очень слабо, писатель все равно считает себя великим. Ну, а если то, что он написал, вообще никогда не изда-

валось, и у него не было денег, даже чтобы напечатать это самому, то тогда он считает себя истинно великим. Истина же заключается в том, что величия во всем этом говне очень мало... Единственное, что верно, — это то, что у самых плохих писателей больше всего уверенности в этом самом величии и меньше всего сомнений в себе».

Сказал как отрезал. Мудр был дядя Бук. Литературный экстремист, потрясатель основ, пьянь и голодранец. С цепким взглядом и тонкой душой. Как только его книги вошли в моду и начали приносить доход, Бук, уже на старости лет, моментально купил приличный дом и черный «БМВ», нашел жену вдвое моложе себя и стал гораздо меньше пить. А тех, кто упрекал его в «обуржуазивании», — посылал.

Он честно заработал право жить как заблагорассудится и никому не объяснять ничего.

Понимаю его позицию и уважаю. Через год или два после того, как написался у меня рассказ «Вредная профессия», я вдруг понял: он сплошь иносказание, ибо не про ассенизаторов, а про литераторов. Странная и временами мучительная работа: говорить за других людей, о людях, для них, ради них. Иногда делать приятно, иногда причинять боль. За деньги. Только за деньги. Иначе какой смысл терпеть сопутствующие неприятности, подчас совершенно дурацкого свойства? Если эта профессия нашла тебя — а ее не выбирают, она сама подкрадывается и набрасывается, — ты просто вынужден смириться с неизбежными издержками.

Во-первых, родные и близкие будут считать, что ты, зараза, ловко устроился: занимаешься какой-то фигней, а тебе за это платят. Может, не скажут прямо в лицо, но почувствовать дадут не-

однократно. На такое отношение нарывается почти каждый из наших.

Во-вторых, счет людей, хотя бы единожды пожелавших тебе немедленной мучительной смерти, пойдет на десятки тысяч — если ты, конечно, стараешься быть честным автором и резать правду-матку. Тупым ржавым скальпелем.

В-третьих, однажды старшие коллеги объяснят тебе, что массовому читателю плевать, КАК написана книга: ему главное ПРО ЧТО, и желательно поменьше длинных слов. А ты уже и сам понял — да, такая вот грустная несправедливость, — только не хотел признавать это. Еще тебя будет доставать то, что ты начитаннее самого образованного своего поклонника, и хотя он весь в дипломах, а ты народный умелец, но отсылки к классической литературе и всякие культурологические фишечки, разбросанные по тексту, не работают ни-чер-та и никаких бонусов автору не дают.

В-четвертых (специфическая проблема тех, кто пишет фантастику), ты постоянно будешь сталкиваться с ошибочными дешифровками своих посланий. Зачастую тебя понимают с точностью до наоборот и именно поэтому — вот парадокс — нежно любят. Или не любят. Причем страдают этим как читатели, так и литературные критики.

И еще одна сугубо «фантастическая» деталь — люди, пишущие «современную прозу», считают тебя литератором третьего сорта.

В то же время для текстовика-профессионала, намеренного совершенствоваться, пройти огонь, воду и канализационные трубы и отточить собственную неповторимую интонацию, фантастика — отличный тренировочный полигон. Только ее любить надо искренне, и она тебе добром от-

платит. У меня на глазах отличные авторы на этой ниве проросли.

Формально я принадлежу к плеяде, которую библиограф Е. Харитонов метко обозвал «поколением пограничников». Объединяет нас то, что мы родились в 1967—1970 годах и выросли в СССР, а жить пришлось уже кому где и кому как. Алфавитно: Бессонов, Васильев, Дивов, Лукьяненко, Прошкин, Тырин — сами посудите, совсем разные писатели. Хотя когда мы встречаемся, то очень мило выпиваем и говорим о литературе. Нам делить практически нечего, именно потому, что разные.

Я из нашей братии единственный «текстовик по жизни», который в 14 лет начал публиковаться как журналист и дальше ничем, кроме текстов, не кормился. Зато у меня и образования нет, в этой графе я гордо пишу «2,5 курса журфака МГУ и 2 года армии». Москвич, русский, из семьи потомственных художников-реставраторов. Занимался профессионально рекламой, когда она только становилась профессией. Осенью 96-го принес в ЭКСМО первую книгу. О чем и зачем писал до 2000 года — всех, кого интересует этот вопрос, отошлю к эссе «Как я был экстрасенсом», вышедшему в авторском сборнике «Толкование сновидений». Чем занимаюсь сейчас?.. Уже говорил, той самой оборонной фантастикой. Любимая тема — проблема выбора в нестандартной жизненной ситуации.

Когда я заявил, что лозунг русской фантастики — «Несем х...ню в массы!», некоторые коллеги посмотрели на меня косо. А зря. Дело в том, что мы работаем для людей. Кое у кого суммарные тиражи давно перевалили за миллион. У меня уже с пол-лимона напечаталось. Это, конечно, большая радость, но и громадная ответственность.

И когда узнаешь, что фэны автора Д. прямо в книжном магазине (находящемся на территории государства Израиль, что придает ситуации особый цимес) подрались с поклонниками автора Л. ... Каковые авторы в это время совместно выпивали и закусывали... Знаете, не испытываешь ничего особенного, кроме легкого недоверия к поступившей информации.

Потому что ты вроде бы с совсем другими целями книжки пишешь.

Но и с этим тоже приходится смириться.

Главное, не воспринимать происходящее вокруг текстов: ругань, непонимание, пренебрежение, зависть — как повод для трагического заламывания рук. Лучше наоборот: чем больше твоих книг на рынке, тем больше хороших людей их прочитает. И может быть, почувствует благодаря твоей писанине, что наш мир не так уж безнадежен.

И надо двигаться, расти, меняться. В этом году впервые мой рассказ взяли в один из так называемых «толстых литературных журналов». Впереди новые — совсем другие — книги. Новая жизнь.

Хорошо будет, если этот новый Дивов вам тоже понравится.

Июль 2003

Содержание

Часть 1. К-10.	5
К-10.	7
Послесловие к 1-й части	151
Часть 2. ЭПОХА ВЕЛИКИХ СОБЛАЗНОВ	153
Параноик Никанор	155
Эпоха великих соблазнов	202
Послесловие ко 2-й части	267
Часть 3. ВРЕДНАЯ ПРОФЕССИЯ	271
Закон лома для замкнутой цепи	273
Вредная профессия	321
Мышки-кошки	350
Послесловие к 3-й части	373
Часть 4. ПОГРАНИЧНЫЕ ТЕКСТЫ	379
Наш гештальт в тумане светит	381
Мир без героев	395
Вредный совет молодому бойцу	402
Послесловие к 4-й части	405

Дивов Олег Игоревич

К-10

*Издано в авторской редакции
Ответственный редактор Д. Малкин
Художественный редактор А. Сауков
Технический редактор Н. Носова
Компьютерная верстка И. Ковалева
Корректор Е. Холявченко*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.*

*Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru*

*Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru*

*Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:*

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12
(м. «Сухареvская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 78-48-66.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.01.2005.
Формат 84х100¹/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 20,28. Уч.-изд. л. 16,5.

Тираж 5 000 экз. Заказ № 209.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109

СТРАНА ИГР

160
СТРАНИЦ
2 РАЗА
В МЕСЯЦ

**Вы первыми узнаете,
во что все будут
играть завтра**

В МИРЕ ЕЖЕДНЕВНО ВЫХОДЯТ ДЕСЯТКИ ИГР
НА САМЫХ РАЗНООБРАЗНЫХ ПЛАТФОРМАХ:
PC, PLAYSTATION 2, XBOX, GAME CUBE, GBA.

МЫ ПОМОЖЕМ ВАМ РАЗОБРАТЬСЯ
В ЭТОМ КРУГОВОРОТЕ
И СДЕЛАТЬ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР

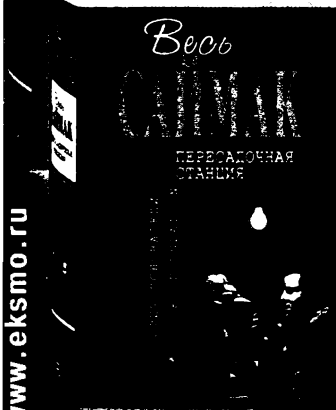
Клиффорд

САЙМАК

ВС

ОСНОВ

www.eksmo.ru

Клиффорд Саймак –
патриарх научно-фантастического жанра,
один из крупнейших американских фантастов,
автор свыше тридцати романов,
лауреат многочисленных литературных премий,
в том числе и самой престижной
в американской фантастике
премии «Хьюго».

Также в серии:
«Игрушка судьбы»

В серии «Отцы-основатели»
выйдет полное собрание сочинений К. Саймака!

ВЕЩАНИЕ ВАДИМ ПАНОВ В СЕТИ!

www.vadimpanov.ru

www.t-grad.com

Дорогие читатели!

С радостью сообщаю, что совсем недавно в Сети появился сайт www.vadimpanov.ru, на котором Вы найдете подробную информацию обо мне и моих книгах, сможете задать интересующий вопрос или узнать о планах на будущее. Кроме того, полностью обновлен известный всем сайт t-grad.com. На его страницах появилось больше материалов о Тайном Городе.

Жду Вас!

Самое фантастическое у Дивова — это заурядная крутизна персонажа по имени Олег Дивов.

«Литературная газета»

...Главный персонаж — мачо, крутой парень из нашего города. Это усеченный ход, потому что настоящий мачо — фигура фантастическая... В Сети и среди фэнов этот образ переносится на самого Дивова. Он становится фантастической фигурой — если это PR, то грамотный, поскольку сам Олег в прошлой жизни профессионально занимался рекламой.

«Ex Libris»

Дивовские тексты лишены дидактики, они никого не сажают за парту и не падают «разумное, доброе, вечное», «не учат добру», не ваяют идеал для подражания.

Для многих прозвучит странно, но в нижонстве Дивова, в его любовании героями больше смирения, чем в попытках многих современных прозаиков приписать своим текстам не свойственную литературе воспитательно-религиозную функцию.

«Русский УдодЪ»

Герои Дивова настолько отождествляются народным сознанием с автором, что автора наделили всеми общими чертами его героев. Не стоит, господа. В книги вкладывают душу. Остальное — мифология.

Реплика в Сети

ISBN 5-699-09795-3

9 785699 097951 >